

Московский журнал международного права



ПРОФЕССОРА,
ДОКТОРА НАУК

- Г.М. ВЕЛЬЯМИНОВ:
НОВАЦИИ ВТО
- Б.В. ГАНЮШКИН:
ДЕЛА КОНСУЛЬСКИЕ
- О.И. ТИУНОВ:
БЛЕСК ИДЕЙ ЛУКАШУКА
- Э.В. РТВЕЛАДЗЕ,
А.Х. САИДОВ: КАКОЙ
БЫЛА ДИПЛОМАТИЯ
В АЗИИ 3000 ЛЕТ НАЗАД

Moscow Journal of International Law

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель
Ю. М. КОЛОСОВ (Москва)
ЧЛЕНЫ РЕДСОВЕТА:
Н. И. АКУЕВ (Алма-Ата),
Э. Д. БЕЙШЕМБИЕВ (Бишкек),
И. И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига),
В. Г. БУТКЕВИЧ (Киев),
Р. В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси),
Г. В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),
А. Л. КОЛОДКИН (Москва),
В. В. КОЧАРЯН (Ереван),
Г. И. КУРДЮКОВ (Казань),
Б. П. ЛИХАЧЕВ (Москва),
С. А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург),
Л. В. ПАВЛОВА (Минск),
В. П. ПАРХИТЬКО (Москва),
А. Х. САИДОВ (Ташкент),
Л. А. СКОТНИКОВ (Москва),
А. В. ТОРКУНОВ (Москва),
А. А. ТРЕБКОВ (Москва),
М. О. ХАИТОВ (Ашхабад),
Ю. Ю. ШАТАС (Вильнюс),
В. Н. ЯКОВЛЕВ (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
В. П. ПАРХИТЬКО
ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:
Л. Б. АРХИПОВА,
К. А. БЕКЯШЕВ,
И. П. БЛИЩЕНКО,
А. А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ,
И. И. КОТЛЯРОВ,
В. И. КУЗНЕЦОВ,
Е. Г. ЛЯХОВ,
Ю. Н. МАЛЕЕВ,
А. И. МУРАНОВ,
В. Г. НЕСТЕРЕНКО (заместитель
Главного редактора, ответственный
за английское издание),
Т. О. РАМИШВИЛИ,
В. А. РОМАНОВ,
Ю. М. РЫБАКОВ,
Г. П. ТОЛСТОПЯТЕНКО,
Б. Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (первый
заместитель Главного редактора),
И. Г. ФОМИНОВ,
О. Н. ХЛЕСТОВ

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке международной юридической фирмы "ММЦПик"

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ЮРИСТОВ"**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

Адрес издательства: 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
телефон 975-12-63; телефакс 200-22-04

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон/телефакс 434-94-52

Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32
НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.
телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38.

Московский журнал международного права

Moscow
Journal
of International
Law

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 1995 года — на английском,
с 1997 года введен
на обоих языках
в систему INTERNET:
www.diplomat.ru/mjilaw/

Выходит один раз в три месяца

январь—март

№ 1/99/33

СОДЕРЖАНИЕ

События 1998 года в нашей науке

- Выход еще одного журнала о международном праве. Междуна-
родная конференция о Мировом океане 5

50-летие Всеобщей декларации прав человека

- Торкунов А.В. Всеобщая декларация прав человека и культу-
ра мира 8
- Сафин Ф.М. (Уфа). Защита прав граждан в деятельности су-
дебных и правоохранительных органов 12

Права человека

- Решетов Ю.А. Возбуждение национальной вражды: мировая
практика 17

Вопросы теории

- Ушаков Ю.В. Третье тысячелетие приближается 20
- Вагизов Р.Г. (Казань). Реальный федерализм как фактор ста-
билизации российского общества 22
- Трунцевский Ю.В. (Рязань). Международное пенитенциар-
ное право как отрасль международного права 28
- Пряхин В.Ф. Конфликты региональные — проблемы глобаль-
ные 38

Международное частное право

- Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж и
обеспечительные меры 60

Международная безопасность	
Тузмухамедов Б.Р. Некоторые правовые проблемы операций по поддержанию мира	69
Международное и внутригосударственное право	
Гришко Е.А. Проблемы борьбы с преступными сообществами	85
Международное торговое право	
Вельяминов Г.М. Порядок урегулирования споров во Всемирной торговой организации	96
Морское право	
Мамедов Р.Ф. (Баку). Международно-правовой статус Каспийского моря как пограничного озера	110
Страницы истории	
Ртвеладзе Э.В., Сандов А.Х. (Ташкент). Дипломатия стран Центральной Азии в древности	118
Кхампхонг Пх о м м а п а н ъ я (Лаос). Исторический опыт развития взаимоотношений между ЛНДР и РФ	137
Мнения из регионов	
Гаврилов В.В. (Владивосток). Приморский край как самостоятельный участник международных связей (проблемы правового статуса)	142
Наши справки	
Ясносокирский Ю.А. Австрийский центр по изучению проблем мира и урегулированию конфликтов	148
Хроника	
Лукашук И.И. 50-я сессия Комиссии международного права ООН	151
Герхард Шрёдер в МГИМО	162
Трибуна преподавателя и студента	
Цапко А., Козловский А., Ковбасюк Г., Зезюлина Н., Подолина Ю., Семенов А., Мустафаева Д., Лихолетова И., Лелюх Н. Что думает сегодняшний студент о значении международного права для его будущей профессии и жизни?	164
Кто есть кто в нашей науке и практике	
Барчукова Наталия Кировна (Москва). Бирюков Павел Николаевич (Воронеж). Гаврилов Вячеслав Вячеславович (Владивосток). Павлова Людмила Васильевна (Минск). Панов Владимир Петрович (Москва). Сафин Фаниль Масгутович (Уфа). Скачков Никита Геннадьевич (Москва). Ровнейко Вера Владимировна (Ижевск)	170

Книжная полка

- Старушенко Г.Б. Серьезное научное исследование (рецензия на учебное пособие Калугина В.Ю., Павловой Л.В., Фисенко И.В. "Международное гуманитарное право". — Минск, 1998. — 175 с.) 182
- Филатов В.П. "Сравнительное право": учебная дисциплина или полезный справочник? (Рецензия на двухтомник Цвайгерта К., Кётца Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — Пер. с нем. — М., 1998) 184
- Ковалев А.А. Еще один добротный учебник (об учебнике "Международное публичное право". Под ред. К.А. Бекяшева. — М., 1998. — 608 с.) 187
- Моисеев Е.Г. Уникальный сборник документов (о сборнике документов "Международное частное право". — М., 1997. — 973 с.) 189
- Тиунов О.И. Фундаментальные проблемы международного права (о книге И.И. Лукашука "Нормы международного права". — М., 1997. — 322 с.) 193
- Шишаев А.И. Ядерные наследники СССР. О русском издании доклада "Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный контроль)", подготовленном Монтеррейским институтом международных исследований (США) и изданном "Фондом Карнеги за международный мир" 198
- Лангстрём Тарья (Финляндия). Россия в переходный период: эволюция международно-правовых доктрин. Сравнительный анализ учебников "Международное право" под ред. Г.И. Тункина (М., 1982) и под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова (М., 1995) 202

Документы

Визит Б. Клинтона в Россию. Совместное заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI века. Совместное заявление о ситуации в Косово. Совместное заявление о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны. Совместное заявление об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении. Совместное заявление о протоколе к Конвенции о запрещении биологического оружия. Совместное заявление о торговом, инвестиционном и технологическом сотрудничестве и контактах по линии неправительственных организаций. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки о повышении безопасности полетов. Меморандум о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки по сотрудничеству в области расследования и предотвращения авиационных происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами. Меморандум о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Аме-

рики о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации	236
Устав Ассоциации международного ядерного права (АМЯП). Вступительный комментарий Юозаса Ю. Шатаса (Вильнюс) ...	257
Материалы 41-го общего собрания Российской ассоциации международного права, 30-го (юбилейного) собрания Российской ассоциации морского права и Международной конференции "Международно-правовые проблемы Мирового океана". Вступительный комментарий С.А. Ключевой (руководитель бригады корреспондентов), Р.А. Богдашкина, С.М. Гаджинской, Е.Б. Соколовой, Д.Ю. Швеца, Д.В. Юрченко	265
Итоговый документ Всероссийской научно-практической конференции "Правозащитное движение и механизмы защиты прав и свобод человека". Вступительный комментарий И. Баженовой, Н. Лелюх, Ю. Подолиной	283

Информация

Пархитко В.П. В Исполкоме РАМП	286
Заявление Российской ассоциации международного права (по поводу нападения НАТО на Югославию)	290

Некрологи

Жудро Андрей Константинович	292
Мовчан Анатолий Петрович	293
Моджорян Лидия Артемьевна	296
Шатров Вячеслав Павлович	297

"Московский журнал международного права" является правопреемником "Советского журнала международного права", созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием "Московский" (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редколлегией. Вместе с тем публикация материала в "Московском журнале международного права" не всегда означает, что Редколлегия разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

События 1998 года в нашей науке



Выход еще одного журнала о международном праве

Появился еще один новый общероссийский журнал “Международное право — International Law”. Его учредителями стали Российский университет дружбы народов, Институт международного права, Российская ассоциация содействия ООН и коллектив редакции.

Выход журнала приветствовали и прислали свои поздравительные послания тогдашний министр иностранных дел Российской Федерации, а ныне Председатель Правительства России Евгений Максимович Примаков, Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Михайлович Лебедев, в те дни ректор Российского университета дружбы народов, а теперь министр общего и профессионального образования Владимир Михайлович Филиппов, председатель Российской ассоциации содействия ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, ректор Московского государственного

института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации Анатолий Васильевич Торкунов.

Помимо разнообразных и полезных для любого юриста-международника статей и материалов в нем опубликованы имена первых лауреатов Международной премии Гуго Гроция за 1997 год (с указанием, за что получена эта премия). Эта международная премия имени основателя современного международного права, крупнейшего юриста-международника Голландии учреждена совместно Организацией Объединенных Наций (в лице ее Информационного центра в Москве), Посольством Королевства Нидерландов в России и редакцией журнала "Международное право — International Law". Вот имена первых награжденных, известных теперь во всей России и даже в мире:

- Колосов Юрий Михайлович (Москва);
- Старушенко Глеб Борисович (Москва);
- Блищенко Игорь Павлович (Москва);
- Щербинина Ольга Евдокимовна (Красноярск);
- Королев Матвей Анатольевич (Москва);
- Галяметдинова Анна Юрьевна (Казань).

В журнале с этого первого номера читатель начинает знакомство с научными и учебными центрами, связанными с изучением и преподаванием международного права. В частности, подробно рассказывается об Институте международного права, который работает в тесном сотрудничестве и в некоторой степени на хозяйственной базе Российского университета дружбы народов.

Все материалы журнала разбиты на два больших раздела: "Теория" и "Практика". Под этими рубриками выступают известные юристы-международники, доктора наук, профессора И.И. Лукашук, А.Х. Абашидзе, Г.П. Жуков. Наряду с ними много интересных статей публикуют и менее известные авторы. Но, пожалуй, одну статью, как и ее автора, следует выделить особо. Это — статья В.В. Похлебкина "К вопросу о двух прибалтийских проблемах, занимающих умы в России, и о неумении российских государственных деятелей находить им правильное объяснение и адекватные ответы".

Здесь же опубликованы также Шенгенские соглашения (о том, как можно передвигаться по "шенгенской Европе", получив всего лишь одну визу).

Журнал выходит три раза в год.

Международная конференция о Мировом океане

Международная конференция “Международно-правовые проблемы Мирового океана”, которая проходила в Москве 2—6 ноября 1998 г. одновременно с 41-м ежегодным собранием Российской ассоциации международного права и 30-м ежегодным собранием Российской ассоциации морского права, явилась ярким событием в жизни юристов-международников России. В Москву съехались гости из более чем 40 зарубежных стран, представители многих международных и национальных юридических организаций и, конечно, отечественные юристы — всего числом более 300 человек.

В этом событии впервые приняла участие большая бригада корреспондентов “Московского журнала международного права” и журнала “Международное право — International Law”. Вы видите их на снимке (слева направо): Сергей Покладов, Светлана Ключева, Всеволод Пархитко, Владимир Ермолаев, Светлана Гаджинская, Дмитрий Швец, Елена Соколова и Роман Богдашкин.



50-летие Всеобщей декларации прав человека

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРА МИРА

А.В. Торкунов*

Закономерно, что, отмечая 50-летие Всеобщей декларации прав человека, мы постоянно говорим о будущем — о будущем России и будущем всего мира. Действительно, значение Всеобщей декларации заключается в том, что она создает своего рода **общую целевую и нравственно-правовую рамку** для поколений, входящих в XXI век.

Базовые принципы и ценности, утверждаемые Всеобщей декларацией в качестве нормативной и практической целевой задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, имеют, как известно, **универсальный характер**. Вместе с тем реализация этих прав и свобод, в свою очередь, предполагает и определенные **условия**, и прежде всего **состояние мира** — мира между государствами, между народами, между отдельными людьми.

Вот почему, говоря сегодня о Всеобщей декларации прав человека, мы не можем не говорить и о задаче преодоления многовековых традиций культуры войны и формирования **культуры мира** как коренной предпосылке, обеспечивающей условия для реализации этих прав. Речь идет прежде всего об уважении жизни человека, **всех прав всех людей**, отказе от любых форм насилия, предупреждении насильственных конфликтов путем устранения их причин, о терпимости, признании ценностей плюрализма, культурного многообразия, развитии диалога и взаимопонимания между народами, этническими, религиозными, культурными и другими группами и между отдельными людьми.

Сказанное имеет **особое значение применительно к России**, поскольку только после нашего недавнего выхода из тоталитарного

* Ректор МГИМО(У) МИД РФ, профессор, доктор политических наук.

прошлого, после начала нашего движения к демократии стало возможным не только открыто говорить, но и в практической плоскости решать вопросы, связанные с обеспечением прав и свобод человека, с формированием и распространением культуры мира. Именно в “транзитных”, “переходных” странах, которые сегодня осуществляют сложнейшие и болезненные процессы общественной, политической и культурной трансформации, крайне остро стоит потребность в утверждении и развитии культуры мира.

Причем для нас сегодня культура мира — это не утопическое пожелание, а **прагматический ориентир реальной политики**, направленный на сдерживание разрушительных и насильственных тенденций, агрессивного национализма и шовинизма, ксенофобии и фундаментализма, терроризма и организованной преступности, особенно проявившихся после конца “холодной войны” и коллапса коммунизма.

Очевидно, что не может быть прав человека на земле, на которой нет мира. Вот почему ценности культуры мира не только **органично созвучны** принципам Всеобщей декларации прав человека, но и **взаимодополняемы**.

Вместе с тем здесь есть важный нюанс: Всеобщая декларация в большей степени (хотя и не исключительно) реализует себя в **правовой** области, тогда как культура мира — в **морально-ценностной**. Это, собственно говоря, и подчеркивает Устав ЮНЕСКО, когда говорит: “Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира”. Поэтому недостаточно просто “отменить” войну, поставить ее вне закона, нужно воздействовать на ее глубинные корни, уходящие в культуру.

Ключ к этому лежит прежде всего в сфере **воспитания и образования**, причем в самом широком смысле слова. В этом — особая ответственность, которая лежит на нас, университетских работниках, ученых и воспитателях.

Не случайно Организация Объединенных Наций рассматривает образование в духе мира, прав человека и демократии в качестве **практической задачи**, которая должна решаться на всех уровнях воспитания и образования — от дошкольного до послевузовского. Этому посвящен и целый комплекс практических мероприятий ООН — Десятилетие образования в духе прав человека (1995—2004 гг.), Год ООН, посвященный терпимости (1995 г.), Международный год за культуру мира (2000 г.) и др.

Откровенно говоря, здесь перед нами множество нерешенных проблем.

Действительно, в последнее время появляются определенные положительные сдвиги в области преподавания прав человека. Об

этом, равно как и о сохраняющихся проблемах, говорилось, в частности, не так давно в ходе проведенной Комиссией по правам человека при Президенте РФ Всероссийской научно-методической конференции по преподаванию прав человека (30 июня — 2 июля 1998 г.), по результатам которой были подготовлены интересные и полезные предложения для Министерства образования и целого ряда других ведомств и организаций.

Но не менее, а подчас и более сложные задачи стоят в области воспитания в духе мира, формирования и распространения культуры мира всеми средствами современного образования. Отрадно, что в последнее время в российских вузах появляются кафедры, специализирующиеся на проблемах прав человека, культуры мира, толерантности. Кстати, одним из лидеров в этой важной образовательной области выступил Московский государственный институт международных отношений.

Однако множество проблем сохраняется. И носят они не только **организационный характер** (ограниченность средств, отсутствие учебных программ и пособий, подготовленных преподавательских кадров всех уровней и др.), но и **научно-методический**.

На некоторых из последних я остановлюсь.

Во-первых, разрабатывая и внедряя образовательные практики в области культуры мира, важно уже изначально заложить в наши методические материалы **широкое позитивное понимание мира**. Мир — это не просто отсутствие войны. Речь идет о позитивном содержании мира как динамично развивающегося процесса, основанного на широком общественном участии и неразрывно связанного с распространением и совершенствованием демократических принципов и норм, социально-экономическим прогрессом, устойчивым развитием, защитой окружающей среды и др.

Во-вторых, образование в духе мира отнюдь не означает наивного прекраснотушия. Мы не закрываем глаза на **существующие конфликты** и на **необходимость глубоких социальных преобразований**: культура мира однозначно выступает за общественное развитие, но на основе диалога и переговоров. Культура мира признает, что социальные изменения неизбежны, что они представляют собой императив современности, но осуществляться они должны как непрерывный процесс, имеющий ненасильственный характер. Не случайно в послании Генерального директора ЮНЕСКО участникам международной конференции “От стереотипов войны — к идеалам мира через культуру и образование” (Москва, 8—9 декабря 1997 г.) применительно к содержанию и смыслу культуры мира подчеркивалось: “Это призыв к глубоким социальным изменениям, но одновременно и призыв к отказу от насилия”.

В-третьих, чтобы образовательные программы в области культуры мира были действенными, состояние мира не может постулироваться лишь как идеальная цель. Необходимо объяснить учащемуся, студенту, что культура мира предполагает трудный **процесс реального движения к этой цели**, в том числе через преодоление препятствий (политических, институциональных, культурно-психологических и иных). Напомню в связи с этим, что в Сводном докладе для Организации Объединенных Наций, подготовленном ЮНЕСКО (Париж, апрель 1998 г.), подчеркивается, что “культура мира не является только конечной целью, к достижению которой надо стремиться. Она является также всеобъемлющим **процессом** институциональных преобразований и долгосрочных действий, направленных на укоренение в сознании мужчин и женщин идеи защиты мира”.

В-четвертых, разрабатывая конкретные методические программы в области образования в духе мира, важно избежать своего рода “культуртрегерства”. Дело в том, что, будучи, как и Всеобщая декларация прав человека, универсальным ценностным императивом, культура мира развивается в каждой стране **в контексте конкретных исторических, социально-культурных и экономических факторов и условий**.

Тем не менее эта конкретная специфика не снимает вопроса о всеобщем, универсальном характере ценностей культуры мира. Так, в уже упомянутом мною Сводном докладе ЮНЕСКО для ООН подчеркивается, что нормы и ценности культуры мира “лежат в основе общепризнанных этических норм и показывают, что, в сущности, многие из важнейших ценностей являются общими для всех обществ с давними этическими традициями и что не существует глубокой пропасти между ценностями, разделяемыми различными группами стран, между Севером и Югом, Востоком и Западом”.

Конечно, это лишь некоторые из реальных и весьма актуальных проблем, связанных с содержанием и методикой образования в духе культуры мира. Здесь для всех нас остается очень много работы — научной, образовательной, воспитательной.

Памятуя о полезных результатах проведенной летом Всероссийской научно-методической конференции по преподаванию прав человека и важных идеях, высказанных в ходе нашей нынешней конференции, я считал бы целесообразным всем нам подумать об организации в будущем году в России научно-методической конференции по культуре мира, в частности по образованию в духе мира, навстречу Международному году ООН за культуру мира (2000 г.).

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ф.М. Сафин*

Принятие Организацией Объединенных Наций полвека назад Всеобщей декларации прав человека — всемирно историческое событие, которое будет иметь непреходящее значение в жизни всех последующих поколений.

В нашей стране долгие десятилетия господствовала идеология, в основе которой лежало утверждение о том, что права и свободы советского человека защищены как нигде в мире. И это говорилось даже тогда, когда лагеря и тюрьмы были переполнены и в них содержалось множество ни в чем не повинных людей.

В ноябре 1991 года Верховный Совет Российской Федерации принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина. А 5 ноября 1993 г. была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина в Республике Башкортостан.

Эта дата стала важной точкой отсчета на пути развития молодой демократии в нашей Республике. В Декларации, как и в Конституции Республики Башкортостан, права и свободы, честь и достоинство человека и гражданина объявлены высшей ценностью. Причем они не просто провозглашены, но и гарантированы созданием соответствующих механизмов, необходимых для осуществления конституционных прав граждан Республики.

Государственное собрание Республики Башкортостан создало обширную нормативную базу, которая в совокупности с российским законодательством в необходимом объеме регламентирует деятельность наших судебных и правоохранительных органов.

Одним из главных гарантов реализации прав граждан является суд. Именно на суд общество и государство возлагают особую ответственность за правильное проведение законов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека. Жизнь и здоровье, честь и достоинство, права и свободы человека и гражданина — это те ценности, которые подлежат первоочередной защите во всех сферах государственной и общественной жизни.

Конституцией Республики Башкортостан установлены равенство всех перед законом, право на защиту от обвинения в преступлении, презумпцию невиновности и равноправие сторон, открытое

*Министр юстиции Республики Башкортостан. Эта статья сделана на основе выступления автора на Международной конференции в Уфе 16 августа 1998 г.

разбирательство дел в суде, право на защиту прав и свобод от каких бы то ни было посягательств, право граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся юридические гарантии, закрепляющие этические принципы и нормы. Согласно ст. 60 Конституции, никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется законом. Конституция предусматривает обеспечение охраны прав потерпевших и компенсацию государством причиненного ущерба. Существенной гарантией прав также является получение юридической помощи.

Соблюдение таких положений, как неприкосновенность личности, частной жизни человека и его жилища, — важнейшее условие для осуществления правосудия во всех сферах. Все эти предписания имеют важное значение для создания надлежащих условий, необходимых для осуществления правосудия по уголовным, гражданским и арбитражным делам.

У нас действуют законы “О статусе судей Республики Башкортостан”, “О Верховном суде Республики Башкортостан”, “О Конституционном суде Республики Башкортостан” и др. В 1998 году принят закон “О судебной системе Республики Башкортостан”, устанавливающий единство судебной системы Республики как части судебной системы Российской Федерации. Кроме того, принят закон “О мировых судьях в Республике Башкортостан”, реализация которого позволит в будущем повысить эффективность судебной деятельности, облегчить доступ граждан к обращению в суд.

Конституция Республики наделяет суды широкой компетенцией, соответствующей статусу органа самостоятельной ветви государственной власти. Эта компетенция распространяется на все без исключения дела о защите прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц.

В первом полугодии 1998 года судами Республики было рассмотрено 37 445 гражданских дел с вынесением решения. Кроме того, в судах рассматривается большое количество представлений, жалоб, ходатайств. Так, только за шесть месяцев 1998 года было рассмотрено 764 жалобы на арест, 57 жалоб на продление срока содержания под стражей.

В последнее время из-за большого объема гражданских и уголовных дел, находящихся в производстве районных, городских судов, и перегруженности судей нередки случаи нарушения сроков рассмотрения дел, длительного разрешения гражданско-правовых споров. И здесь есть значительные резервы. Прежде всего, необходимо и дальше совершенствовать нормативно-правовую базу, а главное — резко улучшить финансирование судов, что позволило бы уже в ближайшее время ускорить рассмотрение жалоб и заявлений граждан, облегчить их доступ к обращению в суд.

Все граждане вправе обжаловать решение суда в установленном законодательством порядке в Верховный суд Республики Башкортостан, который является высшим органом судебной власти, осуществляемой в форме гражданского, уголовного и административного судопроизводства. В первом полугодии 1998 года в Верховный суд Республики в кассационном порядке обжаловано 1430 решений по гражданским делам, 491 из которых отменено полностью, 105 отменены частично и 36 изменены. Кроме того, 183 решения по гражданским делам были отменены и изменены в порядке надзора. За тот же период в Верховном суде рассмотрено в кассационном порядке 2092 уголовных дела, из них 326 по различным основаниям были отменены, а 174 частично изменены.

Верховный суд Республики призван обеспечивать правильное и единообразное применение законов при осуществлении правосудия, всемирную охрану прав и свобод граждан, законных интересов государственных и общественных органов, предприятий, учреждений, организаций, укрепление правопорядка.

Роль контрольного механизма за соблюдением властями правового статуса личности в Республике осуществляет Конституционный суд, наделенный определенными полномочиями в этой сфере.

Защита прав и свобод граждан всегда являлась глобальной задачей всех видов прокурорских структур. Закон “О прокуратуре Российской Федерации” в центр всей работы ставит охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина. Именно эти права нередко нарушаются в правоприменительной практике. В 1993 году в нашей Республике был принят закон “О прокуратуре Республики Башкортостан”. В настоящее время Министерством юстиции подготовлен проект закона о внесении изменений и дополнений в данный закон. Проект разработан в соответствии с законом “О прокуратуре Российской Федерации” и дополнен положением, устанавливающим функцию деятельности прокуратуры, — надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Значительные изменения в политике и экономике страны порождают высокую социальную напряженность, в том числе в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Для предупреждения правонарушений в обществе требуются повышение профессиональной культуры и гражданской принципиальности сотрудников органов внутренних дел, судов, прокуратуры, организация системы тщательного отслеживания каждого факта совершения правонарушений, хода проверок и расследований, правовой помощи потерпевшим, защиты их самих и их близких. В связи с этим в Российской Федерации и в нашей Республике приняты законы “О государственной защите судей, работников правоохранительных и контролирующих органов”. Кроме того, в Республике

принят закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству”.

Особо следует отметить содержащиеся в Федеральном законе “Об оперативно-розыскной деятельности” положения о необходимости соблюдения прав человека и гражданина при осуществлении этого вида деятельности. Лицо, полагаящее, что действия органов, осуществляющих ее, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать соответствующие действия в вышестоящий орган, прокуратуру или в суд.

С решением проблемы прав человека тесно связаны такие категории, как гражданское общество, правовое государство, разделение властей. Главная задача судебной власти и прокуратуры — не допустить превращения правоохранительной функции в репрессивную, когда человек из объекта охраны превращается в объект жестокого подавления.

В соответствии с Федеральным законом “Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан” и аналогичным законом Республики Башкортостан каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями и решениями органов власти, учреждений, предприятий и общественных объединений, а также должностных лиц и государственных служащих нарушены его права.

Но в то же время этим правом пользуются очень редко. Так, за первое полугодие 1998 года в судах Республики было рассмотрено всего 286 дел по жалобам на неправомерные действия и решения органов власти и должностных лиц, хотя нарушений было гораздо больше. Это объясняется тем, что многие не знают положения выше-названного закона, а другие, вместо того чтобы подать жалобу в суд, начинают писать заявления и жалобы в различные инстанции.

Защита конституционных прав и свобод граждан является одной из главных задач и Министерства юстиции. Значительным шагом вперед в этом направлении является совершенствование системы исполнения уголовного наказания. Следует отметить, что Российская Федерация в 1996 году принята в Совет Европы. В соответствии с рекомендациями Комитета министров Совета Европы о единых европейских правилах Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. начато поэтапное реформирование уголовно-исполнительной системы МВД Российской Федерации, что предусматривает ее передачу в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. Это позволит разграничить функции органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, следствие, и органов, осуществляющих исполнение наказания, а также контролировать законность содержания граждан под стражей. В настоящее время в соответствии с Указом Президента Российской

Федерации в ведение Министерства юстиции передана уголовно-исполнительная система МВД с входящими в ее состав центральными и территориальными органами.

В соответствии с Федеральными законами “О судебных приставах” и “Об исполнительном производстве” в Министерстве юстиции создана служба судебных приставов, деятельность которой позволит изменить сложившуюся ситуацию, когда большинство судебных решений не исполнялось или их исполнение затягивалось на неопределенный срок.

В Республике Башкортостан в этом году судебными приставами возбуждено 251 100 исполнительных производств. Появление в составе Министерства юстиции соответствующего аппарата судебных приставов, наделенных правом проведения розыскных мероприятий, имеющих доступ к необходимой документации и обладающих рядом полномочий, даст возможность улучшить положение с исполнением судебных решений и тем самым реально защитить права и законные интересы граждан.

Государственные нотариусы, за деятельностью которых осуществляет контроль Министерство юстиции и все нотариальные действия которых так или иначе имеют отношение к осуществлению правоохранительных функций, оказывают содействие органам, осуществляющим такие функции. На нотариат возложены удостоверение сделок, оформление наследственных прав и совершение других действий, направленных на юридическое закрепление гражданских прав и предупреждение их возможного нарушения.

Но те законы, которые регулируют деятельность нотариусов, были приняты давно и уже не отвечают современным требованиям. Есть необходимость внесения изменений в эти законы, совершенствования их в целях обеспечения защиты прав человека в этой области.

Государственные органы власти обязаны гарантировать реальное осуществление прав и свобод человека и гражданина. Чем выше степень реализации правового статуса личности, тем в большей мере ограничивается возможность произвола в данных вопросах. Вместе с тем та мера правовых возможностей и та мера социальных требований к личности, которые определены действующим законодательством, и прежде всего Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Башкортостан, должны заставить человека и гражданина быть активным и ответственным в правовой сфере, что будет способствовать более высокой степени обеспечения его правового статуса.

Права человека

ВОЗБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ: МИРОВАЯ ПРАКТИКА

Ю.А. Решетов*

Современное международное право запрещает все формы расовой дискриминации, одной из которых является возбуждение национальной или расовой вражды. Это запрещение носит, по существу, абсолютный характер. В практическом плане в связи с этим возникает, однако, ряд трудностей, поскольку его последовательное осуществление может и должно вести к некоторым ограничениям свободы слова или свободы ассоциаций. Имеются в виду случаи, когда свобода слова или свобода ассоциаций используется для подстрекательства к расовой дискриминации и национальной вражде.

В большинстве европейских стран проводится решительная борьба с подстрекательством к расовой дискриминации. Так, в уголовном кодексе Швеции говорится: "Если лицо публично или иным образом, в заявлении либо другом сообщении, которое распространяется среди населения, угрожает этнической группе или любой другой аналогичной группе лиц и выражает пренебрежение путем уничижительного упоминания о расе, цвете кожи, национальном или этническом происхождении и вероисповедании, оно приговаривается к тюремному заключению за агитацию против этнической группы максимум на два года либо к штрафу, если правонарушение является мелким".

В то же время Австралия, Австрия, Бельгия, Франция, Италия, Великобритания сделали оговорки по ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Показательным является в связи с этим заявление Франции, которая полагает, что содержащиеся в ней обязательства по запрещению распространения организаций, ведущих такую пропагандистскую деятельность, противоречат свободе убеждений и свободе ассоциаций.

*Член Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, доктор юридических наук, профессор.

Надо, однако, прямо сказать, что эти оговорки указанных государств оказывают незначительное влияние на ведущуюся в них борьбу с расовой дискриминацией и подстрекательством к ней.

Другая позиция характерна для Соединенных Штатов Америки.

Она базируется на абсолютизировании закрепленной в первой поправке к Конституции свободе слова и нашла свое выражение в решении Верховного суда 1969 года в деле *Бранденбург против Огайо*, которое имеет прецедентное значение. В решении было подтверждено право ку-клукс-клана публично призывать к депортации из США черных и евреев (в Африку и Израиль), если только эти призывы не направлены к немедленным насильственным действиям.

В защиту такого подхода в США имеется литература. Утверждается, например, что ограничение свободы слова чаще всего имеет не положительные, а негативные последствия для охраняемого меньшинства и что даже самые крайние высказывания содержат какую-то полезную информацию. Поэтому всегда лучше разрешить какие-то высказывания, чем запретить их.

В 1992 году Верховный суд США постановил, что сжигание креста членами ку-клукс-клана для запугивания афроамериканцев является формой проявления свободы слова, охраняемой Конституцией.

После десятилетий неучастия в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации США наконец ратифицировали ее в 1994 году с серьезнейшими оговорками. Главная из них заключается в непризнании обязательства по ст. 4 Конвенции. Важнейшим результатом ее будет по-прежнему гарантирование свободы выражения ненависти, основанной на расовом превосходстве и деятельности многих групп, защищенных первой поправкой, если только речь идет не о действиях, представляющих явную и непосредственную угрозу.

Американский юрист А. Сойфер называет подобную практику “дымящимся пистолетом”, то есть ситуацией, когда лишь неопровержимые доказательства конкретного расового дискриминационного мотива, который данный истец может непосредственно связать со своей ситуацией, могут побудить суд признать тот факт, что дискриминация, даже в отношении афроамериканцев, по-прежнему должна приниматься во внимание в судебном разбирательстве.

Как известно, несколько лет назад московский суд на основании действовавшей тогда ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР “Нарушение национального и расового равноправия” признал виновным К. Осташвили за антисемитские высказывания, включая призывы к лицам еврейской национальности “убираться в Израиль”. В новом

Уголовном кодексе Российской Федерации на эту тему имеются две статьи. В ст. 136 “Нарушение равноправия граждан” мотивы расы и национальности приводятся наряду с другими причинами нарушения равноправия граждан, а ст. 282 специально посвящена возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды.

Самое же главное заключается в том, пойдет ли Россия по пути бескомпромиссной борьбы с любым возбуждением национальной вражды, разумеется без того, чтобы подобные ситуации не использовались в политических и узкопартийных целях.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 года.

Вопросы теории

ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Ю.В. Ушаков*

Время неумолимо приближает нас к третьему тысячелетию. И итоги, с которыми мировое сообщество подойдет к этому рубежу, во многом предопределяют контуры будущего миропорядка.

Несмотря на сложности и определенную противоречивость современных международных отношений, несмотря на реально обострившиеся угрозы и вызовы нового поколения, мы исходим из того, что международное право будет утверждаться в качестве одного из главных регуляторов международной жизни.

Важнейшим этапом в утверждении международной законности явилась созданная в 1899 году Первая конференция мира. Этот форум и последовавшая за ним Вторая конференция в 1907 году сыграли свою значительную роль в становлении международного правопорядка.

В основу межгосударственных отношений заложены такие фундаментальные политико-правовые документы, как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, 50-летие принятия которой широко отмечалось в 1998 году. Эти документы будут определяющими для всего международного развития и в XXI веке.

*Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. В основу статьи положено выступление на международной конференции "Международно-правовые проблемы Мирового океана" (Москва, 2—6 сентября 1998 г.). С момента сдачи этой статьи в редакцию Юрий Викторович Ушаков получил новое назначение — он стал Чрезвычайным и Полномочным Послом России в США. Ему 52 года, окончил МГИМО МИД СССР. Много лет работал в посольстве в Дании. Владеет датским языком и, конечно, как всякий дипломат, английским. С 1994 по 1996 год он возглавлял Департамент общеевропейского сотрудничества МИД РФ. Затем в течение двух лет представлял Российскую Федерацию в венской штаб-квартире Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). С января 1998 года работал заместителем министра иностранных дел.

Думается, таким документом станет и принятый недавно на Дипломатической конференции в Риме Статут Международного уголовного суда — органа, которому предстоит на практике реализовать идею неотвратимости наказания за тяжчайшие преступления, являющиеся предметом озабоченности всего человечества.

Конечно же, нельзя преуменьшать значение для кодификации и прогрессивного развития международного права Конвенции ООН по морскому праву — стержневого документа нашей конференции “Международно-правовые проблемы Мирового океана”.

Как вы знаете, число участников Конвенции достигло 127.

Что же кардинально нового привнесла эта Конвенция, каковы современные тенденции совершенствования международно-правового режима Мирового океана?

Во-первых, в результате введения 200-мильных исключительных экономических зон ресурсы 44% морских пространств перешли под юрисдикцию прибрежных государств. За всеми другими государствами в зонах сохраняются важнейшие свободы открытого моря.

Вместе с тем есть свидетельства стремления некоторых стран, вопреки Конвенции, перенести на эту зону те права, которые они осуществляют в территориальном море. Такие же попытки неправомерного расширения юрисдикции прибрежных стран предпринимаются и в отношении проливов, используемых для международного судоходства.

Во-вторых, упорядочена эксплуатация ресурсов глубоководных районов морского дна. Теперь доступ к ним возможен через Международный орган по морскому дну.

В-третьих, возрастает роль так называемого “принудительного фактора” в международно-правовом регулировании морской деятельности. В первую очередь это связано с защитой морской среды, с одной стороны, и обеспечением интересов судоходства, рыболовства и других видов деятельности — с другой. На основе Конвенции 1982 года создана эффективная система разрешения споров, включающая в качестве главного элемента Международный трибунал ООН по морскому праву. Действенной мерой в его руках является право выносить обязательные для исполнения решения о незамедлительном освобождении судов и экипажей от ареста или задержания.

Статья поступила в редакцию в октябре 1998 года.

РЕАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Р.Г. Вагизов*

За 50 лет Всеобщая декларация прав человека оказала существенное влияние не только на разработку и принятие международных стандартов в области прав человека, но и на достижение эффективности их осуществления в самих государствах, поскольку соблюдение прав и основных свобод человека может быть гарантировано только самим государством.

От того, на каком уровне находится состояние прав человека в государстве, как защищаются права человека, зависят становление и развитие демократических процессов в обществе, проявление благосостояния его граждан, развитие и процветание государства.

В конце XX века заметно возросло значение прав человека и прав народов, их цивилизованного и универсального соблюдения. А один из реальных путей к тому — строительство новых и модернизация существующих федеративных отношений. Именно на это столетие приходится резкое увеличение числа федеративных государств и договоров, все более широкое распространение идей и принципов федерализма. В настоящее время одна десятая стран, представленных в ООН, имеет федеративную структуру, а проживает в них более трети населения мира. По другим данным, в пределах государств, которые являются формально федеративными, проживает почти 40% населения земли и еще одна треть населяет государства, которые в той или иной мере исповедуют федеративные принципы, оставаясь формально унитарными.

Проблема федерализма имеет особое значение на нынешнем этапе формирования российской государственности. Именно сейчас закладываются принципиальные основы и механизм функционирования федеральных отношений в нашей многонациональной стране со сложной историей и судьбой.

Вспомним Ф. Бэкона: “Выбрать время — значит сберечь время, а что сделано несвоевременно — сделано понапрасну”.

15 февраля 1994 г. был подписан Договор между Республикой Татарстан и Российской Федерацией о взаимном делегировании полномочий. Он стал первым договором в истории России, положившим начало формированию принципиально новых отношений Центра с регионами.

*Кандидат юридических наук, Председатель Комиссии по вопросам законодательства, законности, правопорядка и депутатской этики Госсовета Республики Татарстан.

Смысл его состоял в закреплении мирного, устраивающего обе стороны пути разрешения сложной политической и юридической коллизии. Он не только определил новую структуру отношений с Татарстаном, но и выбрал механизм реализации прав республики, чего не могли добиться регионы в рамках федерального договора.

Среди российских политиков есть немало тех, кто видит в договорной практике политическую конъюнктуру. Они предлагают покончить с “игрой в договоры и в парад суверенитетов” и перейти к “исконному”, “традиционному” централизованному управлению. Сегодня стало очевидным, что попытки решать проблемы в отношениях Центра с субъектами силовым способом — тупиковый путь, чреватый для страны не только кризисами, наподобие чеченского, но и самораспадом государства.

Сверхцентрализация была одной из наиболее характерных черт российской государственности, от которой многим нелегко отказаться в силу политических традиций. Однако сегодня трудно представить возможность возврата к прежним устоям. Россия встала на путь демократии, федерализма и экономических реформ. Чтобы повернуть страну вспять, нужна новая революция, а для этого у российского народа сил уже не хватит.

Государственное переустройство России — явление эпохальное как для страны, так и для всего мира, ибо речь идет об отказе от имперского наследия, тоталитаризма и великодержавности. На этом направлении договорный процесс становится магистральным путем реформирования старых структур. Неэффективность реформ, социальная и этническая напряженность, противоречия в отношениях Центра с субъектами — все это результат противоречивости процесса перехода к подлинному федерализму. В условиях рынка и демократии для огромной по масштабам и разнообразной по своим климатическим, географическим, экономическим и культурным условиям страны остается только один путь — децентрализация и перераспределение полномочий в пользу регионов. Центру, чтобы добиться политической стабильности, необходимо сосредоточить в своих руках не максимальное, а оптимальное количество функций. Попытка взять побольше функций в отсутствие механизмов плановой экономики приводит лишь к потере управляемости.

В Москве политику, вырабатываемую “в пределах Садового кольца”, любят выдавать за интересы всей страны. Но природа России такова, что она состоит из народов и регионов, чьи интересы — суть государства. При этом гражданское общество следует понимать не как отказ от этнических, конфессиональных признаков, нивелирование культур и языков, а как формирование полиэтнического, поликонфессионального общества.

В связи с этим следует сказать и о новых российских паспортах. В прессе проблему свели к графе “национальность”, хотя она гораздо глубже и серьезнее. В Законе о гражданстве Российской Федерации записано право на двойное гражданство — республиканское и общеевропейское. В Договоре Республики Татарстан с Российской Федерацией о взаимном делегировании полномочий также закреплен принцип двойного гражданства, то есть татарстанского и российского. Следовательно, паспорт должен отражать политические реалии существования помимо русского и других государственных языков, а также необходимость закрепления республиканских гражданств. В предложенном виде паспорт для республик неприемлем. Причем позиция Татарстана не есть нечто особенное и уникальное. Посмотрите швейцарский паспорт: он заполняется на пяти языках. Даже при советском (как мы говорим, тоталитарном) режиме паспорт отражал национальную специфику.

Гражданство Татарстана — атрибут, органически присущий нашей республике. Раз Татарстан признается государством, он не может не иметь своего гражданства. При этом наше гражданство не противостоит российскому, а лишь дополняет его, учитывая те особенности, которые существуют в республике.

Россия — многонациональная страна. Этот факт крайне важно учитывать в политике. Любые попытки уйти от национального вопроса и спрятаться за обобщенными цифрами числа русских чреваты межэтническим напряжением. Народы России — коренные, то есть государствообразующие, а потому их численность не имеет особого значения. Достаточен сам факт существования народа, чтобы с ним считаться. Демократию нельзя понимать как политику навязывания воли механического большинства. Истинная демократия — та, которая умеет защитить интересы не только большинства, но и меньшинства, адекватно отражая этническое, конфессиональное, социальное многообразие общества.

Конституция Российской Федерации, к сожалению, была подготовлена без учета интересов многих регионов, она навязывалась сверху, не учитывала уже принятые республиками конституции. При таком подходе трудно ожидать появления демократического федерализма, и не случайно более 30 субъектов отвергли конституцию во время референдума 1993 года. Поэтому сегодня выглядит по меньшей мере странным требование в одностороннем порядке привести конституции республик в соответствие с Конституцией Российской Федерации. Этот процесс может быть не только двусторонним. К сожалению, по этой проблеме не было обстоятельного разговора среди политиков и ученых. Больше слышится силовая риторика, которая мало кого пугает и совершенно не помогает делу.

В последнее время стал острым вопрос о равноправии субъектов Федерации, причем акценты порой расставляются так, что виноватыми выглядят республики. На самом деле неравноправие регионов имеет два источника. Один — Конституция Российской Федерации, которая закрепила три типа субъектов Федерации: республики, признанные государствами со своими конституциями и внутренним гражданством; области, края и города, имеющие уставы, а не конституции; автономные округа, входящие в состав других субъектов. Это — юридическое неравноправие, которое порождено авторами Конституции Российской Федерации. Другой источник — это естественное многообразие регионов, вытекающее из их климатических, географических, экономических, этнических и исторических особенностей. Юридические различия можно устранить, но естественные различия сохраняются. В любой федерации существуют элементы асимметрии. Этого не надо бояться, напротив, думая об учете всех существующих особенностей страны, надо понимать, что это неизбежно. Например, Калининградская область имеет свои особые проблемы, связанные с ее пограничным, анклавным положением, а следовательно, у нее иной пограничный режим и остро стоит проблема транзита, чего нет у других субъектов. Точно так же нельзя отвлекаться от этнического состава республик, климатических различий, экономического потенциала различных регионов. Попытка выстроить всех по ранжиру — рецидив советского мышления.

Актуальной проблемой российского многонационального государства выступает объективная необходимость закрепления представительства интересов этносов, особенно обладающих в силу исторически сложившихся условий весьма значительной диаспорой в федеральных органах власти. На сегодняшний день эти интересы практически не представлены на общедоинтеграционном уровне. Члены Совета Федерации выражают интересы регионов в целом, а не конкретных этнических групп. Поэтому вполне обоснованным было бы создание особого представительного органа, выражающего интересы этнических групп, либо при Президенте Российской Федерации, либо в качестве третьей палаты Федерального Собрания.

Опыт Татарстана, других национальных республик свидетельствует, что практика федерального строительства далеко обогнала Конституцию Российской Федерации, в которой продолжает присутствовать неоправданно жесткий подход к построению федеративных отношений. В Основном Законе России не восприняты многие существенные для республик стороны их государственности: не нашли в нем своего отражения основополагающие идеи о государственном суверенитете, о договорном характере обновляющейся Федерации, закрепленные ранее в конституциях республик, отсутствует развернутая характеристика государственного статуса республик. В новом Уголовном кодексе Российской Федерации, в отли-

чие от ранее действовавшего, республикам отказано в уголовно-правовой защите государственных символов. Федеральным законодательством в одностороннем порядке изъяты из ведения республик вопросы судебной системы и избрания судей.

В последнее время попытки нарушения суверенных прав республик в решении вопросов государственного управления становятся все более настойчивыми. Наглядный тому пример — критическая ситуация в стране после 17 августа. При полном бездействии Центра именно властные институты на местах взяли на себя всю меру ответственности (как говорится, с больной головы на здоровую).

Все это свидетельствует о том, что Татарстану вместе с другими субъектами Федерации необходимо приложить максимум усилий для изменения и дальнейшего развития конституционных основ российского федерализма, в том числе и создания целостной системы функционирования властных институтов разного уровня. Существует настоятельная потребность как повышения авторитета федеральной власти и уровня исполнения федерального законодательства в регионах России, так и усиления ответственности федеральных органов за нарушение конституционно-правового статуса субъектов Федерации. Эта работа должна вестись целенаправленно и спокойно, без давления и запугивания и, уж конечно, без угрозы санкций.

Революции взрывают нации. Для национального возрождения народов самый естественный путь — эволюционный. Согласие, как говорят мудрецы, превращает в золото глину, раздор же может превратить и золото в глину. Нации в условиях революции обречены, по общему правилу, на конфликты.

Россия, перейдя на путь федерализации, должна быть готова к тому, что этот процесс заденет все сферы без исключения: бюджет, финансы, судопроизводство, внешнеэкономическую деятельность и т.д. Республики несколько раньше осознали себя в качестве субъектов и выступают с новыми инициативами, но в затылок им дышат области и края, которые активно избирают собственные законодательные и исполнительные органы, принимают внутреннее законодательство и реально начинают управлять своей территорией. Повышение роли регионов в жизни страны неизбежно, а вместе с этим это дает надежду на то, что демократия и реформы станут необратимым процессом.

Таким образом, изложенное дает основание сделать следующие выводы:

1. Правовой базой российского федерализма является не только Конституция Российской Федерации, но и конституции республик, уставы субъектов, федеративные и иные договоры. Эти положения нуждаются в конституционном оформлении в главе 1 “Основы конституционного строя” Конституции Российской Федерации.

2. Следует конституционно закрепить асимметричность Федерации.

3. Необходимо дополнить Конституцию Российской Федерации положением о том, что республики являются суверенными государствами:

- считать приоритетными направлениями развития федерализма в современных условиях обеспечение конституционно-правовыми методами реального разнообразия федеративных отношений, формирующихся в направлении их асимметричности;

- повышать значимость договорных отношений в системе федерализма с учетом особенностей и специфики субъектов Федерации;

- считать, что позитивный результат при разрешении конфликтных ситуаций возможен только тогда, когда стороны руководствуются принципом ненасилия;

- разрешать любые спорные вопросы политического, этнического характера при полном и приоритетном соблюдении общепризнанных прав человека и гражданина;

- Федеральному Собранию Российской Федерации, законодательным (представительным) органам власти субъектов Федерации разработать общефедеральный и региональный блоки законодательства по вопросам развития федеративных отношений, и прежде всего в сфере реализации совместных полномочий федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации, практиковать заключение договоров;

- считать целесообразным создание в структуре Российской академии наук Института проблем федерализма;

- парламентам Российской Федерации и ее субъектов совместно с научными учреждениями, отраслевыми исполнительными ведомствами разработать концепцию становления новой отрасли права — федеративного права;

- на основе новых научно-правовых разработок субъектами законодательной инициативы рассмотреть вопрос о возможности внесения дополнений и изменений в Конституцию Российской Федерации;

- Правительству Российской Федерации совместно с палатами Федерального Собрания, с органами власти субъектов Федерации разработать механизм разграничения сферы финансирования и системы налоговых и иных поступлений в федеральный бюджет, в бюджеты субъектов Федерации и местные бюджеты с одновременным закреплением ответственности за финансирование различных видов государственных расходов.

г. Казань

Статья поступила в редакцию в ноябре 1998 года.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ю.В. Трунцевский*

*Настроение и дух общества в отношении к
вопросу о преступности и преступниках
являются одним из самых надежных отражений
уровня цивилизованности в любой стране.*

У. Черчилль

Сегодня можно констатировать последовательное стремление государств максимально скоординировать уголовную и уголовно-исполнительную практику, средства и методы обращения с лицами, подвергнутыми уголовному наказанию, в духе международно-признанных гуманистических принципов¹. Указанные процессы затрагивают и Россию, в которой еще продолжается реформирование уголовно-исполнительной системы. Следует признать, что процесс реорганизации пенитенциарной системы проходит сложно и сталкивается прежде всего с проблемами экономического и социального характера: уголовно-исполнительные меры, предусмотренные в новом Кодексе, требуют соответствующего финансирования. Во многом это связано с теми международными обязательствами, которые взяла на себя Россия при вступлении в Совет Европы. Правовой гарантией начавшейся реформы уголовно-исполнительной системы и ее практического завершения является Концепция реорганизации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы МВД России (на период до 2005 г.), одобренная Президентом РФ 13 января 1996 г.

В 1997 году принят новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Этот закон отражает в себе все те преобразования, которые произошли в нашем обществе, в частности признание приоритета общечеловеческих ценностей в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. М.П. Мелентьев полагает, что нормы Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых 30 августа 1955 г. I Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, стали составной частью российского уголовно-исполнительного законодательства и практически были “вплетены в правовую ткань” нового УИК РФ².

Положения указанных Правил, а также нормы других междуна-

*Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Рязанского института права и экономики МВД РФ, кандидат юридических наук.

родно-правовых актов, определяющие стандарты обращения с заключенными, создают в совокупности общую модель организации исполнения наказания в виде лишения свободы, реализация которой позволяет ускоренно совершенствовать национальные пенитенциарные системы³.

Остановимся на этом тезисе и позволим себе предположить наличие достаточных оснований для образования новой отрасли международного права — международного пенитенциарного права (МПП)*. Выделим следующие предпосылки его образования:

1) общее повышение роли международного права в жизни государств, в частности в определении направлений их пенитенциарной политики;

2) распространение сферы действия международного права на все более широкий круг международных отношений, касающихся внутренних дел государств;

3) мировое признание приоритета общепризнанных принципов и договорных норм международного права над национальным законодательством, в том числе и Россией (ч. 4 ст. 15 Конституции 1993 г.);

4) повышение активности государств в стремлении совместного решения пенитенциарных проблем;

5) региональная интеграция государств, в том числе и для соединения усилий в пенитенциарной практике (единое гражданство Европейского Союза с предоставлением права обращения с петициями в Европарламент (ст. 8 д Договора о ЕС 1992 г.); Европейские тюремные правила 1987 г., Тюремные правила Бенилюкса и Скандинавских стран).

Выделение этой отрасли международного права можно расценивать, на наш взгляд, как признание универсальной общечеловеческой значимости прав и свобод человека, даже если он принудительно изолирован от общества ввиду совершения уголовного преступления.

МПП следует признать отраслью права, способной самостоятельно развиваться и совершенствоваться в целях уважения прав и свобод человека, что является одним из важнейших принципов международного сотрудничества по гуманитарным вопросам (этот принцип был сформулирован в Заключительном акте СБСЕ в 1975 г.).

МПП — комплексная отрасль, являющаяся частью общей отрасли права — Права прав человека, а также частью Сотрудничества государств в борьбе с преступностью.

С позиций генетического подхода можно выделить первичные и

*Здесь и далее только для целей настоящей статьи сокращение МПП означает “Международное пенитенциарное право”. Не путать с общеизвестным сокращением МПП — “Международное публичное право”.

производные системообразующие критерии МПП. Первичными критериями являются естественные права, под которыми понимается совокупность прав и обязанностей, вытекающих из самой природы человека как разумного социального существа; вторичными — совокупность норм позитивного права, представляющих собой систему пенитенциарных норм, содержащих определенные права и обязанности, которые исходят от воли государств, международного сообщества в целом и выражены в источниках международного права.

Предметом МПП являются специфически значимые общественные отношения, складывающиеся в результате реализации интересов государств, унификации правил в пенитенциарной сфере. МПП имеет свои особенности и характерные черты, отличающие его от других отраслей международного права. Ввиду того что сфера и уголовных, и уголовно-исполнительных отношений непосредственно регулируется национальным законодательством, а его нормы применяются исключительно национальными правоохранительными органами, совокупность норм МПП для государств является скорее не межгосударственным, а “межправовым правом” (“*jus interjura*”).

Регулирование вышеуказанных отношений исходит из важнейшего положения о том, что условия жизни заключенных не должны унижать человеческого достоинства. “Мы должны стремиться к обращению с заключенными так, как мы бы хотели, чтобы обращались с нашими братьями или отцами, если бы они оказались в тюрьме” — так начальник одной из американских тюрем Франк Вуд объяснял своим сотрудникам сущность необходимого подхода к гуманной организации тюрьмы.

Если говорить о методе правового регулирования как критерии разграничения отраслей и выделении МПП в самостоятельную отрасль, то единство предмета и метода характеризуют не все отрасли международного права. Например, такие новые отрасли, как международное космическое право, ядерное право и др., обособлены только по своему предмету. Метод правового регулирования для подобных отношений, в том числе и пенитенциарных, может быть еще и не выработан, он является смешанным.

Отрасль МПП основана на общепризнанных принципах международного права и структурно состоит из относительно обособленной совокупности юридических норм, институтов (нормативных комплексов), содержащих юридически обязательные правила поведения субъектов, вступающих в пенитенциарные отношения. Сфера действия некоторых норм МПП не останавливается перед границами государств, заставляя последних соблюдать взятые на себя международные обязательства относительно приведения внутреннего законодательства в соответствие с нормами МПП и создания четкого механизма их имплементации.

Очевидно, что МПП не обладает еще стройной системой и высокой степенью кодификации нормативного материала, однако принципы отрасли уже систематизированы и отдельно сформулированы.

Основными принципами МПП можно считать следующие:

1) никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию (ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод);

2) все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Общие принципы тесно связаны с основными правами человека, среди которых нужно выделить следующие:

1) дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения недопустима (правило 6(1) Минимальных стандартных правил);

2) каждый имеет право на уважение жизни, физической и психологической неприкосновенности, уважение его чести, убеждений и обычаев;

3) каждый имеет право на признание его прав перед законом, на общепринятые юридические гарантии.

Специальные принципы-правила (согласно Минимальным стандартным правилам обращения с заключёнными), которыми должен руководствоваться персонал мест лишения свободы, касаются:

а) размещения заключённых (правила 8—11);

б) гигиены заключённых (правила 12—16);

в) одежды и специальных принадлежностей (правило 19);

г) питания (правило 20);

д) физических упражнений и спорта (правило 21);

е) поддержания здоровья заключённых и др.

МПП как комплексная отрасль международного права кроме специальных норм, регулирующих пенитенциарные отношения, имеет и общие с другими отраслями источники права:

а) закрепляющие основы правового статуса человека, в том числе и осуждённого (Всеобщая декларация прав человека и др.);

б) закрепляющие специальные нормы, касающиеся прав и обязанностей определенной категории осуждённых либо осуждённых, находящихся в особых условиях (Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными, Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, Декларация о правах инвалидов и др.);

в) закрепляющие условия содержания и обращения с осужденными (Конвенция против пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Положение о европейских тюрьмах и др.);

г) закрепляющие правила социальной адаптации (ресоциализации) осужденных (Конвенция о правах ребенка, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и др.);

д) закрепляющие правила деятельности государственных учреждений и действий должностных лиц по отношению к осужденным в местах лишения свободы, а также к заключенным, содержащимся в следственных изоляторах (относятся к определенным профессиональным группам: i) к медицинскому персоналу: Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; ii) к органам правопорядка: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г.);

е) закрепляющие нормы, способствующие доступу неправительственных правозащитных (благотворительных) организаций в места лишения свободы для оказания помощи осужденным, а также для осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнения наказаний (указанные выше международные документы);

ж) закрепляющие основы сотрудничества государств по пенитенциарным вопросам (указанные международные акты и двусторонние соглашения об оказании правовой помощи).

На основе предложенной классификации можно выделить соответствующие правовые институты МПП, закрепляющие:

1) правовое положение заключенных и осужденных;

2) сотрудничество государств по пенитенциарным вопросам, его основные направления;

3) пенитенциарную политику государства, правотворчество;

4) деятельность органов, должностных лиц, сотрудников пенитенциарных учреждений и общее управление данными заведениями;

5) деятельность государственных органов и общественных организаций по социально-психологической реабилитации осужденных;

6) деятельность международного общественного движения по защите прав заключенных и осужденных.

Правовые нормы, входящие в конкретные правовые институты, сгруппированы в основных источниках МПП в отдельных разделах, частях. Данные правовые институты позволяют комплексно, всесторонне регулировать, упорядочивать соответствующий вид общественных отношений.

Таким образом, по целевому назначению международные согла-

шения, содержащие стандарты для заключенных, можно разделить на две группы:

1) международные соглашения общего характера, не предназначенные специально для регламентации пенитенциарных вопросов, но некоторые положения которых имеют непосредственное отношение к исполнению уголовных наказаний и обращению с осужденными (“никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию” — ст. 9 Всеобщей декларации прав человека; “никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство видам обращения и наказания” и “все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности” — ст. 7 и 10 Международного пакта о гражданских и политических правах; Конвенция МОТ о принудительном или обязательном труде 1930 г. и др.);

2) международные соглашения, имеющие своей целью изложение стандартов обращения с заключенными (Минимальные правила, Конвенция о пытках, Принципы медицинской этики и др.).

Сотрудничество государств по пенитенциарным вопросам уже имеет свою историю и началось с благотворительных международных тюремных конгрессов (когда широкое распространение в мире получили идеи английских основоположников пенитенциарной науки Д. Говарда и И. Бентама, а также практические достижения пенитенциарной системы США XIX в.), организованных частными лицами. Первый такой конгресс открылся во Франкфурте-на-Майне в 1846 году под эгидой межправительственной комиссии (с 1872 г. — Комиссия представителей государств, с 1878 г. — Международная пенитенциарная комиссия, затем Международная уголовная и пенитенциарная комиссия). До 1950 года было проведено 12 тюремных конгрессов⁴, а затем комиссия была упразднена и ее функции приняла на себя ООН⁵, которая возглавила международные усилия по содействию работам в этой области в рамках конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Всеобщие правила и нормы обращения с заключенными впервые были разработаны Международной уголовной и пенитенциарной комиссией, а затем в 1934 году одобрены Лигой Наций. Перед тем как передать свои полномочия Организации Объединенных Наций, Комиссия пересмотрела текст правил и представила его на рассмотрение I Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившему в Женеве в 1955 году. Конгресс единогласно принял новые правила и представил их на одобрение Экономическому и Социальному Совету, который, в свою очередь, определил, что это минимальные условия заключения, рассматриваемые ООН как удовлетворительные, и в качестве таковых

могут служить защитой от плохого обращения, особенно в случаях дисциплинарного принуждения и использования средств укрощения в пенитенциарных учреждениях. Здесь же Экономический и Социальный Совет ООН рекомендовал правительствам каждые пять лет информировать Генерального секретаря ООН о прогрессе, достигнутом в применении Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

Эти правила получили широкое признание в мире как авторитетные практические рекомендации по руководству местами лишения свободы и обращению с осужденными⁶.

Участники IV Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями подчеркнули, что в настоящее время Правила являются важным документом, своего рода “Великой хартией” прав заключенных.

Делегаты V Конгресса, проходившего в 1975 году в Женеве, пришли к выводу, что Правила должны быть включены в учебные программы для подготовки работников пенитенциарных учреждений в учебных заведениях, а также на различных курсах повышения квалификации.

25 мая 1984 г. Экономический и Социальный Совет ООН (резолюция 1984/47) одобрил порядок эффективного применения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и рекомендовал государствам-членам принять его к сведению для использования правил, а также при подготовке периодических докладов ООН об их выполнении. Генеральному секретарю ООН было предложено оказывать помощь правительствам по их просьбе в вопросах, связанных с выполнением этих правил с учетом новой процедуры.

Хотя в преамбуле Минимальных правил и было записано, что они не имеют нормативного характера и носят рекомендательный характер, однако уже в Итоговом документе Венской встречи представителей государств—участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15 января 1989 г. было зафиксировано обязательство этих государств соблюдать принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

IX Конгресс ООН (Каир, 29 апреля — 8 мая 1995 г.) предложил государствам практическое руководство “Как обеспечить соблюдение Стандартных правил” для надлежащего их выполнения и широкого распространения среди администрации тюрем государств—членов ООН⁷.

Основными этапами разработки Минимальных стандартных правил обращения с заключенными являются:

- 1) декларирование общих принципов (1955—1984 гг.);
- 2) приведение в соответствие с общепризнанными принципа-

ми международного права национального законодательства (конец 70 — середина 90-х гг.);

3) приведение внутригосударственных систем социальной защиты личности и общества в соответствие с международными стандартами, создание устойчивого и хорошо контролируемого национально-правового механизма их имплементации.

Европейские тюремные правила 1973 года (есть пересмотренный и дополненный вариант правил, принятый ООН) являются справочным пособием для персонала учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также используются для толкования положений национального пенитенциарного законодательства.

Для более эффективного применения в России международных (европейских) Минимальных правил обращения с заключенными необходимо дать юридическое определение соотношения международных стандартов и уголовно-исполнительного законодательства (например, как было указано выше, использование международных стандартов обращения с осужденными при толковании уголовно-исполнительного законодательства), а также показать их влияние на определение задач и принципов российской уголовно-исполнительной системы⁸.

Субъектная сфера действия МПП определяется кругом субъектов — это сами государства и межправительственные организации. Чтобы показать значение последних во влиянии на внутригосударственную уголовно-исполнительную систему, приведем один пример. Согласно заключению Совета Европы (Парламентская ассамблея) № 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы Россия с целью соответствия критериям членства в СЕ (ст. 3 Устава СЕ) должна:

- разработать Уголовно-исполнительный кодекс РФ с использованием международной экспертизы и на основе принципов и стандартов СЕ;

- провести скорейшее безотлагательное улучшение условий содержания заключенных, в частности в следственных изоляторах;

- как только станет возможным, передать управление пенитенциарными учреждениями и надзор за исполнением наказаний в компетенцию Министерства юстиции;

- подписать в течение одного и ратифицировать не позднее чем через три года с момента вступления Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, касающийся отмены смертной казни в мирное время, и установить со дня его вступления мораторий на исполнение смертных приговоров и др.;

- сотрудничать в духе доброй воли с международными гуманитарными организациями и допускать их деятельность на российской территории в соответствии с их мандатом.

В рамках Совета Европы (Европейская конвенция по предупреж-

дению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания вступила в силу в 1989 г.) создан и специальный внесудебный механизм контроля в области предупреждения пыток в местах заключения — Европейский комитет по предупреждению пыток.

Выполнение принципов и норм МПП связано с развитием и совершенствованием международно-правового и национального механизмов имплементации в их гармоничном сочетании. Выделим лишь некоторые имплементационные элементы:

а) внешний контроль — доклады на конференциях и в международных организациях о состоянии мест лишения свободы, условиях содержания заключенных и осужденных, работа комиссий по правам человека, наблюдателей, соблюдение требований членства в международных организациях (например, при вступлении России в СЕ) и т.п.;

б) создание национальных организационно-правовых механизмов по выполнению международных обязательств (требований МПП), например реализация права обращения осужденных в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 4 ст. 12 УИК РФ);

в) сотрудничество государств в пенитенциарной сфере (совместные межведомственные программы);

г) инкорпорация норм МПП в национальное законодательство;

д) обучение (наибольшим препятствием для имплементации МПП является крайне слабая осведомленность с его положениями не только среди осужденных, но и среди персонала пенитенциарных учреждений, органов государственной власти и местного самоуправления, так или иначе призванных осуществлять надзор за местами лишения свободы).

Эффективность имплементации норм МПП во многом будет зависеть от уровня профессиональной подготовки работников пенитенциарных учреждений, программа обучения которых должна предусматривать изучение МПП⁹.

Значение признания, становления новой отрасли международного права — МПП — заключается в том, что государства в своем стремлении создать более эффективную систему уважения прав человека смогут обеспечить это в отношении заключенных не только на основе принятых международных документов, но и посредством выработки универсальных рекомендаций в ходе обмена информацией, участия в научно обоснованных практических проектах, посредством стимулирования проведения совместных исследований в области исполнения уголовных наказаний, что будет способствовать внедрению результатов исследований и международного опыта в деятельность пенитенциарных учреждений, а также более направленной внутригосударственной политике государств в обеспечении

нормальных условий содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях на основе унифицированных норм МПП. Применение подобных мер обеспечит, например, скоординированный порядок представления индивидуальных жалоб и петиций осужденных в межгосударственные органы по защите прав человека в случае их нарушений (незаконных ограничений), а также откроет возможность международным неправительственным организациям (МНПО) беспрепятственно осуществлять свою правозащитную деятельность в отношении заключенных (осужденных). Нижеперечисленные МНПО так или иначе связывают свою деятельность с решением вопросов защиты прав осужденных, ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и другими проблемами пенитенциарной политики: Международное общество социальной защиты, Лига Д. Говарда по реформе пенитенциарной системы, Международное общество по предупреждению преступности, Международная ассоциация уголовного права, Международное криминологическое общество, Международная ассоциация помощи заключенным, Международная амнистия, Армия спасения, Международный уголовный и пенитенциарный фонд, Тюремное братство, Международная федерация прав человека и др.

Примером подобной деятельности может служить издание совместными усилиями общественной организации Penal Reform International (PRI), ГУИН МВД РФ и Рязанского института права и экономики МВД РФ при финансовой поддержке МИД Великобритании справочника "Тюрьмы и права человека".

В заключение можно сделать вывод о том, что международное пенитенциарное право следует признать самостоятельной отраслью международного права, находящейся в стадии формирования. Об этом свидетельствуют следующие положения:

1) МПП имеет самостоятельный специфический круг общественных отношений;

2) МПП отличают от других отраслей качественное своеобразие и обособленность (автономность) групп норм и принципов;

3) МПП наряду с общезначимыми имеет и обособленные источники этих норм, содержащие достаточно обширный нормативный материал, регулирующий международно-пенитенциарные отношения;

4) МПП имеет специальные цели и основные принципы;

5) международное сообщество в целом, а региональные в частности проявляют неослабную заинтересованность в унификации (кодификации) норм, устанавливающих пенитенциарные стандарты, тем самым делая шаги в сторону выделения и развития МПП как отрасли международного права. Строя свою внешнюю политику, государства должны быть уверены, что другая сторона включит в свое внутреннее законодательство международные соглашения и другие источники международного права¹⁰;

- 6) нормативный комплекс МПП делится на правовые институты;
7) МПП имеет несколько кодифицированных актов.

¹ См. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для юридических вузов и факультетов/Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Зубкова. — М., 1997. — С. 543.

² См. Мелентьев М.П. Новый этап в развитии российского пенитенциарного законодательства//Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными/Под общ. ред. П.Г. Мищенкова. — М., 1997. — С. 9.

³ См. Уголовно-исполнительное право. Учебник/Под ред. проф. И.В. Шмарова. — М., 1996. — С. 417.

⁴ Там же. — С. 403—404.

⁵ См. Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. — М., 1983. — С. 118—144.

⁶ См. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для юридических вузов и факультетов. — С. 557.

⁷ Мелентьев М.П. Указ. соч. — С. 10—11.

⁸ Подробнее см. Международная тюремная реформа: как заставить стандарты работать//Проект руководства для пенитенциарных работников по соблюдению международных тюремных правил. — Гаага, 1994.

⁹ Современные российские учебники по уголовно-исполнительному праву содержат специальные разделы, посвященные МПП. См., например, Уголовно-исполнительное право. Учебник. — С. 403—417 (глава XXVII “Международные акты об обращении с осужденными”).

¹⁰ Дамрош Л. Включение норм международного права во внутреннее законодательство//Американский журнал международного права. — 1990. — № 2. — С. 14.

г. Рязань

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 года.

КОНФЛИКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫЕ — ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНАЯ (конфликты на постсоветском пространстве. Общие черты, специфика, перспективы)

В.Ф. Прякин*

Проблематика “горячих точек” на постсоветском пространстве привлекает все большее внимание международного сообщества. В огне братоубийственных столкновений уже погибли де-

*Кандидат исторических наук, старший советник Постоянного представительства России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

сятки тысяч людей. Миллионы потеряли свой кров и вынуждены разделить горькую судьбу беженцев. Некогда экзотические и мало кому известные географические названия бывших советских автономных республик и областей не сходят с повесток дня работы важнейших международных форумов, находятся в центре внимания ООН, ее специализированных учреждений, ОБСЕ.

Благодаря этим усилиям удалось добиться прекращения активной фазы конфликтов в Грузии, Нагорном Карабахе, Приднестровье и Таджикистане. Прекращены крупномасштабные военные действия, установлены линии разграничения противостоящих сил, в некоторых случаях введены миротворческие контингенты (как правило, из российских военнослужащих), ведутся переговоры об окончательном политическом урегулировании.

Вместе с тем какого-либо заметного прогресса на этих переговорах пока не наблюдается. Более того, спустя десять лет после вспышки в Нагорном Карабахе, по истечении более шести лет начала боев в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и в Таджикистане состояние переговоров между сторонами в этих конфликтах по-прежнему, за некоторыми отпадными исключениями, характеризуется беспросветным тупиком.

Положение начинает напоминать картину кипрского или североирландского кризисов, в которых присутствуют многие элементы постсоветских конфликтов и которые также, несмотря на предпринимаемые усилия и подчас эффективные решения частных вопросов, отнюдь не близки к генеральному соглашению. Это сравнение не внушает каких-либо оптимистических ожиданий на будущее.

* * *

Прежде всего обескураживает неэффективность использования традиционных политических и военных средств в подходе к урегулированию.

Как правило, перекраивание государственных границ после больших политических потрясений не занимало так много времени и не было связано с такими жертвами, как в период “полураспада” бывшего Советского Союза.

Возьмем, к примеру, Нагорный Карабах. “После безумных зверств и сплошного обнищания население как бы удержало у себя в памяти горький вкус стыда. Круговая порука забвения — никто ни о чем не напоминает, на прошлом поставлена точка, и молчаливый упор в работе, страстная тяга к восстановлению. Тюрки и армяне, поставленные во главе маленького правительства, мудро держат курс на это забвение и в результате — стихийный подъем хозяйства, можно сказать, пустыми руками, потому что бюджет этой замечательной

страны — один из самых трагических в Союзе по своей ущемленности... Маленькая страна похожа на птицу, сидящую, подняв крылья: она еще сидит, но уже перед полетом”¹. Так писала Мариэтта Шагинян об этом крае спустя шесть лет после страшной резни 1920 года, когда “через Карабах прошли огонь и железо”².

Увы, на сегодняшний день, спустя более десяти лет после начала событий в Степанакерте, “круговой поруки забвения” в Карабахе, как, впрочем, и в других местах локальных конфликтов, как не было, так и нет.

Прекращение существования единой центральной власти на постсоветском пространстве открыло дорогу хаотическому действию центробежных сил, разгулу эгоистических интересов отдельных националистических и клановых политических образований, а также отдельных лиц, внезапно выдвинувшихся на авансцену публичной политики.

Попытки вооруженным путем раздавить эти образования и создать одним махом на территории бывших советских республик унитарные государства закончились весьма плачевно. Но не принесли результатов и честолюбивые устремления лидеров самопровозглашенных образований (Приднестровской Молдавской Республики, Арцаха, Абхазии, Южной Осетии). Ни одно из них не получило признания международного сообщества в качестве независимого суверенного государства.

Образовавшийся “вакуум силы” оказалось невозможно заполнить методами традиционной политики. Новые государства, вполне жизнеспособные в качестве союзных советских республик, не в состоянии обеспечить стабильность на своей территории и целостность национальной территории.

Россия, переживающая трудности переходного периода, также неспособна оказать им необходимое содействие в становлении национальных государств. США и страны Европейского Союза в лучшем случае готовы пойти на осуществление программ экономической помощи и технического содействия, но никак не на ввод миротворческих военных контингентов, достаточных для “наведения порядка на постсоветском пространстве” при должном гарантировании общих гражданских свобод и прав национальных меньшинств.

В отсутствие реальных возможностей для фактического урегулирования дипломатические переговоры, как правило, сводятся к тщетным призывам к конфликтующим сторонам осознать свою политическую ответственность и предпринять все от них зависящее для незамедлительного решения разделяющих их проблем в рамках единых государств.

Неспособность международного сообщества к практическим действиям по урегулированию локальных конфликтов нередко при-

крывается попытками обвинить Россию в их инициировании и побудить Москву чуть ли не к военным действиям с целью восстановления территориальной целостности бывших советских республик, а ныне новых независимых государств.

Насколько правомерны эти риторические эскапады? Действительно, Россия ли виновата в возникновении очагов конфликтов в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии? Да, конечно, немало можно отнести в генезисе этих “болячек” на счет сталинской национальной политики. Карта Советского Союза преднамеренно была скроена таким образом, что достаточно было неосторожного прикосновения к ней в районе, например, Карабаха — и вся система “сдержек и противовесов” в масштабах всего великого государства от Клайпеды до Курган-Тюбе потеряла устойчивость и в конечном счете рухнула.

Но нужно признать и то, что политика эта не была, как сейчас кое-кто не прочь представить, лишь проявлением “имперских амбиций великорусских шовинистов”. Эта политика сплошь и рядом строилась за счет усиленной эксплуатации собственно россиян при ущемлении их национальных интересов, в том числе и в таких вопросах, как границы союзных республик, перераспределение совокупного общественного продукта, приоритетные направления инвестиций и пр. Немаловажное воздействие на эту политику оказал, видимо, и тот факт, что ее формирование осуществлялось с идеологических позиций некоего абстрактного интернационализма, который скорее был сродни своеобразному “пролетарскому космополитизму”. Этот крен был зафиксирован в форме теоретического обобщения о “долге” российской метрополии по отношению к своим бывшим “колониальным окраинам”. И хотя в теории об этом говорилось не так много, на практике концепция “погашения долга” работала достаточно эффективно.

В определенной степени она продолжает работать и сейчас, так как экономика многих стран СНГ до сих пор зависит от неэквивалентного обмена с российскими предприятиями, который, тем не менее, продолжается. Выход этих предприятий на свободный рынок сразу же обнажил действительное товарное существо этого обмена, сделал должниками российских естественных монополий немало партнеров на постсоветском пространстве. Так, как сообщил премьер-министр Молдавии Ион Чубак на пресс-конференции 16 февраля 1998 г., задолженность Молдавии за полученный в 1997 году газ от РАО “Газпром” составила 91 млн. долл. США. По официальным же данным самого “Газпрома”, совокупная задолженность Молдавии на 20 января 1998 г. с учетом штрафов и пени составляла 536 млн. долл. США³.

Таким образом, преподносить историю Советского Союза однозначно — как историю национально-освободительного движения

народов против “российских угнетателей” — по меньшей мере неверно и несправедливо. Россияне сами были объектом жесточайшей эксплуатации со стороны единого “союзного Центра”. Сколь бы ни оспаривался этот факт, никто не может отрицать, что при окончательном “цивилизovanном разводе” при общих огромных материальных потерях Россия все-таки потеряла меньше, чем другие бывшие союзные республики, да и процесс ее экономического восстановления идет, пожалуй, быстрее, чем в других странах. Немалую роль в этом играет тот факт, что огромная энергосырьевая база бывшего Советского Союза после его развала перестала быть “совместным достоянием” и по принадлежности отошла к России.

Нельзя также забывать и о том, что из всех союзных республик лишь Россия после развала единого государства сохранила статус великой державы, закрепив его продолжением постоянного членства в Совете Безопасности ООН и приумножив присоединением к “восьмерке” — элитарному клубу ведущих мировых держав.

* * *

Сторонники интерпретации болевых точек на постсоветском пространстве в качестве стремления Москвы к сохранению своих “имперских позиций” немало делают для того, чтобы представить региональные конфликты в качестве своеобразных “удавок” Кремля на шее молодых независимых государств. На наш взгляд, эта интерпретация не встречает до сих пор должного и, главное, аргументированного отпора. Между тем от нее камня на камне не остается при первом же достаточно компетентном рассмотрении.

Во-первых, ничего, кроме материального ущерба и издержек политического и гуманитарного плана, Россия от существования болевых точек на территории СНГ не имеет. Только в Абхазии российские миротворцы, выполняющие свою миссию под флагом СНГ, потеряли к середине 1998 года около 80 человек. Конфликт в Нагорном Карабахе препятствует скорейшему началу разработки нефтяных месторождений Каспия, от чего Россия также рассчитывает иметь определенные финансовые поступления. Конфликт в Приднестровье создает проблемы в отношениях России с Молдавией, с государствами НАТО.

Во-вторых, турбулентность на границах России отрицательно сказывается в ее собственных пределах, порождает, например, нестабильность на Северном Кавказе, нарушает весьма сложный баланс межэтнических отношений повсеместно, от периферии до Москвы, ведет к усилению пропаганды этнической розни на всей территории страны. Не случайно в трагических событиях вокруг Белого дома в начале октября 1993 года принимали самое активное участие боевики из зон локальных конфликтов.

В-третьих, от неурегулированности локальных конфликтов на пространстве СНГ страдает международный престиж Российского государства, усиливается далеко не однозначное воздействие внешнегосударственных сил на ситуацию в постсоветском пространстве.

В-четвертых, Россия даже при желании не могла бы сейчас военным путем подавить сепаратистские режимы Степанакерта (Ханкенди), Сухуми, Тирасполя, Цхинвали и преподнести их как “подарки” Баку, Кишиневу и Тбилиси. Пример трагической чеченской войны показал это достаточно очевидно.

Кстати говоря, неспособность к урегулированию локальных конфликтов — в достаточной степени общее явление для современного мира. Несколько ранее американцы потерпели фиаско в Сомали, французы — в Руанде. Не привела пока к созданию единого государства акция в Боснии и Герцеговине, народы которых также далеки друг от друга, как и в начале кровопролитной войны между ними. Что касается Косова, то пока что драматические конвульсии вокруг этого очага межэтнической напряженности означают определенную необходимость выплаты на гражданскую миротворческую операцию около 200 млн. долл. Но это совсем не означает автоматического прекращения кровопролития.

При сопоставлении этих конфликтов с конфликтами на постсоветском пространстве сам собою напрашивается вывод, что на пороге XXI столетия мы столкнулись с конфликтами отнюдь не заурядного характера, которых уже немало было в истории человечества. Хотя каждый из этих конфликтов имеет, безусловно, свою историю, исчисляющуюся порой столетиями, все они отражают общие тенденции в развитии международного сообщества.

Как нам представляется, понять случившееся и тем самым найти пути к решению конфликтов можно, только исходя из понимания, что так называемые региональные конфликты на постсоветском пространстве являются одновременно не чем иным, как региональными проявлениями общего глобального кризиса цивилизации и, может быть, самого человека как формы движения материи.

Сам распад Советского Союза в определенной степени является следствием действия объективных дезинтеграционных тенденций в современном мире. Эта тенденция обозначилась задолго до 90-х годов. Еще в конце 50-х годов видный представитель школы политического реализма в американской историографии международных отношений Уолт Ростоу в своем исследовании “Соединенные Штаты на мировой арене” называл “диффузию власти” (количественное увеличение центров эффективной силы) основополагающей тенденцией развития международных отношений после второй мировой войны, действующей помимо субъективной воли политических деятелей⁴.

В свете этого требовать, чтобы действие дезинтеграционных процессов развивалось в каких-то четких географических и хронологических рамках, — это примерно то же, что требовать от разбиваемого стекла разбиваться на куски, соответствующие некоему умозрительному чертежу. Тем более что сам этот чертеж, то есть административные границы внутри бывшего Советского Союза, чертился в значительной степени произвольно под воздействием политических императивов, важнейшим среди которых было обеспечение лояльности того или иного национального образования будущему Союзу. Так по несколько раз переходил “из рук в руки” Нагорный Карабах, так провозглашалась как плата за ее вхождение в СССР сначала независимость Абхазии от Грузии, а затем ее статус автономии как плата Грузии тоже за вхождение в Союз. Полна таких же “загадок” история молдавской автономии в составе Украины до 1940 года и формирования Таджикской Союзной Республики в составе СССР.

Но вряд ли более убедительной представляется позиция тех, кто хотел бы собрать воедино “осколки” бывшего Советского Союза и попытаться склеить их по старым чертежам и примерно в тех же целях. Такая конструкция может быть хороша для музея, но не для практического использования. Правильным представляется только одно решение проблемы — расплавить осколки и отлить новую интеграционную конструкцию в соответствии с реальными потребностями населяющих ее людей.

Строго говоря, идеальной формой для такой отливки могло бы послужить пространство ОБСЕ. Мощное объединение 55 стран Северного полушария могло бы стать экономическим фундаментом, интеллектуальным и духовным лидером создания модели устойчивого антикризисного развития всего международного сообщества.

Но даже для начала процесса социально-экономической интеграции на пространстве от Ванкувера до Владивостока нужно было бы поломать имеющиеся разделительные линии. Практическое развитие идет, увы, по другому пути. Железный занавес, десятилетия разделявший евроатлантическое и азиатско-тихоокеанское пространства, в одночасье рухнул пока только с восточной стороны и тут же начал перемещаться с запада в глубь материка, обозначая новую силовую разделительную линию. Слишком уж велико тщеславное и, кстати, весьма близорукое желание наших партнеров на Западе рассматривать окончание холодной войны как победу над Россией. Их при этом не настораживает тот факт, что одновременно с Советским Союзом распалось, например, и созданное в 1918 году ими самими единое Чехословацкое государство, что никак не связано с “победами” ни над Советским Союзом, ни над мировым коммунизмом, — это просто следствие других объективных причин, о кото-

рых писал У. Ростоу. И кто знает, не пойдут ли дальше трещины на советской стене единого стеклянного дома международного сообщества? “В 150 странах мира насчитывается более двух с половиной тысяч национальных меньшинств, — предупредил с трибуны 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел России И.С. Иванов. — Если бы все они стали добиваться создания своих государственных образований, то нетрудно себе представить, к каким губительным последствиям это могло бы привести. Тем, кто “подкармливает” сепаратизм, не мешало бы помнить об этом”⁵.

Борьба центробежных и центростремительных тенденций мирового развития продолжается. Это имманентная суть политического процесса, проистекающая из научно-технического прогресса, несущего в себе сразу два начала — и центростремительное, и центробежное.

Железная дорога, например, как говорил еще В.И. Ленин, с каждой своей верстой рождает “слияние всех наций в высшем единстве”⁶. Но одновременно она в огромной степени увеличивает возможности каждого отдельного человека противостоять диктату монополий посредством географической миграции и социальной переориентации.

Точно так же в наше время информационные технологии безгранично увеличивают возможности империалистических держав в борьбе за мировое господство. Но они же дают в руки миллионов простых граждан реальные правозащитные средства в форме современных средств массовой информации. Они же многократно повышают производственные и творческие возможности одного отдельно взятого человека, позволяя ему конкретно оказывать воздействие на политику государств.

Справедливости ради следует заметить, что далеко не всегда стремление государств укрепить централизованное начало на территории действия своего суверенитета носит реакционный характер. И уж совсем не всякие действия отдельных лиц или их организаций, направленные на создание новых государственных образований, носят прогрессивный характер. На наших глазах идет формирование единого политико-экономического пространства европейских государств, которое, вопреки некоторым прогнозам начала XX века, носит прогрессивный характер. И в то же время мы имеем целый ряд сепаратистских устремлений и образований, препятствующих объективному ходу исторического развития.

Говоря так, мы отнюдь не претендуем на роль арбитра в оценке соответствия того или иного государственно-территориального образования критериям прогресса или регресса. Мы лишь вслед за Протагором высказываем точку зрения о том, что вердикт о жизнеспособности той или иной государственно-территориальной конст-

рукции выносят люди, в ней проживающие, ибо “мера всех вещей — человек”⁷.

При этом следует добавить, что средства воздействия человека на формирование политического климата с ускорением темпа научно-технического прогресса резко возросли. Если в начале века В.И. Ленин справедливо утверждал, что “политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы”⁸, то сейчас, когда социальные структуры столь сложны и взаимозависимы, а техносфера столь уязвима, не только тысячи, но подчас несколько десятков убежденных в своей правоте и исполненных решимости бороться за нее активистов могут оказать существенное воздействие на ход политического процесса, даже если они просто, как шахтеры Кузбасса, выйдут на рельсы той самой железной дороги, об интегрирующем значении которой писал тот же самый цитировавшийся нами выше автор.

Человек является мерилom целесообразности и жизнеспособности того или иного государственного образования в его тех или иных границах. И в этой области, как и в других измерениях человеческой деятельности, нет и не может быть окончательных, вечных решений.

Это, естественно, не означает права насильственного изменения границ. Совсем нет. Просто государственно-территориальные образования все более становятся подобными таким же потребительским ценностям, как продукты питания и одежда. Человек выбирает их в конечном счете в соответствии со своими потребностями, возможностями и вкусами.

Но всегда ли это хорошо? Всегда ли простое сложение отдельных эгоизмов дает в сумме то, что действительно нужно как каждому индивидууму, так и обществу в целом? Не приведет ли простое следование потребительским инстинктам в государственно-правовой практике к анархии, охлократии и в итоге к глобальному конфликту? Не прав ли был И. Кант, утверждавший, что война — “естественное состояние (status naturalis)”, а “состояние мира должно быть установлено”⁹?

Лишь те из государственных образований являются жизнеспособными, которые реально соответствуют интересам как людей, населяющих их непосредственно, так и большинства других государств—членов международного сообщества.

Именно так на месте бывшей царской России возник Советский Союз, с одной стороны, как образование, призванное обеспечить физическое выживание вошедших в него народов против геноцида во второй мировой войне, а с другой — как составная часть антифашистской системы Объединенных Наций.

Когда угроза этому существованию была устранена, а с годами выясилось, что цена за интеграцию ради интеграции слишком высо-

ка, то это интеграционное образование развалилось, как “колосс на глиняных ногах”. Причем стремление к независимости со стороны России оказалось едва ли не самым действенным фактором, способствовавшим распаду Союза.

Но, с другой стороны, сохранилась и стала еще больше проявляться необходимость в поддержании интеграционных связей на новой основе, освобожденной от политической субординации и идеологических приоритетов. И опять же в интересах человека, точнее говоря, в интересах десятков миллионов людей, для которых развал Советского Союза стал личной проблемой, а подчас и семейной трагедией.

* * *

Говоря о сепаратистских режимах, не следует забывать одну “маленькую деталь”. Их образование явилось логичным продолжением процесса борьбы за права человека и права национальных меньшинств. Борьбы, которая совместно с другими факторами, может быть даже более важными, привела к ликвидации СССР. Цель этой борьбы — обеспечение прав человека, основных гражданских свобод и прав нацменьшинств. Таким образом, если мы хотим вырвать почву из-под ног сепаратистских устремлений, которые также присутствовали при образовании самопровозглашенных режимов, то необходимо стремиться к такому порядку вещей, при котором были бы исключены всякого рода проявления неуважения гражданских свобод и прав человека, а также обеспечены в полном объеме и наиболее надежно права национальных меньшинств на всем постсоветском пространстве.

Иными словами, урегулирование недостижимо до тех пор, пока сторонами будут ставиться вопросы об обеспечении прав одной какой-либо нации или национальной общины. Урегулирование возможно лишь как результат глобального обеспечения выполнения прав человека и национальных меньшинств в данном регионе в полном объеме. Таким образом, всемерное обеспечение прав человека независимо от этнической, религиозной и какой-либо другой принадлежности должно стать исходным пунктом урегулирования локальных конфликтов.

Каковы реальные пути, ведущие к этому?

Как нам представляется, необходимо начать с решения конкретных вопросов жизнеобеспечения в зонах конфликтов. Это вопросы энерго- и газоснабжения, свободы коммуникаций, обеспечения личной безопасности в условиях разгула криминалитета всех национальных и этнических оттенков.

Вопросы статусов и окончательного оформления новых политических реалий скорее всего придется отложить до того времени,

когда для этого созрели необходимые предпосылки. В противном случае военное противостояние, с таким трудом приостановленное усилиями трезвомыслящих политиков, обратится в противостояние политико-экономическое — бескровное, но мучительное для сотен тысяч жертв противостояния военного — беженцев, вынужденных переселенцев, наконец просто жителей затронутых конфликтами районов, лишенных возможности пользоваться благами нормальной жизни в нормальных условиях.

В связи с этим представляется весьма своевременным предложение президента Грузии Э. Шеварднадзе о принятии международного акта (конвенции или протокола), на основании которого будет обеспечена защита прав и свобод изгнанных из родных мест людей. Эти люди, по мнению президента, на основе международного права должны получить такие же признание и статус, которые имеют беженцы в соответствии с конвенцией ООН от 1951 года. “Необходимо, чтобы оставленная на месте постоянного проживания собственность, включая и землю, была признана неприкосновенной. И это должна сделать ООН, приняв соответствующий документ”, — считает Э. Шеварднадзе. По его словам, “в международном акте следует зафиксировать, что в случае добровольного возвращения изгнанных в места постоянного жительства до полномасштабного урегулирования конфликта они становятся субъектами защиты со стороны международных организаций”¹⁰.

Реализация предложения Э. Шеварднадзе возможна, как представляется, в рамках всеобъемлющего решения региональных конфликтов, в основу которого был бы положен императив обеспечения нормальных условий жизни людей.

Основные компоненты такого решения, видимо, должны быть следующими:

- признание международным сообществом (ООН, ОБСЕ) территориальной целостности Азербайджана, Грузии, Молдавии в границах соответствующих союзных республик бывшего СССР на время до начала конфликтов (ориентировочно до 1988 г.);

- признание самопровозглашенных режимов на территории конфликтов в качестве фактических органов административной власти, приравненных по своим правам к другим органам местной администрации на территории соответствующих государств (Азербайджана, Армении, Грузии);

- ввод в зоны конфликтов международных сил по поддержанию мира и международных и полицейских сил, достаточных для обеспечения гражданского и общественного порядка;

- возвращение беженцев в зоны постоянного проживания под международным наблюдением и контролем;

— проведение в самопровозглашенных образованиях выборов в органы всех ступеней и ветвей власти с участием международных наблюдателей и под международным контролем;

— прекращение блокадных мероприятий и экономических санкций против самопровозглашенных режимов;

— деблокирование под международным контролем и наблюдением интернациональных транспортных путей и коммуникаций, проходящих через зоны конфликтов;

— приравнивание документов лиц, проживающих постоянно в зонах конфликтов, при их выезде за границу к документам соответствующих государств — Азербайджана, Грузии, Молдавии;

— осуществление программ демилитаризации сторон, принимающих участие в конфликтах;

— осуществление крупномасштабных программ международной экономической и гуманитарной помощи населению в зонах конфликтов;

— замораживание вопроса о статусе так называемых самопровозглашенных образований до формирования необходимых политических и других предпосылок.

Ясно, что в большинстве конфликтных точек на территории бывшего СССР обеспечение стабильного мира требует реального участия международного сообщества, в том числе и присутствия соответствующих контингентов по поддержанию мира.

Масштабы этой миротворческой деятельности только в стоимостном выражении уже при первом приближении заставляют задуматься. Так, развертывание миротворческого контингента в Нагорном Карабахе по одному из разрабатываемых в настоящее время вариантов обойдется международному сообществу в 286 млн. долл. в год. Эта сумма в 6 раз превышает весь бюджет ОБСЕ на 1996 год, включая расходы на выполнение задач в Боснии и Герцеговине¹¹.

Такие действия и такие затраты требуют создания гораздо более мощных, чем в настоящее время, структур, обеспечивающих целенаправленную координацию действий международного сообщества, предполагают прежде всего наличие необходимой для этого политической воли мировой просвещенной элиты, оформленной в соответствующие организационные рамки.

Ничего подобного в современном мире нет и в силу раздирающих его внутренних противоречий в самое ближайшее время не предвидится. Скорее наоборот. Число болевых точек на теле международного сообщества увеличивается численно, дезинтеграционные процессы нарастают, а попытки США и Европейского Союза установить свои "правила игры" в региональном урегулировании не встречают единодушного одобрения. Это происходит еще и потому, что они нацелены не только на умиротворение и предотвращение

кровапролития, но и на укрепление своих политических и военно-стратегических позиций в соответствующих регионах. Об этом, в частности, свидетельствует заявление специального советника государственного секретаря США по вопросам новых независимых государств Стефена Сестановича в комитете палаты представителей по международным делам Конгресса США от 30 апреля 1998 г., в котором в качестве цели политики США на постсоветском пространстве обозначено создание “экономически выгодного евразийского транспортного коридора между Востоком и Западом, который даст возможность доставлять каспийские энергетические ресурсы на мировые рынки”. Это Ст. Сестанович называл “частью широко-масштабной стратегии, включающей поддержку мира, стабильности и демократии, соблюдение прав человека, развитие рыночной экономики, открытость в отношении Соединенных Штатов и американо-атлантические и глобальные системы”¹². Как видим, понятия “*демократия*” и “*открытость в отношении США*” при таком подходе представлены как синонимы. Но всегда ли это так? И как долго еще нужно идти к формированию универсально признанного и эффективного механизма поддержания международной стабильности и правопорядка?

* * *

Достаточного времени на формирование политической воли к действительному объединению человечества история, однако, не дает. Дело ведь не только в рассматриваемых нами региональных конфликтах, а в том, что они являются одним из наиболее наглядных политических проявлений глобального кризиса цивилизации — кризиса между человеком и созданной им самим техносферой. Эта безудержно развиваемая уже в силу своей собственной внутренней логики техносфера дает и глобальное потепление климата, и озоновые дыры, и демографический взрыв, и многие другие вынутые из ящика Пандоры глобальные проблемы современности. Эти проблемы в конечном счете протекают из отставания мышления современного человека и организации международного сообщества, от безумных и ничем не ограничиваемых темпов научно-технического прогресса. Как сказал в свое время А. Эйнштейн, “расколоть ядро атома оказалось намного проще, чем поломать предрассудки в сознании людей”.

Перемышкой, которая объединяет так называемые локальные политические конфликты с другими проявлениями технологического кризиса цивилизации, служит развитие материальных средств ведения войны. Трудно представить себе более наглядный символ кризиса цивилизации, чем психологически неуравновешенный бое-

вик, как правило наркоман, на вооружении которого и бесшумная винтовка с лазерным прицелом, и мина с блоком дистанционного радиоуправления, и сильнодействующий психотропный наркотик, и еще много чего из арсенала современных террористов. Сравнительно небольшая хорошо организованная группа таких лиц вполне может представить угрозу для международной безопасности. Заметим, что в отсутствие защиты со стороны международного сообщества жертвы этих групп тоже организуются в подобные же формирования, что, в свою очередь, отнюдь не способствует международной стабильности.

Все это происходит на фоне трех взаимосвязанных социально-политических доминант, определяющих картину современного мира и являющихся главными факторами—носителями будущего. Это, во-первых, продолжающийся рост разрыва в доходах между населением немногочисленных так называемых передовых стран, входящих в мировую элиту, и составляющим подавляющее большинство человечества населением стран бывшего “третьего мира”. Во-вторых, демографический взрыв и меняющаяся на наших глазах расовая структура населения человечества. В-третьих, продолжающееся, несмотря на все усилия мировой элиты, распространение передовых военных технологий, в том числе производства оружия массового уничтожения. Как заявил недавно Терри Хокинс, специалист Национальной лаборатории США в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико), террористическая группа, захватившая ядерные материалы и владеющая технологией производства соответствующих устройств, могла бы стать самым значительным вызовом западной цивилизации, когда-либо имевшим место¹³.

* * *

Конечно, центробежным силам мирового развития противостоят не менее мощные центростремительные силы, воплощающие разум и совесть современного мира. Они в последнее время достаточно ярко выразили себя в международных документах. Понимание нестандартности складывающейся ситуации четко обозначилось, например, в совместном заявлении российского и американского президентов о вызовах всеобщей безопасности от 2 сентября 1998 г., в котором, в частности, говорится, что “общие вызовы безопасности на пороге XXI века могут быть отражены только посредством последовательной мобилизации усилий всего международного сообщества. Для этого должны быть использованы все имеющиеся ресурсы. В случае необходимости мировое сообщество должно своевременно принимать эффективные меры по противодействию таким угрозам”¹⁴.

Это понимание, однако, пока еще далеко не адекватно масштабу вызовов, с которыми столкнулось человечество на рубеже веков. Но, что еще более опасно, даже эти робкие призывы к человечеству со стороны его просвещенных лидеров обратить внимание на стоящие перед цивилизацией глобальные угрозы наталкиваются не просто на глухую стену непонимания, а на злобствующее раздражение обывательского большинства, убежденного в том, что “ничего особенного” не происходит, а XXI век будет таким же, как XX или X.

Таким людям невольно хочется напомнить гипотезу одного из создателей ядерной и нейтронной физики Энрико Ферми, который из не опровергнутой до сих пор в научном плане презумпции отсутствия каких-либо доказуемых контактов человечества с внеземными цивилизациями сделал еще в 1950 году вывод фундаментальной научной значимости: либо земная цивилизация — единственная во Вселенной, либо всякая цивилизация, достаточно развитая, чтобы вступить в коммуникацию с другой планетой, обречена на самоуничтожение¹⁵.

Гипотеза Э. Ферми впоследствии получила развитие в работах американского астрофизика немецкого происхождения Себастьяна фон Хорнера. В отечественной науке ею серьезно и плодотворно занимался выдающийся отечественный астрофизик И.С. Шкловский, которому “сама по себе идея, что время существования технически развитой цивилизации ограничено”, представлялась “вполне разумной”¹⁶. И.С. Шкловский добавлял при этом, что земляне, видимо, не так уж далеки от этого технологического “дня X”, так как по некоторым “показателям” они вплотную приблизились к физическим пределам некоторых параметров своей жизнедеятельности¹⁷. Они, например, могут общаться друг с другом и анализировать данные научных исследований с максимально возможной быстротой — со скоростью света, использовать источники энергии, достаточные для того, чтобы изменить климат Земли, а уж если они начнут воевать друг с другом “по-крупному”, то, вне всякого сомнения, уничтожат на ней все живое. Уже сокращенного ракетно-ядерного потенциала одной России достаточно, чтобы гарантированно сделать это 40 раз подряд.

Впрочем, нетрудно видеть, что астрофизический катастрофизм, выраженный в гипотезе Э. Ферми и в работах И.С. Шкловского, С. фон Хорнера, В.В. Легасова, Г. Наана, А. Раппопорта и других ученых с мировым именем, является современным преодолением технологического пессимизма, который всегда был свойствен мыслителям различных стран и народов. Им проникнуто такое произведение мировой литературы, как “Фауст” И.В. Гёте, а известный персонаж романа английской писательницы М. Шелли Франкенштейн стал символом бездумного творения человеческого гения, погубившего своего творца.

Развивая гипотезу Э. Ферми, можно сделать вывод, что чем скорее человечество вступит в контакт с внеземными цивилизациями, тем скорее оно преодолеет некий “технологический” барьер, достигнув который “самоуничтожились” гипотетические внеземные цивилизации. Поскольку современные технологии, необходимые для производства средств контактов с другими цивилизациями и материальных средств ведения войны, во многом совпадают (ракеты-носители, электронные средства связи, телекоммуникации, сверхмощные радиостанции, супер-ЭВМ, композитные материалы), желание сохранить цивилизацию в большой степени конкретизируется в усилиях по предотвращению милитаризации космического пространства и распространения оружия массового уничтожения.

Позитивные изменения в российско-американских отношениях в последние годы, связанное с ними снижение риска возникновения глобального термоядерного конфликта не должны порождать, однако, ложной иллюзии снятия угрозы самоуничтожения человечества. Технологический кризис, как характеризовал складывающуюся в отношениях человека с техносферой ситуацию академик В.В. Легазов, продолжается. Человечество все более становится заложником создаваемых им самим все более совершенных компьютерных и иных систем.

И если риск глобального военного столкновения между ядерными державами сейчас практически сведен к нулю, то риск, проистекающий из роста международного терроризма и неконтролируемого распространения передовых военных технологий, на наших глазах приобретает все более и более осязаемые очертания.

Одно из этих очертаний — локальные конфликты на этнической почве, которые являются как бы бикфордовым шнуром к подрыву всей системы международной безопасности и стабильности.

* * *

Для того чтобы мнение просвещенной элиты, выраженное в приведенном выше совместном заявлении лидеров России и США, обрело реальную силу, необходимо, чтобы это мнение стало исходным пунктом идеологии политического движения. Тогда, по словам классика, оно приобретет силу, перед которой будут бессильны все армии мира.

Такой идеологии у просвещенной мировой элиты в настоящее время нет. Длительное время ее роль выполняла христианская мораль. Именно ее в свое время настойчиво продвигал президент США Р. Рейган, когда, критикуя советских руководителей, говорил: “Они не разделяют наших взглядов на нравственность, поскольку не верят в то, во что верим мы, — они не верят в загробную жизнь, не верят в Бога, и у них нет религии, поэтому для них нравственно только то,

что содействует успеху дела социализма; исходя из этого, они считают себя вправе делать все, что будет способствовать успеху этого дела, а в этом, как они считают, нет ничего аморального”.

Эти несколько наивные утверждения подвергались осмеянию тогдашними кремлевскими идеологами, но, как говорится, по-настоящему смеется только тот, кто смеется последним. Идеология христианской морали, как идеология правящей элиты и ее основной социальной опоры — мощного среднего класса, сыграла важную роль в победе Запада в холодной войне.

Сейчас, однако, христианская мораль сама переживает кризис, так как программная роль основополагающих христианских догм выработана на сто процентов. Просвещенный человек в конце второго тысячелетия от Рождества Христова уже не верит, а точно *знает*, что его может ожидать достаточно близкий конец цивилизации, но не из-за злонамеренных козней антихриста, а в результате его собственных ошибочных операций с современными технологиями. Чтобы знать это, можно не читать Библию, а вспомнить Чернобыль или ознакомиться с анализом совокупного воздействия глобальных проблем на цивилизацию, из которого американские глобалисты делают вывод о том, что “где-то” к 2030 году¹⁸ человечество дорастет до катастрофического предела технологической развитости.

Это не значит, конечно, что человек избавился от Бога. Нет. Потребность в вере остается одним из наиболее действенных параметров человеческой души, мировоззрения человека. Вопрос заключается лишь в том, во что верить.

* * *

Среди немногих “эффективных” верований современного мира возьмем ислам. Религиозные мусульманские экстремисты проповедуют веру в счастье в загробной жизни. Реально оценивая окружающую ее действительность, их паства убеждена, что в земной жизни не только счастья, но даже элементарного материального достатка быть не может. Всякий, кто не разделяет этого мнения, даже если он мусульманин, является их врагом. В этой лабораторной ясности как в капле воды отразилась идеологическая картина современного мира.

Можно считать, что идеология моджахедов примитивна. Но нельзя отрицать того, что она *эффективна*. Эффективна, потому что она включает в себя элемент *веры*. Той самой веры, о которой тоже примитивно говорил президент Р. Рейган.

Но современный человек в просвещенных странах уже не верит в канонического Бога, которого имел в виду Рейган. Не верит в бессмертие и воскрешение. С гораздо большей степенью уверенности он может утверждать только одно: цивилизация может погибнуть и

возможно, что это произойдет очень скоро. В этих условиях единственно рациональной является идеология гедонизма, основанная на желании взять от жизни как можно больше в наименее короткие сроки.

При столкновении этих двух идеологий (просвещенного гедонизма и примитивного фидеизма) в реальной жизни победа, естественно, остается на стороне идеологии религиозного фундаментализма, так как исповедующие ее солдаты безоговорочно принимают смерть в бою.

Самая большая угроза заключается, однако, в том, что в ходе реального политического процесса государства и социальные группы, исповедующие фундаментализм и религиозный экстремизм, приобщаются к высоким, в том числе и военно-прикладным, технологиям, которые им сплошь и рядом продают высокоразвитые страны, население которых, зараженное идеологией гедонизма, готово в угоду удовлетворения своих потребительских инстинктов пойти на продажу самых передовых военно-технических технологий в зоны преобладания агрессивного примитивного менталитета.

Неизбежное столкновение между этими двумя идеологиями само по себе чревато глобальной катастрофой, конкретным проявлением достижения нашей цивилизацией этапа технологической зрелости.

При таком подходе к глобальным проблемам современного мира важнейшей предпосылкой выживания становится новая (ее еще нет) универсальная идеология наиболее просвещенной части современного человечества, на основе которой может быть выработана политическая воля, способная обеспечить централизованное начало в управлении цивилизацией в интересах ее самосохранения. Какой же должна быть такая идеология?

Это должно быть нечто такое, что необходимо сочетает в себе эмоциональную силу воздействия, равную силе воздействия новой веры на первохристиан, и рациональность точно обоснованных научных выводов на уровне информационной технологической революции нашего времени.

Центральное место в такой идеологии должно занимать представление о глобальном кризисе цивилизации. При таком понимании естественным является толкование каждого частного кризиса в любой сфере человеческой деятельности как проявления общего глобального кризиса. Это в полной мере относится и к локальным конфликтам, возникающим в наше время на этнической, конфессиональной или социальной почве.

Эта новая идеология помимо веры в канонического Бога, которую люди вправе разделять или не разделять на основе свободы совести, должна обязательно включать достоверные представления о научно-технических соответствиях (аналогах) традиционных рели-

гиозных догматов — бессмертия, воскрешения, загробной жизни, рая, ада, чистилища.

Эта идея получила, в частности, развитие в мировоззренческом направлении, известном научной общественности под названием “русский космизм”, — системе взглядов на природу, общество, смысл бытия и предназначение человека, разработанной выдающимися отечественными учеными-мыслителями — основоположником теоретической космонавтики К.Э. Циолковским, основоположником геохимии В.И. Вернадским, основоположником гелиобиологии А.Л. Чижевским и мыслителем-энциклопедистом, сотрудником российского Министерства иностранных дел Н.Ф. Федоровым.

В одной из бесед с А.Л. Чижевским в 1932 году К.Э. Циолковский дал определение религиозной символике как “смутной догадке о будущем человечества”. “Мы должны признать за ней право на существование, — сказал он, — ибо нельзя многие миллионы людей признать полуумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами (“душа”, “потусторонний мир”, “рай”, “ад”. — В.П.) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения”¹⁹.

Научно-техническая революция последней четверти XX столетия, известная как информационно-технологическая, вплотную приблизила человечество к “космической расшифровке” традиционных религиозных догматов. С ее позиций эквивалентом *бессмертия* выступает искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей; *воскрешения* — бионическое моделирование данной конкретной личности; *души* — информация об этой личности, служащая как бы исходной базой для такого моделирования; *рая* — совместное проживание всех воскрешенных в бесконечных пространствах космоса.

Обладание знанием о своих реальных возможностях в познании современного мира в сочетании с верой в традиционные религиозные символы позволило бы создать идеологические основы для прекращения смуты, всякого рода региональных конфликтов, для решения глобальных экономических проблем, формирования нового универсального миропорядка и в конечном счете выживания человечества.

* * *

Таким образом, нам остается суммировать изложенное и повторить основополагающий вывод из проделанного исследования.

Абсолютная гармония межнациональных отношений при соблюдении прав и свобод всех и каждого — идеал, к которому мы стремимся, приближаясь к нему в той или иной степени, но никогда не достигая его в полной мере. Таким образом, всегда будет иметь место

некое “поле риска” возобновления конфликта по тому или иному поводу.

В бывшем Советском Союзе это “поле риска” регулировалось, как правило, за счет Российской Федерации. Сама граница толерантности определялась не только политическими или экономическими критериями, но и наличием мощной, достаточно развитой идеологии, которая обосновывала жертвы одних во имя общей цели. Идеология выполняла роль цементного раствора при возведении стены, универсального компенсатора недостатков политико-экономической системы.

Сейчас трудно представить себе общую идеологию, которая могла бы подтолкнуть участников конфликта в Нагорном Карабахе к взаимным уступкам. Идеологические позиции сторон в этом конфликте определяются одним — узкими национально-государственными интересами, но, увы, взаимоисключающими друг друга. Но нет и, наверное, не может в настоящее время существовать идеология, которая вдохновила бы солдат какой-либо третьей страны воевать за торжество правопорядка в зонах локальных конфликтов на постсоветском пространстве.

Старая идеология социалистического интернационализма в принципе была хороша как смазка для регулирования трений межнационального общения до тех пор, пока сам Советский Союз из социалистического не превратился в военно-бюрократическое империалистическое государство, потерпевшее закономерное поражение в холодной войне.

Нынешнее состояние России, СНГ и всего мира в целом намного хуже, чем господство той или иной идеологии. В нашей стране в начале 90-х годов официально был провозглашен и возведен в ранг официальной догмы, правда на короткое время, принцип, что политика, в том числе и внешняя, должна быть “деидеологизированной”.

Этот ницшеанский по своей сути тезис весьма точно отразил военно-политические реалии на поле межнациональных конфликтов, в которых граждане бывшего единого государства воевали друг против друга с ожесточением большим, чем в сражениях с совместным врагом во время второй мировой войны.

Вместе с тем внешняя политика как средство урегулирования межнациональных конфликтов должна быть идеологизированной, должна покоиться на примате потребностей человека, верховенства права, пресечения и наказания военных преступлений, гуманизма, авторитета государства как средства реализации интересов человека и защиты его прав. А ведь это и есть важнейшие компоненты идеологии, если, конечно, ее не трактовать как внешнеполитическую пропаганду.

В настоящее время какой-либо универсальной идеологии нет. На ее место реально может претендовать, на наш взгляд, приведенное в соответствие с современностью учение российского космизма. Впрочем, не только российского. Независимо от наших отечественных ученых те же самые идеи высказывали Джавахарлал Неру и П. Тейяр де Шарден, другие ученые и мыслители. Существует, наконец, целая современная религиозная конфессия (бахаизм), одним из основополагающих принципов которой является синтез научного знания и религиозной веры.

Необходимы ли человечеству новые социально-экономические потрясения для того, чтобы новая идеология единства мира наконец восторжествовала? Дурак, как говорится, учиться на своих ошибках, умный — извлекает уроки из ошибок других. Люди учатся у людей, семьи — у семей, народы — у народов, государства — у государств. Но человечеству в целом учиться не у кого. Мы одни во Вселенной. Наши возможные братья по разуму в далеких мирах гибнут скорее всего в таких же обстоятельствах, с которыми столкнулись мы на этапе технологической зрелости. Так, может быть, воспользоваться их печальным опытом и не повторять его? Пока не поздно.

¹ Шагинян М. Нагорный Карабах. — М. — Л., 1927. — С. 4—5.

² Там же. — С. 4.

³ Лучинский и Смирнов во вторник будут обсуждать экономические проблемы. Интерфакс, 16 февраля 1998 г.

⁴ Rostow W. United States in the World Arenas. — N.Y., 1997. — P. 414.

⁵ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 1998 г. Документ ИТАР-ТАСС НОМ=ZB488, ДАТ=23.09.1998, БА3=СССР, КЛЮ=ООН-РОССИЯ, НАП=РСКТ, ИДЕ=001003341 ООН-РОССИЯ-АС-САМБЛЕЯ-ИВАНОВ.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 13.

⁷ Протагор из Абдеры. Истина//Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 543.

⁸ Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта//Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 16.

⁹ Кант И. Соч. (в шести томах). — Т. 6. — М., 1965. — С. 266.

¹⁰ Сообщение корреспондента ИТАР-ТАСС Т. Пачкория из Тбилиси от 13.09.1998 г.

¹¹ Справочник ОБСЕ. Второе издание. — Вена, 1996. — Приложение XI.

¹² Политика Соединенных Штатов на Кавказе и в странах Средней Азии. Выступление специального советника государственного секретаря США по вопросам новых независимых государств Стефена Сестановича в комитете палаты представителей по международным делам//Содружество Независимых Государств. — 1998. — № 5.

¹³ Nuclear weapons and terrorists: a deadly combination, CNN News Line, January 16, 1997. <http://conn.com/TECH/9701/16th/nuclear/index.html>.

¹⁴ The OSCE Documents, SEC. DEL/20198, 3 September 1998, "Joint Statement on Common Security Challenges at the Threshold of the Twenty First Century", p. 7.

¹⁵ Даллакруза Дж. В поисках внеземных цивилизаций//Америка. — 1989. — № 396. — С. 40.

¹⁶ Шкловский И.С. Вселенная: жизнь, разум. — М., 1976. — С. 257.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 257.

¹⁹ Чижевский А.Л. Теория космических эр//Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. — Тула, 1986. — С. 419—427.

г. Вена (Австрия)

Статья поступила в редакцию в марте 1998 года.

Международное частное право

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ*

С.Н. Лебедев**

В контексте одного из важных вопросов права международной торговли, а именно разрешения споров, возникающих в договорных отношениях, XX век ознаменовал универсальное признание арбитража, или третейского суда, — института частного правосудия, создаваемого самими договаривающимися сторонами, обычно принадлежащими к различным странам.

Поиск новых и оптимальных возможностей в данной сфере, отвечающих меняющимся практическим потребностям и концептуальным оценкам, никогда не прекращается, включая, например, явственно возросший интерес к различным другим альтернативным методам улаживания споров. Так, традиционно считавшаяся феноменом восточной правовой культуры согласительная процедура привлекает к себе весьма широкое внимание в международном деловом общении, подтверждением чему на регламентационном уровне служит наряду со многими другими актами принятие Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1980 году Регламента согласительной процедуры, который Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала для использования сторонами, стремящимися к

* Настоящий текст представляет собой доклад, подготовленный для международной конференции ЮНСИТРАЛ “40 лет Нью-Йоркской конвенции” (Нью-Йорк, июнь 1998 г.) на основе тезисов, представленных на первой в России региональной конференции Ассоциации международного права (АМП) и Российской ассоциации международного права (Москва, сентябрь 1997 г.). Предложения о возможной унификации норм об обеспечительных мерах были высказаны на 67-й конференции АМП (Хельсинки, август 1996 г.).

** Заведующий кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД РФ, председатель Морской арбитражной комиссии, член Президиума Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате (ТПП) РФ.

мирному урегулированию спора путем обращения к согласительной процедуре (резолюция 35/52 от 4 декабря 1980 г.).

Существующая и известная практика в области международных коммерческих контрактов самых различных видов — от традиционной купли-продажи до инвестиционных проектов, от морских перевозок до операций с ценными бумагами, объектами интеллектуальной собственности, электронной торговли и пр. — дает веские основания ожидать, что арбитраж, прогрессивно эволюционируя как в ракурсе практического применения, развития всемирной сети институционных центров и т.п., так и в ракурсе нормативного регулирования, сохранит свое ведущее значение среди альтернативных (внесудебных) средств разрешения споров в наступающем XXI веке, получит дальнейшее распространение в тех сферах и регионах, где пока что по различным причинам он еще не воспринят в адекватной мере. Анализ истории применения арбитража в международном торговом обороте может выявить различные факторы, обуславливающие его принятие, в том числе нельзя не вспомнить и политические, например когда он рассматривался в качестве едва ли не единственно приемлемого инструмента в рамках экономических отношений между партнерами из стран с различным общественным строем. Однако реальный опыт подтверждает, что арбитраж обладает общезначимой ценностью, на которую, можно сказать, ориентируются и будут ориентироваться деловые круги на постоянной основе. В частности, фундаментальные изменения, происшедшие в России после 1991 года, ни в какой мере не снизили прежний интерес к международному коммерческому арбитражу, предельно расширился лишь круг практически заинтересованных в нем деловых людей.

Важным фактором в нормативном отношении наряду с развитием национального законодательства служат международные усилия по унификации режима коммерческого арбитража. Нет нужды особо говорить, в частности, об одной из наиболее “счастливых” (с точки зрения универсального принятия) частноправовых конвенций — Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, о таких региональных документах, как Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1958 года и Панамская конвенция о международном коммерческом арбитраже 1975 года, о Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, разработанном в 1985 году и принятом в качестве собственного закона более чем в 25 странах, включая Россию и Австралию, Египет и Украину, Болгарию и Канаду, Бахрейн и ряд штатов США, Нигерию и Перу и т.д.

Перспективы развития и упрочения режима международного коммерческого арбитража с учетом практических потребностей, опыта

деятельности арбитров и арбитражных институтов, судебных решений и прежде всего интересов “дестинаторов”, то есть самих деловых кругов, чьим нуждам он призван служить, связаны с научной разработкой проблем арбитража и подготовкой проектов новых нормативных решений, что, как известно, активно делается в настоящее время, в том числе на международной основе. Хотя, разумеется, не все проблемы, привлекающие интерес, могут быть реализованы комплексно в нормативных документах, тем более международных, их обсуждение, признание их актуальности и т.д. готовят почву для последующих практических мер *de lege ferenda* (будущего законодательства).

Одной из таких проблем является, по моему мнению, взаимодействие судов и арбитров в отношении мер обеспечения тех требований, которые в силу соглашения сторон подлежат разрешению в арбитражном порядке. Сложности, возникающие в контексте международного арбитража, состоят в том, что очень часто рассмотрение спора должно иметь место в одной стране, а исполнение решения — в другой стране, где может находиться имущество должника.

Уместно вспомнить, что большая и успешная работа по близкой тематике была проведена в рамках Ассоциации международного права. На ее 64-й конференции в Квинсленде был создан комитет, в состав которого вошли многие крупные специалисты из разных стран (председатель — П.Е. Нигъ) и который занялся исследованием вопросов об обеспечительных мерах при судебных процессах по спорам между субъектами права различных стран (международные тяжбы). Экспертами был собран обширный материал по нескольким странам, показавший значительные различия не только по форме, но и по существу в регулировании данных вопросов. При этом имелись в виду две задачи: а) меры по обеспечению тех средств (денежных и иных), на которые может быть обращено взыскание по будущему судебному решению, и б) сохранение *status quo* в рамках отношений между сторонами до разрешения их спора. В качестве парадигмы избрали наиболее типичную ситуацию, связанную с возможностью замораживания денежных сумм, депонированных на банковском счете в другой стране, нежели в стране, где происходит или должен происходить судебный процесс по существу дела. Известно, насколько быстро при нынешних методах банковских операций возможно транснациональное перемещение денежных средств, в отсутствие которых приведение решения в исполнение, при уклонении должника, часто оказывается невозможным. Интересам правосудия соответствовало бы установление специальной, или субсидиарной, юрисдикции суда для принятия обеспечительных мер в помощь зарубежному судебному процессу. В рамках данной темы, исключительно многогранной, большая работа комитета заверши-

лась принятием “Принципов о временных и обеспечительных мерах при международных тяжбах”, представленных последней конференцией в Хельсинки в августе 1996 года в очень содержательном сообщении С. Маклахэна, докладчика комитета.

Применительно к арбитражу обеспечение исковых требований имеет свои особенности и сложности по сравнению с судебным процессом, практически это еще более актуальная проблема.

Будучи институтом частного правосудия, базирующимся на соглашении сторон, арбитраж не обладает теми властными полномочиями, которыми наделен суд. Следует заметить, впрочем, что в последнее время наблюдается тенденция к предоставлению арбитрам дополнительных прав, в частности посредством широкого толкования той миссии, которая возлагается на арбитров соглашением сторон. Эта тенденция обнаруживается особенно явно в силу того, что частью арбитражного соглашения признаются положения арбитражного регламента, о применении которого договорились стороны. В этих регламентах, как международных (Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, ст. 26), так и принятых многими институционными арбитражами (например, Лондонским судом международного арбитража, ст. 25, Американской арбитражной ассоциацией, ст. 22, Международной торговой палатой, ст. 23 и др.), предусматривается возможность принятия арбитрами промежуточных мер. Более того, возможность таких мер предусмотрена и в законах, в частности принятых на основе типового закона ЮНСИТРАЛ (ст. 17), в новом английском законе 1996 года (ст. 38) и новом индийском законе 1996 года (ст. 17) и др. По общему правилу, однако, объем полномочий арбитров ввиду самого их статуса по необходимости ограничен и охватывает лишь такие распоряжения, которые касались бы “предмета спора” (“subject matter of the dispute”), например, судя по известной практике, продажи скоропортящихся товаров, неосуществления платежа по аккредитиву, приостановления или продолжения исполнения контракта и т.п. Хотя подобные меры несомненно носят имущественный характер, они не служат средством обеспечения иска *stricto sensu* (в строгом смысле слова). Что касается некоторых новых, более широких формулировок в некоторых регламентах, например о вынесении арбитрами распоряжений “о любых промежуточных и охранительных мерах” (ст. 23.1 арбитража МТП) или “обеспечения ответчиком посредством банковской гарантии или депозита всей или части спорной суммы” (ст. 25.1а Лондонского арбитража), то возникает вопрос об исполнимости таких распоряжений в отсутствие нормативной санкции.

Предусматриваемая некоторыми законами свобода сторон договариваться о более широких полномочиях арбитров реально не обес-

печивает адекватных возможностей в этой части. Как подчеркивают комментаторы, дело не только в том, что арбитры могут обладать юрисдикцией лишь в отношении самих сторон и их имущества (но не в отношении каких-либо третьих лиц, например банков, в которых депонированы деньги), но и в том, что арбитры не обладают принудительной властью для реализации своих распоряжений, а одной лишь санкции в виде негативных выводов арбитров по поводу неисполнения их распоряжения ответчиком оказывается зачастую недостаточно. В германском законе об арбитраже 1938 года (включенном в 10-й раздел ГПК) ст. 1033 в дополнение к тому, что предусмотрено в ст. 17 Типового закона ЮНСИТРАЛ (принятого законодателем за основу), оговорила содействие суда в реализации распоряжений арбитров, которые, однако, могут касаться, как уже упоминалось выше, только “предмета спора”. Помимо прочего, существенное значение имеет и то, что арбитражный суд может осуществлять свои полномочия лишь после того, как он сформирован, а это занимает определенное время после возникновения спора, в течение которого, или даже еще ранее, должник может распорядиться своим имуществом, исчезающим через “черную дыру”. Более того, арбитры часто не склонны выносить такие решения ввиду неуверенности в том, что они будут исполнены.

В законодательной практике есть некоторые решения, идущие дальше того, о чем сказано выше. Например, в законодательных актах о двух институционных арбитражах — Международном коммерческом арбитражном суде (МКАС) и Морской арбитражной комиссии (МАК) при Торгово-промышленной палате РФ (Приложения I и II к Закону 1993 г., ст. 6 и ст. 4, соответственно) — сохранено положение, действующее с 1930-х годов, о праве председателя МКАС и председателя МАК вынести постановление по просьбе стороны об обеспечении иска по делам, подлежащим по соглашению сторон рассмотрению в МКАС и МАК, в том числе до предъявления иска истцом. На практике выносятся, например, постановления о предоставлении ответчиком банковской гарантии, до предоставления которой банку, где имеются денежные средства должника, предписывается заморозить соответствующую сумму. По делам МАК, как сказано в ст. 4, может быть, в частности, предусмотрен арест судна или груза, находящихся в российском порту. Юридическая сила таких постановлений, в том числе для третьих лиц, базируется на прямых указаниях в законе, то есть в ст. 6 и 4, соответственно.

В китайском Законе об арбитраже 1994 года (ст. 28), а также в регламентах институционных арбитражей (в частности, Арбитражной комиссии по международным экономическим и торговым делам, ст. 23 и МАК, ст. 22) предусмотрено, что в случае, если

сторона ходатайствует о принятии обеспечительных мер, сама арбитражная комиссия (а не арбитры) обязана в соответствии с гражданско-процессуальным кодексом передать это ходатайство в народный (или морской) суд по месту нахождения другой стороны или ее имущества.

Статья 183 швейцарского закона о международном арбитраже (разд. 12 Закона о международном частном праве 1987 г.) наделяет арбитров правом выносить приказы о временных и обеспечительных мерах, предусматривая, однако, что в случае их неисполнения стороной сами арбитры могут “запросить содействие от компетентного суда”.

Для контрастности в части различных подходов к данному вопросу можно сослаться на ст. 753 аргентинского ГПК, где прямо исключается возможность для арбитров принятия каких-либо “принудительных мер, требующих исполнения”.

В целом, однако, сравнительный анализ правовых норм судебной и известной арбитражной практики в различных странах свидетельствует о том, что сами арбитры по общему правилу не обладают эффективными возможностями для обеспечения иска. Такие обеспечительные меры, по-разному именуемые в разных странах (*saisie conservatoire*, *attachment*, *injunction*, *arrest* и т.д.) и относящиеся к стадии до вынесения арбитражного решения (*pre-award stage*), могут быть приняты судебными учреждениями. В некоторых странах, например в США, считается, что, несмотря на договорную природу арбитража, соглашение сторон (об арбитраже в США), исключающее обращение в суд по поводу таких мер, противоречило бы публичному порядку.

При самом первом обращении к законодательству отдельных стран можно убедиться, однако, в различном подходе к вопросу о судебных мерах по обеспечению иска по делам, подлежащим рассмотрению в арбитражном порядке. В ряде стран существуют прямые указания в законе о том, что суд обладает юрисдикцией для вынесения обеспечительных приказов по арбитражным спорам, хотя сами эти указания могут быть либо более, либо менее подробными, условия и формы их часто разнятся с учетом национальных процессуальных традиций и особенностей и пр. Например, в законах отдельных штатов США содержится ряд детальных предписаний (например, § 7502 Закона и правил по гражданской практике штата Нью-Йорк), а в проекте нового шведского арбитражного закона содержится самое общее указание о том, что до начала и в ходе арбитража судом могут быть приняты обеспечительные меры, “которые суд по закону обладает юрисдикцией принимать” (ст. 4). Но есть и другие законодательные решения, в свете которых принятие обеспечительных мер оказывается невозможным. Например, в силу

российских процессуальных законов, весьма подробно регулирующих режим обеспечения иска, суд может принять соответствующие меры лишь по иску, уже предъявленному в этот суд, что исключает возможность обеспечения требования, которое имеется в виду предъявить в качестве искового в будущем (ст. 133 ГПК 1964 г., ст. 75 АПК 1995 г.). В силу этой общей нормы возможно обеспечение лишь судебных исков, но не тех требований, которые подлежат рассмотрению в арбитражном порядке, и даже не тех из них, по поводу которых уже начато арбитражное производство.

Российский закон 1993 года, основанный на Типовом законе ЮНСИТРАЛ, предусматривает, что обращение сторон в суд до или во время арбитражного разбирательства о принятии мер по обеспечению иска и принятие судом таких мер не являются несовместимыми с арбитражным соглашением (ст. 9). Данная статья совпадает по смыслу со статьей 6.4 Европейской конвенции 1961 года, их цель — подтвердить, что арбитражное соглашение не препятствует обращению в суд по поводу обеспечительных мер, что такое обращение не затрагивает действия арбитражного соглашения и не возлагает рассмотрение самого спора по существу на суд, что судебные обеспечительные меры считаются содействующими эффективности арбитража. В одном из решений (Вахта, 1991 г.), принятом судом Испании, которая является участницей Европейской конвенции и в которой ст. 1428 ГПК, подобно российским кодексам, предусматривает обеспечение лишь судебных исков, ст. 6.4 была истолкована как исключение из этого общего правила, которое с точки зрения его формулировки состоит в том, что судья вправе принять обеспечительные меры в поддержку арбитража, причем даже тогда, когда он имеет место в другой стране (в этом случае — в Швейцарии).

Однако вопрос об обеспечительных мерах в отношении дел, подлежащих рассмотрению в арбитраже, привлекает к себе особое внимание именно в тех случаях, когда арбитраж имеет место в одной стране, а средства стороны как объект таких мер находятся на территории другой страны и компетентным форумом является ее суд.

Пожалуй, лишь в немногих странах имеются специальные нормы по этому вопросу. Примером может служить голландский Арбитражный закон 1986 года, в котором наряду с общей нормой о судебных обеспечительных мерах (ст. 1022) содержится дополнительно ст. 1074, согласно которой сторона вправе обратиться в местный суд и в том случае, когда по соглашению сторон “арбитраж должен иметь место за пределами Нидерландов”.

В отсутствие подобных специальных указаний суд считает компетентным принять обеспечительные меры лишь в отношении требований, подлежащих рассмотрению на территории страны суда.

В Англии до 1975 года возможно было получить приказ суда лишь в отношении того имущества или фондов, по поводу которых происходил арбитраж, но не в отношении любых средств должника (денег или движимых вещей), права на реализацию либо вывоз или перевод за границу которых он лишился бы до разрешения спора. Такая возможность была установлена судебным решением в 1975 году и получила название “судебный запрет Марева” (“Mareva injunction”), который может быть издан судом и до начала арбитражного разбирательства, при условии, однако, что оно будет начато в срок, назначенный судом.

Оценивая важность той новеллы, которая была связана с введением “запрета Марева”, английские комментаторы отмечали, что он едва ли может быть выдан в отношении арбитража, имеющего место за границей, для чего потребовалось бы обеспечение взаимности. Данный вопрос, однако, получил определенное разрешение в ст. 2.3 английского Закона 1996 года, согласно которой даже в том случае, когда место арбитража находится за границей, английский суд может осуществить “полномочия в поддержку арбитражного производства”, предусмотренные в ст. 44, включая “установление промежуточного запрета” (очевидно, аналогично “запрету Марева”) в отношении имущества должника, находящегося в Англии.

Близкие, хотя и со своими особенностями, правила, включающие право суда “обеспечить сумму спора в арбитраже”, установлены в ст. 9 индийского Закона 1996 года.

Свои особенности имеют подходы и практика, существующие едва ли не в каждой стране. Примечательна позиция некоторых американских судов, которые считают, что в свете ст. 2.3 Нью-Йоркской конвенции 1958 года суд не вправе рассматривать требования стороны о принятии обеспечительных мер, в частности о задержании имущества или запрете определенных действий другой стороны. Этот подход (дело *McCreary* 1974 г.) базируется на том, что при всяком обращении в суд при наличии арбитражного соглашения, подпадающего под действие ст. 2.3, суд обязан не приостанавливать дело (как в случае внутреннего арбитража), а “направить стороны в арбитраж”, и рассмотрение даже ходатайства об обеспечительных мерах, связанное так или иначе с существом дела, фрустрирует, то есть делает тщетным, или обходит арбитражное соглашение. Правда, есть и другие решения, согласно которым в данной ситуации не возникает конфликта с арбитражным соглашением и обеспечительные меры содействуют эффективности арбитража. Однако в целом проблема, по оценкам американских комментаторов, ожидает своего разрешения.

Изложенное выше хотя и носит самый первичный и сугубо обзорный характер, показывает, по моему мнению, что данная проблема-

тика в свете существующих различий представляет интерес для более углубленного исследования и, возможно, принятия некоторых рекомендаций в целях укрепления действенности международного коммерческого арбитража.

На 67-й конференции АМП в 1996 году была принята резолюция об одобрении “Принципов о временных и обеспечительных мерах при международных тяжбах” и о направлении этого документа для рассмотрения в ЮНСИТРАЛ и Гаагскую конференцию по международному частному праву, что явилось заслуженно высокой оценкой работы комитета, подготовившего документ. На мой взгляд, было бы весьма ценно использовать материал и опыт, накопленные этим комитетом, разумеется, вместе с другими источниками, для того, чтобы на международной основе начать работу над новым, с одной стороны, близким, но, с другой стороны, самостоятельным проектом. Думается, обстоятельное исследование соответствующих вопросов (круг которых, естественно, определится в ходе работы) касательно обеспечительных мер и международного коммерческого арбитража представило бы широкий интерес, в том числе и для ЮНСИТРАЛ. Думается, что обращение к этой теме вызовет интерес и у тех, кто в научном и практическом плане интересуется вопросами арбитража.

Исследование вопросов обеспечения требований, подлежащих разрешению в арбитраже, могло бы привести к разработке новых нормативных решений, например в порядке дополнения Нью-Йоркской конвенции по этому поводу, либо даже в порядке дополнения Типового закона ЮНСИТРАЛ, либо в какой-либо иной форме.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1998 года.

Международная безопасность

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА (взгляд исследователя с практическим опытом)¹

Б.Р. Тузмухамедов*

1. Вместо введения

За свою относительно недолгую историю “Московский журнал международного права” неоднократно предоставлял свои страницы авторам, анализировавшим различные аспекты операций по поддержанию мира (далее: ОПМ), а также исследовавшим конкретные операции.

На мой взгляд, наиболее содержательным материалом, несмотря на его краткость, анализировавшим общие вопросы ОПМ, была статья О.Н. Хлестова², опубликованная в связи с принятием Закона РФ “О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности”. Тщательный анализ правовых основ нынешней — “натовской” — операции в Боснии и Герцеговине содержала статья В.А. Романова³. Информативным, хотя и свободным от правового анализа, был материал В.М. Барынькина об участии российского воинского контингента в ОПМ в бывшей Югославии⁴. Т.Д. Бадтиев привлек внимание к ОПМ на Кипре⁵, дающей, хотя бы уже в силу своей пространности, немало материала для правового анализа. Чрезвычайно актуальному новому направлению — проблемам ОПМ в регионе СНГ — посвятил свою статью Б.А. Бекмурзаев⁶, одновременно опубликовав практически идентичный текст в другом авторитетном правовом издании⁷, очевидно для того, чтобы расширить свою аудиторию.

* Автор — кандидат юридических наук, доцент. Участник операции ООН по поддержанию мира в бывшей Югославии, советник британского кавалерийского батальона Сил ООН по охране (1994—1995 гг.). Подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1996 год.

Некоторым диссонансом на этом фоне прозвучала заметка А.В. Шепельского⁸, посвященная, судя по заголовку, достаточно устоявшемуся институту военных наблюдателей. Взявшись взглянуть на него по-новому, автор лишь запутал и самого себя, и неподготовленного читателя. Он наделил военных наблюдателей правом на вооруженную самозащиту, несовместимым с их статусом и сложившимся обыкновением, и распространил понятие “военный наблюдатель” еще и на инспекторов и наблюдателей, осуществляющих проверку соблюдения договоров об ограничении вооружений и документов о мерах доверия в военной области, и даже в какой-то степени, если я его правильно понял, на военнослужащих коллективных сил по поддержанию мира.

За время, прошедшее после опубликования ряда фундаментальных трудов, в которых исследовались правовые проблемы ОПМ⁹, отечественная международно-правовая доктрина, к сожалению, не обогатилась столь же заметными и доступными юридическому сообществу работами. Единственным известным мне исключением стал выпущенный мизерным тиражом научный доклад¹⁰, в котором наряду с политическими, военными и другими аспектами ОПМ рассматривается и международно-правовая составляющая их подготовки и проведения. К несомненным достоинствам данной работы, в которой наряду с теоретиками участвовали авторы, обладающие немалым дипломатическим и военным опытом подготовки и проведения ОПМ, я бы отнес сопоставительный анализ международно-правовых источников и практики ОПМ, проводимых ООН, с одной стороны, и СНГ — с другой.

Хотелось бы внести свой вклад в эту дискуссию, высказав точку зрения по вопросам, уже обсуждавшимся в других работах, и обратив внимание на некоторые новые для отечественной доктрины проблемы, имеющие прикладное значение.

2. Существует ли в международном праве понятие “операция по поддержанию мира”?

Поддержание международного мира и безопасности есть главная цель ООН, сформулированная в ее Уставе. Достижение этой цели — задача Организации и всех ее органов. ОПМ — всего лишь одно из средств достижения главной цели ООН. Особенность именно этого средства заключается в том, что оно не предусмотрено ни Уставом, ни каким-либо иным юридически обязывающим актом. Конечно, операции по поддержанию мира неоднократно анализировались в трудах авторитетных ученых на основе документов ООН, практики их проведения, однако достижения международно-право-

вой доктрины пока еще не воплотились в норму международного договора.

Неурегулированность ОПМ в международном праве тесно связана с неустойчивостью терминологии, употребляемой в связи с этим явлением¹¹. Один и тот же русский термин “поддержание мира” имеет одно значение, когда он употреблен в Уставе ООН, и другое, когда он входит в словосочетание “операция по поддержанию мира”. В английском языке для этих целей используются разные термины: в первом случае — это “*maitenenance of peace*”, во втором — “*peace-keeping*”. Однако обращение к французской и испанской терминологии обнаруживает употребление, сходное с русским языком. Во французском языке уставному термину “поддержание мира” соответствует “*le maintien de la paix*”, тем же термином обозначаются ОПМ: “*les operations de maintien de la paix*”; в испанском применяются, соответственно, “*el mantenimiento de la paz*” и “*las operaciones de mantenimiento de la paz*”. Получается, что как минимум в трех из пяти языков, на которых составлен Устав ООН, — испанском, русском и французском — аккуратное следование уставной терминологии приводит к некоторому смешению понятий, в то время как в английском языке относительная точность понятийного аппарата достигается в ущерб строгости юридической терминологии. Такая неустойчивость терминологии по формальному признаку затрудняет помещение ОПМ в определенную ячейку в сложной структуре современного международного права.

Проблема понятийного аппарата усложнилась после обнародования доклада бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали “Повестка дня для мира”¹², впоследствии изданного с дополнениями¹³. В этих документах была предложена достаточно сложная градация инструментария обеспечения международного мира и безопасности, включающего превентивную дипломатию, миротворчество, поддержание мира, послеконфликтное миростроительство, разоружение, санкции и принудительные меры. Границы между этими средствами размыты, а некоторые из современных ОПМ носят настолько многокомпонентный характер, что могут включать элементы нескольких или даже всех перечисленных выше средств и методов.

Примечательно, что в дополнительном варианте доклада бывшего Генерального секретаря ООН в качестве родового понятия был предложен термин “операции по обеспечению мира”¹⁴, чему в английском тексте соответствовало “*peace operations*”¹⁵. При том что доклад был подготовлен по просьбе Совета Безопасности ООН, он является аналитической разработкой, сделанной главным административным должностным лицом организации, но не органами, облеченными политическими полномочиями. В юридическом смысле его

едва ли можно рассматривать даже в качестве вспомогательного источника для уяснения истинного смысла рассматриваемых терминов¹⁶.

Актуальность проблемы понятийного аппарата резко возросла после того, как собственные операции стали проводить организации иные, чем ООН, прежде всего НАТО и СНГ. Всегда ли ООН, с одной стороны, и подобные организации — с другой, вкладывают одинаковый смысл в то, что они называют ОПМ?

Таким образом, приходится признать, что в международном праве отсутствует четкое понимание ОПМ. Оно затруднено, поскольку отсутствует как четкое нормативное регулирование ОПМ, так и устоявшееся и единообразное понимание содержания самого этого понятия.

3. Существует ли устойчивое международно-правовое регулирование проведения операций по поддержанию мира?

Уже было отмечено, что в международном праве отсутствует юридически обязательный источник, который определял бы ОПМ в том виде, как они сформировались и осуществлялись до настоящего времени. В отсутствие такого источника бывшим Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом была предложена концепция “шестой с половиной главы Устава ООН”¹⁷. Смысл ее в том, что неспособность ООН использовать потенциал мер по поддержанию мира и принуждению к миру, заложенный в ее Уставе, вызвала к жизни меры, выходящие за пределы мирных средств, очерченных в главе VI, но и не достигающие уровня использования вооруженных сил, предусмотренного в главе VII¹⁸.

Такая концепция является плодом весьма либерального толкования Устава ООН. Однако можно ожидать, что в условиях, когда практическая потребность в ОПМ нарастает, а сам Устав не предоставляет адекватных средств их регулирования, она будет сохранять привлекательность и своих сторонников.

Итак, Устав не содержит достаточной и стабильной правовой основы для проведения ОПМ. Правовой основой для каждой операции являются резолюции Совета Безопасности, санкционирующие ее проведение и определяющие ее мандат. Такие резолюции, безусловно, несут правовую нагрузку, но они являются административными актами, имеющими целевое назначение и ограничения по времени действий. Нельзя отрицать значения других документов ООН, в частности материалов Совета Безопасности, докладов Генерального секретаря, где выдвигаются принципы проведения ОПМ, обобщает-

ся их опыт, выдвигаются идеи по их совершенствованию и развитию. Однако в юридическом смысле лишь некоторые из этих документов могут в лучшем случае расцениваться как вспомогательные средства толкования, иными словами, как материалы, помогающие понять суть ОПМ, но не определяющие их правовой статус, права и обязанности сторон, так или иначе причастных к их осуществлению, и т.д.

Иными словами, между основополагающим документом — Уставом ООН, прямо не предусматривающим ОПМ, — и резолюциями Совета Безопасности, санкционирующими операцию и формулирующими ее мандат, существует значительный пробел. В условиях растущего числа и многообразия современных ОПМ отсутствие стабильной правовой основы затрудняет выработку мандата, снижает эффективность операций, пагубно влияет на доверие мирового сообщества к такой форме поддержания международного мира и безопасности.

На первый взгляд может показаться, что наиболее практичным способом восполнения этого пробела стало бы принятие поправок к Уставу ООН путем изменения отдельных статей или даже включения новой специальной главы¹⁹. Например, почему бы не внести поправку в ст. 40 или ст. 41 Устава, дополнив одну из них абзацем, в общих чертах регулирующим проведение ОПМ? Напомним, что в ст. 40 речь идет о полномочии Совета Безопасности принимать временные меры для предотвращения ухудшения ситуации, угрожающей международному миру и безопасности. Статья 41 регулирует принятие мер, не связанных с использованием вооруженных сил. Силы, участвующие в ОПМ под руководством ООН, нельзя назвать вооруженными силами, как их понимает Устав, так что такая поправка могла бы показаться вполне уместной.

В реальности принятие поправок является наименее вероятным путем нормативного урегулирования ОПМ. Об этом свидетельствует опыт долгих и безрезультатных попыток изменения некоторых положений Устава. Рассчитывать на способность ООН принять поправки по такому важному и чувствительному вопросу, как правовое обоснование ОПМ, едва ли приходится. Кроме того, многокомпонентный и многофункциональный характер современных ОПМ делает нереальной и нецелесообразной их жесткую фиксацию в той или иной главе или статье Устава ООН. Современные ОПМ могут состоять из военного, гражданского, полицейского компонентов; они могут выполнять функции по поддержанию мира, принуждению к миру или восстановлению мира.

Можно предложить иной вариант: разработку конвенции ООН, конкретизирующей положения Устава ООН применительно к операциям по поддержанию мира. Например, речь могла бы идти о разработке рамочного документа, устанавливающего прежде всего по-

нятийный аппарат, а также общие и оперативные принципы проведения ОПМ, основы статуса их участников. Рамочный документ в дальнейшем мог бы дополняться специальными соглашениями, более подробно регулируемыми отдельные аспекты ОПМ.

С юридической точки зрения такая конструкция вполне корректна и опирается на уже имеющийся опыт. Наглядный пример — Конвенция 1981 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие²⁰. Текст собственно конвенции содержит общие положения, конкретные же запреты на необнаруживаемые осколки, мины-ловушки, зажигательное оружие, ослепляющие лазеры включены в протоколы, прилагаемые к конвенции.

В рамках ООН существуют органы, где такой документ может быть разработан, — это Специальный комитет по операциям по поддержанию мира и Комиссия международного права. Есть уже и отдельные элементы, которые могли бы быть доработаны и составить как рамочную конвенцию, так и конкретизирующие ее соглашения. Это рабочие документы Совета Безопасности, например Записка его Председателя от 28 мая 1993 г., содержащая перечень оперативных принципов проведения ОПМ²¹. Сюда же можно отнести доклад Генерального секретаря ООН 1990 года, включающий типовое соглашение о статусе сил при проведении ОПМ²². К предлагаемой структуре в принципе могла бы быть отнесена уже заключенная Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 года²³. Наконец, это растущая группа соглашений, в которых государства—члены ООН уведомляют Секретариат ООН о ресурсах, которые они смогут предоставить для проведения ОПМ²⁴.

4. Регулирование участия в операциях по поддержанию мира в соответствии с российской Конституцией и законодательством²⁵

Деятельность органов государственной власти применительно к участию России в ОПМ регулируется положениями Конституции РФ 1993 года, которые определяют их полномочия в области внешней политики и обороны²⁶. В Российской Федерации баланс этих полномочий заметно смещен в сторону Президента. Именно Президент руководит внешней политикой и обороной и является Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами. Соответственно, именно по приказу Президента российские воинские контингенты могут направляться для участия в ОПМ. Это пол-

номочие главы государства отчасти уравнивается прерогативой верхней палаты российского парламента — Совета Федерации — решать вопрос о возможности использования Вооруженных Сил за пределами российской территории. Роль нижней палаты — Государственной Думы — менее значительна, хотя в принципе она может использовать свои бюджетные полномочия для влияния на решение главы государства.

Статьи Конституции конкретизируются и дополняются актом, специально регулирующим использование российского персонала в ОПМ. Это Федеральный закон “О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности” 1995 года²⁷. Закон регулирует предоставление российского персонала для участия в операциях по поддержанию мира, осуществляемых по решению Совета Безопасности ООН региональными органами или на основании двусторонних или многосторонних договоров Российской Федерации, которые не являются принудительными действиями в соответствии с Уставом ООН. Он определяет процедуру взаимодействия между органами государственной власти при принятии решения о направлении российского персонала для участия в международных операциях.

Можно сказать, что этот закон отчасти основывается на концепции “шестой с половиной главы”, в соответствии с которой проводятся ОПМ, выходящие за пределы дипломатических методов, но еще не приобретающие характера принудительных действий.

В той части, в которой закон касается принудительных действий, он отличается некоторой недосказанностью. Он упоминает “международные принудительные действия с использованием вооруженных сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН”, однако умалчивает, применяется ли он к аналогичным действиям на региональном уровне в рамках ч. 1 ст. 53 Устава ООН. Это актуальный вопрос для СНГ, в рамках которого действуют собственные документы о порядке осуществления региональных принудительных мер.

Некоторые из положений этого закона вызывают сомнения с точки зрения Конституции РФ и положений Устава ООН, принимая во внимание предусмотренный ч. 4 ст. 15 Конституции механизм упрощенной трансформации норм международного права в национальную правовую систему. Закон может вступить в конфликт с некоторыми важными, хотя и дремлющими, положениями Устава ООН.

Например, если когда-нибудь вступит в действие ст. 43 Устава и между членами ООН и Советом Безопасности будут заключены соглашения о предоставлении вооруженных сил, соответствующие

воинские контингенты должны будут предоставляться Совету Безопасности по его требованию. Несмотря на это положение Устава ООН, российский закон устанавливает общее правило, в соответствии с которым Россия “самостоятельно с учетом ее обязательств по Уставу ООН и другим международным договорам определяет в каждом случае целесообразность своего участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности” (ст. 5). Иными словами, обязательства по международному праву лишь учитываются при выработке окончательного решения. Таким образом, возможна, хотя и теоретически, ситуация, когда России придется выбирать между применением национального закона вопреки ее международным обязательствам либо, напротив, подчинением норме Устава ООН вопреки национальному закону. Конституция Российской Федерации допускает только второй вариант. В соответствии с ней “если международным договором Российской Федерации предусмотрены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора”. Напрашивается вывод о том, что российский законодатель, по существу, принял оговорку к Уставу ООН, сделав это не только с полувечным опозданием, но и с нарушением норм Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, ст. 19 которой допускает формулирование оговорок только “при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему”.

Примечательно, что в 1945 году, когда сенат Конгресса США рассматривал Устав ООН в порядке ратификации, некоторые сенаторы пытались добиться принятия оговорки к ст. 43, которая позволяла бы Конгрессу одобрять или запрещать использование американских воинских контингентов в каждом конкретном случае. Большинство же сенаторов полагали, что в самом Уставе заложены гарантии ненанесения ущерба национальным интересам. Во-первых, соглашение в любом случае подлежало бы ратификации, о чем прямо сказано в ч. 3 ст. 43. Во-вторых, США как постоянный член Совета Безопасности могли бы заблокировать решение Совета о введении в действие такого соглашения²⁸.

Все же, несмотря на отмеченные недостатки, закон о порядке предоставления персонала восполняет пробел в законодательстве по вопросам внешней политики и обороны. Предусмотренные им процедуры применялись уже неоднократно, в частности в связи с участием российского контингента в международной операции IFOR/SFOR в Боснии и продлением его мандата, а также при направлении контингента в район грузино-абхазского конфликта. Впрочем, закон не применялся к операции в Таджикистане, хотя участие в ней российского контингента подлежит урегулированию в соответствии с ним. Другой пример негативного свойства: в течение

нескольких месяцев после истечения действия Указа Президента РФ об участии российской бригады в ОПМ в Боснии и Герцеговине глава государства не издавал нового указа, продлевающего ее участие в многонациональной операции. Строго говоря, начиная с 31 июля 1998 г., когда закончилось действие предыдущего Указа²⁹, пребывание российской бригады в этой стране противоречило национальному законодательству и не должно было финансироваться и обеспечиваться иным образом.

Подобное законодательство или иные формы правового регулирования существуют и в других странах. По процедуре принятия решения с российским законом сходен японский Закон о международном сотрудничестве в деле мира 1992 года³⁰. В США еще в 1945 году был принят Закон об участии в ОПМ, разрешающий Президенту заключить с Советом Безопасности соглашение о предоставлении воинского контингента в соответствии со ст. 43 Устава³¹. Впрочем, этот закон остается дремлющим, как и сама ст. 43, о чем уже было сказано выше. В Германии решением Конституционного суда 1994 года определены условия, при соблюдении которых участие контингентов бундесвера в операциях по поддержанию мира или по принуждению к миру будет соответствовать Конституции ФРГ³². Это решение, по существу, замещает законодательный акт.

Сравнительный анализ национального правового регулирования направления персонала для участия в ОПМ имеет практическую ценность как для Секретариата ООН, координирующего ОПМ, так и для потенциальных партнеров в проведении многонациональных операций. Взаимное знание национальных процедур выработки и принятия решения повышает предсказуемость, а значит, и доверие к партнеру. Например, для вероятных партнеров России по многонациональной операции могут представлять интерес особенности взаимодействия между Президентом и Советом Федерации при утверждении и продлении мандата. Как уже было показано, они таковы, что участвующий в операции контингент может на некоторое время остаться без национального мандата, но это вовсе не означает, что Россия выходит из данной операции.

Немалую практическую ценность имеет и более широкая осведомленность о национальном законодательстве. Например, американское законодательство запрещает, за отдельными исключениями, использование вооруженных сил в качестве *posse comitatus* (иными словами, в качестве временного правоохранительного органа)³³. У стороннего наблюдателя возникают вопросы: например, действует ли этот запрет только на территории США или же он также запрещает американским военнослужащим, участвующим в ОПМ, заниматься поиском и задержанием местных граждан, подозреваемых в совершении военных преступлений, принимая на себя функ-

цию полиции? Могут ли американские военнослужащие выполнять полицейские функции по поручению международного органа?

Любопытно было бы изучить заметную тенденцию к более активной роли законодательных органов различных государств в принятии решения об участии в операции. Важное значение, особенно в условиях необходимости быстрого развертывания операции, может иметь осведомленность о порядке принятия такого решения в государстве с президентской, парламентской или монархической формой правления. Например, в Великобритании или Японии парламентское большинство формирует правительство и, соответственно, премьер-министр ищет поддержку среди законодателей — соратников по партии. А в США Президенту, представляющему одну партию, порой приходится иметь дело с Конгрессом, на $\frac{2}{3}$ состоящим из оппозиции.

Представляется, что Секретариат ООН выиграет, если создаст банк данных национального законодательства и практики его применения, снабженный авторитетным комментарием. Если ООН это в нынешних условиях не под силу, такую работу, возможно, могли бы взять на себя профильные научно-практические центры, занимающиеся изучением опыта ОПМ и подготовкой персонала для будущих операций. Таких центров за последние годы создано немало в разных странах мира, и в некоторых из них уделяется особое внимание правовым аспектам ОПМ. Например, Оборонным институтом международных правовых исследований (США) предлагается пяти-недельный курс "Правовые аспекты военных операций и ОПМ". Аналогичный курс, но сфокусированный на ОПМ, длительностью в две недели преподается в канадском Международном центре подготовки к ОПМ им. Лестера Пирсона. Правовым проблемам ОПМ прошлого и будущего уделяется внимание в учебном процессе и научной работе в шведском Национальном оборонном колледже. Подобным центром в России могла бы стать Дипломатическая академия МИД РФ, где уже не один год проводятся междисциплинарные исследования и ведутся курсы, в которых освещаются различные аспекты современных ОПМ.

Здесь же хотелось бы обратить внимание еще на одну правовую проблему, которую не следует упускать из виду при подготовке и проведении ОПМ. Операции, даже если они проводятся в условиях распада государства, органов гражданской власти и основ правопорядка, все же нередко осуществляются в условиях, где сохранились хотя бы остатки правовой системы. Знание этой правовой системы, как и знание местных обычаев, поможет успеху операции, облегчив взаимопонимание с местным населением и создав более выгодные условия для выполнения поставленной задачи.

Хотелось бы привести пример из собственной практики. В начале 1995 года в Боснии и Герцеговине местные власти попытались создать препятствия для использования британским кавалерийским батальоном Сил ООН территории и помещений, выделенных для его основной базы. Командир батальона и его гражданский советник, автор этих строк, проанализировали применимое местное законодательство, включая законы бывшей СФРЮ, и судебные решения. Анализ позволил выработать правовые аргументы, которые были признаны другой стороной. С их помощью удалось предотвратить назревающий конфликт, сохранить за батальоном его базу и дать возрождающимся местным властям возможность спасти свое лицо.

5. Международное гуманитарное право и операции по поддержанию мира

Юристы разных стран, и особенно юридическая служба Международного комитета Красного Креста, уделяли внимание применению норм международного гуманитарного права³⁴ (далее: МГП) в условиях операций по поддержанию мира³⁵. Однако современные и прогнозируемые операции требуют новых подходов с точки зрения МГП.

Участники ранних ОПМ — невооруженные военные наблюдатели или легковооруженные контингенты ООН — с точки зрения Женевских конвенций не имели статуса комбатантов и теоретически могли рассчитывать на защиту, предоставляемую этими конвенциями³⁶. Однако ООН не участвует в этих конвенциях³⁷, хотя именно она несет первоочередную ответственность за военнослужащих, выступающих от ее имени. Означает ли это, что участники ОПМ, не решающих задач по принуждению к миру, лишены защиты, предоставляемой Женевскими конвенциями? С другой стороны, если такая защита предоставляется, например в силу того, что практически все государства, выделяющие контингенты, участвуют в Женевских конвенциях, совместим ли статус военнослужащего Сил ООН со статусом военнопленного, ведь Силы являются вспомогательным органом ООН и, следовательно, на них должны распространяться положения Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 года, гарантирующие их неприкосновенность.

Появление в операциях нового поколения элементов принуждения рождает новые вопросы. Например, становились ли военнослужащие ООН в бывшей Югославии комбатантами во время кратковременных эпизодов применения силы против участников конфликта, не вызванного потребностями самозащиты? Положительный ответ на этот вопрос означал бы, что “голубые каски”,

участвующие в ОПМ с элементами принуждения, можно захватывать в плен и удерживать в качестве военнопленных, соблюдая правила Женевских конвенций.

Если исходить из того, что персонал ОПМ подпадает под защиту современного МГП, то неизбежно возникает вопрос: какой из двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям предоставляет такую защиту — первый, касающийся международных вооруженных конфликтов, или второй, применяемый в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера? На первый взгляд ответ может показаться очевидным: применимость протокола определяется характером конфликта и, если конфликт международный, применяется первый протокол, а если немеждународный — применяется второй. Однако в литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой “Силы ООН имеют в определенной мере международный характер и... во внутреннем конфликте Организация Объединенных Наций принимает участие не с целью оказания помощи одной из сторон, а с целью выполнения резолюций, принятых Советом Безопасности в отношении всех участвующих в конфликте сторон, и было бы логичным, чтобы к этим вооруженным силам применялись нормы международного гуманитарного права, применяемые к международным вооруженным конфликтам”³⁸.

Недавно принятая и еще не вступившая в силу Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, непосредственно направленная на защиту военного, полицейского и гражданского компонентов операций ООН, не распространяется на принудительные меры, осуществляемые на основе главы VII Устава, в которых персонал участвует в качестве комбатантов. Получается, что на предоставляемую ею защиту можно рассчитывать лишь при проведении достаточно ограниченной номенклатуры операций. В литературе приводятся аргументы в пользу такого подхода и против него, как и свидетельства острых дискуссий, сопровождавших переговоры о заключении этой конвенции³⁹.

Вопрос о применении норм МГП встает в связи с операциями, проводимыми региональными организациями, такими как НАТО и СНГ, которые, как и ООН, не являются участниками Женевских конвенций.

Еще одна проблема, требующая решения, — это возможная роль персонала ОПМ в обеспечении соблюдения норм МГП участниками конфликта. Нередки случаи, когда нарушения тех или иных норм случаются в присутствии персонала ООН. Например, весной 1995 года в зоне ответственности британского кавалерийского батальона Сил ООН в Боснии в непосредственной близости от линии фронта были замечены группы военнослужащих одной из сторон конфликта в головных уборах, имитирующих голубые каски Сил

ООН. Приблизительно в то же время в Сараево местные военнослужащие, переодевшись в захваченное ранее обмундирование французского батальона, захватили контрольно-пропускной пункт, взяв в заложники нескольких французских военных из состава Сил ООН⁴⁰.

В обоих эпизодах — а подобных им можно привести немало — налицо акт вероломства, как оно определено в ст. 37 Дополнительно-го протокола I к Женевским конвенциям, и нарушение запрещенного ст. 38 протокола использования эмблемы ООН. В первом случае батальон ограничился сообщением в штаб сектора, во втором — была предпринята операция, целью которой явилось исключительно освобождение заложников. Но не преследование нарушителей норм МГП.

Юридическая квалификация другого эпизода несколько затруднена. Жилой квартал боснийского города в зоне ответственности, которую было поручено контролировать мне, подвергся артиллерийскому обстрелу, в ходе которого применялись боеприпасы, содержащие белый фосфор. Несколько гражданских лиц получили серьезные ожоги. Предположительно это были дымовые боеприпасы, которые случайно или в результате преднамеренных манипуляций оказали ожоговое действие. Так или иначе, но эти боеприпасы не подпадали под запрет, установленный Протоколом о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия к Конвенции о запрещении некоторых видов обычного оружия 1981 года. Однако очевидно, что использование этих боеприпасов нарушало нормы Женевских конвенций, запрещающие применение методов и средств ведения боевых действий, причиняющих излишние страдания или повреждения. И вновь подразделение Сил ООН ограничилось извещением штаба сектора об инциденте, а затем туда же направило осколки снарядов для квалифицированной экспертизы.

Вопросы применения МГП в условиях ОПМ заслуживают специального внимания с учетом особенностей операций и статуса принимающего в них участие персонала. Речь должна идти как о совершенствовании правового регулирования, так и о подготовке персонала и усилении юридической службы будущих операций.

Возможно, имело бы смысл прислушаться к мнению некоторых экспертов, предлагающих разработать еще один дополнительный протокол к Женевским конвенциям, который охватывал бы разнообразные варианты ОПМ⁴¹.

6. Вместо заключения

Автор не претендует на последнее слово в дискуссии о правовых проблемах, возникающих в связи с подготовкой и проведением ОПМ, и отдает себе отчет в том, что не все из его идей будут

безоговорочно приняты коллегами по международно-правовому цеху. К тому же жанр и объем журнальной статьи позволяют лишь обозначить эти идеи. Однако практический опыт показывает, что современные ОПМ связаны с решением новых и малоисследованных прикладных задач, анализ которых так же необходим, как и продолжающаяся уже несколько десятков лет дискуссия о сути положений Устава ООН, регламентирующих деятельность Организации по поддержанию международного мира и безопасности.

¹ В статье использованы отдельные материалы докладов, представленных на международной конференции "Проблемы миротворчества на рубеже XXI века", проведенной Российским общественно-политическим центром в Москве 14—17 марта 1998 г., и международной конференции "Международные военные операции и право", организованной Тихоокеанским командованием США в Виктории (Канада) 7—10 апреля 1998 г.

² *Хлестов О.Н.* Закон России об участии в операциях по поддержанию мира//МЖМП. — 1995. — № 3. — С. 220—221.

³ *Романов В.А.* Парижско-дейтонские соглашения: новеллы и традиционализм в международной практике//МЖМП. — 1997. — № 2. — С. 28—60.

⁴ *Барынькин В.М.* Вооруженные силы России в боснийском урегулировании//МЖМП. — 1996. — № 3. — С. 206—218.

⁵ *Бадтиева Т.Д.* Правовой статус Вооруженных Сил ООН на Кипре//МЖМП. — 1995. — № 3. — С. 113—120.

⁶ *Бекмурзаев Б.А.* Миротворческая деятельность России в урегулировании вооруженных конфликтов в СНГ//МЖМП. — 1994. — № 4. — С. 16—27.

⁷ Государство и право. — 1994. — № 4. — С. 3—11.

⁸ *Шпельский А.В.* Военные наблюдатели//МЖМП. — 1996. — № 4. — С. 110—113.

⁹ *Александрова Э.С.* ООН: Объединенные действия по поддержанию мира. — М., 1978; *Кривчикова Э.С.* Вооруженные силы ООН (международно-правовые вопросы). — М., 1965; *Федоров В.Н.* ООН и проблемы войны и мира. — М., 1988.

¹⁰ *Демуленко А.В., Никитин А.И., Федоров Ю.Е., Хлестов О.Н.* Миротворческие операции в СНГ. Международно-правовые, политические, организационные аспекты. — М., 1998.

¹¹ О проблеме терминологии применительно к ОПМ см. также *Александрова Э.С.* Указ. соч. — С. 101—107.

¹² *Бутрос Бутрос Гали.* Повестка дня для мира. — Нью-Йорк, 1992.

¹³ *Бутрос Бутрос Гали.* Повестка дня для мира. — Второе издание. — Нью-Йорк, 1995. — 259 с.

¹⁴ Там же. — С. 2.

¹⁵ *Boutros Boutros Ghali.* An Agenda For Peace 1995. — Second ed. — P. 1.

¹⁶ Иной вариант термина предложен шведским Национальным оборонным колледжем, который с 1995 года осуществляет исследовательскую работу на тему "Сотрудничество, командование и управление в операциях

ООН по поддержанию мира", где искомому термину соответствует "peace support operations".

¹⁷ Цит. по United Nations Peacekeeping. — United Nations, 1993. — P. 6.

¹⁸ По образному выражению одного из авторов, "традиционная доктрина операций по поддержанию мира, выработанная практикой ad hoc, оказалась менее мирной, чем это предусматривалось главой VI, и менее силовой, чем то, что было заложено в главе VII Устава". См. Myron Nordquist. What Color Helmet? Reforming Security Council Peacekeeping Mandates//Newport Paper Number Twelve. — Aug., 1997. — P. 8.

¹⁹ Идею внести в Устав ООН "серьезные коррективы" с этой целью выдвигает, например, С.В. Черниченко (см. доклад на международной конференции "Международно-правовые проблемы Мирового океана", Москва, 2—6 ноября 1998 г.).

²⁰ Текст см. Сборник международных договоров СССР. — Вып. XXXIX. — М., 1985. — С. 24—35.

²¹ Док. ООН S/25/859, 28 May 1993.

²² Док. ООН A/45/594, 9 Oct. 1990.

²³ Док. ООН A/49/594, 9 Dec. 1994.

²⁴ Док. ООН PKO/68, 23 Febr. 1998.

²⁵ Некоторые из положений данного раздела были ранее опубликованы автором в Proceedings of the American Society of International Law 1996. — P. 44—46.

²⁶ Мнение, близкое к официальной позиции Российской Федерации в отношении ОПМ, см. Заемский В.Ф. Россия и проблемы миротворчества: взгляд изнутри//Полития. — 1997. — № 3(5). — С. 88—90.

²⁷ Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 26. — Ст. 2401.

²⁸ Цит. по Stephen Dycus et al. National Security Law. — Second Edition. — 1997. — P. 298.

²⁹ Указ Президента РФ № 365 от 16 апреля 1997 г./Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 16. — Ст. 1859.

³⁰ См. комментарий в Akiho Shibata. Japanese Peacekeeping Legislation and Recent Developments in U.N. Operations//The Yale Journal of International Law. — 1994. — Vol. 19. — P. 307—348.

³¹ 22 U.S.C. § 287, c—d.

³² См. текст в International Law Reports. — 1997. — Vol. 106. — P. 319—352. См. также комментарий этого решения в Lori Fisler Damrosch. Constitutional Control Over War Powers: A Common Core of Accountability in Democratic Societies?//University of Miami Law Review. — 1995. — Vol. 50. — P. 196—198.

³³ 18 U.S.C. § 1385.

³⁴ Автор отдает себе отчет в том, что термин "международное гуманитарное право" не бесспорен, но дискуссия о его содержании выходит за рамки данной статьи.

³⁵ См., например, Umesh Palwankar. Applicability of International Humanitarian Law to United Nations Peacekeeping Forces//International Review of the Red Cross. — 1993. — No 295 — P. 227—240; Симпозиум по вопросам гуманитарной деятельности и осуществления операций по поддержанию мира. Отчет. Международный Комитет Красного Креста, 1995.

³⁶ Можно согласиться с А. Бувье, который пишет, что в течение нескольких десятков лет вопрос о применимости МГП к вооруженным силам ООН "представлял в основном теоретический интерес: операции, в сущности, были немногочисленными, с очень ограниченным мандатом и практически исключали применение силы; поэтому объективно ситуации, в которых могло бы или должно было применяться международное гуманитарное право, возникали редко". См. Бувье Антуан. Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала: изложение и анализ//Международный журнал Красного Креста. — 1995. — № 7. — С. 792—793.

³⁷ Некоторые авторы приводят убедительные аргументы, доказывая допустимость участия ООН в Женевских конвенциях. См., например, *Schindler Dietrich*. United Nations Forces and International Humanitarian Law// Studies and Essays on International Law and Red Cross principles in Honour of Jean Pictet. — The Hague, 1984. — P. 528—529.

³⁸ Бувье А. Указ. соч. — С. 795.

³⁹ Там же. — С. 799—806; *Evan T. Bloom*. Protecting Peacekeepers: The Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel//AJIL. — 1995. — Vol. 89. — P. 612.

⁴⁰ Первый эпизод произошел в зоне ответственности автора в период его работы в составе Сил ООН, о втором ему было рассказано полковником запаса А.В. Демуренко, бывшим начальником штаба сектора "Сараево" Сил ООН.

⁴¹ *Schindler D.* — Op. cit. — P. 530.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1998 года.

Международное и внутригосударственное право

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

Е.А. Гришко*

Организованная преступность, проявляясь в форме преступных сообществ (преступных организаций), несмотря на национальные особенности, имеет определенные сходные черты с зарубежной организованной преступностью. Это обуславливает необходимость объединения усилий всех стран в борьбе с ней.

Впервые проблема организованной преступности была осознана международным сообществом и получила юридическое закрепление в 1975 году. На V конгрессе ООН (Женева, 1975 г.), посвященном этой проблеме, было признано, что преступность в форме международного бизнеса представляет собой более серьезную угрозу, чем традиционные формы преступного поведения. Впоследствии к этой проблеме обращался VI конгресс (Каракас, 1980 г.) при рассмотрении вопроса о правонарушениях и правонарушителях и VII конгресс (Милан, 1985 г.), на котором подчеркивалось, что организованная преступность в значительной мере остается безнаказанной.

“...Растущая угроза организованной преступности с ее дестабилизирующим и разлагающим влиянием на фундаментальные социальные, экономические и политические институты представляет собой проблему, решение которой требует более широкого и эффективного международного сотрудничества”¹, — отмечалось на VIII конгрессе (Гавана, 1990 г.). На данном конгрессе были сформулированы основные подходы к предупреждению преступности и борьбе с ней.

Было признано необходимым поощрять проведение исследований структуры организованной преступности и анализа эффективности осуществления контрмер; обязательным условием разработки программ по предупреждению преступности является исследование

*Адъюнкт Московского института МВД России.

коррупции, ее причин, характера, последствий, взаимосвязи с организованной преступностью и мер борьбы с ней; необходимо способствовать разработке законодательства в отношении новых видов правонарушений, связанных с “отмыванием” доходов и организованным мошенничеством, таких преступлений, как открытие и использование счетов на вымышленное имя, преступления с использованием компьютеров; важное значение имеют постановления, обязывающие финансовые учреждения предоставлять всю информацию о счетах конкретных лиц, а также постановления, обязывающие их сообщать соответствующим органам о подозрительных или необычных операциях с наличностью; надежным и эффективным методом является перехват сообщений по телекоммуникационной связи и использование электронного наблюдения при условии соблюдения прав человека; в деятельности правоохранительных органов против организованной преступности все более важное значение приобретает защита свидетелей от насилия и запугивания; все страны должны участвовать в борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков; разработать типовое законодательство о конфискации доходов от преступной деятельности; оказывать содействие проведению сопоставительного анализа и сбору информации в отношении международной организованной преступности и ее причин, связей с внутригосударственной нестабильностью и другими формами преступности, а также в отношении ее предупреждения и борьбы с ней.

Последний из перечисленных подходов является еще одним аргументом необходимости рассмотрения вопроса международного регулирования борьбы с организованной преступностью, изучения опыта других стран. Учитывая, что предметом данной статьи является не такое широкое понятие, как “организованная преступность”, а ее конкретная форма — “преступное сообщество (преступная организация)”, представляет большой интерес опыт правового регулирования борьбы именно с данными преступными формированиями.

В ряде стран (Италия, США, Германия и др.) само существование преступного формирования признается общественно опасным. При этом их высокая общественная опасность признается независимо от тяжести тех преступлений, ради которых они создаются.

Итальянский Уголовный кодекс (ст. 115) прямо выделяет соглашение о совершении преступления. Если такое преступление не совершается, никто из вступивших в соглашение лиц не подлежит наказанию за один лишь факт соглашения, но судья по этому факту, тем не менее, может принять меры безопасности. Однако когда речь идет не просто о соглашении, а об объединении с целью совершения преступлений, то в соответствии со ст. 416 УК Италии те, кто способствует, или создает, или организует объединение, наказыва-

ются только за это лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. Участие в таком объединении наказывается лишением свободы на срок от 1 года до 5 лет.

В 1982 году в УК Италии была введена статья 416.1, которая гласит: "Всякий, кто участвует в объединении мафиозного типа, состоящем из трех или более лиц, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 6 лет. Все те, кто создает, руководит или организует объединение, наказываются только за это лишением свободы от 4 до 9 лет".

УК Германии предусматривает такой состав преступления, как "создание преступных объединений": "Кто основывает объединение, цели или деятельность которого направлены на совершение преступлений, или кто участвует в подобном объединении в качестве члена, вербует в это объединение или поддерживает его, тот наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом...". При этом § 129 УК в этой части комментируется таким образом, что он направлен на то, чтобы предотвратить создание и дальнейшую деятельность преступных объединений, цели которых или деятельность которых направлены на совершение преступлений. Противоправность и наказуемость таких криминальных объединений вытекают из содержания провозглашенной его членами и выражающей их сущность целевой установки, враждебной правопорядку в целом, которую они планируют, злоупотребляя предоставленной законом свободой на создание объединений.

В Японии в 1990 году был принят закон, направленный на борьбу с разными проявлениями организованной преступности. Закон выделял "преступную организацию", "преступную группировку", "союз преступных группировок", "объединения и союзы преступных организаций". В марте 1992 года в Японии принимается Закон о борьбе против незаконных действий членов преступных организаций. В данном законе содержится перечень признаков, дающих основание для вынесения определения организации как преступной, в нем разъясняется процедура такого определения. Признание какой-либо организации преступной влечет за собой принятие в отношении нее не только административных, но и политических мер. Закон разрешает блокировать любую сделку преступной организации по приобретению недвижимости, контролировать ее финансовую деятельность, замораживать банковские вклады, запрещать выдачу кредитов.

Уголовное законодательство Испании предусматривает уголовную ответственность за членство в организации, имеющей целью осуществление производства, распределения, торговли наркотиками (ст. 371 УК). Данное законодательство предусматривает ответственность за создание незаконных объединений: имеющих целью совершение преступления или его продолжение в виде вооруженных

банд, формирований или террористических групп; имеющих законные цели, но использующих для их достижения насильственные методы, запугивание или контроль за личностью; имеющих военный характер; побуждающих или подстрекающих дискриминацию, ненависть, насилие против лиц, групп или объединений по мотивам идеологии, религии, убеждений, этнической, расовой или национальной принадлежности их членов или кого-либо из них, пола, сексуальной ориентации, семейного положения, болезни или инвалидности (ст. 515).

При этом учредители, руководители и президенты наказываются тюремным заключением на срок от 2 до 4 лет, штрафом на сумму от 12 до 24 месячных заработных плат и лишением права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от 6 до 12 лет. Активные члены этих организаций наказываются тюремным заключением на срок от 1 года до 3 лет и штрафом на сумму от 12 до 24 месячных заработных плат. Это не касается создания незаконных объединений в виде вооруженных банд, формирований или террористических групп. За данные преступления зачинщики, руководители и лица, входящие в состав указанных организаций, несут уголовную ответственность и наказываются по ст. 516 УК Испании.

Уголовное законодательство этой страны предусматривает ответственность лица, которое своим денежным или другим вкладом поддерживает основание, формирование или деятельность объединений, описанных в пп. 1, 3—5 ст. 515. Такое лицо наказывается тюремным заключением на срок от 1 года до 3 лет, штрафом на сумму от 12 до 24 заработных плат и лишением права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от 1 года до 4 лет. За подстрекательство, сговор и предложение совершить названные преступления наказание назначается на одну или две ступени ниже, чем предусмотрено в соответствующих статьях.

Суд или трибунал при рассмотрении преступлений, предусмотренных ст. 515, могут назначить роспуск объединения, а также любую другую дополнительную меру, предусмотренную ст. 129 УК (постоянное или временное закрытие предприятий, филиалов или учреждений, ликвидация общества, ассоциации или фонда; временное запрещение деятельности общества, предприятия, ассоциации или фонда на срок до 5 лет; запрет заниматься в будущем данным видом деятельности, торговыми и коммерческими операциями, которые были связаны с совершением, способствованием или сокрытием преступления. Этот запрет может носить постоянный или временный характер, срок временного запрета не может превышать 5 лет; проведение проверки на предприятии с целью охраны прав работников).

Если виновный является представителем власти, должностным лицом или государственным служащим, дополнительно назначается мера полного признания не соответствующим должности на срок от 10 до 15 лет.

Изучение проблемы борьбы с организованной преступностью, в том числе и в таких ее формах, как преступное сообщество (преступная организация), в России, выработка мер по ее совершенствованию невозможны без учета не только существующих по этому вопросу международных правовых норм, зарубежного опыта, но и своего национального исторического опыта.

Рассмотрение проблемы борьбы с преступными сообществами (преступными организациями) в России без изучения ее исторического аспекта обречено на необъективность. Если рассматривать историю становления и развития преступных сообществ (преступных организаций) в России через различные понятия, взятые из прошлого (шайка, банда и т.п.), которым также свойственна иерархия, планирование преступлений, то следует сделать вывод, что данный вид преступных формирований существовал давно.

В учебнике "Криминология" под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова отмечается в связи с этим, что в царской России были группы конокрадов, которые насчитывали до 300 человек. Они имели свои деревни, где перекрашивали лошадей, у них была установлена связь с полицией (прообраз коррупции)².

Н.С. Таганцев отмечал, что Уложение 1845 года в составе шайки различало: 1) главных виновных, а именно составителей или основателей шаек, лиц, подговоривших кого-либо к вступлению в шайку или сформировавших самостоятельное отделение шайки, начальников как всей шайки, так и отдельных ее частей; 2) сообщников, к которым относились все лица, добровольно вступившие в шайку, со знанием ее свойств и предназначения, если при этом они не играли никакой главенствующей роли в деятельности шайки; 3) пособников, а именно лиц, изблеченных в заведомом доставлении злонамеренным шайкам или сообществам оружия или же других орудий, или каких-либо других средств для совершения преступлений³.

Дальнейшее развитие понятия "преступные сообщества (преступные организации)" получили в Уголовном уложении 1903 года. В нем, в частности, отмечалось, что согласившийся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не бывший соучастником тяжкого преступления или преступления, отвечал только за участие в сообществе. Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или просто преступления или в шайке, созданной для учинения нескольких тяжких преступлений, наказывалось в случаях, особо указанных законом. Виновный в участии в сообществе, образовавшем-

ся для учинения тяжкого преступления, предусмотренном ст. 100 (насилованное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами образа правления или порядка наследования престола или на отречение от России какой-либо ее части), наказывался смертной казнью.

Если такое посягательство было обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то виновный наказывался срочной каторгой. Посягательством признавалось как совершение тяжкого преступления, так и покушение на него и наказывалось на срок не свыше 8 лет. Если такое сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в данном сообществе наказывался срочной каторгой.

Виновный в участии в сообществе, образованном для учинения тяжкого преступления в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола, или на низвержение царствующего императора с престола, или на лишение его власти верховной, или на ограничение его прав, наказывался смертной казнью. Посягательством признавалось как совершение данного тяжкого преступления, так и покушение на него. Однако покушение влекло за собой наказание в виде бессрочной каторги.

Виновный в подговоре создать сообщество для учинения тяжкого преступления или принять участие в таком сообществе, если последнее не образовалось, наказывался в отношении сообщества для учинения тяжкого преступления ссылкой на поселение, в отношении сообщества для учинения опасного преступления — каторгой на срок не свыше 8 лет.

Виновный в участии в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке, наказывался заключением в крепость на срок не свыше 1 года или арестом.

Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности:

- 1) возбуждение к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти;

- 2) возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями или между хозяевами и рабочими;

- 3) возбуждение рабочих к устройству или продлению стачки, предусмотренной ст. 367, наказывался заключением в исправительном доме или заключением в крепости.

Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве

общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывных веществ или снарядов, наказывался каторгой на срок не свыше 8 лет или ссылкой на поселение. Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад с оружием, то виновный в участии в таком сообществе наказывался срочной каторгой.

Виновный в допущении собрания заведомо противозаконного сообщества в помещении или местах, ему принадлежащих или состоящих в его управлении либо заведовании, наказывался как участник сообщества.

Уголовно-правовое закрепление в советский период понятие “преступное сообщество (преступная организация)” получило в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года. Статья 58 этого Кодекса гласила: “Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных УК РСФСР преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут за собой меры социальной защиты”. Следует отметить, что к мерам социальной защиты законодатель относил: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства; лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях; лишение свободы в общих местах заключения и др.

Дальнейшая история понятия “преступное сообщество (преступная организация)” связана с Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 года. Как известно, в данном Кодексе выделена ст. 210 “Организация преступного сообщества (преступной организации)”.

В настоящее время понятие “преступное сообщество (преступная организация)” получило свое развитие в уголовно-правовом и криминологическом аспектах в Федеральном законе “О борьбе с терроризмом” от 3 июля 1998 г. В ч. 2 ст. 3 данного закона говорится об организации преступного сообщества (преступной организации) для совершения террористической акции, а равно об участии в такой акции. Законодатель, учитывая особую общественную опасность терроризма, выделяет при создании преступного сообщества (преступной организации) соответствующую цель его создания. Более того, в этом законе выделена такая “особь” преступного сообщества (преступной организации), как “террористическая организация”. Статья 3 дает следующее ее определение: “Террористическая организация — организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использовать в своей деятельности терроризм. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации”.

Новый Уголовный кодекс Российской Федерации установил уголовную ответственность по более чем 70 видам противоправных

деяний, до этого не являвшихся таковыми. Среди них — “организация преступного сообщества (преступной организации)” (ст. 210 УК). По задумке законодателя — авторов законопроекта, данная статья должна стать важным звеном в деле борьбы с организованной преступностью. Прошло немногим более двух лет со дня вступления нового Уголовного кодекса в законную силу и, следовательно, реализации указанной нормы. Тем не менее представляют не только научный, но и практический интерес анализ применения данной статьи, криминологическая характеристика указанных преступных формирований.

В 1997 году непосредственно по ст. 210 УК РФ было возбуждено три уголовных дела. В остальных случаях дела данной категории на первоначальном этапе возбуждались, как правило, по другим составам преступлений (мошенничество, разбой, вымогательство, сбыт наркотических средств и др.), и только на завершающей стадии расследования виновным предъявлялось дополнительное обвинение в организации (руководстве) преступного сообщества или участия в нем. В производстве следователей находилось 19 дел, по которым 30 виновным лицам предъявлялось обвинение по ст. 210 УК РФ. В суд было направлено 8 уголовных дел.

Например, в сентябре 1997 года Следственным управлением УВД Новосибирской области было закончено расследование и направлено в суд уголовное дело в отношении восьми членов преступной организации, созданной для реализации поддельных сто долларовых американских купюр. Организаторы преступного сообщества привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 210 и ч. 3 ст. 186 УК РФ, остальные члены — по ч. 2 ст. 210 и ч. 3 ст. 186 УК РФ.

В 1998 году уголовные дела по ст. 210 УК возбуждались в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Смоленске, Нальчике и других городах России.

Несмотря на явно недостаточную практику привлечения лиц к уголовной ответственности по указанной статье, представляет интерес анализ криминологической характеристики преступных сообществ (преступных организаций). Такой анализ позволяет в определенной мере выявить типологические черты данных сообществ, что, в свою очередь, должно оказать помощь практическим работникам при проведении профилактических мероприятий, при разложении преступных формирований, позволяет выявить причины слабой практики применения ст. 210 УК.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ (преступных организаций) является экономика. Под их власть попадают некоторые города и районы. Они нередко “подавляют” местную власть. В.В. Лунеев отмечает, что организованная преступность видоизменяется, активно приспосабливается к неус-

тоявшимся социально-экономическим условиям, ликвидирует respectable сферы экономики, проникая в легальный бизнес, во властные структуры и политику⁴.

Характеризуя преступные сообщества (преступные организации), следует отметить этнический характер отдельных из них, что подчеркивает их большую опасность. Этнические группировки имеют более законченный характер, поскольку общность корыстных интересов дополняется здесь общностью национальной (этнической), и это обстоятельство значительно повышает жизнеспособность данной криминальной структуры.

Анализ изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 210 УК РФ, и приведенные выше данные свидетельствуют, что наибольшую долю в структуре преступлений, совершаемых преступными сообществами (преступными организациями), составляет вымогательство.

То, что основу деятельности преступных сообществ (преступных организаций) составляет вымогательство, подтверждается и исследованиями других авторов. При разложении в 1997 году преступного сообщества в Рязанской и Самарской областях, Тамбове и Санкт-Петербурге — так называемых “слонов”, представлявших собой разветвленную, сложную преступную структуру, позволявшую контролировать деятельность прибыльных объектов на территории и объединяющую несколько сотен человек, — было арестовано более 30 участников. Ими было совершено 27 убийств по найму, 7 покушений на убийство. Большую же долю среди совершенных преступлений составляло вымогательство — 68 случаев⁵. Авторы учебного пособия по криминологии и профилактике преступлений отмечают активизацию преступных сообществ в совершении традиционных тяжких уголовных преступлений: бандитизма, умышленных убийств, разбойных нападений, квалифицированного вымогательства, захвата заложников. Возрастает дерзость преступников, усугубляется насильственный характер деяний, повышается квалифицированность их подготовки и совершения⁶.

Одним из важных аспектов криминологической характеристики членов преступных сообществ (преступных организаций) являются их социально-демографические свойства. Социально-демографическая характеристика преступных сообществ (преступных организаций) показывает, что средний возраст их членов равен 30 годам. Абсолютное большинство из них официально не работают и, как правило, имеют среднее образование.

Приведенные данные об уровне образования подтверждают исследования других авторов⁷. Хотя при этом отмечается, что отдельные личности преступных сообществ могут иметь высшее образование и даже ученые степени. Вместе с тем встречаются случаи, когда их руководители имеют только начальное образование. “Однако им

нельзя отказать в развитых криминальных способностях и возможностях расширения преступного крутозора и опыта”⁸. Из практики можно привести много примеров, когда главарь преступных сообществ (преступных организаций) с низким образовательным уровнем проводили различные многоходовые комбинации при совершении преступлений и руководили членами данных сообществ, имеющими значительно более высокий уровень образования.

При изучении криминологической характеристики определенное значение имеет такой показатель, как криминальное прошлое. Знание этого прошлого позволяет конкретизировать деятельность правоохранительных органов по предупреждению рецидива преступлений, по профилактике организации преступных сообществ (преступных организаций). Почти половина из числа изученных лиц были ранее судимы, в основном за следующие преступления: вымогательство (ст. 148 УК РСФСР); кража (ст. 144 УК РСФСР); угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг (ст. 193 УК РСФСР); подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (ст. 196 УК РСФСР) и др.

Анализ практики борьбы с преступными сообществами (организациями) показывает, что в число ведущих криминологических характеристик их руководителей входят такие, как преступный профессионализм, организаторские способности, коммуникабельность, знание преступных обычаев и традиций, способность к самопожертвованию ради интересов сообщества. “Самопожертвование” во многом обусловлено тем, что одной из преступных “традиций”, обычаев преступных сообществ (преступных организаций) является неприимимость к “дезертирству”. Попытка участника сообщества выйти из него в большинстве случаев заканчивается его физическим уничтожением.

Руководители преступных сообществ (организаций) нередко вовлекают в них деятелей искусства, культуры, спорта и науки. Ими оказывается помощь членам сообществ, отбывающим наказание, другим “нужным” лицам, осуществляется их физическая защита. Они, как правило, имеют непосредственное окружение. Для руководителей преступных сообществ (преступных организаций) характерны такие личностные качества, как умение воздействовать на нескольких человек, консолидировать членов сообщества, организовать преступную деятельность, масштабно организовать противодействие органам власти и управления. Одной из характерных черт является наличие коррумпированных связей в этих органах. Это позволяет им длительное время оставаться нераскрытыми.

Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) сами практически преступления не совершают. Они выступают чаще все-

го в роли организаторов и подстрекателей. Как показывает анализ практики применения ст. 210 УК РФ "Организация преступного сообщества (преступной организации)", привлечь за организацию практически невозможно. Трудно доказать и подстрекательство.

К сожалению, следует отметить, что теперь не редкость, когда авторитеты, лидеры и активные участники организованной преступности либо лица, причастные к преступным формированиям или поддерживающие с ними выгодные взаимоотношения, возглавляют или участвуют в управлении предпринимательскими структурами — фирмами и организациями, как отечественными, так и зарубежными, владеют крупной недвижимостью, являются членами общественных организаций.

Практика применения ст. 210 УК, изучение криминологической характеристики преступных сообществ (преступных организаций) свидетельствуют о том, что реальное состояние дел борьбы с данными видами формирований не соответствует фактическому уровню этого вида преступности. В основном это связано с недостаточным умением работников правоохранительных органов правильно квалифицировать данное деяние. В этом плане представляется необходимым принятие Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего разъясняющего постановления. Необходимо также сориентировать судебную практику на активизацию борьбы с этим видом преступлений. Немаловажным является внесение соответствующих корректив в действующее уголовное законодательство с учетом международного опыта. В их числе могло быть изменение ч. 1 ст. 210 УК РФ: создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения не только тяжких, но и любых преступлений.

¹ Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. — Нью-Йорк, 1992. — С. 43.

² Криминология. — М., 1995. — С. 265.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Том 1. — М., 1994. — С. 339.

⁴ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. — М., 1997. — С. 309.

⁵ См. Криминология и профилактика преступлений/Под ред. Г.А. Аванесова. — М., 1996. — С. 37.

⁶ Там же. — С. 37.

⁷ См., например, Разинский В., Тарабрин А. Элита преступного мира. — М., 1997. — С. 45.

⁸ Там же.

Международное торговое право

ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Г.М. Вельяминов*

Сотрудничество государств в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и проблема урегулирования неизбежных разногласий и споров, возникающих в ходе такого сотрудничества, имеют полувекую историю.

Вторая мировая война, не касаясь ее общих международных политических, социальных и тому подобных последствий, стала для США, как известно, важнейшим фактором экономического бума, обусловленного в решающей мере колоссальными поставками военного снаряжения, продовольствия и другой продукции самого широкого спектра прежде всего в страны антигитлеровской коалиции. Именно этот бум в сочетании с “новым курсом” президента Рузвельта помог окончательно выбраться из небывало тяжкого, затяжного экономического кризиса 30-х годов, охватившего США.

Естественно, уже в ходе войны, заглядывая вперед, руководящие круги США были крайне заинтересованы в поддержании высокого уровня производства в США, в частности сбыта продуктов этого производства за рубеж, и после окончания войны. Именно этот интерес стал причиной выдвижения США еще в ходе войны и непосредственно после ее окончания ряда международных инициатив, направленных на обеспечение в послевоенном периоде и в дальнейшем таких торгово-политических и валютно-финансовых условий, которые позволяли бы США безболезненное осуществить частичную реконверсию экономики на мирные рельсы, а для этого обеспечить по возможности благоприятные условия на внешних рынках для вывоза американских товаров, не только добиваясь при этом в странах, импортирующих американские товары, благоприятного

*Профессор, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

торгово-тарифного режима, но и гарантируя платежеспособный спрос в странах-импортерах. В ряду соответствующих интересов и усилий как администрации, так и мощного военно-промышленного комплекса США нельзя не отметить и естественную заинтересованность в сохранении достигнутого в ходе войны и поддержании на высоком уровне безразличного и убыточного свертывания производства продукции чисто военного назначения. Это обстоятельство, несомненно, было не только весьма существенным для поддержания холодной войны на грани горячей и пестования образа врага в лице СССР (впрочем, на взаимной основе), но и для вытекающего из такого положения обоснования массированного экспорта американского оружия в союзные с США страны.

Из методов и средств, способствовавших сохранению и стимулированию всестороннего американского экспорта, прежде всего на наиболее стратегически важный, перспективный и емкий европейский рынок, надо выделить три крупных инициативы США. Это, во-первых, известный "план Маршалла" 1947 года (по имени тогдашнего государственного секретаря США). На основе этого плана западноевропейские страны получили многомиллиардную помощь (17 млрд. долл. США за четыре года), которая оказывалась в виде поставок предметов потребления и иных товаров, а в дальнейшем и военного снаряжения американского производства на основе займов и безвозмездных субсидий. При этом отнюдь не поощрялось содействие восстановлению в странах, получающих помощь, отраслей промышленности, конкурирующих с американскими. По этому плану 60% всех сумм было выделено Великобритании, Франции, Италии и ФРГ¹. Хотя "план Маршалла", разумеется, не был благотворительным мероприятием и преследовал прежде всего американские интересы, он, несомненно, немало способствовал и укреплению экономического потенциала основных западноевропейских союзников США и стран западной ориентации.

Во-вторых, нельзя не упомянуть закладку еще в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции основ новой глобальной послевоенной валютно-финансовой системы, образованной по инициативе и по предначертаниям США. Система включала создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Обусловливалось, в частности, установление паритетов национальных валют к доллару, которому придавалась роль резервной валюты; золото-долларового стандарта; свободной конвертируемости валют и т.д. Все это обеспечивало необходимые условия для интенсивного товарооборота, разумеется в первую очередь американского.

Наконец, третьей крупной американской послевоенной инициативой в рассматриваемой области явились разработка и заключение

в 1947 году 23 странами Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), основная цель которого заключалась в том, чтобы посредством главным образом последовательного взаимного снижения импортных таможенных пошлин странами-участницами на промышленные товары и снятия количественных и других нетарифных импортных ограничений в возможно большей степени либерализовать торговлю такими товарами между странами, создав тем самым особую по сути преференциальную систему между участвующими странами. Это, естественно, создавало благоприятные условия для наиболее сильных экспортеров, в послевоенных условиях — США.

Излишне говорить, что все перечисленные американские инициативы и международные урегулирования в условиях послевоенного противостояния США и СССР исключали участие последнего.

В основу ГАТТ, этого первого в истории многостороннего торгового соглашения, был положен принцип наибольшего благоприятствования. Согласовываемые между отдельными договаривающимися сторонами ГАТТ в ходе периодических таможенно-тарифных переговоров — раундов — взаимные скидки ставок таможенных пошлин на конкретные товары автоматически в силу названного принципа распространяются на все другие договаривающиеся стороны. За время действия ГАТТ с 1948 по 1994 год в ходе восьми состоявшихся раундов были достигнуты впечатляющие успехи в снижении среднего уровня таможенного обложения в промышленно развитых странах почти с 40% (1947 г.) до 3,8% (к последнему Уругвайскому раунду 1986—1993 гг.). При этом до 44% стоимости импортированных в эти страны промышленных товаров ввозятся беспошлинно².

Вместе с тем к Уругвайскому раунду резко выросло и количество государств (до 120), участвующих в ГАТТ. За более чем 40 лет действия ГАТТ состоялась эффективная привязка к этой системе большинства стран мира. Преимущества вхождения в эту особую систему, парадоксальным образом сочетающую глобальный по своей сути характер с замкнутостью “клуба для избранных”, естественно становились по мере роста числа участников все более привлекательными для стран-аутсайдеров, оказывающихся в явно неблагоприятном положении на рынках договаривающихся сторон ГАТТ. Среди таких аутсайдеров, подавших заявки на вступление в ГАТТ (а теперь и в ВТО), давно значатся Россия и Китай, а также около 30 других государств. Однако новые участники, способные конкурировать на рынках стран—членов ВТО, допускаются в эту организацию весьма неохотно.

Между тем наряду с многолетними успехами ГАТТ в либерализации мировой торговли к открытию последнего, Уругвайского раунда обнаружились и серьезные противоречия интересов отдельных

стран-участниц. С одной стороны, промышленно развитые, передовые в научно-техническом отношении страны демонстрировали многомиллиардные убытки от незащищаемого условиями ГАТТ “пиратского” использования, особенно в странах Юго-Восточной Азии, достижений научного прогресса в электронике и т.п. Запад претендовал на режим наибольшего благоприятствования и национальный режим для своих прямых инвестиций в другие страны, в том числе и развивающиеся, настаивал на включении в сферу действия ГАТТ торговли услугами и т.д.

С другой стороны, ряд стран, особенно развивающихся, были заинтересованы, в частности, в сокращении жесткого аграрного протекционизма в промышленно развитых странах, в распространении действия ГАТТ. Наблюдались расхождения интересов и по многим другим вопросам. Уругвайский раунд призван был по возможности снять накопившиеся противоречия. За семь лет работы в рамках раунда был разработан так называемый пакет Марракешских соглашений 1994 года, состоящий из нескольких десятков договорно-правовых актов различного наименования и характера. В совокупности этих документов содержался компромисс в обеспечении разноречивых интересов. В каких-то документах преобладает обеспечение интересов одних государств, в каких-то — других государств. Именно поэтому и было согласовано подписание всех основных договоренностей “в пакете”: нельзя участвовать лишь в отдельных, выгодных для того или иного государства соглашениях, не участвуя во всех остальных соглашениях.

Важнейшими результатами Уругвайского раунда явились: образование Всемирной торговой организации (ВТО) как центра урегулирования международных торгово-экономических отношений; переработка текста ГАТТ—1947 в новую редакцию ГАТТ—1994, включая, в частности, принятие так называемого “Антидемпингового кодекса”, а также многообразных положений по урегулированию применения различных нетарифных ограничений торговли и т.п.; заключены были особые Генеральные соглашения по торговле услугами (ГАТС), Соглашение по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности, включая торговлю поддельными товарами (ТРИПС), Соглашение по торговым аспектам инвестиционных мер (ТРИМС), Соглашение по сельскому хозяйству, Соглашение по текстилю и одежде, особая Договоренность об урегулировании споров и др.³

В результате на месте ГАТТ—1947, регулировавшего при участии большинства государств мира многостороннюю особую рода преференциальную систему торговли промышленными товарами, в 1994 году возникла глобальная система ВТО—ГАТТ, универсальный механизм торгово-политического регулирования, не только

распространяющий свое действие на мировую торговлю в широком ее понимании, но и обусловивший как бы общие принципиальные рамки для международных торгово-экономических отношений в целом.

Неучастие в этой системе лишает государства-аутсайдеры, в частности, доступа к переговорам по выработке мер универсального значения для регулирования международной торговли, доступа к механизму защиты от дискриминационных мер, применяемых к такому государству-аутсайдеру со стороны государств—членов ВТО, не говоря о невозможности использования тарифных и нетарифных льгот и преимуществ на рынках стран—участниц ВТО—ГАТТ.

Что касается России, то, хотя, по данным ВТО, доля российского экспорта на мировом рынке составляла в 1996 году лишь 1,3, а импорта — 0,8%, общий объем нашего экспорта составил 70,4 млрд. долл. (а если учитывать торговлю со странами СНГ и Балтии — 89,6 млрд. долл.) и Россия занимала все же 26-е место, может быть и не весьма почетное, но среди крупнейших мировых экспортеров⁴.

Россия уже много лет ведет с ВТО—ГАТТ нелегкие переговоры о допуске ее в эту закрытую систему. Хотя бытуют мнения и о невыгодности или, по крайней мере, преждевременности присоединения России к ВТО—ГАТТ, нельзя не согласиться, что, оставаясь на обочине этой универсальной, по сути глобальной системы, Россия многое проигрывает. Другое дело, что вступление России в ВТО должно быть обставлено с минимальными потерями (это касается уступок со стороны России и обеспечения льгот для переходного периода).

Во всяком случае, есть некоторые несомненные преимущества участия России в ВТО, о чем пойдет речь ниже.

В настоящее время экспорт России, к большому сожалению, приобретает все более сырьевой характер. Таможенные пошлины на сырье в странах-импортерах обычно либо низкие, либо вообще отсутствуют. Поэтому Россия, казалось бы, мало что приобретает от льготного тарифного режима ВТО — ГАТТ.

Однако, во-первых, все же сохраняются некоторые несырьевые статьи нашего экспорта, и будем надеяться, что рано или поздно наши условия торговли (*terms of trade*) улучшатся, а во-вторых, страны-импортеры кроме тарифных эффективно используют для ограничения и пресечения российского, в том числе сырьевого, экспорта также нетарифные инструменты. И здесь первое место принадлежит так называемым “антидемпинговым” процедурам (в основном это антидемпинговые пошлины), которые нередко применяются, когда демпинга на самом деле фактически нет, но есть политические причины или интересы наших конкурентов на рынке той или иной страны, чтобы, используя применение антидемпинговых процедур, закрыть доступ на свой рынок для нашего экспорта. Свежий пример:

24 ноября 1998 г. сообщалось о принятии Министерством торговли США постановления о применении антидемпинговых процедур к импорту горячекатаной рулонной стали из России, создающему якобы “критические обстоятельства” на внутреннем американском рынке. Сие означает для российских металлургов оцениваемые потери в 1,5 млрд. долл.⁵

Суровым и весьма весомым ограничениям подвергают США, огораживаясь от российской конкуренции, также ввоз от нас урана, коммерческие запуски международных спутников российскими ракетами и т.д. Уже много лет Россия вынуждена в силу навязанного ей западными странами многостороннего соглашения ограничивать строгими квотами свои производство и экспорт алюминия, причем с установлением минимальных экспортных цен⁶. С 1992 по 1997 год Европейским Союзом были начаты 11 антидемпинговых расследований по России, в том числе по удобрениям и химикалиям, по бесшовным трубам и т.д. (наибольшее число таких расследований после Китая)⁷. Не все они завершались введением ЕС антидемпинговых процедур, однако отрицательное влияние применяемых процедур на отдельные секторы экономики невозможно недооценить. В целом же, как заявил бывший первый вице-премьер России Б. Немцов, ущерб от введения странами Запада антидемпинговых пошлин на российские товары ежегодно составляет 1 млрд. долл. Против российских производителей введено 55 различных санкций, что приводит к колоссальным потерям⁸.

Не случайно, думается, первые места по количеству антидемпинговых расследований в западных странах занимают Китай и СССР (Россия), то есть страны, не участвующие в ВТО—ГАТТ, а поэтому лишенные возможностей, во-первых, использовать “Антидемпинговый кодекс” ГАТТ — Соглашение о применении статьи VI ГАТТ—1994⁹, — в котором юридически регламентированы критерии понятия демпинга, возможности применения антидемпинговых процедур и, соответственно, основания для оспаривания таковых, а во-вторых, использовать порядок ВТО для урегулирования споров (точнее, документ “Договоренность о правилах и процедурах, определяющих урегулирование споров”, далее: “Договоренность”)¹⁰, процедуру, которая обеспечивает правосудие в рамках ВТО по спорам, в том числе и по поводу неправомерного применения антидемпинговых процедур.

Нельзя не согласиться, как указывается в ст. 3 “Договоренности”, что “система ВТО по урегулированию споров есть центральный элемент обеспечения надежности и предсказуемости всей многосторонней торговой системы”. Особенное же достоинство данная процедура может представить для России в условиях нередкой дискриминационной практики отдельных стран—членов ВТО приме-

нительно к нашему экспорту. Поэтому как в ракурсе изучения целесообразности присоединения России к ВТО—ГАТТ, так и в предвидении в конечном счете такого присоединения рассмотрение процедуры урегулирования споров в ВТО представляет, на наш взгляд, первостепенный правовой интерес.

Действующая процедура возникла не на пустом месте. Уже в ст. XXII ГАТТ—1947 предусматривались консультации договаривающихся сторон по любым вопросам, связанным с действием ГАТТ. В дальнейшем, еще до Уругвайского раунда и в ходе его, в результате ряда последовательных договоренностей стран—участниц ГАТТ постепенно сложились порядок и процедура урегулирования межгосударственных споров в рамках ГАТТ, которые получили свое завершение в упомянутой действующей “Договоренности”. Предусматривались при этом и подведение через несколько лет итогов применения “Договоренности”, и возможность ее пересмотра¹¹.

Одним из основных органов ВТО стала образуемая ее Генеральным советом особая Комиссия по урегулированию споров (Dispute Settlement Body) (далее: КУС), в функции которой, в частности, входит: образование жюри (panel) для рассмотрения конкретных споров и постоянной апелляционной комиссии (Appellate Body); одобрение докладов жюри и апелляционной комиссии; осуществление наблюдения за выполнением решений и рекомендаций, а также санкционирование репрессивных мер в случаях невыполнения рекомендаций.

Порядок урегулирования споров состоит из следующих последовательных стадий.

1. Исходя из основной цели механизма урегулирования споров — “обеспечить положительное разрешение спора” — поощряется взаимоприемлемое разрешение проблемы, возникшей между членами ВТО в соответствии с установлениями ВТО. Поэтому первой стадией урегулирования спора являются взаимные консультации между соответствующими правительствами—сторонами спора.

Если консультации не дают результата, стороны по взаимному согласию могут на этой стадии обратиться к Генеральному директору ВТО, который, действуя *ex officio*, предоставляет возможность использования сторонами добрых услуг, согласительной процедуры или посредничества.

2. Лишь по истечении 60 дней при безуспешности консультационной стадии истец может обратиться с просьбой к КУС предпринять образование жюри для рассмотрения спора. КУС осуществляет это практически автоматически, препятствием может служить лишь консенсус против этого.

Жюри составляется в течение 30 дней со дня решения об этом КУС из трех кандидатов, предлагаемых на одобрение сторон Секре-

тариатом ВТО, в том числе из имеющегося списка квалифицированных лиц. При возникновении трудностей в одобрении кандидатов члены жюри могут быть назначены Генеральным директором ВТО*. Применяются стандартные правила процедуры, используемые при рассмотрении дела жюри, при выявлении обстоятельств дела и выводов, которые будут содействовать принятию КУС рекомендаций или постановлений. Однако стороны могут согласовать и иные правила процедуры для жюри. Члены жюри действуют в личном качестве и не подчиняются указаниям правительств.

3. Основные этапы работы жюри следующие:

- стороны представляют в жюри до первого его заседания, посвященного рассмотрению спора по существу, письменные изложения фактических обстоятельств дела и аргументации;

- на первом заседании истец излагает свои требования, а ответчик — свои возражения. Третьи стороны, заявившие о своей заинтересованности в споре, также могут представить свои соображения;

- формальные прения происходят на втором заседании жюри по существу спора;

- если сторона процесса ссылается на какие-либо научно-технические факторы, жюри может назначить группу экспертов для подготовки экспертизы;

- жюри представляет разделы своего доклада, содержащие описание фактических обстоятельств дела и аргументацию, сторонам, которые могут в течение двух недель представить свои замечания;

- жюри представляет промежуточный доклад, включая свои выводы и заключения, сторонам, которые в течение одной недели могут потребовать пересмотра содержания. Срок пересмотра не должен превышать двух недель, в течение которых жюри может проводить дополнительные встречи со сторонами;

- жюри представляет сторонам окончательный доклад, а через три недели доклад распространяется среди всех членов ВТО. Если жюри решит, что обжалуемое мероприятие несовместимо с условиями надлежащего применения соответствующего соглашения в рамках ВТО, оно предлагает рекомендацию о том, чтобы соответствующий член ВТО привел данное мероприятие в соответствие с надлежащим соглашением. Жюри может также предложить способы, с помощью которых этот член ВТО может выполнить рекомендацию.

*Эти полномочия Генерального директора были им использованы, вопреки упорному сопротивлению со стороны Вашингтона, при образовании жюри по жалобе ЕС по поводу экстерриториального закона США Хелма—Бертон (Финансовые известия. — 1997. — 25 февр.).

Рассмотрение дела и принятие окончательного доклада жюри по спору должны состояться в течение шести месяцев, но в срочных случаях, в том числе когда речь идет о скоропортящихся грузах, срок может быть сокращен до трех месяцев.

4. Доклад жюри подлежит одобрению КУС в течение 60 дней после его принятия жюри при условии, что ни одна из сторон не уведомит о намерении подать апелляцию или что будет достигнут консенсус против одобрения доклада.

5. Каждая из сторон может обратиться в апелляционную комиссию для пересмотра доклада жюри.

Апелляционная комиссия — постоянный орган, образуемый КУС из семи членов, с условием широкого представительства членского состава ВТО, сроком на четыре года из лиц, обладающих признанным авторитетом в областях права и международной торговли, не зависящих от какого-либо правительства. Слушания в комиссии осуществляются коллегией из трех ее членов. Комиссия правомочна поддерживать, изменить или пересмотреть правовые выводы и рекомендации жюри. Апелляционное рассмотрение завершается принятием доклада, при этом оно ограничивается только вопросами применения права и правовой интерпретации, содержащимися в докладе жюри. По общему правилу апелляционный процесс не должен превышать 60 дней. И в любом случае не более 90 дней.

6. Доклад апелляционной комиссии одобряется КУС в течение 30 дней и подлежит безусловному принятию сторонами к исполнению, если только не будет отклонен на основе консенсуса.

7. Исходя из закрепленного в “Договоренности” принципа, гласящего, что “быстрое исполнение в соответствии с рекомендациями и постановлениями КУС существенно для того, чтобы обеспечить эффективное разрешение споров на пользу всех членов Организации”, предусматривается последовательный контроль со стороны КУС за осуществлением решений по урегулированию споров.

В течение 30 дней после одобрения доклада либо жюри, либо апелляционной комиссии КУС созывает совещание, на котором соответствующая сторона должна заявить о своих намерениях относительно исполнения рекомендаций. Если признается непрактичным выполнение их немедленно, КУС устанавливает определенный “разумный срок” для исполнения.

8. Если соответствующая сторона — член ВТО не соблюдает установленного “разумного срока”, она обязана вступить в переговоры с истцом, с тем чтобы определить взаимоприемлемую компенсацию, например предоставление тарифных скидок в областях, имеющих особый интерес для истца.

9. Если в течение 20 дней не будет согласовано удовлетворитель-

ной компенсации, истец может потребовать от КУС санкционирования приостановления уступок или обязательств по отношению к ответчику.

10. КУС в 30-дневный срок по истечении установленного “разумного срока” должна санкционировать применение истцом соответствующих мер, если только требования истца не будут отклонены на основе консенсуса.

В принципе репрессивное приостановление уступок применяется в том же секторе, который является объектом спора. Если это, однако, непрактично или неэффективно, приостановление уступок может быть осуществлено и по другим секторам того же соглашения, на котором зиждутся соответствующие правоотношения. Но если и это является непрактичным или неэффективным и если обстоятельства достаточно серьезны, приостановление уступок может быть санкционировано и по иным соглашениям.

Репрессалии (хотя они так и не именуется), предпринимаемые по отношению к ответчику, рассматриваются лишь как временные, впредь до окончательной ликвидации отступления ответчика от соответствующих правил или допущенных им нарушений.

11. КУС продолжает наблюдение за осуществлением принятых рекомендаций и постановлений, и дело не снимается с повестки дня до его полного урегулирования.

Таковы в схематичном изложении порядок и процедура урегулирования споров по международным соглашениям и подобным правовым актам системы ВТО¹². Анализ этого механизма показывает, что порядок урегулирования споров в рамках ВТО представляет собой знаменательную новацию в международном праве, представляющую собой интерес с точки зрения не столько использования существующих уже институтов и средств урегулирования споров в межгосударственных отношениях, сколько тесного сочетания этих средств в едином механизме, делающем такое сочетание особо эффективным. Для этого механизма характерно, в частности, что:

- он универсален для разрешения любых споров, основывающихся на применении всех договорно-правовых документов в рамках системы ВТО;

- порядок рассмотрения споров обладает обязательной юрисдикционной силой в отношении указанных документов;

- члены ВТО обязались не предпринимать односторонних действий для противодействия оспариваемым мерам других членов ВТО, но должны обращаться к данной процедуре и следовать ее правилам;

- в механизме при определенных обстоятельствах может быть задействован Генеральный директор ВТО — ее высшее должностное лицо;

— процедура представляет собой последовательное, взаимосвязанное в едином процессе, обычно облигаторное применение практически всех известных в международном праве средств урегулирования споров, а именно: взаимные консультации спорящих сторон; согласительные процедуры (добрые услуги, посредничество и т.п.); подобное арбитражному разбирательству дела жюри; подобное судебному апелляционное производство, а также санкционируемые КУС, органом ВТО, меры характера репрессалий;

— этапы рассмотрения тяжбы и имплементации решений обусловлены достаточно четкими процессуальными сроками, что обеспечивает быстрое разрешение спора и быстрое исполнение. Вся процедура рассмотрения и принятия рекомендации по спору занимает от 8 до 12 месяцев;

— процедура в целом ориентирована на избежание тупиковых ситуаций, которые препятствовали бы принятию окончательного решения по делу;

— хотя рассматриваются споры между государствами, дело возбуждается государством-истцом лишь по заявлению о нарушении обязательств и по получении информации от соответствующей национальной хозяйственной структуры этого государства;

— предусматриваются положения, относящиеся к специфическим интересам развивающихся и наименее развитых стран;

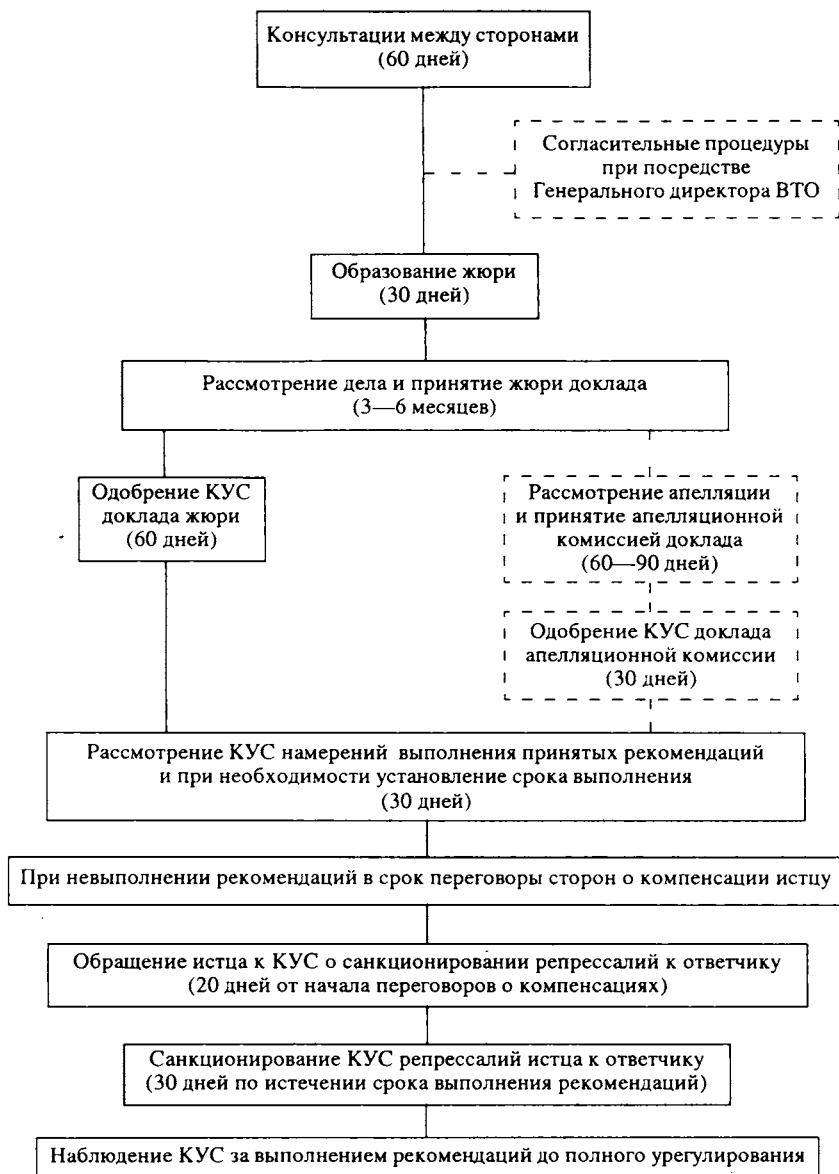
— специальные правила регулируют споры, когда не усматриваются нарушения обязательств по соглашениям, но выводы страны — участницы соглашения, можно предполагать, утрачиваются или уменьшаются;

— наконец, что уникально, предусматриваются действенная исполнительная процедура осуществления принятых рекомендаций и постановлений, при необходимости с применением репрессивных мер, а также перманентный мониторинг со стороны КУС вплоть до полного урегулирования спора;

— применяемые репрессивные меры не носят штрафного характера, но рассматриваются как временные и компенсационные.

Кроме приведенных аналитического характера выводов следует назвать, пожалуй, и самый существенный: система урегулирования споров ВТО оказалась широко востребованной на практике. Так, к примеру, лишь на октябрь 1997 года на рассмотрении в ВТО находилось около 70 самых разнообразных жалоб¹³. Самым первым вердиктом явилось признание дискриминационным установление Вашингтоном экономических норм, касающихся торговли бензином с Венесуэлой и Бразилией¹⁴. Самыми же политически значимыми стали жалобы ЕС на экстерриториальное законодательство США, как федеральное, так и на уровне штатов, в том числе на закон Хелмса—Бертон, предусматривающий санкции к иностранным

ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ВТО



лицам, поддерживающим деловые отношения с кубинскими предприятиями, ранее бывшими американскими объектами собственности, но национализированными на Кубе; на закон штата Массачусетс, ограничивающий торговлю с иностранными фирмами, сотрудничающими с Мьянмой (Бирма)¹⁵, и т.п.

США, в свою очередь, обращались с жалобами, в частности на ограничения импорта фотопленки Японией; США и Канада — на ограничение импорта в ЕС говядины от парнокопытных, получавших в корм гормоны¹⁶. По постановлениям ВТО США должны были отменить 16 из 24 защитных мер, введенных США лишь за 1995 год, особенно по импорту текстиля и готовой одежды из развивающихся стран¹⁷. Проиграли недавно США и дело с Индией, Малайзией, Пакистаном и Таиландом в связи с запретом импорта из названных стран креветок, добытых с использованием траловых сетей¹⁸.

Все эти лишь выборочные примеры свидетельствуют о востребованности, а следовательно, и эффективности порядка разрешения споров в ВТО даже в отношении и такого мощнейшего игрока на мировом рынке, как США.

В заключение позволим себе высказать робкую и вряд ли имеющую малейшие шансы на успех надежду на то, что горе-архитекторы экономического сотрудничества в рамках СНГ когда-нибудь попытаются использовать опыт ВТО в рассматриваемой области и для "объединения независимейших".

¹ См. Дипломатический словарь. — Т. II. — М., 1985. — С. 184.

² Trading into the Future. WTO. The World Trade Organization. — Geneva, 1995. — Р. 6.

³ Подробнее о содержании и обстоятельствах, связанных с принятием Марракешских соглашений, см., в частности, Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация. — М., 1997; Григорян С.А. Всемирная торговая организация: правовые проблемы вступления России. — Ростов-на-Дону, 1998.

⁴ Финансовые известия. — 1997. — 15 апр.

⁵ Известия. — 1998. — 25 нояб.

⁶ Финансовые известия. — 1994. — 9 февр. и 27 окт.; 1995. — 14 февр.; 1996. — 30 мая; 1998. — 19 янв., 12 февр и 12 марта.

⁷ См. Практическое руководство для российских экспортеров по антидемпинговой политике и процедурам Европейского Сообщества. — М., 1998. — С. 6, 97, 98.

⁸ Финансовые известия. — 1998. — 17 февр.

⁹ См. Law and Practice of the World Trade Organization, N.Y. — Z. — Rome. — 1995. — Р. 167.

¹⁰ Ibid. — Р. 423.

¹¹ Дюмулен И.И. Указ. соч. — С. 142, 145.

¹² См. Law and Practice of the World Trade Organization. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes; Trading into the Future. — Р. 18, 19; Дюмулен И.И. Указ. соч. — С. 141—145.

¹³ Известия. — 1997. — 29 окт.

¹⁴ Финансовые известия. — 1996. — 6 авг.

¹⁵ Финансовые известия. — 1997. — 25 февр., 5 авг.

¹⁶ Финансовые известия. — 1996. — 19 окт.

¹⁷ Финансовые известия. — 1997. — 14 янв.

¹⁸ Известия. — 1998. — 14 окт.

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 года.

Морское право

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ КАК ПОГРАНИЧНОГО ОЗЕРА

Р.Ф. Мамедов* (г. Баку)

Каспийское море относится к числу пограничных озер¹ с наиболее сложным, неопределенным международно-правовым статусом. Причиной тому явилось наличие многолетних разногласий между прибрежными государствами СССР и Ираном, а с 1997 года — между пятью государствами², а также различными учеными по поводу определения его международно-правового положения.

Довольно длительное время в советской доктрине международно-права Каспий рассматривался советско-иранским морем, закрытым морем, морем-озером, а начиная с 80-х годов появилась тенденция к признанию его в качестве пограничного озера³.

В значительной степени неопределенность международно-правового положения Каспийского моря до распада СССР была вызвана и предопределена советско-иранской договорно-правовой практикой, заключенными между СССР и Ираном договорами и соглашениями.

Каков же на самом деле международно-правовой статус Каспийского моря?

История вопроса

Ретроспектива географической характеристики Каспийского моря уходит своими корнями в далекие тысячелетия до нашей эры. Из дошедших до нас исторических памятников ясно, что Каспийское море изучали и, соответственно, характеризовали еще ученые и путешественники античных времен, полагавшие, что легендарные герои песен древнегреческого поэта Гомера — аргонавты — совер-

*Кандидат юридических наук.

шали переход через Маньчжский пролив из Черного моря в Каспий. В трудах ученых и географов более позднего времени, таких как Гекатей Милетский, Геродот, Аристотель, Эратосфен, Каспийское море рассматривалось в качестве замкнутого моря или как залив океана. В свою очередь, у Страбона оно изображалось как бассейн, вытянутый до параллели с запада на восток⁴.

Каспийское море на протяжении своей многовековой истории имело до 40 различных названий, которые обычно давались морю или по названию населения, проживающего на его берегах, или по наименованию городов, областей, стран его прибрежной полосы. Например, Каспийское море называлось Гирканским — по названию прибрежной страны Гиркания, Абескунским — по наименованию прибрежного города Абескун, Хазарским — по наименованию хазаров, живших на его северо-западном берегу. Русские называли Каспий Хвалынским морем по названию народа, жившего в устье реки Волги⁵.

Каспийское море получило свое название от “каспиев” — народа, проживавшего на его юго-западном берегу.

Однако ни эти названия, ни различные мнения историков, географов не оказали существенного влияния на формирование международно-правового статуса Каспия.

Вплоть до второй половины XIX века международно-правовое положение Каспийского моря даже не являлось предметом научного исследования. Только ближе к концу XIX века появились научные соображения, комментирующие русско-персидские трактаты 1813 и 1828 годов, соответствующие положению о Каспии.

Одним из тех, кто первым охарактеризовал Каспийское море с точки зрения международного права, был известный русский юрист Ф.Ф. Мартенс. Он писал: “В совершенно другом сравнительно с открытыми морями положении находятся те моря, которые не только окружены территориальными владениями одного и того же государства, но и не имеют никакой связи с океаном. Это — закрытые моря: они состоят под властью того государства, в пределах которого лежат.

На этом основании... Каспийское море также закрытое, хотя оно омывает берега, принадлежащие России и Персии, но должно считаться русским”⁶.

На подобных позициях стояли также Л.А. Камаровский и В.А. Ульяницкий. “В противоположность этим открытым морям, — писали они в 1908 году, считаются закрытыми или внутренними те, которые не имеют сообщения с океаном, но по своему составу представляют собою моря, а не озера. Таково... принадлежащее России Каспийское море”⁷.

Однако, несмотря на появление ряда серьезных научных исследований и незначительную русско-персидскую договорно-правовую

практику XIX — начала XX века, вплоть до победы Октябрьской революции международно-правовой статус Каспийского моря юридически не оформлялся.

Советская практика

Известно, что сразу же после победы Октябрьской революции Советская Россия в одностороннем и добровольном порядке аннулировала все прежние неравноправные договоры и соглашения с Ираном⁸.

Была сделана попытка выработки международно-правового положения Каспийского моря в рамках советско-иранского Договора от 28 февраля 1921 г.

Среди положений данного договора имелись многие непосредственно касавшиеся Каспийского моря и фактически заложившие фундамент его международно-правового статуса и режима для советского времени. Однако по содержанию этого договора трудно судить, как квалифицировали Каспийское море его авторы — морем или озером. Исходя из советско-иранской договорно-правовой практики последующих после заключения договора 20 лет, мы склонны считать, что Каспийское море рассматривалось составителями договора в качестве закрытого моря.

Уже в первых официальных нотах, которыми обменялись правительства СССР и Персии о порте Пехлеви (1 октября 1927 г.), подчеркивалось, что Каспий является советско-иранским морем⁹.

В дальнейшем при заключении советско-иранских договоров “О торговле, мореплавании и поселении” 1935 года и “О торговле и мореплавании” 1940 года, а также при обмене соответствующими нотами позиции прибрежных государств по вопросу о международно-правовом статусе Каспия были более четкими. Так, в письмах о Каспийском море от 25 марта 1940 г., которыми обменялись представители СССР и Ирана в день заключения Договора 1940 года, отмечалось, что “Каспийское море, рассматриваемое обеими Договаривающимися Сторонами как море советское и иранское, представляет для Договаривающихся Сторон исключительный интерес”¹⁰.

Как ни странно, советская юридическая наука не замедлила оценить данную советско-иранскую договорно-правовую позицию в многочисленных справочниках, курсах и учебниках международного права, изданных после заключения этих договоров, в результате чего концепция рассмотрения Каспия закрытым морем стала фактически преобладающей догмой.

В частности, уже в изданном в 1940 году Военно-морском международно-правовом справочнике под редакций В.А. Белли отмеча-

лось, что “Каспийское море как географически закрытое и окруженное территорией двух государств — СССР и Ирана — рассматривается как советско-иранское море”¹¹.

В учебнике “Международное право”, изданном в 1957 году, Каспий признавался закрытым морем, поскольку его воды не имели сообщения с открытым морем¹².

Наиболее противоречивые точки зрения на международно-правовой статус Каспийского моря были высказаны в Военно-морском международно-правовом справочнике под редакцией П.Д. Бараболи, изданном в 1966 году.

Так, по мнению Л.А. Иванашенко, одного из авторов этого справочника, к закрытым морям по своему правовому положению и режиму судоходства относятся моря-озера, представляющие собой внутренние национальные воды прибрежных государств в пределах их государственных границ, к которым относится Каспийское море¹³.

Не менее противоречивое суждение в этой же работе выдвигал и В.Д. Логунов. Так, сперва он заявляет, что Каспийское море не связано путями ни с открытым морем, ни с океаном и поэтому с точки зрения международного права является закрытым. Но уже на следующей странице им выдвигается совершенно другая, новая, при этом правильная идея: “не имея выхода в океан, Каспийское море является типичным пограничным озером, расположенным между двумя государствами — Советским Союзом и Ираном”¹⁴. При этом, как бы в подтверждение своей последней точки зрения, В.Д. Логунов отмечал, что общие нормы, применяемые к открытому морю, судам и экипажам, плавающим в открытом море, равно как и исследованиям и промыслам природных ресурсов открытого моря, положения о территориальных водах на Каспийское море не распространяются, так же как они не распространяются и на пограничные озера¹⁵. А вслед за этим в конечном счете автор приходил к весьма абсурдному выводу, что Каспийское море является советско-иранским морем¹⁶.

Находясь под непосредственным влиянием этих концепций и учений, Ф.С. Бойцов также признавал, что Каспий, будучи замкнутым морем-озером, в соответствии с заключенными соглашениями должен рассматриваться как море советско-иранское¹⁷.

Признание Каспия закрытым советско-иранским морем встречается и в ряде работ других ученых, в том числе и зарубежных¹⁸.

Почти аналогичной являлась и официальная позиция Ирана в этом вопросе, нашедшая свое отражение даже в его национальном законодательстве, о чем свидетельствует В.Я. Шестопалов: «Хотя в законе от 12 апреля 1959 г. (закон о внесении поправок в закон о территориальных водах. — *Р.М.*) нет специальной на то оговорки, на основании анализа ранее принятого законодательства и договорно-правовой практики Ирана следует сделать вывод о том, что поло-

жение этого закона не может быть распространено на бассейн Каспийского моря, которое считается закрытым морем. Этот очевидный факт признан законодательной практикой Ирана еще в середине 50-х годов и нашел отражение в примечании к ст. 2 Закона "О континентальном шельфе" от 19 июля 1955 г., в котором указывается, что "положения международного права в отношении закрытых морей применяются к Каспийскому морю"¹⁹.

В то же время группа авторов утверждала, что Каспийское море является самым обыкновенным внутренним морем²⁰.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что в соответствии с советско-иранской договорно-правовой практикой, а вслед за ней советской и зарубежной доктринами международного права, которые, по существу, занимались толкованием уже принятых договорных норм и принципов, за Каспийским морем закрепился международно-правовой статус закрытого моря, следствием чего стали отсутствие в нем делимитационной линии, то есть государственной границы, установление 10-мильной рыболовной зоны, возникновение возможности свободного осуществления всех видов судоходства и рыболовства (за пределами 10-мильной зоны) обоими прибрежными государствами на всем его протяжении, иначе говоря, применение к нему ряда норм международного морского права. Видимо, с этим связано то, что многие положения, устанавливающие определенный порядок деятельности прибрежных государств, так и не были внедрены на практике, а со временем стали даже преградой в совершенствовании и обосновании ряда норм, применимых к этому пограничному озеру.

Это, однако, не означает, что подобный правопорядок не может быть установлен в пограничных озерах вообще, о чем свидетельствует, например, статус озер Виктория и Чад (в последнем действует принцип свободы судоходства и рыболовства на всем протяжении озера для всех прибрежных и даже третьих (Нигер) государств)²¹. Но именно подобная практика привела к сегодняшней неопределенности в международно-правовом положении Каспия.

Думается, что причины возникновения многочисленных разногласий и споров в прошлом, в наши дни и в будущем относительно использования Каспийского моря коренятся прежде всего в концепции закрытого моря²².

Причин, приведших к признанию со стороны прибрежных государств и ученых Каспийского моря закрытым морем²³, на наш взгляд, насчитывается несколько.

Во-первых, неоднозначная позиция и выводы географической науки, базирующиеся не только на современном положении озера, но и на данных прошлых веков, которые следующим образом метко охарактеризовал К.К. Гюль: "Каспийское море — величайшее озе-

ро в мире. Благодаря своим размерам и солености воды оно еще в глубокой древности получило наименование моря"²⁴.

Подобный подход к оценке географического положения Каспийского моря не является единственным в своем роде. По свидетельству Нгуен Нгок Мина, прежде вообще было довольно широко распространено мнение о необходимости рассмотрения крупных озер морями. "Эта точка зрения, — пишет автор, — получила, например, отражение в решении Верховного суда США по делу *US v. Rodgers*, вынесенном в 1893 году"²⁵.

Во-вторых, военная стратегия, которая господствовала в 30—40-х годах XX в., то есть в период наиболее активного приложения концепции закрытого моря к Каспию. Так, по мнению сторонников этой концепции, ее установление на определенных водных бассейнах и морях было продиктовано интересами национальной безопасности. "Именно этим объясняются, — подчеркивает С.В. Молодцов, — широкое признание в советской доктрине международного права концепции закрытого моря и ее распространение на Черное и Балтийское моря, которые имеют четко выраженные черты закрытого моря"²⁶.

Данная точка зрения поддерживается Г.М. Мелковым, считавшим, что "до победы Советского Союза над фашизмом и образования мировой системы социализма концепция закрытого моря сыграла положительную роль в международно-правовом обеспечении безопасности СССР, в том числе и с морским направлением"²⁷.

Думается, что эти высказывания имеют самое непосредственное отношение к истории и причинам формирования международно-правового статуса Каспия как закрытого моря. Однако мы полагаем, что применение концепции пограничного озера также не противоречило бы интересам безопасности и мира прибрежных стран.

В-третьих, полное отсутствие в свое время в советской юридической науке учения о пограничных озерах и слабое знакомство с договорно-правовой практикой других приозерных государств. До 60-х годов в западной доктрине международного права проблемы пограничных озер изучались также недостаточно.

Несмотря на то что, по образному выражению В.Ф. Мешеры, за Каспием исторически укрепилось название моря²⁸, тем не менее с географической точки зрения он является обычным пограничным озером.

Изучение доктринальных источников заставляет нас думать, что многие ученые также понимали это обстоятельство, но оказались не в состоянии выйти за рамки действующей договорно-правовой практики. Если к этому добавить, что "в настоящее время господствует тенденция рассматривать озера, в том числе и очень крупные, не как моря, а именно как озера, подчиненные своему собственному правовому режиму"²⁹, то становится очевидной настоятельная необходи-

мость восстановления справедливости и объявления Каспийского моря советско-иранским пограничным озером. В этом случае, в отличие от практики предыдущих лет, современная договорно-правовая практика должна исходить прежде всего из научно обоснованных теоретических положений, на разработку которых претендует настоящее исследование.

Объективности ради следует отметить, что уже в те годы, когда еще безраздельно доминировала концепция закрытого моря в отношении Каспия, выдвигались предположения в пользу пересмотра его международно-правового статуса. В частности, с таких позиций выступал А.К. Жудро. По его мнению, море, окруженное территориями двух или более государств и не имеющее выхода к открытому морю (Мировому океану), представляет собой не море, а пограничное озеро, примером которого могло бы служить Каспийское море³⁰.

Почти идентичную точку зрения мы находим у В.С. Верешетина³¹, А.А. Волкова и К.А. Бекашева³², Г.А. Глазунова³³, С.А. Малинина и А.М. Муртазалиева.

Позиция о том, что Каспийское море является пограничным озером как с географической, так и с юридической точек зрения, была высказана нами и ранее.

¹ Пограничными озерами с точки зрения международного права следует считать, по нашему мнению, водные пространства, омывающие побережья двух или более государств, не имеющие естественного соединения с Мировым океаном и обладающие самостоятельным международно-правовым статусом и режимом, определенным в конкретном международном договоре между приозерными государствами.

² После распада СССР в 1991 году прикаспийскими государствами стали: Азербайджан, Казахстан, Иран, Туркменистан и Россия.

³ В 1989 году качество Каспийского моря как пограничного озера обосновал автор данной статьи. См. *Мамедов Р.Ф.* Международно-правовой режим Каспийского моря (автореферат канд. дисс. — М., ДА МИД СССР, 1989).

⁴ *Гюль К.К.* Из истории географических исследований Каспийского моря//Известия АН Азербайджанской ССР. — 1960. — № 2. — С. 90—91).

⁵ См. *Жило П.В.* О названиях Каспийского моря//Известия АН Азербайджанской ССР. — 1960. — № 4. — С. 94—95.

⁶ *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. — Изд. 5-е. — Т. 1. — СПб., 1904. — С. 385.

⁷ *Камаровский Л.А., Ульяницкий В.А.* Международное право. — М., 1908. — С. 79.

⁸ См. *Аскеров Э.И.* Принципы мира, дружбы, сотрудничества СССР с народами стран Востока (Турция, Иран, Афганистан). — М., 1969. — С. 4.

⁹ См. *Документы внешней политики СССР.* — М., 1965. — С. 429.

¹⁰ *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.* — Вып. X. — М., 1956. — С. 71—72.

- ¹¹ Военно-морской международно-правовой справочник/Сост. В.А. Бели. — Кн. 2. — М.—Л., 1940. — С. 75.
- ¹² См. Международное право/Отв. ред. Ф.И. Кожевников. — М., 1957. — С. 222.
- ¹³ См. Иванащенко Л.А. Международно-правовой режим закрытых морей/Военно-морской международно-правовой справочник. — М., 1966. — С. 130.
- ¹⁴ См. Логунов В.Д. Международно-правовой режим Каспийского морского театра/Военно-морской международно-правовой справочник. — С. 371.
- ¹⁵ Там же. — С. 372, 375.
- ¹⁶ Там же. — С. 375.
- ¹⁷ Бойцов Ф.С., Иванов Г.Г., Маховский А.Л. Морское право. — М., 1985. — С. 46.
- ¹⁸ Аджаров К.А. Территориальные проблемы в современном международном праве. — Вып. 247. — Краснодар, 1977. — С. 39, 61; Международное право/Под ред. Г.В. Игнатенко и Д.Д. Остапенко. — М., 1978. — С. 241; Коломбос Д. Международное морское право. — М., 1975. — С. 177—178; Sibert M. Traité de droit international public. — T. I. — P., 1951. — P. 739.
- ¹⁹ Шестопалов В.Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа. — М., 1982. — С. 73.
- ²⁰ Нгуен Нгок Минь. Международное морское право. — М., 1981. — С. 36; Международное право/Отв. ред. Л.А. Моджорян, Н.Т. Блатова. — М., 1970. — С. 303; Btown D.J. Public international Law. — L., 1970. — P. 97.
- ²¹ Корбут Л.В., Баскин Ю.Я. Международные реки: история и современность. — М., 1987; Okidi C.J. Legal and Policy Regime Lake Victoria and Nile Basins//International Journal of Law Libraries. — 1980. — Vol. 20. — No. 3. — P. 402—406.
- ²² Закрытое море не означает замкнутое море. Последнее составляет терминологию Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.
- ²³ Riazi F. La réglementation des cours d'eau frontaliers de l'Iran//Revue Iranienne des Relations Internationales. — No 12/14. — Teheran, 1979. — P. 159—160.
- ²⁴ Гюль К.К. Каспийское море. — Баку, 1956. — С. 12.
- ²⁵ Нгуен Нгок Минь. Указ. соч. — С. 35.
- ²⁶ Молодцов С.В. Международное морское право. — М., 1987.
- ²⁷ Горшок Г.С., Мелков Г.М. Военное мореплавание и стратегическое равновесие: международно-правовые аспекты. — М., 1986. — С. 65.
- ²⁸ Советское морское право/Под ред. Г.И. Тункина. — М., 1974. — С. 291.
- ²⁹ Нгуен Нгок Минь. Указ. соч. — С. 35.
- ³⁰ Международное право/Под ред. Г.И. Тункина. — М., 1974. — С. 291.
- ³¹ Верещетин В.С. Свобода судоходства в открытом море. — М., 1958. — С. 7—89.
- ³² Волков А.А., Бекяшев К.А. Морское и рыболовное право. — М., 1980. — С. 224.
- ³³ Глазунов Г.А. Международные и пограничные реки и озера//Международное морское право. Справочник. — М., 1985. — С. 172, 180.

Статья поступила в редакцию в августе 1998 года.

Страницы истории

ДИПЛОМАТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ (I тыс. до н.э. — V в. н.э.)

Э.В. Ртвеладзе*, А.Х. Саидов**

Постановка проблемы. История дипломатии стран Центральной Азии — составная часть всемирной истории дипломатии и международного права, подтверждающая единство всемирно-исторического процесса, взаимодействие народов и культур в их историческом прошлом. Однако при всем этом имеется и специфика в развитии Центральноазиатского региона и его особый вклад в мировую цивилизацию. Так, благодаря международным и дипломатическим связям, социально-экономическим, политико-правовым и культурно-духовным контактам между народами, моментам взаимовлияния, преемственности и др. история дипломатии стран Центральной Азии носит интернациональный характер, в ней сконцентрирован огромный международно-правовой и дипломатический опыт многих народов Центральноазиатского региона. Этот опыт принадлежит не только прошлому, по различным каналам он вливается в современность, оказывая значительное воздействие на международные процессы. Именно этим в настоящее время объясняется возросший интерес к истории дипломатии и международных отношений. Несмотря на это, история становления и развития дипломатии государств и владений Центральной Азии в древности до сих пор как в международно-правовой, так и в исторической науке недостаточно разработана. Отсутствуют как обобщающие монографии, так и отдельные публикации по этой важнейшей проблеме¹.

Цель настоящей статьи состоит в изложении истории становления и развития дипломатических отношений этого региона с различ-

* Академик АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук.

** Доктор юридических наук, профессор сравнительного и международного права, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Редсовета "Московского журнала международного права". Подробнее о нем см. № 1 нашего журнала за 1996 год.

ными государствами древнего мира поэтапно и в хронологическом порядке.

Основой для написания этой статьи послужили греко-римские и китайские письменные источники, позволяющие где кратко, а где и более детально охарактеризовать данную проблему.

Центральная Азия в силу своего географического положения, а также богатого культурного и духовного наследия сыграла важнейшую роль во взаимообмене научными, культурными, правовыми, образовательными и религиозными идеями между Востоком и Западом. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) уделяет большое внимание изучению, восстановлению и популяризации памятников центральноазиатской цивилизации. Подтверждением этому явилась резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО о важности “ускорения организации сети институтов для интеллектуального сотрудничества в изучении Шелкового пути”. В соответствии с этой резолюцией в 1995 году в Самарканде был создан Институт исследований Центральной Азии. Вот уже несколько лет в Ташкенте плодотворно работает Французский институт центральноазиатских исследований.

Кроме того, под эгидой ЮНЕСКО осуществляется выпуск шеститомной “Истории цивилизации Центральной Азии”, первые два тома которой уже вышли из печати. “Центральная Азия, — отмечает в своем предисловии к этому великолепному изданию Генеральный директор ЮНЕСКО Федерик Майор, — является регионом, чье культурное наследие не так уж часто становилось предметом пристального внимания”², поэтому необходимо “отвернуть занавес, так долго скрывавший Центральную Азию”³.

Это образное сравнение особенно справедливо в отношении изучения дипломатии Центральноазиатского региона доисламской эпохи. Этот период, охватывающий не менее двух тысячелетий исторического развития, оказал значительное влияние на всю последующую жизнь региона. Не случайно ему посвящены три из шести томов “Истории цивилизации Центральной Азии”.

Уже в “Авесте”, созданной, вероятнее всего, в первой половине I тыс. до н.э.⁴, содержатся данные о зарождении ранних форм дипломатических отношений. Причем основным гарантом заключения межплеменных договоров и улаживания разногласий и военных конфликтов выступает в ней бог Митра, важнейшей стороной деятельности которого являлись заключение договоров и установление мира.

Так, в одном из старейших гимнов “Авесты” — Михр Яште (гимн Митре) — верховный бог Ахура-Мазда, обращаясь к пророку Спитаме-Заратустре, говорит:

Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слов,

Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит.
Будь верен договору,
Ты, данному Спитаме
И лживым иноверцам,
И верным в благочестье.
Ведь слово договора
Принадлежит обоим:
И лживым, и правдивым.

(Перевод И. Стеблина-Каменского.)

В “Авесте” имеются и другие сведения о заключении межплеменных договоров под эгидой бога Митры.

Международные отношения народов Центральной Азии с Мидией и Ассирией. С IX века до н.э. на территории современного Ирана через Кавказ и Центральную Азию происходит миграция иранских племен. Здесь они создали несколько племенных объединений, занявших определенные области, наиболее крупными из которых были Мидия на северо-западе и Парсуа на юго-западе Ирана, стоявшие на пути создания государственных образований.

Первым на историческую арену выходит Мидийское царство, основателем которого был некий Дейок, но подлинного своего могущества оно достигает при царе Киаксаре (625—585 гг. до н.э.)⁵. Этим царем, в частности, были завоеваны Ассирия, Северная Месопотамия, Гиркания, Парфия, Арея и, возможно, часть Согда, то есть южная область Центральной Азии⁶.

По данным Ктесия Книдского, Киаксар также якобы покорил Бактрию, что весьма сомнительно. Более вероятно, что границы Мидийского царства ограничивались с северо-востока Амударьей, где мидяне столкнулись с сакскими племенами.

Согласно Ктесию, в правление мидийского царя Астиабара, отождествляемого с Киаксаром, парфяне подняли восстание и отделились от Мидии. На помощь себе они призвали саков во главе с царицей Зариной, причем продолжавшаяся несколько лет война между саками и мидянами завершилась мирным договором, по которому парфяне при номинальном подчинении Мидии фактически сохраняли за собой прежние владения (Диодоро, II, 34, 1—4). Этот договор является первым известным науке в истории дипломатии Центральной Азии международным договором, который можно датировать концом VII — началом VI века до н.э.

У Ктесия сохранился и другой рассказ о войне парфян и саков с мидянами⁷. Зарина после смерти своего мужа Кидрея выходит замуж за Мермера, династа области Парфиена, после чего началась война с мидянами, которых возглавлял Стриангей. В сражении сакская

армия терпит поражение, а Зарина ранена и взята в плен, но Стриангей, пораженный красотой Зарины, пощадил ее. Позднее Мермер, разбив войска Стриангея и взяв его в плен, решил убить его, но Зарина не только освобождает пленных, но и убивает Мермера, после чего заключает договор о дружбе с мидийским царем, передав ему в управление Парфиену. Это говорит о том, что какие-то формы дипломатических отношений в виде мирных договоров уже существовали в Центральной Азии в доахеменидское время, то есть в VII—VI веках до н.э.

Дипломатия ахеменидского периода (середина VI в. до н.э. — конец IV в. до н.э.). Сако-ахеменидские отношения. Во второй половине VI в. до н.э. западные области Центральной Азии вошли в состав Ахеменидской империи. Завоевание Бактрии, Парфии, Согдианы, Маргианы, Хорезма было осуществлено основателем этой империи Киром (559—530 гг. до н.э.) в процессе его ранних походов⁸. Продвижение ахеменидов на северо-восток неизбежно привело к столкновению их с могущественной сако-массагетской конфедерацией племен. Поэтому для обеспечения безопасности границ Ахеменидской империи Кир предпринял в последние годы жизни военный поход против саков-массагетов, занимавших в это время территорию между низовьями Сырдарьи и Амударьи.

Походу предшествовал обмен дипломатическими посланиями в устной форме между Киром и царицей массагетов Томирис, сохранившимися в передаче Геродота. В частности, Кир предпринял дипломатический маневр, через послов предложив Томирис стать его женой. Однако Томирис разгадала эту хитрость, поняв, что “Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение” (Геродот, I, 205). Поняв, что хитрость не удалась, Кир начал военные действия против массагетов, переправившись через реку Аракс (Амударью).

В ответ на эти действия Томирис через специального вестника отправила Киру устное послание, смысл которого сводился к тому, чтобы ахеменидский царь прекратил войну и оставил массагетов в покое. Если же Кир не пожелает следовать этому совету и захочет начать войну, она предложила царю отвести свои войска на три дня пути от реки и там сразиться с саками (Геродот, I, 206).

Послание Томирис было обсуждено на военном совещании персидской армии, где Кир принял совет лидийского царя Креза, который предложил перейти реку, продвинуться вперед, насколько отступит враг, оставить в лагере худшую часть войска, различные яства и чистое вино, а остальной армии вернуться к реке.

Хитрость Креза вполне удалась: передовая часть армии массагетов во главе с сыном Томирис Спаргаписом разбила оставшуюся ахеменидскую армию, после чего устроила пир, на котором массаге-

ты предались чрезмерным возлияниям и заснули. Воспользовавшись этим, Кир напал на их лагерь, многих уничтожил, а других взял в плен, в том числе Спаргаписа (Геродот, I, 210—211).

Коварные действия Кира вызвали второе послание к нему Томирис, переданное также в устной форме через специального вестника. В этом послании Томирис предложила Киру вернуть ей сына, а самому с войском уйти из земли массагетов. “Если же не сделаешь этого, — говорила она, — клянусь солнцем, владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен”.

Последующие действия показали, что Кир не последовал совету Томирис, а Спаргапис покончил жизнь самоубийством, не выдержав позора.

В последующей жесточайшей битве массагеты одержали полную победу, большая часть персидской армии была уничтожена, сам Кир был убит, а его отрубленную голову Томирис поместила в мешок с человеческой кровью (Геродот, I, 213).

Таким образом, можно заключить, что в ахеменидский период дипломатия как специальная форма выяснения взаимоотношений между различными государствами и племенными объединениями в Центральной Азии получает уже более устойчивый характер: происходит обмен дипломатическими посланиями, правда еще в устной форме из-за отсутствия в данном случае у саков-массагетов письменности, и, вероятно, появляются специальные лица, занимающиеся передачей посланий, которые они должны были выучивать наизусть.

Дипломатические отношения в эпоху эллинизма (конец IV в. до н.э. — вторая половина II в. до н.э.). Политическое господство эллинов в Центральной Азии, начавшееся с захвата большей ее части Александром Македонским в 330—327 годах до н.э., продолжалось почти 200 лет вплоть до падения Греко-Бактрийского царства в начале второй половины II века до н.э.

Дипломатические отношения в это время можно разделить на два периода: первый период — отношения Александра Македонского с народами Центральной Азии; второй период — время вхождения южных ее областей в состав эллинистических государств — Селевкидского и Греко-Бактрийского.

Первый период. Согласно Арриану, в 329 году до н.э. во время пребывания Александра в Мараканде к нему пришло посольство от скифов-абиев, а также от европейских скифов. Под предлогом договора о дружбе Александр отправил к ним ответное посольство, настоящая цель которого, однако, состояла в том, чтобы узнать природу скифской земли, выяснить количество народонаселения и состав вооружения (Арриан, IV, I, 1—2; Квинт Курций Руф, VII, 6, 12).

В следующем году Александр совершил поход в Устрашану, где на берегу Танаиса (Сырдарья) им был выстроен город Александрия

Эсхата, по-видимому на месте Ходжента. Затем на правом берегу этой реки состоялось сражение со скифами, завершившееся их поражением, после чего к Александру явились послы от скифского царя с предложением мирного договора и извинениями за действия отдельных групп скифов, но не самого царя, который был готов подчиниться Александру. Александр на это любезно ответил, что доверят царю, но военные действия будет вести до полной победы. В 328 году до н.э. в Мараканду прибыло новое посольство от европейских скифов, с которым вернулось и ранее посланное к ним посольство Александра. Скифские послы передали ему предложение своего царя о заключении мирного договора и преподнесли дары. Царь скифов предлагал выдать свою дочь за Александра, а дочерей скифских вельмож, в свою очередь, за “верных друзей” Александра. В ответном дружелюбном послании Александр, однако, отказался от предложений скифов (Арриан, IV, 15, 1—4).

В том же году в Мараканду к Александру прибыло посольство от царя Фарасмана в сопровождении 1,5 тыс. конников из Хорезма — первого суверенного государства на территории Центральной Азии, созданного, по-видимому, после освобождения от Ахеменидской империи в 330 году до н.э.

Фарасман поведал Александру о своем царстве, которое граничило с колхами и амориками, предложил ему военный союз и помощь в походе на эти народы и другие племена, проживающие у Эвксинского (Черного) моря. Некоторые сведения в этом рассказе вызывают сомнение, в частности то обстоятельство, что хорезмийцы проживали по соседству с колхами — жителями Западной Грузии, что предполагает распространение границ Хорезмского царства вплоть до Кавказского хребта.

Александр поблагодарил Фарасмана, но в ответной речи указал, что подобный поход был бы несвоевременен и его следует отложить до завоевания Индии и возвращения его в Элладу, откуда он предполагал совершить поход в Причерноморье. После пребывания в Маракаде Фарасман в сопровождении правителя Бактрии Артабазы вернулся на родину (Арриан, IV, 15, 1—4; Квинт Курций Руф, VIII, I, 8—9).

Таким образом, первый период характеризуется возросшей дипломатической активностью государств и племенных объединений Центральной Азии, выразившейся в заключении различного рода мирных договоров и военных союзов с Александром Македонским. Не исключено, что уже в это время (а возможно, и несколько ранее) здесь формируется определенный род людей, специализирующихся, если можно так сказать, на дипломатической деятельности.

Второй период (конец IV в. до н.э. — начало второй половины II в. до н.э.) характеризуется вхождением части юга Центральной

Азии в состав эллинистических государств — Селевкидов (конец IV — середина III в. до н.э.) и Греко-Бактрийского (середина III — начало второй половины II в. до н.э.), широким распространением эллинистической культуры. В это же время, в середине III века до н.э., на юго-западе Центральной Азии было создано выходцами из центральноазиатских кочевников Парфянское государство, а в Центральноазиатском междуречье во II веке до н.э. — ряд самостоятельных государств — Кангюй, Давань. Судя по монетному чекану, какие-то местные владения возникают и в Бухарском и Самаркандском Согде. Сильным и независимым оставалось в это время Хорезмийское царство, возникшее, по-видимому, в конце IV века до н.э. после освобождения от ахеменидского господства.

Таким образом, в этот период наряду с сохранением эллинистического государства — Греко-Бактрийского царства — происходит активный процесс формирования местных государственных образований и объединений. Несомненно, что все эти государства поддерживали определенные формы дипломатических отношений и союзов, но, к сожалению, в письменных источниках не сохранилось сведений об этом.

Известно, к примеру, о парфяно-греко-бактрийских военных договорах и союзах, заключенных, в частности, Диодотом II, по-видимому, после 237 года до н.э. с Тиридатом (Юстин, XI, 1, 4, 9) в борьбе с их общим врагом — Селевком II, попытавшимся вновь завоевать Центральную Азию⁹.

Имеются сведения и о других договорах, заключенных греко-бактрийскими царями. Так, селевкидский царь Антиох III (223—187 гг. до н.э.) предпринял в 208 году до н.э. поход против греко-бактрийского царя Евтидема (230—200 гг. до н.э.), войска которого он разгромил в сражении на реке Герируд (Теджен). В 206 году до н.э. между ними начались переговоры, в результате которых был заключен мирный договор, по которому Евтидем при сохранении царской власти отдал своих боевых слонов и признал в определенной мере власть Антиоха III, от которой, впрочем, он вскоре освободился¹⁰.

Между 141 и 129 годами до н.э. Греко-Бактрийское царство пало над напором сакских и юэчжийских племен. Вместе с тем происходит крушение господства эллинов на юге Центральной Азии, хотя небольшие их владения продолжали сохраняться в Северной Бактрии и Южном Согде и спустя много лет после этих событий.

Северная, а впоследствии и Южная Бактрия были заняты юэчжами, переселившимися сюда под давлением хуннов. Впоследствии одним из юэчжийских родов — кушанами — была образована Великая Кушанская империя, и именно юэчжи послужили первопричиной открытия китайцами для себя Западного края, как в ту пору они именовали Центральную Азию.

Дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем в эпоху правления династии Хань (206 г. до н.э. — 222 г. н.э.). Первый период (конец II в. до н.э. — первая половина I в. н.э.). Со времени своего создания империя Хань проводила агрессивную экспансионистскую политику, стремясь выйти за пределы небольшой территории в междуречье Хуанхэ и Яньцзы, которой она владела. Особенно усилилась эта тенденция при императоре У-ди (140—87 гг. до н.э.), уделявшем большое внимание западным территориям¹¹.

Миссия Чжан Цзяня. Западный край — Центральная Азия и Восточный Туркестан, — как считают, оставался неизвестным для китайцев вплоть до путешествия Чжан Цзяня. Но это вовсе не означает, что они совсем не знали, что на западе от них существует огромный край, заселенный многочисленными народами. Есть сведения, что еще до этого путешествия из области Кангюй в Китай было отправлено посольство.

Но несомненно и то, что только при ханском императоре У-ди были предприняты активные попытки установления дипломатических отношений с населяющими этот край народами, разведка караванных дорог с целью его колонизации и дальнейшего продвижения на запад.

Первопричиной дипломатических контактов Китая с Западным краем была война, развернувшаяся в первой половине II в. до н.э. между двумя наиболее могущественными племенами Центральной Азии — хуннами и юэчжами, или тохарами, как они назывались в греческих источниках.

В этой войне юэчжи потерпели поражение и были вынуждены в большей своей части с территории современной провинции Ганьсу, где они первоначально обитали, переселиться в Семиречье. Но и здесь хунны настигли юэчжей, убили их вождя, из черепа которого сделали сосуд для питья. Юэчжи двинулись на юг Центральной Азии — в Бактрию, где наряду с другими племенами участвовали в разрушении Греко-Бактрийского царства, а много лет спустя их потомки создали Кушанскую империю.

Юэчжи, опасаясь хуннов, искали для себя союзников в борьбе с ними. В свою очередь, Ханьский Китай, часто страдавший от набегов воинственных хуннов, прослышав о желании юэчжей, начал искать пути для установления подобного рода союзнических отношений.

Осуществить эту миссию вызвался уроженец области Хан Чжун, начальник привратного караула по имени Чжан Цзянь, который, видимо за свои доблести, был выбран из числа других претендентов. Об этой миссии Чжан Цзяня рассказано в Шицзы. В свой путь на запад Чжан Цзянь отправился вместе с хуннским проводником Та-

ньи Хунуганьфу. Однако по дороге он был задержан хуннами и приведен ими к их князю, который совершенно резонно спросил у Чжан Цзяня, по какому праву китайский император отправляет посланника к юэчжам через хуннские земли. Чжан Цзянь был задержан и оставался в плену у хуннов около десяти лет, его женили на хуннской женщине, которая родила ему сына.

Однако, воспользовавшись предоставленной ему свободой, он вместе со своими спутниками бежал на запад и спустя несколько десятков дней прибыл в Давань — древнюю историко-культурную область, где ныне находится Фергана.

Правитель Давани в разговоре с Чжан Цзянем высказал свое желание установить дипломатические отношения с Домом Хань. Тот ответил, что если его проводят к юэчжам, то по возвращении в Китай император вознаградит даваньского правителя большим числом даров. Впоследствии в своем послании к императору Чжан Цзянь писал, что даваньцы занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу, у них много виноградников и вина, в Давани — до 20 больших и малых городов.

В первой миссии Чжан Цзянь из Давани в сопровождении специально выделенных ему проводников был переправлен сначала в Кангюй — многоплеменное владение, занимающее обширную территорию северной и центральной части Центральноазиатского междуречья и земли по правую сторону Сырдарьи. А затем из Кангюя Чжан Цзянь в 128 или 126 году до н.э. со своими спутниками отправился к Большим Юэчжам. К этому времени юэчжи потерпели новые поражения от хуннов, которые убили юэчжийского правителя, а на престол возвели его старшего сына. Тот решил сменить свое прежнее местопребывание, опасаясь новых войн с хуннами, и ушел вместе со своим племенем на юг, покорив территорию к северу от реки Гуйшуй (Амударьи), примерно в пределах современной Сурхандарьинской области Узбекистана и юга Таджикистана, а затем захватил и область к югу от этой реки, которую китайские источники именуют Дахя, местное население — Бактрия, а греки — Бактрианаю.

В середине или в начале второй половины II в. до н.э. Бактрия была завоевана кочевыми племенами сакаравлов, асиев, пасиан и тохаров. По-видимому, от искаженного в китайской передаче названия народа тохаров происходит слово “Дахя”. В более поздних источниках наименование этой области передается как Тохаристан, что означает — “страна тохаров”.

По данным Шицзы, “Дахя лежит с лишком в 2000 ли от Давани на юго-запад, на южной стороне реки Гуйшуй. Там ведут оседлую жизнь, имеют города и дома”.

К тому времени юэчжийский правитель отказался от отмищения хуннам, предпочитая мирный образ жизни на заселенных его племенем новых территориях.

В Бактрии Чжан Цзянь пробыл более года и, ничего не добившись, южной дорогой пытался пробраться обратно в Китай, но был вновь захвачен в плен хуннами. Из нового плена спустя год Чжан Цзянь вместе с женой и проводником Таньганьфу бежал, воспользовавшись междоусобицей в хуннской орде, и сумел добраться до Китая.

Его первая миссия в Западный край продолжалась 13 лет, а из 100 спутников, отправившихся с ним в Китай, вернулись только двое — сам Чжан Цзянь и его проводник.

По возвращении в Китай Чжан Цзянь написал подробное донесение императору о тех странах, которые он посетил и о которых слышал от местных жителей. В частности, он привел первые сведения о Западном Средиземноморье, странах Тяочжи (Малая Азия или Восточное Средиземноморье) и Личань (вероятно, Египет или Древний Рим, который китайцы также называли Фолинь или Дацинь).

В своем донесении Чжан Цзянь привел подробные сведения о центральноазиатских владениях (Давань, Усунь, Кангюй, Даха, Янцай, Большой Юэчжи), об их местоположении, столицах, дорогах, роде занятий, обычаях, численности населения и войск. В частности, он писал, что владения Кангюй и Большой Юэчжи имеют сильное войско, которое можно нанимать на службу, а если будет случай склонить их в подданство, то можно распространить китайские владения почти на 10 тыс. ли.

По прибытии в Китай Чжан Цзянь получил, так же как и его спутник, знатный чин, а затем за успехи в войне с хуннами княжеское достоинство Бо-ван-хуэ и военные должности Сяоюй и Вэйюй (начальник определенного контингента войск).

Однако все эти чины и достоинство Чжан Цзянь потерял в 122 году до н.э., когда вверенное ему войско опоздало к месту сражения китайцев с хуннами, в результате чего большая часть китайцев была окружена и погибла, а сам Чжан Цзянь был приговорен к отсечению головы, но помилован.

Опала Чжан Цзяня продолжалась несколько лет. За это время китайцы в нескольких сражениях разбили хуннов и добрались до Соленого озера — Лобнор. Перед ними открывалась прямая дорога в Центральную Азию.

В связи с этим ханьский император вновь стал интересоваться положением дел в центральноазиатских владениях, в частности в Дахе и Усуни, и возможностью их присоединения к Китаю.

Для бесед с императором был призван Чжан Цзянь, который составил для него подробное донесение, характеризующее положение дел у усуней. Он, в частности, писал, что усуньский правитель Гуньмо сумел освободиться от опеки хуннов и, если правильно проводить политику, можно присоединить к Китаю Усунь, Даха и другие центральноазиатские владения.

Данное донесение сыграло решающую роль в назначении Чжан Цзяня ханьским приставом, в помощь ему было придано 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10 тыс. голов быков и баранов, он получил большое количество подарков. Вместе с Чжан Цзянем в Усунь отправился большой штат помощников с бунчуками, которые назначались посланниками в различные среднеазиатские владения.

Переговоры с верховным правителем усуней Гуньмо не привели, однако, к желаемым для Китая результатам, так как усуньское владение было разделено на три части, правители которых вели самостоятельную политику.

Тем не менее, будучи у усуней, Чжан Цзянь сумел организовать отправку китайских посланников в Давань (Фергану), Кангюй (Согд, Хорезм), Дахя (Бактрия), Большой Юэчжи (Северная Бактрия), Аньси (Бухара или Бактрия).

После этого он вернулся в Китай в сопровождении небольшого усуньского посольства, главе которого Гуньмо поручил собрать как можно больше сведений о китайском дворе¹².

Спустя год, в 104 или 103 году до н.э., после возвращения в Китай Чжан Цзянь, занявший к тому времени важный государственный пост, скончался.

А еще через год в Китай вернулись посланники, отправленные Чжан Цзянем с различными заданиями в вышеназванные владения, вместе с ними прибыли в Китай посольства от них. Это были, собственно, первые дипломатические посольства из Центральной Азии.

Именно с этого времени наступает эпоха различного рода интенсивных сношений государств Центральной Азии и Китая, продолжавшихся много столетий, и это еще один важный итог миссии Чжан Цзяня.

Четырнадцать лет своей жизни он провел среди народов Центральной Азии, завоевав непререкаемый авторитет.

В Шицзы сказано, что “Бо-ван-хэу Чжан Цзянь умел приобрести расположение иностранных дворов и по сей причине и иностранцы вознесли доверенность к нему”.

Китайско-ферганские взаимоотношения. Первой страной этого региона, с которой Китай установил отношения, первоначально ставшие весьма напряженными, была Давань (Фергана). Причем одной из основных причин военных столкновений между двумя странами послужили знаменитые лошади Ферганы “небесной породы”, о которых император У-ди узнал из рассказа Чжан Цзяня.

Согласно Шицзы, У-ди отправил к правителю Давани специального посланника со 100 ланами золота и золотым конем с просьбой прислать ему в обмен на эти дары даваньских аргамаков.

Однако правитель Давани отказал китайскому посланнику в его просьбе, не пожелав отдать лошадей. При этом он полагал, что из-за большой отдаленности Китай не сможет послать в Давань свои войска. Это вызвало гнев посланника, и он ответил грубостью на отказ даваньского владетеля. Выражаясь современным языком, возник скандал, причем посланник был убит (видно, в ту пору еще не существовало понятия дипломатической неприкосновенности), а его веда были конфискованы в пользу даваньского владетеля¹³.

В ответ на это китайский император послал в Фергану почти 100-тысячную армию во главе с полководцем Ли Гуан-ли. Началась китайско-даваньская война, продолжавшаяся четыре года и закончившаяся поражением Давани.

На место прежнего ее владетеля Мугуа, казненного по приказу Ли Гуан-ли, был посажен один из старейшин — Моацай, и китайцы, получив 3 тыс. лошадей, отправились в обратный путь.

Спустя год даваньские старейшины убили Моацая из-за его прокитайских настроений, а на престол возвели его младшего сына Чжань-фыня.

Последний заключил мирный договор с Китаем (это был первый договор между этой страной и одной из стран Центральной Азии), отправив своего сына в заложники и взяв на себя обязательство ежегодно отправлять в Китай по паре лошадей “небесной породы”. В ответ императорский двор, чтобы укрепить мирные отношения с Даванью, отправил туда посланника с дарами. Отправляясь из Давани в обратный путь, китайский посланник взял с собой виноград и семена растения му-су (люцерны), которые затем были посеяны китайским императором у дворца на большой территории¹⁴. Таким образом Китай впервые познакомился с виноградом и люцерной, важнейшими сельскохозяйственными культурами.

После завершения даваньско-китайской войны дипломатическая деятельность Китая в Западном крае стремительно развивается. Согласно “Истории Старшего Дома Хань”, ежегодно в различные государства Центральной Азии при императоре У-ди отправлялось не менее десяти посольств¹⁵.

Китайско-парфянские дипломатические отношения. В конце II века до н.э., по Г. Дабсу — между 111—105 годами до н.э., Китай по инициативе императора У-ди впервые устанавливает дипломатические отношения и с Парфянским царством, именуемым в китайских источниках Аньси. Китайский посланник был торжественно встречен на восточной границе военачальниками, 20 тыс. всадников и препровожден в столицу парфянского государства¹⁶.

В обратный путь китайское посольство отправилось с парфянским посланником, который привез в качестве подарков китайскому императору фокусников из Личаня (город Александрия в Египте) и ознакомился с Китаем¹⁷.

Выдающимся результатом этих посольств и открытия Западного края являлось возникновение Великого шелкового пути — первой в истории цивилизаций трансконтинентальной дороги, соединившей страны Запада и Востока.

Огромную роль в его создании сыграли народы Центральной Азии, в особенности согдийцы. Торговые фактории согдийцев возникали вдоль всей восточной трассы Великого шелкового пути от Самарканда до Чань аня, а согдийский язык стал *lingua franca* для всех народов, обитавших вдоль этого пути.

Китайско-кангюйские дипломатические отношения. Дипломатические отношения Ханьского Китая с Кангюй, еще одним центральноазиатским государством, складывались несколько по-иному. Обладая значительной военной мощью (в состав его в определенное время входили Хорезм, Согд, Чач и другие владения Трансоксианы), Кангюй проводил независимую от Китая политику, не признавая в дипломатических отношениях превосходство китайцев¹⁸. Так, согласно данным “Истории Старшего Дома Хань”, китайские посланники на приемах у кангюйского правителя занимали места ниже усуньских и обед им подавали позже, чем усуньским князьям и старейшинам¹⁹.

Однако Китай, очень дороживший приобретенной известностью в Западном крае, во что бы то ни стало стремился удержать здесь свои позиции, мирясь с подобным положением. Не признавая Китай своим сюзереном, как, к примеру, усунь, кангюйский правитель, тем не менее, отправлял своих сыновей на службу при императорском дворе.

Китайцы считали, что это был хитрый предлог, способствующий развитию торговли Кангюя с Китаем.

Дипломатические отношения юэчжей с Китаем. Несмотря на то что при посещении Чжан Цзяном Бактрии юэчжи, по-видимому, отвергли предложение о военном союзе с ними и Китаем против хуннов, дипломатические отношения между ними продолжали развиваться.

Одним из важнейших достижений этих отношений стало проникновение буддизма в Китай, чему немало способствовали юэчжийские посольства в Китай и китайские посольства в Бактрию.

В китайских письменных источниках переданы две основные версии знакомства китайцев с буддизмом.

Согласно первой из них, изложенной во введении к “Сутре в сорок два отдела” ханьский император Минди (58—75 гг.) отправил группу посланников в страну юэчжи дабы получить священные тексты. Эта миссия имеет разные датировки — 60, 61, 64 и даже 68 годы. После трех (а по одной из версий — одиннадцати лет) посольство вернулось с текстом или переводом “Сутры в сорок втором

отделе". Вместе с посольством в Китай прибыли и первые иностранные миссионеры-буддисты — Кашьяпа Матанга и Дхармаратна, после чего император построил буддийский монастырь Пай-массу, или Баймасы.

У ученых существует различное мнение в оценке этой версии, так китайский ученый Таньан-тун не исключает возможности использования этой версии как исторического факта²⁰. Напротив, Н. Масперо считал эту версию частью фикции, пропагандистской историей, полной анахронизмов. По его мнению, она появилась в III веке, получив дальнейшее развитие в IV—V веках²¹.

Вторая версия излагает следующие события. Согласно традиции, сложившейся в начале III века, китайский посланник ко двору юэчжей, студент императорской академии Чин Лю (имеются различные формы написания его имени) был обучен юэчжийским кронпринцем буддийским сутрам во 2 году до н.э. Эта история впервые изложена в очень испорченном пассаже об Индии из Ши-дзун-ган Вей-Лео, созданном около III века. Полностью этот пассаж выглядит так: "В древности, в правление императора Ай из династии Хань, в первый год периода Ян-шоу (2 г. до н.э.), студент императорской академии Чин Лю получил от И-изуна — посланника царя Великих Юэчжей — устную инструкцию о буддистских Сутрах"²².

Е. Цюрхер считал, что Чин Лю получил эту инструкцию от юэчжийского посланника, вероятнее всего, в столице Китая. Э. Шавань предлагал внести поправку в текст этого пассажа, основанную на двух поздних параллельных версиях этой истории: "62-й студент императорской академии Чин Лю отправился с миссией к Великим Юэчжам. (Юэчжийский царь) приказал кронпринцу обучить его в устной передаче буддистским сутрам"²³. Как указал Е. Цюрхер, Э. Шавань полностью исправляет этот пассаж из текста Вей-Лео. Получается, что Чин Лю научился буддистским сутрам не в Китае при дворе императора от И-изуна, юэчжийского посланника, а сам, будучи посланником китайского императора к Великим Юэчжам, обучился им от юэчжийского кронпринца на земле юэчжей.

И в исторической оценке последней версии тоже существуют противоречия. Одни считают ее недостоверной, другие — исторически верной. Подводя итоги, Е. Цюрхер указал, что эта версия не находит подтверждения в китайской официальной истории "Хань-шу", где отсутствуют сведения о китайском посольстве к юэчжам во 2 году до н.э. или о юэчжийском посольстве в Китай в том же году, и что сведения об этом появляются лишь в III веке. По его мнению, этот материал нельзя использовать для исторических выводов²⁴.

При этом Е. Цюрхер обращает внимание на то, что традиция, связанная с первым появлением буддизма в Китае, упорно увязывает это важнейшее событие с юэчжами, а следовательно, и с Бактрией-

Тохаристаном, где, согласно Р.Ч. Багчи, буддизм мог появиться еще в конце III века до н.э. при царе Ашоке²⁵. Таким образом, если мы не имеем подтверждения этому событию в “Хань-шу”, вовсе не исключено, что юэцжи способствовали проникновению буддизма в Китай, ведь традиция, какая бы она ни была, опирается на некогда существовавшие реальные факты. Подтверждением широкого распространения буддизма в Бактрии, особенно в северной ее части, являются обнаруженные здесь памятники раннего буддизма: Айр-там, Дальверзинтепа, Каратепа, Фаязтепа, время возведения которых относится к I—II векам.

Таким образом, для данного периода характерны установление дипломатических отношений Ханьского Китая со странами и владениями Центральной Азии, их регулярность, заключение различной формы договоров. Дипломатическая активность Ханьского Китая в Центральной Азии, а также, вероятно, война с Даванью привели к признанию некоторыми из этих владений вассальной зависимости от Ханьского Китая. Согласно китайским письменным источникам, в Западном крае было первоначально 30 владений, а к началу I века их количество увеличилось до 55. Зависимость некоторых из них была чисто номинальной, а другие — как Кангюй — вообще не признавали главенство Китая, обращаясь с его посланниками в унижительной форме.

В китайских письменных источниках сообщается, что для управления Западным краем назначены наместник и военный пристав, что кажется сомнительным.

В этом отношении характерно одно сообщение “Истории Старшего Дома Хань”, где говорится, что китайские послы “без наличных денег не могли получить ни пищи для себя, ни скота для верховой езды, и сему причина — отдаленность Китая”²⁶. Если бы зависимость данных владений была значительной, то лица, находившиеся на государственной службе, в данном случае империи Хань, не попадали бы в подобное положение.

Вероятнее всего, что так называемый наместник и пристав были ответственными лицами за дипломатические отношения, но не занимались вопросами, связанными с управлением владениями в Центральной Азии. Важным результатом установления дипломатических отношений между Ханьским Китаем и Центральной Азией явилось развитие торговых и культурных связей, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные.

Так, сообщается, что даваныцы получили из Китая серебро и золото и употребили их на изготовление различных изделий, но не монет. Из Давани (Ферганы) китайцы вывезли наряду с лошадьми “небесной породы” такие сельскохозяйственные культуры, как виноград и люцерна, затем в широком масштабе разведенные в Китае.

Отсюда в Центральную Азию стали поступать изделия из лака и шелковые ткани.

Китайцы наладили в Центральной Азии чугунолитейное производство, чему способствовали бежавшие из китайских посольств служащие²⁷.

Согласно археологическим данным, из Китая в Центральную Азию, в особенности в Фергану и отчасти в Согд, проникают китайские бронзовые монеты ушу²⁸, положившие, по-видимому, начало развитию в Фергане денежных отношений. В массовом количестве в Центральной Азии найдены знаменитые китайские бронзовые зеркала нескольких типов²⁹, изредка встречаются изделия из нефрита³⁰.

В 7 году власть в Китае захватил Ван-ман (7—23 гг.), в китайской истории считающийся узурпатором. После этого дипломатические отношения стран Центральной Азии и Китая были прерваны.

Приход к власти Младшего Дома Хань в 25 году также первоначально не способствовал развитию этих отношений, хотя в правление императора Тянь-ву из одного из центральноазиатских владений было отправлено посольство в Китай с просьбой принять его в подданство и назначить китайского наместника. Согласно "Истории Младшего Дома Хань", Западный край находился в разрыве с Китаем в течение 65 лет и только в 74 году они возобновили различные формы взаимоотношений³¹.

Младший Дом Хань, в отличие от своих предшественников, первоначально придерживался несколько иной политики в отношениях с Западным краем. Правители из этого Дома считали, что бремя финансовых расходов на осуществление связей с ним было весьма тяжелым для Китая, и по этой причине они становятся нерегулярными.

Более прочному установлению дипломатических отношений владений Центральной Азии с Китаем способствовал поход китайского полководца Бань Чао в Западный край. По свидетельству "Истории Младшего Дома Хань", Бань Чао с войском прошел всю Центральную Азию и достиг даже Западного моря³² (по-видимому, Каспийского или Аральского).

После этого похода ко двору императора явились посольства из Центральной Азии с данью. Однако это были, вероятно, отдельные случаи, так как, по данным того же источника, владения Западного края то прекращали, то возобновляли связи с Китаем³³. В основном здесь, видимо, имеются в виду отношения с Кангюем, состоящим в то время из пяти главных владений: Ги (вероятно, Бухара), Сусе (Кеш), Фуму (Самарканд), Юни (Чач) и Юзгано (Хорезм) и множества более мелких.

Дипломатические же отношения с Аньси (Парфией) и возникшим в I веке могущественным Кушанским государством, в состав которого вошла Северная Бактрия до Гиссарского хребта, составляли, вероятно, особую статью.

Во всяком случае, Парфия продолжала поддерживать дипломатические отношения с Китаем, ограничившись присылкой посланника с дарами в виде редкостных животных. Так, в правление императора Чжан-ди в 87 году в Китай был отправлен посланник, привезший с собой в качестве дара льва и зверя дубу, а в 101 году парфянский государь Манькюй (вероятно, Митридат) послал ко двору льва и страуса³⁴. Следует также отметить, что именно через территорию Парфии по повелению Бань Чао некий Гань Ин в 97 году первым из китайцев достиг Средиземного моря, подробно описав при этом находящиеся здесь страны³⁵.

Дипломатические отношения владений Центральной Азии с Китаем в III—IV веках. Дипломатические отношения различных владений Центральной Азии и Китая в период правления в ней династий Цао Вэй (220—265 гг.), Цзинь (265—480 гг.) и Западного Вэй (386—556, 557 гг.) приходят в полное расстройство, чему в немалой степени способствовала военно-политическая обстановка.

Происходит крушение великих империй древности — Кушанской и Парфянской; на территории входившей в состав Кушанского государства Северной Бактрии образуется ряд самостоятельных владений, а в юго-западной части Центральной Азии после падения Парфянского государства устанавливается власть сасанидов. Кангюй также, вероятно, в это время распадается на множество мелких независимых владений. С северо-запада и северо-востока в Трансоксиану вторгаются племена хионитов и кидаритов.

Неустойчивостью политической обстановки, династической борьбой, усугублявшейся вторжением хуннов и жужаней, характеризуется это время и в Китае.

Примечательно, что для второй половины III века н.э. — начала V века фактически отсутствуют сведения о каких-либо формах дипломатических отношений центральноазиатских владений с Китаем.

Более того, сообщается, к примеру, что во время царствования императора Минь-юаня (409—452 гг.) “совсем не принимали послов из Западного края”³⁶.

Возобновление этих отношений связано с именем императора из династии Вей Тай-У (424—452 гг.), который отправил в Центральную Азию большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дунь Ванем и Гао Минем, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчой и шелковыми тканями³⁷.

В Центральную Азию миссия Дунь Ваня проникла северным путем, первоначально попав к усуням, обитавшим в Семиречье, государь которых принял их с большим почетом. При этом усуньский государь сообщил Дунь Ваню, что государства Полона (Фергана) и Чжеше (Чач) давно мечтают об установлении связей с Китаем, “но жалеют об отсутствии дорог”, что надо понимать не как вообще их

отсутствие, а как то, что жужани и хунны фактически перекрыли эти дороги, прервав сношения Китая с Центральной Азией если не полностью, то в значительной мере.

От усуней Дунь Вань отправился в Фергану, а Гао Минь — в Чач, где они заключили договор о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая и вручили подарки.

Значение миссии Дунь Ваня, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный край.

В обратный путь с Дунь Ванем отправились посольства 16 государств Центральной Азии, и, как свидетельствует “Бей шу”, “с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило года, чтобы не появилось несколько государственных посольств”³⁸.

Значительная активизация дипломатических и другого рода взаимоотношений владений Центральной Азии с Китаем, превосходящая все предшествующие, происходит в пору правления в Китае династии Тан (628—907 гг.) до второй половины VIII века, когда продвижение Китая в Центральную Азию было остановлено рабами, однако этот период не рассматривается в данной статье.

Анализ вышеприведенных данных показывает, что дипломатия как особая форма международных отношений зарождается в Центральной Азии уже в первой половине I тысячелетия до н.э., но ее становление и развитие приходится на первые века до н.э. — первые века н.э.

Если на ранней стадии развития особое значение в силу определенных политических причин имели дипломатические отношения с Ираном и эллинистическими государствами Запада, то с конца I тысячелетия до н.э. основное место в них занимает Китай.

Дипломатические отношения с различными династиями, правящими в этой стране, имели неоднозначный характер. Если в эпоху правления династии Старшего Дома Хань они носили весьма активный характер, то в начале правления династии Младшего Дома Хань приходят в упадок, но затем, хотя и нерегулярно, возобновляются.

Военно-политическая обстановка в Центральной Азии, набеги кочевых племен жужаней, хуннов, хионитов, кидаритов, династическая борьба в Китае привели к почти полному прекращению этих отношений.

Их возобновление происходит лишь во второй четверти V века, но это связано, по-видимому, с поиском Китаем союзников в Центральной Азии в борьбе с кочевыми племенами, а также с изменением государственной политики в отношении государств Центральной Азии, с возобновлением своей традиционной экспансионистской политики в этом регионе.

Не исключено, что в государствах Центральной Азии в это время уже существовали специальные ведомства, осуществлявшие международные отношения, определенная прослойка лиц, специализировавшихся в этой области. Во всяком случае, имеются данные о наличии посланников, их помощников, толмачей (переводчиков).

Таким образом, дипломатия в Центральной Азии имеет давние вековые традиции.

¹ Не касаясь истории изучения дипломатии стран Центральной Азии, тем не менее отметим, что наиболее обстоятельно она рассмотрена Б.А. Литвинским в отдельных разделах "Истории таджикского народа". — Т.1. — М., 1963.

² History of Civilization of Central Asia// UNESCO Publishing. — Vol. II. — 1995. — P. 5.

³ Ibid. — P. 6.

⁴ Дьяконов И.М. История Мидии. — М., 1956; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970.

⁵ Дьяконов И.М. Очерки по истории древнего Ирана. — М., 1962.

⁶ Литвинский Б.А. Древнейшая Бактрия//ИТН. — Т. I. — 1960. — С. 158—159.

⁷ См. Паньков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. — Душанбе, 1975. — С. 71; Григорьев В.В. О скифском народе саках. — СПб., 1871. — С. 20—23.

⁸ См. Литвинский Б.А. Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н.э.)//ИТН. — Т. I. — С. 190—191.

⁹ Литвинский Б.А. Греко-Бактрия, Парфия. — С. 299. О парфяно-греко-бактрийских взаимоотношениях подробно см. Riveladze E. Parthia and Bactria. The land of Griphones. Papers an Central Asian archeology in antiquity. — Torino, 1996. — P. 182—190.

¹⁰ Литвинский Б.А. Греко-Бактрия, Парфия. — С. 301.

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. — Т. II. — М.—Л., 1950. — С. 151.

¹² Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М., 1950. — С. 143.

¹³ Hirth F. The story of Vchang-Rien//JAOC. — 1917. — Vol. 37. — Pt. 2. — P. 97—98; ИТН. — Т. II. — 1962. — С. 342.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. — Т. II. — С. 147—168.

¹⁵ Там же. — С. 187.

¹⁶ Там же. — С. 173.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки. — М., 1973. — С. 104—110.

¹⁹ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с Китаем во второй половине I в. до н.э.//Известия АН КазССР. Серия истории, философии и права. — Вып. 2. — Алма-Ата, 1954. — С. 62—72.

²⁰ Zurcher E. The buddist Conquest China. — Leiden, 1959. — P. 24. См. также Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. — М., 1960. — С. 163.

- ²¹ *Maspero H.* Le songe était l'ambassade de l'empereur Ming, étude critique de sources//BEFFOX. — Paris, 1910. — P. 95—130.
- ²² *Zurcher E.* Op. cit. — P. 24.
- ²³ *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après Wei-liao//TPV. — 1905. — P. 514—576.
- ²⁴ *Zurcher E.* Op. cit. — P. 27.
- ²⁵ *Baggchi Ph. Ch.* India and Central Asia. — Calcutta, 1955. — P. 89.
- ²⁶ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. — Т. II. — С. 188.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Горбунова Н., Ивочкина Н.* Момент Ушу из могильников Ферганы//Сообщения Государственного Эрмитажа. — Т. III. — Л., 1988. — С. 45—50.
- ²⁹ *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М., 1978. — С. 16.
- ³⁰ *Ртвеладзе Э.В.* Китайский импорт в Центральную Азию по археологическим данным. (В печати.)
- ³¹ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. — Т. II. — С. 216—240.
- ³² Там же. — С. 217.
- ³³ Там же. — С. 218—219.
- ³⁴ Там же. — С. 225.
- ³⁵ Там же. — С. 217—225.
- ³⁶ Там же. — С. 241.
- ³⁷ Там же. — С. 241—243.
- ³⁸ *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск, 1989. — С. 64.

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 года.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛАОССКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ (ЛНДР) И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Пхонмапанья К х а м п х о н г* (Лаос)

В течение более 100 лет Лаос, Вьетнам и Кампучия находились под колониальным игом Франции, Японии и США.

Революционная борьба народов трех стран была тесно связана единой стратегией. Три братские партии вышли из компартии Индокитая, создателем которой являлся Хошимин. Большое влияние на

* Аспирант кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета.

развертывание национально-освободительного движения оказала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Проявляя твердую волю в борьбе за независимость, суверенитет, а также настойчивость в созидательном труде, лаосский народ творил свою историю, строил независимую, свободную и счастливую жизнь. Борьба за создание независимого государства велась непрерывно и в отдельные периоды приобретала особо трудный и ожесточенный характер.

После окончания второй мировой войны, воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, народ восстал и захватил власть в свои руки. В соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года Франция признала независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Лаоса. Но сразу же после ухода французов, когда лаосский народ с надеждой смотрел в светлое и прекрасное будущее своей Родины, американские империалисты, стоящие во главе мирового империализма, напали на Лаос и развязали новую агрессивную войну.

7 октября 1960 г. правительство Суванна Фумы установило дипломатические отношения с Советским Союзом. Патриотический фронт Лаоса пошел на союз с силами, поддерживающими Суванна Фуму. Таким образом, в ходе борьбы против происков внутренней реакции и американского вмешательства в Лаосе сложился союз левых и нейтралистских сил. Активную позицию против вмешательства и агрессивных действий США в Лаосе, за сохранение международного мира и безопасности в районе Юго-Восточной Азии заняли СССР и другие социалистические страны. Правительство Суванна Фумы обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать ему материально-техническую помощь, необходимую для преодоления трудностей, с которыми столкнулся Лаос из-за экономической блокады и иностранного вмешательства в дела страны. Руководствуясь стремлением содействовать народам в их борьбе против происков империализма и колониализма, Советское правительство сочло своим долгом помочь лаосскому народу и его законному правительству отстоять суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность страны. СССР организовал "воздушный мост", соединивший Ханой (Вьетнам) с Вьентьяном, затем (после захвата Вьентьяна правыми силами) Ханой с Долиной Кувшинов, по которому шло снабжение вооруженных сил ПФЛ (Партия Патриотического фронта Лаоса).

Активная дипломатическая деятельность Советского Союза способствовала прекращению военных действий в Лаосе и созыву международного совещания по урегулированию лаосского вопроса.

После создания 2 декабря 1975 г. ЛНДР Лаосская революция поднялась на новый этап своего развития — этап социалистических

преобразований и строительства социализма. Одновременно Народно-революционная партия Лаоса, правительство и народ стали укреплять и расширять отношения с братскими народами Вьетнама, Кампучии, Советского Союза и других социалистических стран на основе уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды.

Как в годы вооруженной борьбы за свободу и независимость, так и в период мирного труда по созданию основ социалистического общества на стороне правого дела лаосского народа выступал Советский Союз. В январе 1976 года в Москве были подписаны соглашения об оказании Советским Союзом экономической помощи ЛНДР в 1976—1977 годах. В апреле—мае 1976 года партийно-правительственная делегация ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом посетила СССР с официальным визитом. Были подписаны соглашения о культурном и научном сотрудничестве и другие важные документы. 6 августа 1976 г. состоялась встреча Генерального секретаря ЦК НРПЛ, премьер-министра Лаоса Кейсона Фомвихана с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, на которой было подтверждено взаимное стремление развивать и углублять всестороннее сотрудничество между НРПЛ и КПСС, ЛНДР и СССР. В соответствии с подписанными в 1975—1976 годах соглашениями СССР продолжал оказывать содействие Лаосу в строительстве ряда объектов (госпиталя, нефтехранилища, авторемонтной мастерской и др.). 19 июля 1977 г. во Вьетнаме было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, предусматривающее оказание Лаосу содействия в строительстве кирпичного и цементного заводов. В советских учебных заведениях в 1977 году обучалось несколько сотен лаосских граждан. В феврале—марте по приглашению Верховного народного собрания в Лаосе впервые с визитом находилась делегация Верховного Совета СССР. На праздновании 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции присутствовала делегация ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом.

19 июля 1977 г. во Вьетнаме было заключено соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Лаосской Народно-Демократической Республикой.

Во время пребывания партийно-правительственной делегации ЛНДР в СССР было подписано совместное советско-лаосское заявление, в котором участники отметили полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам, заявили о необходимости принятия действенных мер к сдерживанию гонки вооружений и разоружению, об упрочении мира и развитии международных отношений на основе сотрудничества между народами.

12 сентября 1980 г. были подписаны протокол о координации государственных планов СССР и ЛНДР на 1981—1985 годы, программы культурного и научного обмена между двумя странами. “На всех этапах трудной борьбы за свободу и независимость своей Родины, — отмечает Кейсон Фомвихан, — ЦК НРПЛ, Лаосская революция пользовались мощной поддержкой и ценной помощью со стороны КПСС, Советского государства, всего советского народа. Все победы нашей революции в прошлом, а также все наши успехи в деле защиты и строительства страны в настоящее время и в будущем, несомненно, были, есть и будут тесно связаны с поддержкой, огромной действенной помощью героического советского народа”.

26 июня 1984 г. состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко с Генеральным секретарем ЦК НРПЛ К. Фомвиханом. Они отметили расширение и углубление связей между КПСС и НРПЛ, всего комплекса советско-лаосских отношений, высказались за дальнейшее развитие этого сотрудничества и повышение его эффективности.

Успешно стало развиваться экономическое сотрудничество между ЛНДР и СССР. Уже в 1976 году был подписан ряд важных соглашений об оказании Советским Союзом молодой республике экономической помощи в развитии торговых и других отношений между двумя странами. С помощью СССР за годы народной власти были сооружены мосты через реки Нён и Нгум, госпиталь, нефтебаза, авторемонтная и сельскохозяйственные мастерские, станция космической связи “Интерспутник”, восстановлено оловодобывающее предприятие, проведен ряд геологоразведочных работ и т.д.

Важным шагом в развитии советско-лаосского экономического сотрудничества явилась координация государственных планов СССР и ЛНДР на 1981—1985 годы. В данном пятилетии при осуществлении советско-лаосского экономического сотрудничества особое внимание уделялось первоочередным задачам: созданию и укреплению материальной базы государственных транспортных, дорожно-строительных, мостостроительных организаций, сельского хозяйства, развитию экспортных отраслей народного хозяйства, расширению учебной базы для подготовки специалистов и координации государственных планов СССР и ЛНДР на 1986—1990 годы.

Углублялись лаосско-советские отношения. В ходе беседы Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Президентом ЛНДР, Председателем Верховного народного собрания Суфанувонгом было подтверждено взаимное стремление и впредь развивать всестороннее советско-лаосское сотрудничество, настойчиво бороться за ослабление международной напряженности и укрепление мира. В августе 1986 года состоялся рабочий визит в СССР К. Фомвихана. На

встрече М.С. Горбачева с Кейсоном Фомвиханом был отмечен высокий уровень советско-лаосских отношений. При обсуждении вопросов экономического и научно-технического сотрудничества было констатировано его динамическое развитие и поставлена задача дальнейшего совершенствования и повышения эффективности двусторонних связей на долгосрочной, всесторонней и взаимовыгодной основе.

После распада СССР отношения между Лаосом и Российской Федерацией продолжали развиваться.

В период со 2 по 18 апреля 1992 г. был подписан протокол о консультациях между представителями Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации и Министерства образования и спорта ЛНДР; между обеими сторонами состоялся обмен мнениями по вопросам состояния и перспектив сотрудничества между РФ и ЛНДР в области высшего образования. В 1993 году был подписан протокол между правительством РФ и правительством ЛНДР о торгово-экономическом сотрудничестве, а 19 августа 1994 г. был подписан еще один такой же протокол. В соглашении, принятом 9 марта 1994 г., стороны договорились способствовать развитию связей между научно-исследовательскими учреждениями, в том числе обмениваться:

- публикациями по результатам научно-исследовательских работ и периодическими изданиями;

- опытом преподавания, использования технических средств обучения и т.д.

Договор от 9 марта 1994 г. о сотрудничестве между ЛНДР и РФ подтвердил дальнейшее развитие традиционных дружественных отношений, укрепление взаимного доверия и разностороннего сотрудничества между народами двух стран, обоюдное стремление к упрочению правовой основы двусторонних связей, соответствующей реальностям современной международной жизни. Россия и Лаос договорились и впредь поддерживать и развивать дружественные отношения на принципах уважения государственного суверенитета и независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды и других общепризнанных норм международного права.

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 года.

Мнения из регионов

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ (проблемы правового статуса)

В.В. Гаврилов*

В настоящее время ни в доктрине, ни в практике международного права не существует единого мнения о том, могут ли субъекты федеративных государств выступать в качестве самостоятельных участников международных отношений. Одни ученые и государственные деятели полностью отрицают такую возможность, другие не сомневаются в правомерности подобной практики. При этом необходимо подчеркнуть, что статус субъектов федеративных государств до сих пор еще не стал предметом международно-правового регулирования.

Ни Конвенция о праве международных договоров 1969 года, ни другие международные соглашения, заключенные в этой области, не предусматривают возможности самостоятельного заключения субъектами федеративных государств международных договоров, как, впрочем, и не содержат никаких запретов или ограничений на этот счет¹. Г.В. Игнатенко отмечает в связи с этим, что в настоящее время “международное право практически свободно от норм, которые в какой-то мере определяли бы международно-правовой статус политико-территориальных образований, являющихся составными частями федеративных государств”².

Вместе с тем Комиссия международного права ООН еще в 1966 году выработала правило о том, что “государства — члены федеративного союза могут обладать правоспособностью заключать международные договоры, если такая правоспособность допускается федеральной конституцией и в пределах, ею установленных”³. Поэтому

* Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, декан международно-правового факультета Дальневосточного государственного университета. Подробнее об авторе см. в рубрике “Кто есть кто в нашей науке и практике” этого номера журнала.

решение указанного вопроса зависит сегодня от внутреннего, и прежде всего конституционного, права соответствующего государства.

Так, например, конституционные акты ФРГ и Австрии наделяют субъекты этих стран — земли — правом заключать в строго установленных пределах договоры с иностранными государствами. При этом они достаточно жестко определяют рамки, объем и цели международной правосубъектности членов федерации. Известна практика заключения международных соглашений отдельными провинциями Канады, а также штатами США и Австралии.

К настоящему времени имеют место многочисленные случаи подписания международных соглашений (в основном экономического характера) с иностранными государствами и их административно-территориальными единицами и отдельными субъектами Российской Федерации. В их числе можно назвать Удмурдскую республику, Татарстан, Башкортостан, Республику Марий Эл, Коми, Чувашию и др. Достаточно большое количество международных соглашений было подписано Московской областью.

Для того чтобы определить правомерность подобных действий субъектов Российской Федерации, а также потенциальные возможности Приморского края как самостоятельного участника международных и внешнеэкономических отношений, необходимо в первую очередь обратиться к анализу положений Основного закона России.

Пункт 2 ст. III Федеративного договора — Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, являющегося неотъемлемой частью Конституции России, — устанавливает, в частности, что *“края... являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей... если это не противоречит Конституции и законам РФ”*.

В свою очередь, ст. 73 Конституции Российской Федерации определяет, что *“вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти”*. Положения этой статьи подтверждают правомочность Приморского края самостоятельно заключать международные соглашения с иностранными субъектами, так как пп. *к* и *л* ст. 71 Конституции относят к исключительному ведению России только внешнюю политику и международные отношения, международные договоры и внешнеэкономические отношения Российской Федерации, а не ее субъектов.

Наконец, способность субъектов РФ выступать в качестве самостоятельных участников международных и внешнеэкономических связей косвенно подтверждается в п. *о* ст. 72 Конституции Россий-

ской Федерации, который определяет, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится, среди прочего, координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации 1995 года также ограничивает сферу своего действия только определением порядка заключения, выполнения и прекращения действия международных договоров Российской Федерации, а не ее субъектов (п. 1 ст. 1). Поэтому вряд ли будет правомерным считать, как это делают некоторые исследователи⁴, что он относит к ведению федерального центра заключение международных договоров любого уровня.

Устанавливая исключительную компетенцию Российской Федерации в области заключения и исполнения международных договоров России межгосударственного, межправительственного или межведомственного характера, Конституция и законы нашего государства фактически презюмируют право его субъектов, в том числе и Приморского края, вступать в договорные отношения с иностранными государствами и государственными образованиями.

Право Приморского края выступать в качестве самостоятельного участника международных и внешнеэкономических связей, заключать международные соглашения и внешнеэкономические сделки закреплено также в ст. 13 Устава Приморского края. В соответствии с ним (ст. 47, 54, 56) полномочия на заключение соответствующих актов предоставлены губернатору края при наличии предварительного одобрения его действий или последующей ратификации таких соглашений Думой Приморского края.

Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием Федеративного договора и новой Конституции России правоспособность субъектов России в сфере внешних связей де-юре значительно расширилась. Произошла трансформация их статуса как административно-территориальных образований на статус государственных образований — членов Федерации, которые в настоящее время с нормативно-правовой точки зрения являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей. При этом в указанных выше нормативных актах не содержится каких-либо ограничений относительно возможного и допустимого уровня их потенциальных зарубежных партнеров.

Другое дело, что термин “самостоятельный участник международных и внешнеэкономических связей” нельзя истолковывать в том смысле, что объем правомочий субъектов Российской Федерации в этих областях является всеобъемлющим, а сами они могут быть уравнены в правах с государствами. В основе их правосубъектности лежит не суверенитет, как это имеет место в случае с государством, а

делегированные таким государством своим субъектам полномочия. Поэтому правовой статус Приморского края в международных отношениях, равно как и других субъектов России, необходимо рассматривать как результат волеизъявления Российского государства в целом, который определяется и ограничивается рамками Конституции России и федеральных законов.

Так, например, субъекты Российской Федерации не обладают собственной таможенной территорией, и поэтому они не могут заключать соглашения с иностранными государствами относительно принципов и режима внешней торговли, точно так же, как и соглашения по другим вопросам, отнесенным к исключительному ведению России (территория; определение статуса государственной границы, исключительной экономической зоны и континентального шельфа; финансовое и валютное регулирование и др.). Конституцией Российской Федерации определяется также область совместной компетенции России и ее субъектов в международной сфере.

Однако недостаточная проработанность и противоречивость российского законодательства делают проблематичным реализацию субъектами России своей правоспособности в этой части, так как механизм выработки и принятия соответствующих совместных решений до сих пор четко не определен. Исключение здесь составляют положения лишь нескольких федеральных законов, в числе которых, в частности, можно назвать Федеральный закон "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности" от 30 октября 1995 г. и Федеральный закон "О соглашениях о разделе продукции" от 30 декабря 1995 г.

В соответствии с первым из них субъектам Российской Федерации предоставлено право *"заключать соглашения в области внешнеторговых связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств"* (п. 7 ст. 8), а также получать после согласования этого вопроса с федеральными органами государственной власти иностранные кредиты под гарантии своих бюджетных доходов (п. 3 ст. 7). В свою очередь, закон "О соглашениях о разделе продукции" достаточно подробно распределяет полномочия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации в вопросах заключения, исполнения и контроля за реализацией соглашений о разделе продукции при пользовании участками недр, заключаемых с иностранными физическими и юридическими лицами.

Конечно, такого рода соглашения вряд ли можно отнести к числу международно-правовых. Они скорее носят гражданско-правовой или административно-правовой характер. Однако представляется, что подобное положение не исключает в принципе возможность

заключения тем или иным субъектом Российской Федерации договоров международно-правового характера в рамках других сфер совместного ведения федерального центра и субъекта России.

Принятие в России указанных выше нормативных актов свидетельствует о том, что процесс распределения компетенции в международной сфере между Российской Федерацией и ее субъектами уже начался и постепенно развивается. Однако в данном вопросе существует еще множество пробелов и противоречий, которые во многом могли бы быть устранены посредством разработки специального федерального закона о международных связях субъектов Российской Федерации.

Его отсутствие сегодня, на наш взгляд, негативно сказывается на проведении единой сбалансированной политики и, более того, целостности нашего государства, так как в условиях отсутствия соответствующего федеративного нормативно-правового регулирования такое положение вещей вольно или невольно подталкивает субъекты Федерации к мысли о возможности осуществления самостоятельных первоначальных шагов в области предметов совместного ведения федерального центра и субъектов Федерации, в том числе и шагов международно-правового характера.

При отсутствии подобного закона мы можем столкнуться с ситуацией, когда вопросы регулирования порядка осуществления субъектами Российской Федерации международных связей во все большей степени будут решаться ими самостоятельно посредством развития собственного законодательства о международных связях и внешне-экономических отношениях в рамках полномочий, определенных для них законодательством России.

В Приморском крае уже существуют примеры разработки нормативных актов, затрагивающих те или иные аспекты отношений международного характера (закон "О технополисах в свободной экономической зоне Находка"; закон "О поддержке малого бизнеса" и др.). Однако их вряд ли можно считать достаточными, особенно принимая во внимание стратегическое положение нашего края и его огромное значение для развития отношений России со странами Тихоокеанского региона.

Объективная потребность расширения международных контактов Приморья с государствами Тихоокеанского бассейна уже сегодня настоятельно требует, чтобы соответствующие законодательные акты принимались в нем не от случая к случаю, а на основе разработанной и утвержденной краевой Думой программы нормотворческой деятельности, реализация которой позволила бы создать в нашем регионе благоприятный климат для привлечения и рационального использования иностранных инвестиций за счет закрепления в законах края продуманной системы налоговых, организацион-

ных, административных и других видов льгот и преимуществ для зарубежных предпринимателей. Сердцевиной такой программы мог бы стать закон о международных и внешнеэкономических соглашениях Приморского края, острая необходимость принятия которого ощущается уже давно.

В подобной практике, на наш взгляд, в принципе нет ничего противоправного. Однако представляется, что законодательство субъектов Российской Федерации в такой важнейшей области, как международные связи и отношения, должно все же разрабатываться на основе и с учетом положений соответствующего федерального закона. Такой подход позволил бы избежать многих трудностей, недоразумений и споров на самых различных уровнях как внутрифедеративных, так и международных отношений.

В заключение хочется отметить, что ст. 78 Конституции России предусматривает возможность передачи федеральными органами исполнительной власти части своих полномочий органам исполнительной власти субъектов Федерации. Такая практика уже была реализована посредством заключения соответствующих договоров между Российской Федерацией и такими ее субъектами, как Татарстан, Башкортостан, Республика Саха (Якутия), некоторыми крайними областями России.

Их подписание, несомненно, позволило более четко определить, среди прочего, статус таких образований в международных отношениях, существенно расширить в некоторых случаях их правоспособность и снять тем самым существовавшую в этой области неопределенность в их отношениях с федеральным центром. Однако, с другой стороны, необходимо иметь в виду, что принятие подобных соглашений приводит на практике к еще большему "расслоению" полномочий субъектов Федерации и, как следствие, ставит под сомнение соблюдение принципа их равноправия между собой в отношениях с федеральными органами государственной власти, закрепленного в п. 4 ст. 5 Конституции России.

¹ См. *Бирюков П.Н.* О международной договорной правоспособности субъектов Российской Федерации//Правоведение. — 1998. — № 2. — С. 36.

² *Игнатенко Г.В.* Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации//Российский юридический журнал. — 1995. — № 1. — С. 6.

³ Цит. по *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. Учебник. — М., 1996. — С. 310.

⁴ См. *Бирюков П.Н.* Указ. соч. — С. 37.

г. Владивосток

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 года.

Наши справки

АВСТРИЙСКИЙ ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ МИРА И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ

Австрийский центр по изучению проблем мира и урегулированию конфликтов создан 16 апреля 1983 г. в городе Бург Шлайнинг (который находится примерно в 150 км на юго-восток от Вены)*. Он функционирует под эгидой Федерального министерства по науке и исследованиям Австрии и Министерства по делам культуры земли Бургенланд. Это — частное, некоммерческое учреждение. В его структуре: Исполнительный комитет во главе с директором (в настоящее время — д-р Ари Блод), в компетенцию которого входят вопросы руководства Центром и определение основных направлений его научной деятельности, Комитет попечителей и Научно-консультативный совет, состоящий в том числе и из экспертов обновляемого состава. В штате Центра — семь научных и пять административно-хозяйственных сотрудников. К работе на контрактной основе привлекаются также внештатные специалисты и преподаватели. Центр занимается следующими проблемами:

- нейтралитет Австрии в контексте внешней политики в области обеспечения безопасности малых государств;
- политика мира на Европейском континенте;
- проявления национализма в восточноевропейских государствах;
- конфликты в бывшей Югославии;
- урегулирование кризисов;
- миротворчество;

*За более полной информацией просьба обращаться по адресу:

ERU Secretariat
A-7461 Stadtschlaining/Burg
Austria
Tel.: ++(0)3355/2498
Fax: ++(0)3355/2381
E-mail: epu@epu.ac.at
Wevsite: <http://www.aspr.ac.at/selcome.htm>

- вопросы экономического развития в “переходный период”;
- деятельность неправительственных организаций (НПО).

Результаты проведенных Центром исследований регулярно публикуются в ряде австрийских научных изданий (“Dialog”, “Information Newsletter of ASPR”, “Pax Shlaining”, “Friedenserziehung konkret” и др.).

Базой Центра служит Европейский университетский центр по изучению проблем мира, учрежденный в ноябре 1988 года по инициативе Австрийского института по исследованию проблем мира и при поддержке Австрийской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), а также более чем 40 НПО (университетов, научно-исследовательских институтов, национальных комиссий по делам ЮНЕСКО и др.) из стран Европы, США и Канады.

В 1991 году ЮНЕСКО предоставила Европейскому университетскому центру статус неправительственной организации, а в соответствии с декретом Федерального министерства по науке и исследованиям Австрии от 3 апреля 1992 г. его учебные программы получили статус университетских.

С 1993 года несколько раз в год при сотрудничестве с Федеральным правительством в Австрийском центре по изучению проблем мира и урегулированию конфликтов читается месячный курс по подготовке экспертов для гражданского компонента миротворческих операций. Его программа состоит из общей (теоретической) и специальной (отработка конкретных навыков для работы будущих сотрудников полевых миссий) частей. Она широко использует опыт миротворческой деятельности ООН, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и НПО. Особый акцент делается на изучении конкретных примеров, в частности урегулирования конфликтов в бывшей Югославии. В ходе учебного процесса используются передовые методики (системный анализ конфликтных ситуаций, ролевой тренинг и имитационные игры).

С осени 1994 года в университете действует система подготовки на соискание звания “магистр по проблемам мира и исследованию конфликтов”, учебная программа которой рассчитана на два учебных семестра и семестр для написания магистерской работы. Обучение нацелено на подготовку специалистов по урегулированию конфликтов и миротворчеству, которые могли бы давать экспертную оценку конфликтных ситуаций и предлагать конкретные решения по их урегулированию. Программа включает введение в исследование проблем мира и конфликтологию, теоретические основы мира и исследования кризисных ситуаций и ряд прикладных курсов. Начиная с 1997 года в соответствии с австрийским законодательством это звание признается как официальная постуниверситетская степень.

В этом же году на базе Центра создана летняя школа ОБСЕ, целью которой являются распространение и углубление знаний об этой организации, оказание необходимого содействия новым государствам—членам ОБСЕ в подготовке квалифицированных дипломатических кадров, которые смогли бы работать в системе ОБСЕ — как в собственных представительствах, так и в структурах Секретариата Организации. В этой школе уже обучались и российские дипломаты. Основной акцент при формировании учебных программ делается на конкретных темах по истории ОБСЕ и ее практической работе, а также на выработке навыков работы в области многосторонней дипломатии.

В то же время летняя школа ОБСЕ предоставляет возможности для аналитической работы по изучению проблем, связанных с повышением эффективности деятельности ОБСЕ, в целях осуществления превентивной дипломатии, миротворчества и постконфликтной реабилитации. В методическом плане обучение в школе предполагает рациональное сочетание чтения лекций квалифицированными преподавателями, проведения семинаров под руководством сотрудников ОБСЕ и дипломатов-практиков с углубленной самостоятельной работой слушателей.

Центр совместно с Европейским университетским центром по изучению проблем мира активно сотрудничает с Джорджтаунским университетом (США), Университетом города Лимберк (Ирландия), Швейцарским фондом мира, Институтом политических наук Венского университета, Центром европейских исследований (Венгрия) и другими учебными и научными центрами.

В Центре имеется библиотека, хранилища которой насчитывают свыше 12 тыс. томов различных печатных изданий.

В 1988 году Центру была присуждена премия имени бывшего канцлера Австрии Бруно Крайского. Филиал Центра создан в городе Линце.

Ю.А. Яснокирский

Справка поступила в редакцию в декабре 1998 года.

Хроника

50-я СЕССИЯ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН

Юбилейной сессии Комиссии международного права ООН предшествовал ряд конференций, семинаров, симпозиумов, в которых, к сожалению, не участвовали российские юристы. В целом полувековая деятельность комиссии оценивалась достаточно высоко. Вместе с тем высказывались и критические замечания. Значительная часть их относилась к методам и темпам работы.

Получило поддержку мнение, согласно которому основная ставка на подготовку конвенций себя не оправдала. Дипломатические конференции требуют значительного времени на подготовку и больших материальных затрат. А подготовленные ими конвенции ратифицируются все меньшим числом государств.

Было предложено шире использовать альтернативные пути, в частности подготовку проектов деклараций Генеральной Ассамблеи ООН, кодексов поведения, руководств, типовых договоров и др. Как свидетельствует практика, соответствующие декларации Генеральной Ассамблеи сравнительно быстро обретают *opinio juris* государств и их положения становятся частью общего обычного права.

Более того, некоторые проекты комиссии, принятые лишь в первом чтении, применяются международными арбитражами как свидетельства существования соответствующих обычных норм.

Сессия начала работу с обсуждения двух новых тем. Первая из них — “Дипломатическая защита”. Специальный докладчик — работающий во Франции алжирский юрист М. Беннуана. Тема имеет существенное практическое значение. При ее обсуждении подчеркивалась ее связь с защитой прав человека.

В качестве одного из главных докладчик поставил вопрос: является ли право на дипломатическую защиту дискреционным правом государства или же право на защиту является также правом гражданина? С точки зрения традиционного международного права и практики дипломатическая защита рассматривалась как дискреционное право государства, которое по своему усмотрению решает вопрос об оказании защиты в том или ином случае. Эта концепция нашла воплощение и в докладе.

Поэтому пришлось обратить внимание докладчика на то, что его концепция не отвечает современному международному праву, одним из основных принципов которого является уважение прав человека. Вопрос должен решаться путем не противопоставления права государства и гражданина, а их гармонизации.

Право на дипломатическую защиту своих граждан — суверенное право государства. Но одновременно это и обязанность государства, которая закрепляется и современными конституциями. В Конституции России сказано: “Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами” (ч. 2 ст. 61). Следовательно, гражданам принадлежит право на дипломатическую защиту.

В целом же доклад носит весьма общий и самый предварительный характер.

Вторая новая тема — “Односторонние акты”. Спецдокладчик — венесуэльский юрист В. Родригес-Седеньо. Тема весьма сложная. Доктрина и практика довольно противоречивы в этом вопросе. Что же касается доклада, то он отличается высоким профессиональным уровнем.

Прежде всего докладчик стремится определить круг актов, подлежащих анализу. Он обращает внимание на многообразие односторонних актов. Первая задача видится ему в том, чтобы установить различия между юридическими и политическими актами.

Докладчик отмечает, что наряду с юридическими существуют и политические обязательства. Более того, он доказывает, что “политические обязательства бывают порой более эффективными и дают более важные результаты, чем обязательства юридические” (п. 45 доклада).

В связи с этим отмечу, что для обозначения политических и юридических обязательств в англоязычной литературе и документах используются различные термины. В первом случае — “engagement”, во втором — “obligation”. Так, обязательства в рамках ОБСЕ именуются “engagements”, а обязательства по Уставу ООН — “obligations”.

Несмотря на все это, и ныне немало юристов полагают, что обязательства могут быть только юридическими. Нашлись сторонники такой позиции и в комиссии. Они, в частности, ссылались на то, что все юридические обязательства по содержанию являются политическими.

Дело, однако, не в содержании обязательства, а в природе обязательной силы. Как известно, при создании международной нормы необходимо соглашение государств по двум пунктам. Во-первых, о содержании нормы и, во-вторых, о ее обязательной силе. Согласованному правилу может быть придан характер рекомендации либо

политического обязательства. Обязательная сила политических актов вытекает из морально-политического принципа добросовестности. Как известно, аналогичный принцип существует и в международном праве.

Есть в докладе положения, с которыми трудно согласиться. Односторонний акт определяется как “акт, исходящий от одного или более государств и создающий новые правовые отношения с третьим государством, которое не участвовало в его разработке”.

Представляется, однако, что односторонний акт не может породить правоотношение без согласия третьего государства. Сам докладчик правильно отмечает, что строго односторонний юридический акт “может создать обязательства только для государства, его принявшего”.

В случаях, когда односторонний акт исходит от нескольких государств, возникает вопрос о взаимных обязательствах его авторов. В докладе этот вопрос не затронут.

Источники международного права рассматриваются в докладе как методы и процедуры создания норм. Между тем источник означает также и форму существования норм. В таком смысле используется, например, понятие договора Международным Судом.

Отмеченное положение потребовалось докладчику для обоснования центрального тезиса: односторонний акт не является источником международного права, однако это не значит, что государство не может создавать нормы международного права путем односторонних актов.

Думается, что, не будучи источником международного права, односторонний акт сам по себе не может создавать международно-правовые нормы. Для этого он должен быть дополнен согласием другого государства.

Нельзя согласиться и с мнением, будто односторонний акт способен устанавливать “односторонние отношения”. Правовые отношения всегда должны иметь как минимум две стороны. Односторонней может быть любовь, но не брак.

Сказанное вытекает из логики любой правовой системы. Национальное право оставляет мало места односторонним правотворческим актам. Римское право не придавало им значения. Гражданский кодекс Франции также не содержит понятия односторонних юридических актов. В нем говорится лишь о “квазиконтрактах” (ст. 1371—1381). Итальянский ГК предусматривает “*promesse unilaterali*”. Однако они имеют значение лишь в случае, если это предусмотрено законом.

ГК РФ предусматривает возможность односторонних сделок. К ним относятся сделки, для совершения которых — в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон —

необходимо и достаточно выражение воли одной стороны. Иначе говоря, односторонний акт может создавать обязательство, если это предусмотрено законом или соглашением сторон.

Думается, что аналогичное положение присутствует и в международном праве. Государство может односторонним актом создавать для себя обязательство в соответствии с международным правом.

Г. Гроций наряду с соглашениями рассматривал обещание как источник юридических обязательств, но оговаривал, что для этого оно должно быть принято адресатом¹.

Устав Нюрнбергского трибунала определил преступления против мира, в частности, как подготовку или ведение войны в нарушение договоров, соглашений или заверений (п. а ст. 6). “Заверения” поставлены в один ряд с договорами. Тем не менее ни Устав, ни приговор не подтверждают, что за заверениями тем самым признается юридический характер. Речь скорее идет о морально-политических обязательствах.

Вопрос об односторонних актах возникал в практике международных судов, например при рассмотрении Постоянной палатой международного правосудия дел о свободных зонах (1932 г.), о Восточной Гренландии (1933 г.). Но во всех случаях односторонний акт был элементом двустороннего взаимодействия.

Положение, согласно которому односторонний акт способен порождать для государства юридические обязательства, нашло признание в решении Международного Суда по делу о ядерных испытаниях Франции. При этом Суд подчеркнул, что для этого прежде всего необходимо соответствующее намерение издающего акт государства: “Когда это является намерением государства, делающего заявление, быть связанным в соответствии с его положениями, то такое намерение придает заявлению характер юридического обязательства”².

Мне удалось обнаружить лишь один односторонний акт, четко выразивший намерение породить правовые обязательства в соответствии с содержащимися в нем правилами. Имеется в виду Декларация правительства Египта о Суэцком канале 1957 года. Она предусматривала регистрацию в ООН, которая и состоялась.

Помимо односторонних актов, порождающих обязательства государства придерживаться указанных в них правил, существует значительное число иных актов, порождающих юридические последствия в силу международного права. К ним относятся: отказ от прав, признание (особенно сложна проблема молчаливого признания — *acquiescence*), протест.

В общем, тема “Односторонние акты” потребует значительных усилий со стороны комиссии. Думается, что особое внимание следует уделить следующим вопросам:

1) установление намерения государства придать акту характер юридического обязательства;

2) роль других государств в установлении правового отношения на основе одностороннего акта;

3) порядок прекращения и пересмотра односторонних актов.

Следующая тема — “Предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности”. Спецдокладчик — юридический советник МИД Индии П.М. Рао. Он представил свой первый доклад по данной теме.

В 1997 году комиссия решила выделить тему о предотвращении из более широкой темы — “Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом”. Над последней темой комиссия работала с 1978 года. При этом затрагивались существенные экономические интересы государств, которые серьезно различались. Поэтому было решено вопросы ответственности оставить на будущее.

Тема имеет прямое отношение к одной из глобальных проблем современности: к противоречию между реальным миром взаимосвязанных экономических и экологических систем, с одной стороны, и имеющимися средствами решения возникающих вопросов — с другой. Следует также учитывать, что обязанность предотвращать трансграничный ущерб пока не вытекает из позитивного международного права.

Доклад отражает ряд положений, характерных для международного права окружающей среды. В связи с этим замечу, что в отечественной литературе принят термин “экологическое право”. Однако поскольку в международной практике утвердился термин “право окружающей среды”, то представляется целесообразным пользоваться им, особенно когда речь идет о международном праве.

А теперь о положениях, характерных для права окружающей среды. Как известно, формально-юридический подход к равноправию субъектов не всегда пригоден для решения экологических проблем. Поэтому доклад содержит следующее положение: “Соблюдение обязательств проявлять должное старание должно быть поставлено в прямую зависимость от научно-технического и экономического потенциала государства”.

Новый момент в докладе заключен в том, что центр тяжести переносится с ответственности за причиненный ущерб на обязанность его предотвращения. Такой подход может быть эффективным лишь при наличии соответствующего контроля за выполнением обязательств по предотвращению. Этим комиссии придется заняться на следующем этапе.

Статьи проекта предназначены для применения к деятельности, не запрещенной международным правом, но порождающей риск

причинения значительного трансграничного вреда в силу своих физических характеристик.

Государства обязаны принимать все необходимые меры для предотвращения и сведения к минимуму риска причинения значительного трансграничного вреда. Государства сотрудничают в достижении этой цели.

Государства должны установить предварительное лицензирование рассматриваемой деятельности. Если будет установлено наличие риска причинения значительного трансграничного вреда, то государство его происхождения для выдачи лицензии должно сообщить об этом государству, подвергающемуся риску, и предоставить необходимую информацию.

В целом предложенный докладчиком проект статей весьма либерален и определяет общие принципы. Пришлось возражать лишь против положения, предусматривавшего приостановку строительства или деятельности опасного объекта на шесть месяцев по требованию государства, подвергающегося риску.

Представим себе строительство АЭС, на котором заняты тысячи людей. Приостановка строительства приведет к большим материальным потерям. Или иной вариант. Приостановка деятельности АЭС оставит без энергии какой-то регион. Комиссия отнеслась с пониманием к этим доводам, и положение было существенно смягчено.

Ныне его содержание сводится к следующему: в ходе консультаций по определенному объекту государство происхождения риска по запросу другого государства примет соответствующие и реально возможные меры к сведению к минимуму риска, а где это возможно, приостановит соответствующую деятельность на период в шесть месяцев.

Комиссия предполагает завершить работу над проектом статей о предотвращении в течение ближайших двух-трех лет. Проект направляется правительствам для отзывов. Комиссия поставила перед правительствами ряд вопросов:

1. Должна ли обязанность предупреждения все еще рассматриваться как обязательство поведения или как деяние, влекущее международно-правовую ответственность? Думается, что, во всяком случае сегодня, первый вариант более соответствует позитивному праву и более реален.

2. Должна ли тема материальной ответственности рассматриваться как совершенно отличная, не связанная с обязанностью предотвращения? Думается, что ответ должен быть положительным. Тема материальной ответственности в рассматриваемой области еще не созрела.

3. В какую форму должны быть облечены статьи: в форму конвенции, рамочной конвенции или модельного закона? Думается, что

оптимальной формой была бы резолюция Генеральной Ассамблеи ООН.

Следующая тема — “Ответственность государства” — представляется наиболее важной и сложной. Доклад был представлен новым спецдокладчиком — австралийским профессором Дж. Кроуфордом, преподающим в Оксфордском университете.

Как известно, до сих пор в международном праве отсутствует система норм, относящихся к ответственности. Тем не менее кодификационные работы комиссии в этой области содействовали становлению права международной ответственности как отрасли международного права. В новейших курсах начали появляться соответствующие разделы.

Правительства относятся к кодификации права ответственности весьма осторожно. Поэтому на первом этапе целесообразно кодифицировать лишь общие принципы и оформить их в виде декларации Генеральной Ассамблеи ООН. Результаты первого этапа будут учтены в последующей работе. Такой подход даст возможность ускорить принятие основных принципов ответственности, что имеет серьезное практическое значение.

В целом представленный проект статей отвечает этим целям. Он посвящен общим принципам. В отличие от прошлого, новый докладчик пошел по пути упрощения проекта. Остановлюсь на его основных положениях.

Международно-противоправное деяние имеет место в том случае, если поведение может присваиваться государству и представляет собой нарушение международного обязательства этого государства.

Квалификация деяния как международно-противоправного осуществляется на основе международного права. На эту квалификацию не влияет определение деяния как правомерного по национальному праву.

В качестве деяния государства рассматривается поведение любого его органа, включая органы административно-территориальных подразделений. Это положение нуждается в уточнении. Как известно, даже отдельные города в пределах своей компетенции заключают соглашения с зарубежными партнерами. Особенно актуальна эта проблема для федераций. Этот момент отмечался и в отзывах некоторых федеративных государств.

Думается, что необходимо включить в проект примерно следующее положение: в тех случаях, когда субъекты федерации обладают компетенцией самостоятельно поддерживать международные связи и заключать соответствующие соглашения, ответственность по таким соглашениям несут только заключившие их субъекты федерации.

Комиссия поставила перед правительствами вопрос: любое ли поведение органа государства, присваиваемое государству, незави-

симо от характера поведения *jure gestionis* или *jure imperii*? Думается, что за частноправовую деятельность (*jure gestionis*) орган несет ответственность в частноправовом порядке, а за властную деятельность (*jure imperii*) ответственность несет государство в публичном международно-правовом порядке.

Далее, проект устанавливает, что деяние органа присваивается государству даже в том случае, если он превысил свои полномочия.

Поведение повстанческого движения, которому удается создать новое государство, рассматривается как поведение этого государства.

Наконец, проект статей оговаривает, что его положения не затрагивают вопросов ответственности международных организаций. Попытка охватить и ответственность организаций существенно замедлила бы процесс. С другой стороны, принятие общих принципов ответственности государств облегчит и кодификацию норм об ответственности организаций.

Выскажу еще некоторые замечания по проекту. Необходимо изменить название: "Ответственность государств". Государство может нести ответственность и по национальному праву. Ответственность может быть не только юридической, но также моральной и политической. Поэтому более точным представляется название: "Ответственность государства по международному праву".

Основная дискуссия развернулась относительно выделения категории "преступления государств" из общего понятия "правонарушения" (деликты). Ссылаясь на мнения правительств по этому вопросу, докладчик рекомендовал изъять из проекта статью о преступлениях.

В связи с этим пришлось напомнить, что понятие "преступление государства" не изобретено юристами. Со времен второй мировой войны в сознании широких слоев населения утвердилось понимание того, что наиболее тяжкие преступления — агрессия, преступления против человечности и др. — совершаются именно государствами.

Концепция преступления государства нашла отражение и в международной практике. Не буду вспоминать урегулирование после второй мировой войны. Обратимся к современности. Агрессия Ирака против Кувейта и в практике государств, и в средствах массовой информации именовалась преступлением. Меры, принятые Советом Безопасности в отношении Ирака, носили явно карательный характер.

Возражения против понятия "преступления государства" сводятся в основном к тому, что нельзя криминализировать поведение государств. Следует, однако, учитывать, что комиссия не раз подчер-

кивала отсутствие у нее подобного намерения. Термин “преступление” использован за неимением иного, более подходящего для обозначения особо тяжких правонарушений.

Тем не менее, учитывая позицию ряда правительств, можно отказаться от термина “преступление”, заменив его, например, выражением “особо тяжкое правонарушение”. Но при этом необходимо сохранить особый режим ответственности за подобные деяния.

Докладчик прав, утверждая, что введение понятия “преступление” потребует соответствующего процессуального обеспечения. Сегодня “должный процесс” едва ли может быть обеспечен. Тем не менее некоторые элементы процесса уже можно обнаружить.

В соответствии со ст. 39 Устава ООН Совет Безопасности выносит решения не только в случае агрессии, но и в иных случаях, когда он определяет существование любой угрозы миру, например в случае массового нарушения прав человека. Как показали резолюции Совета в отношении Ирака, ими могут регулироваться и отношения ответственности.

Совет Безопасности, согласно ст. 36, может рекомендовать заинтересованным государствам прибегнуть к решению вопросов ответственности при помощи соответствующих процедур, включая Международный Суд. Использование рекомендуемой процедуры Совет может сделать условием прекращения санкций.

Описанная процедура может быть признана удовлетворительной на ближайшее время для решения вопросов ответственности за особо тяжкие правонарушения.

Отказ от выделения категории особо тяжких правонарушений будет истолкован таким образом, что комиссия отреклась от ранее занятой ею позиции. Это станет ощутимым препятствием на пути развития важного института международного права. Несмотря на все это, пока положения о преступлениях государств не включены в проект статей, их обсуждение оставлено на будущее.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что ответственность государства по международному праву не является ни уголовной, ни гражданско-правовой. Обращаю на это внимание в связи с тем, что немало видных юристов считают ее гражданско-правовой (Дж. Фицморис, Е. Лаутерпахт, Я. Броунли). В силу равноправия субъектов международного права их правоотношения действительно напоминают гражданско-правовые. Однако речь идет о суверенных субъектах, над которыми нет надгосударственной власти. Их взаимоотношения носят властный характер и потому не могут регулироваться частнопрововым методом.

В своих отзывах на проект статей об ответственности некоторые правительства обоснованно отмечали, что речь идет не об уголовной или гражданско-правовой, а об особой — международно-правовой — ответственности.

Кодификация права ответственности имеет существенное значение для самой комиссии. В работе над другими темами ей приходится сталкиваться с вопросами ответственности.

Еще более существенно то, что отсутствие кодифицированного права ответственности побуждает государства и международные органы создавать автономные режимы ответственности, например в космическом, морском праве и т.д. В целом существование автономных режимов ответственности — закономерное явление, учитывающее специфику отраслей международного права. Вместе с тем они должны опираться на единую общую принципиальную основу.

Относительно темы “Гражданство в связи с правопреемством государств” комиссия приняла решение учредить рабочую группу для рассмотрения вопроса о возможном подходе ко второй части темы “Национальность юридических лиц в связи с правопреемством государств”. Статьи по первой части темы (о гражданстве физических лиц) переданы на отзыв правительствам.

По теме “Оговорки к договорам” (спецдокладчик — французский профессор А. Пелле) комиссия приняла статьи об определении оговорок, их объекте, о том, когда они могут быть сделаны, о совместных оговорках, о заявлениях, оговорками не являющихся. Результат работы предполагается облечь в форму “руководства по практике”.

Руководство опирается на режим оговорок, установленный Венскими конвенциями по праву международных договоров. Оговорка определена следующим образом: “одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятия или утверждения договора или присоединения к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к этому государству или к этой организации”.

Столь громоздкое определение не очень подходит для “руководства по практике”. Положения о времени заявления оговорки можно было бы выделить из него.

Проект предусматривает возможность совместного формулирования оговорки. Едва ли есть необходимость в такой статье, поскольку совместное формулирование не влияет на односторонний характер оговорки.

Относительно объекта оговорки говорится: “Оговорка может касаться одного или нескольких положений договора или, в более общем плане, того, каким образом государство намеревается осуществлять договор в целом”.

Положение об оговорке о непризнании почему-то касается лишь одного случая, а именно неприменения договора с непризнаваемым государством. Ничего не сказано об аналогичных оговорках в отношении непризнаваемого правительства, а также об оговорках относительно того, что совместное участие в договоре не означает признания того или иного правительства или государства.

Не рассматриваются как оговорки заявления о толковании, общеполитические заявления и информационные заявления.

Наиболее ценными представляются положения проекта, относящиеся к оговоркам к двусторонним договорам. Как известно, этот вопрос не был решен Венскими конвенциями. Проект не рассматривает односторонние заявления к двусторонним договорам как оговорки. Иными словами, оговорки к двусторонним договорам недопустимы. Одностороннее заявление к двустороннему договору может иметь юридическое значение лишь в случае его принятия другой стороной. Такой подход представляется юридически обоснованным, чего нельзя сказать о требовании "оформления согласия другой стороны в виде поправок к договору" и составления нового текста. Думается, что официальное принятие заявления другой стороны может рассматриваться как дополнительное соглашение к договору.

Учрежденная комиссией рабочая группа по долговременной программе предварительно рекомендовала для включения в повестку дня следующие темы: "Ответственность международных организаций", "Влияние войны на международные договоры", "Общие естественные ресурсы" и "Высылка иностранцев". Рассмотрение возможных тем будет продолжено на следующей сессии комиссии.

В своей работе комиссия уделяет серьезное внимание отзывам правительств на ее проекты. Многие правительства проявляют в этом плане значительную активность. К сожалению, очень немногие из стран СНГ, включая Россию, принимают в этом участие. Существенную роль в исправлении подобного положения могла бы оказать помощь со стороны ученых правовому департаменту МИД России.

И.И. Лукашук,

профессор, доктор юридических наук,

член Комиссии международного права ООН

(подробнее об авторе см. в № 3—4 нашего журнала за 1991 г.).

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. — В трех книгах. — М., 1956. — С. 336, п. XIV.

² ICJ, Reports. — 1974. — P. 43.

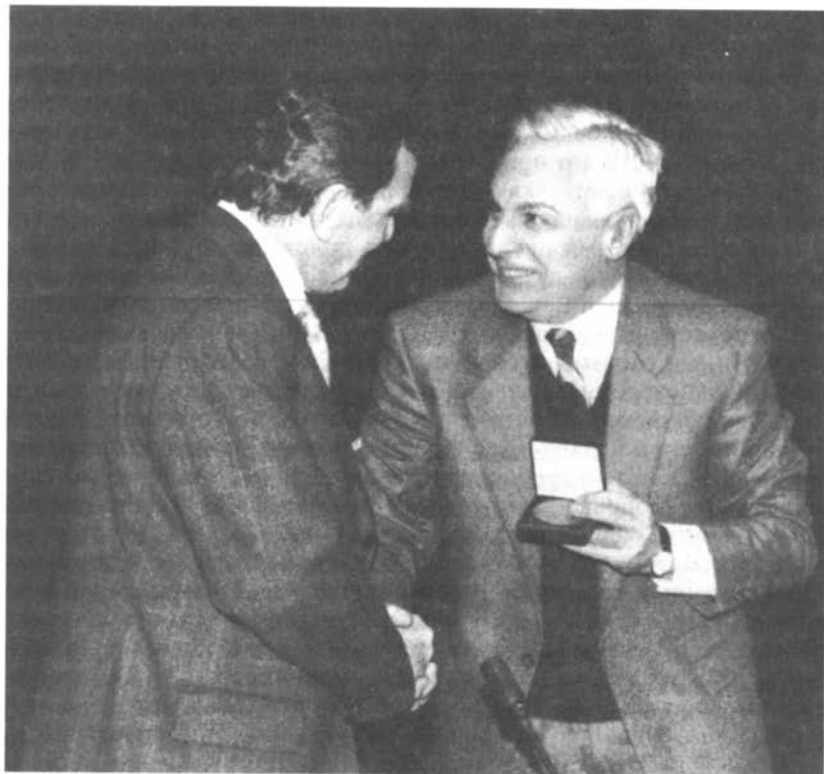


Фото И.В. Лилеева

ГЕРХАРД ШРЁДЕР В МГИМО

17 ноября 1998 года МГИМО(У) МИД РФ посетил канцлер ФРГ Герхард Шрёдер. Свою встречу в институте гость задумал как дискуссию со студентами. Выступая, он напомнил, что “наша совместная история обязывает нас никогда не забывать о том, что происходило, поэтому российско-германские отношения должны в дальнейшем развиваться именно в целях сохранения мира”.

Канцлер подчеркнул, что одним из важных принципов таких отношений является стабильность во всех сферах жизни, которая должна достигаться только демократическими путями.

“Стабильность в политическом смысле, — сказал он, — означает, что наша совместная работа обеспечивает мир в Европе...” А далее высший германский политический деятель от имени своей страны заявил, что Германия готова выступать защитником России, чтобы приблизить ее к Европейскому сообществу и его возможностям.

Интересные мысли высказал германский канцлер по поводу личных контактов. Дескать, в прошлом были личные контакты между Борисом Ельциным и Гельмутом Колем, и новый руководитель ФРГ с уважением относится к ним, но теперь он видит свою задачу в том, чтобы расширять палитру политических деятелей, с которыми стоит налаживать контакты.

Студенты сразу же усмотрели в этих высказываниях намеков на будущие президентские выборы в России и спросили, кого бы сам Герхард Шрёдер хотел бы видеть на посту президента России.

Однако канцлер ушел от ответа на этот вопрос и, как всякий умный политик, заявил, что в международных отношениях должно быть так, чтобы решения народа признавались, поэтому выборы президента — это чисто внутреннее дело России. А закончил свою мысль о выборах весьма своеобразно — вопросом в зал: “Почему у вас нет женщин — кандидатов в президенты?”

Ну и, вероятно, чтобы потрафить аудитории, в которой выступал, канцлер предложил расширять число взаимных визитов студентов двух стран.

В заключение встречи проректор МГИМО(У) МИД Российской Федерации, профессор, доктор политических наук И.Г. Тюлин вручил гостю памятную медаль МГИМО. Эту церемонию можно увидеть на снимке.

Трибуна преподавателя и студента

ЧТО ДУМАЕТ СЕГОДНЯШНИЙ СТУДЕНТ О ЗНАЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДЛЯ ЕГО БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ И ЖИЗНИ?

Такой вопрос был задан на семинаре по международному праву студентам III курса МГИМО(У) МИД РФ — будущим менеджерам по международному туризму — после того, как они прослушали первую лекцию профессора К.Г. Борисова по этому предмету. Вот их ответы (или некоторые отрывки из ответов):

Алексей Цапко

Начиная подобное повествование, я не могу не упомянуть о своих впечатлениях, оставшихся у меня от первой лекции. Они были самые приятные, так как на лекцию меня не пустили ввиду опоздания.

Так как же я определяю роль международного права в моей жизни? Ответ на этот вопрос, который я в данном случае сам себе задаю, я бы разделил на несколько.

Во-первых, все мы, будучи гражданами разных стран, тем не менее живем в мире, который с каждым днем становится все более и более “глобальным”. Мир развивается быстрее, чем мы, и не каждый из нас способен поспевать за его развитием. Однако в той будущей профессии, которую я себе выбрал, просто невозможно отставание от развития мира, и незнание основных норм и принципов международного права, то есть тех законов, которые люди приняли в процессе все большей “глобализации” мира, сделает меня неполноценным специалистом.

Во-вторых, исторически сложилось так, что наша страна, на мой взгляд, долгое время жила и отчасти продолжает жить и по сей день по законам, далеким от международно-правовых норм.

В общем, подводя итог вышесказанному, я хочу знать основы международного права не только потому, что они помогут мне лучше

разбираться в будущей работе, но и быть гражданином как моей страны, так и всего мира.

Артем Козловский

Согласно формулировке одного из “столпов” международного права Ф.Ф. Мартенса, оно является совокупностью юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере их взаимных отношений.

Международное право состоит из двух больших комплексов норм — публичного и частного. В этом семестре мы изучаем международное публичное право, регулирующее межгосударственные отношения. С точки зрения целесообразности изучения этой сложной науки меня больше интересует международное частное право, регулирующее взаимоотношения юридических и физических лиц, находящихся по разные стороны государственных границ. Через три года, если ситуация в нашей стране кардинально не изменится, в МГИМО(У) состоится четвертый выпуск менеджеров по международному туризму — отделения, в котором в данный момент учусь и я.

Следуя логике, можно предположить, что такие специалисты должны заполнить свою нишу на рынке труда, то есть пойти работать в туристические фирмы, занимающиеся “ввозом” иностранных туристов к нам в Россию и “вывозом” отечественных за пределы нашей Родины. Следовательно, специалисты этих фирм заключают договоры и разрабатывают прочие документы, подписывают соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве, то есть опираются на законодательную базу, дабы не принять неверных решений и не лишиться рабочего места (в лучшем случае).

Чтобы остаться на будущем рабочем месте и продвигаться выше по “служебной лестнице”, мне необходимо знать и уметь использовать знания в области международного права.

К тому же еще не известно точно, кто у нас где и кем будет работать и будет ли работать вообще. Найти работу по специальности с хорошей зарплатой крайне трудно, поэтому трудиться, возможно, придется в других областях бизнеса, еще не известных каких, поэтому любые знания, в том числе и в области международного права, пригодятся (про запас, на всякий случай).

Григорий Ковбасюк

Поскольку моя будущая деятельность связана с международным туризмом, некоторые нормы международного права пригодятся и

мне. Будет ли продолжаться процесс “глобализации” мира или же этот мир снова станет биполярным? Несомненно, любой поворот событий окажет влияние на развитие туристической индустрии, а значит, и на мой бизнес. Конечно, международное право лишь оформляет существующие политические тенденции, и поэтому, говоря о важности норм этого права, я часто подразумеваю важность влияния внешнеполитических факторов международной политики на туристический бизнес.

Но при этом существуют тенденции в развитии самого международного права, которые исключительно благоприятно влияют на развитие туристического бизнеса.

Прежде всего, это унификация, приведение к единым стандартам норм национального права, которые регулируются международными соглашениями. Такая унификация сильно упростит туристический бизнес. Почти повсеместно нормы международного права оказывают сильнейшее воздействие на соблюдение прав человека во всех странах мира. Ощущение безопасности крайне важно для любого путешественника. Поэтому, может случиться, страна кажется привлекательной в туристическом отношении, но, если в ней авторитарный режим, она не пользуется спросом на туристическом рынке. Международные нормы, запрещающие военную конфронтацию, также способствуют спокойствию в мире, а следовательно, и стимулируют развитие туризма.

Громадное значение для моей отрасли имеют межгосударственные соглашения об условиях торговли, пограничном и таможенном контроле. Заключение Шенгенских соглашений большинством стран — участниц Евросоюза значительно упростило получение виз в эти страны, организацию маршрутов сразу по нескольким европейским государствам.

Международное право создает общее условие, общий правовой климат во всем мире. Не считаться с этим, игнорировать его в нынешних условиях было бы непростительной глупостью.

Наталья Зезюлина

Международное право имеет самое непосредственное отношение к моей будущей профессии, так как международный туризм (уже сама формулировка подразумевает общение с различными народами) немыслим без знаний его норм.

Как будущий менеджер по международному туризму, я должна изучать внутреннее право различных государств и международное право, чтобы осуществлять правомерные действия и не подвергать риску тех людей, которые прибегнут к моим услугам. Туризм явля-

ется частью международных отношений, а международное право их стабилизирует и закрепляет.

Я считаю, что без международного права было бы невозможно создать единую мировую систему государств, так же, как, например, невозможно создать нормальное государство, если в нем царит бесправие. С помощью международного права мы добились создания такой нормальной системы государств на планете Земля, хотя и со своими трудностями, проблемами и т.д. Но назовите мне, пожалуйста, хотя бы одно государство, у которого не было бы проблем.

Юлия Подолина

До начала ознакомления с курсом международного права я представляла себе, что весь этот курс достаточно тесно связан с выбранной мною профессией менеджера в области международного туризма. Меня очень интересуют международные проблемы, пути их решения.

Признаюсь: сегодня после вступительной лекции на первом семинаре я честно говорю, что в моей голове лишь туманное представление о том, что будет содержать в себе этот предмет, как будут построены семинары, какой литературой предпочтительнее пользоваться.

Надеюсь, что изучение курса международного публичного права действительно заинтересует меня, не обманет моих ожиданий.

Мне доставляет большое удовольствие все больше и больше познавать зарубежные страны. Сейчас я могу достаточно точно сказать, где туризм развит хорошо, а где не очень, чем привлекательна одна страна, а чем другая.

Надеюсь, что курс международного публичного права позволит мне ближе познакомиться со странами, узнать что-то новое, до сих пор неизвестное.

Алексей Семенов

Наша специальность подразумевает международные отношения. С первого взгляда может показаться, что туризм — это лишь организация отдыха и развлечений. Отнюдь, существуют такие понятия, как, например, деловой туризм, учебный туризм, профессиональный туризм, туризм по обмену, которые напрямую связаны с международным публичным правом. Ведь для того, чтобы отправить, например, группу людей, допустим, на международный конгресс, необходимо хотя бы элементарно ориентироваться в основных нормах

международного права для составления договора между отправляющей и принимающей странами.

В то же время я прекрасно осознаю, что за один семестр учебного процесса нельзя осветить весь курс этой дисциплины, но узнать азы, так сказать, прописные истины, наверное, возможно. Ведь суть нашей специальности, как это ни прискорбно, укладывается в несколько дисциплин. Но так как мы получаем высшее образование, то должны узнать все понемногу. И международное публичное право — одна из первых дисциплин после специальных по курсу туризма, поскольку без него не может быть отношений с другими странами.

Джелма Мустафаева

Думаю, что моя будущая профессия менеджера по туризму требует знаний и умений ориентироваться как в международном публичном, так и в международным частном праве, хотя нельзя не сказать, что большая часть работы будет, конечно же, связана с частным правом. Ведь оно подразумевает автономию и самостоятельность физических лиц. Но, с другой стороны, невозможно себе представить специалиста по международному туризму, который бы не знал или хотя бы не представлял себе в общих чертах предмет международного публичного права. Специалист в области туризма должен обладать хотя бы минимальными знаниями в области норм межгосударственного общения. Иначе как мы будем отправлять туристов за рубеж, не представляя себе совокупность прав и обязательств, которые согласовало данное государство на международной арене для достижения своих целей? Для успешного ведения туроператорской деятельности необходимо знать не только обычаи другого государства, но и основные его позиции на международной арене, в каких конвенциях оно участвует, какие нормы международного права оно готово выполнять, а какие — нет или пока нет.

Ирина Лихолетова

Считаю, что каждый специалист-международник, в какой бы сфере международных связей он ни работал, должен знать международное право, равно как и историю международных отношений, а тем более мы — будущие специалисты в области международного туризма. Здесь одна из возможных профессий — туроператор. Значит, для того чтобы сделать, казалось бы, такую простую вещь, как разработка маршрута, нужно изучить все науки, связанные с позна-

нием международных норм, применяемых другими странами. И здесь изучение международного права выходит на первый план.

Наталья Лелюх

По-моему, международное право — это особая правовая система, состоящая из принципов и норм, регулирующих отношения между ее субъектами. Международное право выполняет в международных отношениях координирующую функцию. С его помощью государство подчиняется устанавливаемым общепринятым стандартам поведения в различных областях взаимоотношений с другими странами.

В Российской Федерации по Конституции 1993 года международному праву отдается приоритет по сравнению с нашим национальным правом (п. 4 ст. 15).

Также нужно сказать, что существуют принципы международного права, которые формулируют основные фундаментальные права и обязательства государств, закрепленные в специальных актах, например в Уставе ООН. Эти принципы являются обязательными для всех государств — членов Организации.

Вот только некоторые из них:

- принцип суверенного равенства государств;
- принцип разрешения международных споров мирными способами.

Необходимо распространять больше информации об этом предмете среди различных групп населения. Может быть, тогда в нашей жизни будет меньше ситуаций, когда человек не знает своих прав, законов и не всегда понимает, что ему надо делать в сложившейся ситуации.

Как будущий менеджер по туризму, я ясно понимаю, что международное право является одним из главных предметов, в котором я должна разбираться. Несмотря на то что мне в будущей работе чаще придется сталкиваться с международным частным правом, мне также необходимо разбираться в основных положениях международного публичного права. И я надеюсь, что право будет моим верным советчиком всю жизнь, будет помогать мне в трудных ситуациях, например разрешить нелегкий вопрос с клиентом насчет предложенного ему турпродукта. Я действительно считаю, что необходимо не только знать, что существуют такие-то нормы и принципы права, а уметь реально применять их на практике, в реальной жизни.

Кто есть кто в нашей науке и практике



БАРЧУКОВА НАТАЛИЯ КИРОВНА
(Москва)

Родилась в г. Москве. В 1994 году закончила экономический факультет Академии труда и общественных отношений.

С 1995 до 1997 год — соискатель кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ. В 1997 году защитила кандидатскую диссертацию на тему “Международно-правовые основы становления и развития интеграции Европейского сообщества”.

До 1997 года работала в Бюро международного туризма “Спутник”. Участвовала в работе международных конференций и выставок в Германии, Испании, Италии, Франции и Венгрии.

С 1990 года ею опубликованы (в соавторстве) учебные пособия “Механизм и структура молодежного туризма” (1990 г.), “Международное публичное право” (1996 г.), а также статьи в “Московском журнале международного права”: “Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям” (1996, № 2), “Договорно-правовое регулирование партнерства и сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией” (1997, № 2).

Ведет преподавательскую работу в Институте международного права Российского университета дружбы народов.

На вопрос редакции, какое значение имеет Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией от 24 июня 1994 г., Н.К. Барчукова ответила: "Соглашение регламентирует многие сферы сотрудничества Европейского Союза и России. Так, например, в экономической области оно будет способствовать не только широкомасштабному экономическому сотрудничеству, но и развитию экономики России, интеграции ее в более широкое экономическое сотрудничество в Европе. Что касается политики, то постоянный политический диалог сторон, механизм которого закрепляет данное соглашение, будет способствовать установлению более активных политических связей, сближению позиций Европейского Союза и России по многим международным вопросам".



БИРЮКОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
(Воронеж)

Родился в 1966 году в г. Воронеже.

В 1988 году закончил юридический факультет Воронежского государственного университета (ВГУ), а в 1991 году — аспирантуру по кафедре иностранного государственного и международного права Свердловского юридического института. В 1991 году защитил кандидатскую диссертацию на тему "Юридический механизм реализации в СССР норм международного гуманитарного права".

После защиты работает на юридическом факультете Воронежского государственного университета. В настоящее время — доцент кафедры конституционного и международного права ВГУ.

Автор более 60 работ. Основные публикации: “Налоговое право Российской Федерации” (Воронеж, 1995); “Особенности расследования преступлений, совершенных иностранцами: международные договоры и законодательство Российской Федерации” (Воронеж, 1995); “Основы банковского права Российской Федерации” (Воронеж, 1996); “Международное право” (Воронеж, 1996); “Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система Российской Федерации” (Воронеж, 1997); “Международное право” (М., 1998).

Уделяет большое внимание методике преподавания международного права, в связи с чем опубликовал несколько учебно-методических пособий.

Член Российской ассоциации международного права, участник ряда отечественных и международных конференций.

На вопрос редакции о творческих планах П.Н. Бирюков ответил: “В 1999 году я планирую защитить докторскую диссертацию по проблемам реализации международно-правовых норм в правовой системе Российской Федерации. В ближайшее время готовлю к публикации две монографии и несколько учебных пособий по различным аспектам взаимодействия международного и российского права, так как эта проблематика сейчас наиболее актуальна”.



ГАВРИЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
(Владивосток)

Родился в г. Находке Приморского края 16 сентября 1963 г.

В 1985 году окончил с отличием юридический факультет Дальневосточного государственного университета — ДВГУ (г. Владивос-

ток), в 1994 году — аспирантуру Казанского государственного университета, где защитил диссертацию на тему “Акты ООН о правах человека и международный механизм их имплементации”. Кандидат юридических наук, доцент.

В 1995 году был избран заведующим кафедрой международного права и деканом международно-правового факультета Юридического института ДВГУ.

В.В. Гаврилов является одним из разработчиков Устава Приморского края. Он имеет более 20 учебно-методических и научных публикаций по актуальным проблемам международного публичного и международного частного права. В 1997 году опубликовал учебное пособие “Международное частное право. Общая часть”. В 1998 году в издательстве ДВГУ вышла его монография “ООН и права человека: механизмы создания и осуществления нормативных актов”.

Принимал участие в работе научных, научно-практических и учебных семинаров в США (Сакраменто, 1992 г.; Сан-Диего, 1994 г.; Мэдисон, 1996 г.), Венгрии (Будапешт, 1997 г.), Франции (Страсбург, 1997 г.).

На вопрос редакции о том, что он считает наиболее значимым в развитии современной науки международного права, В.В. Гаврилов ответил: “Международное право нашего времени является по своей сути общедемократической нормативной системой. В его основополагающих источниках уже нашли закрепление многие общечеловеческие ценности. Поэтому главная задача заключается сегодня в обеспечении его примата над политикой, в повышении эффективности действия и гарантированности общеобязательности международно-правовых норм. Для этого необходимо постоянно “улучшать качество” правовой материи в различных отраслях международного права, расширять границы международно-правового регулирования, работать над совершенствованием механизмов воздействия международно-правовых норм на общественные отношения, возникающие как на межгосударственном, так и на национальном уровне, ужесточать меры контроля за соблюдением государствами своих обязательств в международной сфере. Во всестороннем теоретическом и практическом обеспечении этого процесса и заключается, на мой взгляд, задача современной науки международного права”.



ПАВЛОВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА
(Минск)

Родилась 2 июня 1940 г. в Москве.

В 1962 году закончила юридический факультет Белорусского государственного университета (БГУ), в 1964 году поступила в Москву в аспирантуру МГУ. В 1968 году защитила кандидатскую диссертацию на тему “Функции дипломатических представительств и их обязанности в отношении страны пребывания”.

В 1993 году принимала участие в международной конференции во Франции (Нантрё). Выступила там с докладом по вопросам гражданства и защиты национальных меньшинств по законодательству Белоруссии. В 1995—1997 годах являлась участником международной конференции в Париже по вопросам образования в области прав человека, проводившейся в течение ряда лет под эгидой ЮНЕСКО. В 1995 году была членом делегации от Белоруссии на конференции юристов-международников в Нью-Йорке, состоявшейся под эгидой ООН. В 1997 году ездила на конференцию в Гаагу по вопросам реституции культурных ценностей.

В настоящее время — доцент, заведует кафедрой международного права факультета международных отношений БГУ и руководит кафедрой ЮНЕСКО по правам человека в Республике Беларусь, член комитета Asser College Europe (Голландия) по международному публичному и частному праву.

Интерес к международному праву у Людмилы Васильевны проявился еще в студенческие годы. Тема ее дипломной работы была связана с Венской конвенцией 1966 года. Эта тема легла в основу ее будущей диссертации.

Отвечая на вопрос редакции, что она считает наиболее интересным и важным в международном праве, Л.В. Павлова говорит, что таковой является проблема соотношения международного и национального права, так как национальное законодательство лю-

бой страны обязано иметь в своей основе имплементированные в него нормы международного права, иными словами — те законы, которые сегодня выработаны всем международным сообществом. Другой значительной проблемой, по мнению Людмилы Васильевны, является умелое и обязательное применение международных норм защиты прав человека как во всех системах государственного механизма, так и на международном уровне.

Международное право имеет в жизни Л.В. Павловой определяющее значение. Вся ее профессиональная деятельность связана с ним, и всё то, чего она достигла в жизни, тоже благодаря ему.



ПАНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
(Москва)

Профессор кафедры международного права Московской государственной юридической академии (МГЮА).

Родился в 1934 году в г. Колпашево Томской области в крестьянской семье. С 1953 года — профессиональный военный. В 1956 году закончил Ленинградское военно-инженерное училище и проходил службу в должностях командиров и политработников. С 1964 года, после окончания военно-юридического факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина, служил в органах военной прокуратуры Сибирского военного округа. С 1969 года — на преподавательской работе. Кандидат юридических наук (1973 г.), заслуженный юрист РСФСР (1990 г.).

В.П. Панов является автором более 100 трудов и публикаций по вопросам военного и международного права. В последнее десятилетие его научные исследования связаны с преподаванием международного публичного и международного частного права (МЧП).

Большой популярностью среди студентов пользуются его книги “Международное частное право. Схемы и документы” (М., 1996), “Международное право. Учебные материалы” (М., 1997) и созданные с его участием учебные пособия “Международное частное право” (М., 1993), “Международное право в схемах и таблицах” (М., 1997 и изд. 2-е, доп., 1998). Он является соавтором нового учебника “Международное публичное право” (М., 1998).

Особое место в сфере его научных интересов занимает разработка и совершенствование новой для России отрасли международного публичного права — международного уголовного права. Этой проблеме посвящены две его книги: “Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями” (М., 1993) и “Международное уголовное право” (М., 1997). Они являются учебными пособиями специального семинара “Международное уголовное право”, который он организовал и проводит со студентами МГЮА.

В.П. Панов принимал активное участие в написании и обнародовании известных сегодня широкому кругу читателей справочных юридических изданий: “Международное право. Словарь-справочник” (М., 1996), “Большой юридический словарь” (М., 1997), “Энциклопедический юридический словарь” (М., 1997), а также в создании находящейся в печати трехтомной Российской юридической энциклопедии.

На вопрос редакции, каковы пути совершенствования преподавания международного права и каким ему представляется будущее международного уголовного права, Владимир Петрович ответил:

“Одной из задач Десятилетия международного права, объявленного Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году, является поощрение преподавания, изучения, распространения и более широкое признание этой дисциплины. В 1991 году ООН одобрила Программу помощи ООН государствам в этой области. Она известна преподавателям, и в ней изложен ответ на вопрос. Наши задачи более конкретны. Во-первых, это — совершенствование учебных программ, которые отличаются разнообразием и существенными проблемами.

Почему доктрина едина, а в программах разноречива? За основу должны браться методические разработки МГЮА и других ведущих вузов страны, где трудятся ученые-международники. К примеру, в 1998 году в соответствии с программой курса создан учебник “Международное публичное право” под редакцией К.А. Бекашева,

в котором по-современному изложены вопросы Общей части, унифицированы такие институты и отрасли, как право внешних сношений, содружество независимых государств, международное процессуальное право и др. Во-вторых, это — преподавание МЧП. Известно, что международное право как особая правовая система состоит из двух частей: международного публичного и МЧП. Однако, как правило, МЧП преподается на кафедрах гражданского права. Давно прошли времена, когда в основе МЧП лежали коллизионные гражданско-правовые нормы. Сегодня многие из них переключаются в другие отрасли частного права и международные договоры, которые становятся основным источником МЧП. А это не профиль цивилистов. Отсюда — недооценка и низкое качество преподавания МЧП, которое является “высшей математикой” всей юриспруденции.

Считаю целесообразным включение в наш курс новой отрасли — международного военного права. Сегодня его нормы разбросаны по другим отраслям, и предметом регулирования станут отношения, связанные с международным военным строительством, комплектованием и деятельностью Вооруженных сил ООН, региональных воинских формирований, применением оружия в “горячих точках”; военное сотрудничество СНГ, законы и обычаи войны, международные военно-политические организации и т.п.

Что касается международного уголовного права, то это самая динамичная отрасль. Сегодня преступность в мире, по сведениям ООН, ежегодно растет на 5%, для нее нет государственных границ. Особенно это относится к транснациональным преступным организациям, которые в своем развитии постоянно опережают национальные правоохранительные органы. Отсюда — необходимость постоянного расширения сотрудничества государств путем совершенствования договорной базы и улучшения деятельности специальных подразделений ООН, Интерпола и других международных организаций. Примером может служить Римская дипломатическая конференция полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда, которая в июле 1998 года приняла его Устав, открытый для подписания и ратификации. Устав будет юридической базой совершенствования договорных норм, направленных на усиление борьбы с преступлениями против международного права”.



САФИН ФАНИЛЬ МАСГУТОВИЧ
(Уфа)

Родился 1 мая 1961 г. в Башкирской АССР. В 1979 году окончил техникум физической культуры. Работал в производственном объединении “Сода” г. Стерлитамак. С 1980 по 1982 год служил в Советской Армии. После демобилизации поступил в Башкирский государственный университет, который окончил в 1987 году. В этом же году был избран судьей Абзеликовского районного суда, а позднее председателем этого же суда.

В сентябре 1996 года Фаниль Масгутович Сафин становится министром юстиции Республики Башкортостан. В настоящее время также является представителем правительства в Законодательной палате Государственного собрания Республики Башкортостан.

Автор ряда публикаций, среди которых преимущественно монографии и статьи. Много времени уделяет решению проблем правовых реформ как на уровне Республики, так и на уровне Федерации.

Участвовал в ряде международных конференций и семинаров, в частности во Всероссийской научно-практической конференции “Всеобщая декларация прав человека и Россия” (Москва, 23—24 ноября 1998 г.), в Международной конференции, посвященной 50-летию подписания Всеобщей декларации прав человека, которая была проведена 16—17 ноября 1998 г. в Уфе. На этой конференции Сафин выступил с докладом “Защита прав граждан в деятельности судебных и правоохранительных органов”.

На вопрос редакции о роли такого рода конференций в его жизни Ф.М. Сафин ответил следующее: “Роль огромна как для меня, так и для Республики Башкортостан. По роду своей деятельности мне представляется возможность общаться с видными учеными, представителями различных международных организаций, таких, например, как ООН, Совет Европы и т.д., а полученный опыт и знания использовать непосредственно в работе”.



СКАЧКОВ НИКИТА ГЕННАДЬЕВИЧ
(Москва)

Родился в 1972 году в Москве. В 1994 году закончил Московскую государственную юридическую академию (МГЮА). С 1994 по 1997 год — ее аспирант. В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию по правовой природе международных договоров РФ в области налогообложения иностранных физических и юридических лиц. В настоящее время работает старшим преподавателем кафедры международного права МГЮА.

Н.Г. Скачков имеет ряд публикаций, исследующих различные международно-правовые вопросы налогообложения. Среди них — формы международного сотрудничества Российской Федерации в сфере устранения избыточного налогового бремени; правовые проблемы, возникающие при налогообложении иностранных компаний, которые действуют на территории России; отдельные аспекты процедуры признания в качестве налогоплательщика и последующего налогообложения иностранных физических и юридических лиц, постоянно проживающих и, соответственно, пребывающих на территории России. Работы по налогообложению иностранных физических лиц подготовлены им в соавторстве.

Научная концепция диссертационного исследования и тематика публикаций надолго предопределили сферу научных интересов Н.Г. Скачкова. Это по-прежнему международно-правовое регулирование налогообложения, в частности такой вопрос, как очевидное соотношение двух средств правового регулирования налогообложения — международного договора и внутригосударственного нормотворческого акта. Н.Г. Скачкову также представляются весьма интересными такие темы научных изысканий, как проблема существования оффшорных зон и оффшорных компаний и теснейшим образом связанная с ними проблема налогового планирования.

Отвечая на вопрос редакции о перспективах преподавания международного права, Н.Г. Скачков предположил, что перспективы преподавания международного права, несомненно, существуют. Представляется, что, в сущности, перспективна идея сочетания фундаментального классического подхода к преподаванию международного права с широким применением разветвленной системы спецкурсов и спецсеминаров, таких как, например, “международное налоговое право”, “международное таможенное право”, “правовые основы инвестиционной политики”, “налогообложение наследств, получаемых иностранными гражданами-резидентами и не резидентами в РФ”, где нормы и стандарты международного права исследуются не опосредованно, а через призму их взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами (отраслями права применительно к МЧП).

Правовая база перечисленных выше проблем нередко противоречива и непрерывно совершенствуется, сохраняя свою актуальность. Кроме того, такой подход, вероятно, позволил бы повысить интерес к международному праву вообще и особенно у той категории студентов-юристов, которые считают, что коль скоро они выбрали специализацию, далекую, допустим, от государственного права и от цивилистики, то и потребность в изучении международного права для них невелика.



РОВНЕЙКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
(Ижевск)

Родилась в 1970 году в г. Ижевске.

В 1987 году окончила школу и поступила на юридический факультет Удмуртского государственного университета. Закончила его с отличием, а затем поступила в аспирантуру. Однако большая пре-

подавательская нагрузка вынудила ее перейти в заочную аспирантуру.

В преподавании специализируется на уголовном процессуальном праве. Диссертация "Сравнительное правоведение: морское пиратство в рамках преступлений против общественной (общей) безопасности" явилась отражением давнего увлечения морским правом.

Является автором более 20 работ, основными темами которых были борьба с преступностью, соотношение международного и национального уголовного законодательства.

Принимала участие во многих международных семинарах. Наибольший интерес у нее вызвала Нижегородская конференция (1997 г.), где рассматривались вопросы взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Периодически консультирует работников прокуратуры Удмуртии по вопросам применения норм международного права в уголовных делах.

Замужем, имеет сына.

На вопрос редакции о том, какое, с ее точки зрения, значение приобретает международное право в нашем обществе, Вера Владимировна Ровнейко ответила, что международное право стало эффективнейшим инструментом для разрешения международных споров и конфликтов.

Книжная полка

СЕРЬЕЗНОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Калугин В.Ю., Павлова Л.В., Фисенко И.В. **Международное гуманитарное право (учебное пособие)**. — Минск, 1998. — 175 с.

Белорусские коллеги подготовили серьезное научное исследование, которое сами представляют как “учебное пособие” (очевидно, чтобы облегчить издание). Конечно, книга будет использоваться и в таком качестве. Но она решает и другие, более сложные задачи. Издание суммирует то, что сделано в этой области в Белоруссии, у нас и за рубежами наших стран.

Книга оказалась у меня как раз в дни, когда США и Великобритания “допустимыми средствами и методами войны” уничтожали в Багдаде “недопустимые”. Удивительно одно: государственные деятели и СМИ, справедливо возмущаясь грубейшими нарушениями Устава ООН и норм международного права, практически не вспоминали о вопиющих нарушениях норм гуманитарного права. Или прицельное бомбометание, снижая число жертв на порядок, делает уже ненужным гуманитарное право? Похоже, что “право прав человека” действительно оттеснило на второй план гуманитарное право, о чем идет речь в книге. Детально ознакомиться со всеми поднятыми в книге проблемами пока не представилось возможным. Наше внимание привлекли два вопроса: определение гуманитарного права и проблема его имплементации в невоенное время.

Как известно, существует широкое и узкое толкование понятия “международное гуманитарное право”. Первое включает в себя проблемы защиты прав человека в любое время, второе — лишь нормы, имеющие целью гуманизацию вооруженных конфликтов.

При определении гуманитарного права авторы солидаризируются с профессором В.В. Пустогаровым и определяют эту отрасль права следующим образом: гуманитарное право — система юридических принципов и норм, применяемых как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права по запрещению или ограничению применения определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечению прав человека в ходе борьбы и определенную ответственность за нарушение этих

принципов и норм. Авторы справедливо дополняют приведенное определение указанием на то, что это право выполняет и “организационную функцию”. Таким образом, по мнению авторов, международное гуманитарное право — такая система международно-правовых норм, которая не только направлена на защиту прав человека в экстремальных ситуациях, но и содействует их соблюдению в будущем посредством внутреннего законодательства или “согласования на международном уровне” еще в мирное время.

Шумная “борьба” за права человека нередко имеет своим результатом раздувание противоречий между народами, подталкивает к предъявлению требований, которые подчас невозможно выполнить. Сегодня главное — не борьба за права, а недопущение нарушений уже обретенных прав.

Для того чтобы подобные задачи решались, Женевские конвенции 1949 года требуют от государств уже сегодня “соблюдать” и “заставлять соблюдать” нормы, записанные в этих документах (ст. 1). Необходимо также изучить свои законы и предусмотреть уголовное наказание за деяния, которые в чрезвычайных условиях приобретают характер преступлений. Авторы рекомендуют проанализировать, в какой мере законодательство, международное и собственное государства, удовлетворяет указанным требованиям, подготовить соответствующие законы и дополнения к существующим. Это огромная работа. Она должна вестись и на международном уровне, и на государственном.

На международном — сделано немного, но постепенно эта работа расширяется. В соответствии со ст. 90 дополнительного Протокола I создана международная комиссия по установлению фактов. Еще несколько аналогичных комиссий образовано по решению Совета Безопасности ООН. Но они фактически ничего не сделали ни для предотвращения трагических событий в Сомали, Югославии и Центральной Африке, ни для наказания виновных. Авторы пишут об этом с беспокойством и возлагают надежды на Международный уголовный суд, создание которого, как представляется, приближается к завершению.

Значительный интерес представляет законодательская деятельность в рассматриваемом плане на государственном уровне в самой Белоруссии. Ее Конституция признает приоритет общепризнанных норм международного права и обеспечивает соответствие им национального законодательства (ст. 8). Этому в немалой степени содействуют юристы. На личный состав вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта распространяется “статус военнослужащих” (закон “О статусе военнослужащих”); запрещается отдавать приказы военнослужащим “в нарушение действующего законодательства и международных обязательств Республики Беларусь” (п. 2

ст. 23 того же закона); “при организации и осуществлении обороны Республики Беларусь соблюдаются нормы международного права и договоры, участницей которых она является” (ст. 20 закона “Об обороне”). Положения, направленные на имплементацию гуманитарных норм, включены также в законы “О гражданстве” 1991 года, “О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства” 1993 года, “О беженцах” 1995 года и др.

Хочется еще раз подчеркнуть, что белорусскими коллегами проделана огромная работа по имплементации международного гуманитарного права. С аналогичными проблемами, но в еще более сложной обстановке, сталкиваются органы власти и в других государствах СНГ. Ведь Белоруссия, как и Украина, уже с 1944 года выступает на международной арене и имеет богатый опыт, а у других такого опыта нет. Значительный интерес рецензируемый труд представляет и для специалистов Российской Федерации.

Г.Б. Старушенко,

член-корреспондент РАН

(подробнее об авторе см. № 3—4 нашего журнала за 1991 г.).

Рецензия поступила в редакцию в ноябре 1998 года.

“СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО”: УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА ИЛИ ПОЛЕЗНЫЙ СПРАВОЧНИК?

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — В 2-х томах. — Пер. с нем. — М., 1998.

По мнению авторов, “задача данной книги заключается в том, чтобы ознакомить читателя с основами сравнительного правоведения... содействовать углублению взаимопонимания юристов различных стран и более тесному их сотрудничеству, а также внести свой посильный вклад в создание правовой основы демократических реформ, осуществляемых в России” (с. 6).

Если не реагировать на желание авторов внести свой вклад в несуществующие реформы в России, то, не кривя душой, следует сказать, что на суд читателя вынесена серьезная монографическая работа, в которую вложен немалый труд авторов издания и его переводчика. Нельзя не согласиться с тем, что в данном издании комплексно представлены правовые системы современного мира в области частного права и сделан интересный экскурс в историю становления и развития частного права.

Издание состоит из двух томов. В первом томе, состоящем из двух разделов, рассматриваются общие положения “сравнительного права” и дается обзор основных правовых систем мира; во втором — договор, неосновательное обогащение и деликт. Сразу же следует оговориться, что рецензент, ознакомившись с результатом большого и действительно интересного и очень полезного труда авторов и переводчика, не колеблясь зачислил себя в ряды сторонников сравнительного правоведения. Именно поэтому трудно пройти мимо невольно бросающихся в глаза (скажем мягко) неточностей и нестыковок, в первую очередь в понятийном аппарате.

Итак, название труда приглашает читателя ознакомиться с “введением в сравнительное правоведение”, содержание же труда посвящено “сравнительному праву”. Даже не посвященному в тонкости юридических наук читателю вряд ли стоит доказывать, что правоведение и право — это далеко не одно и то же. С точки зрения рецензента, термин “сравнительное правоведение” наиболее точно отражает суть той области юридического знания, за всемерное развитие которой выступают авторы и переводчик. К сожалению, в юридической литературе уже появился термин “сравнительное право”. Термин не только спорный, но методологически бессмысленный.

Не удивительно, что, дав § 1 название “Понятие сравнительного права”, авторы так и не смогли сформулировать это понятие. “Предполагается, — пишут они, — что под этим термином имеется в виду применение сравнительного метода при изучении права как объекта интеллектуальной деятельности” (с. 8). Но ведь изучение права — это не что иное, как правоведение, объектом которого является право, в том числе и “сравнительное право”, если бы такое существовало.

Уточняя самих себя, авторы на с. 9 пишут: “Так что словосочетание “сравнительное право” есть не что иное, как сравнение различных правовых систем, существующих в государствах мирового сообщества”. И опять та же нестыковка, так как сравнение правовых систем и право как система норм — это далеко не одно и то же. Более того, на с. 26 авторы говорят о “сравнительном праве” как о научном методе юриспруденции, окончательно запутывая читателя.

Эти вольности пытался исправить уважаемый переводчик, заменив в названии издания термин “сравнительное право” на “сравнительное правоведение”. Однако сделать такую же правку текста, видимо, не решился. А жаль. Ведь не случайно многие ученые рассматривают науку как систему научных понятий, терминов. Поэтому отработка понятийного аппарата науки всегда, когда речь шла не о пускании пыли в глаза заумными терминами, являлась чрезвычайно ответственным делом.

К сожалению, в данном издании этот методический подход в полном объеме соблюден не был. В результате читатели постоянно

встречаются с различными по языковой форме и едиными по содержанию понятиями: “сравнительное исследование” и “компаративистское исследование”, “правовая система” и “правовая семья” и др.

Все это можно было бы отнести к разряду достаточно часто встречающихся ошибок при переводе иностранных текстов, если бы не шла речь о создании новой учебной дисциплины — “Сравнительное правоведение”. А ведь именно так ставится вопрос в рецензируемом издании. Авторы сетуют на то, что со времени, когда Ламбер в 1900 году призвал предоставить в учебных программах место для сравнительного правоведения, радикальные изменения учебных программ “еще ждут своего часа” (с. 12).

Опыт преподавания сравнительного правоведения в ФРГ позволил выявить и осмыслить проблемы, возникающие при организации преподавания данной дисциплины. На первое место среди этих проблем выходит постоянно увеличивающийся объем юридических знаний, что существенно отягощает учебную программу и нагрузку студентов, интеллектуальные возможности которых далеко не безграничны. Существенной проблемой остается определение предмета и, следовательно, содержания учебной дисциплины. По мнению авторов издания, учебник по сравнительному правоведению должен содержать “подходы и критические аргументы, с помощью которых студент сможет наглядно и живо представить конкретную проблему и сформулировать ее решение, которое наилучшим образом отвечало бы заданной ситуации” (с. 39). А для этого, считают авторы, “национальные учебники должны быть переписаны заново с учетом сравнительно-правового метода” (там же). Можно понять стремление авторов расширить кругозор будущих юристов, но вряд ли стоит следовать предлагаемым ими путем, хотя бы потому, что юрист должен в первую очередь досконально знать право своей страны и уметь применять на практике нормы национального права.

Думается, что уважаемые авторы подобным максимализмом лишь создают сравнительному правоведению дополнительные проблемы. Видимо, мечты Ламбера о “вселенском праве” не дают покоя его последователям, мешают трезво оценить достоинства сравнительного правоведения и его практическую значимость. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не понимать, что расширение сферы действия международно-правовых норм и их влияние на национальные правовые системы будут возрастать и содействовать интернационализации отдельных отраслей права, но “вселенское” или “всемирное” право было и останется уделом мечтателей.

Все сказанное не умаляет, однако, проделанную авторами и переводчиком работу, и если оставить высказанные сомнения в стороне, то без преувеличения можно говорить о серьезном труде, который заслуживает высокой оценки и того, чтобы с ним ознакомились те,

кто еще не застыл в рамках своих юридических знаний. Российские специалисты во всех отраслях производства и науки всегда отличались широким кругозором и любознательностью. Данное издание рассчитано именно на людей ищущих и умеющих ценить чужой труд.

В.П. Филатов,

кандидат юридических наук

(подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1997 г.).

Рецензия поступила в редакцию в декабре 1998 года.

ЕЩЕ ОДИН ДОБРОТНЫЙ УЧЕБНИК

Международное публичное право (учебник)/Под ред. К.А. Беляшева. — М., 1998. — 608 с.

В творческой жизни кафедры международного права Московской государственной юридической академии произошло давно ожидавшееся событие: вышел в свет подготовленный коллективом ее преподавателей новый учебник по международному публичному праву. Знаменательность этого события заключается, в частности, в том, что оно завершает более чем десятилетний период, в течение которого огромная армия студентов, аспирантов, работников вузов, учреждений и организаций, связанных с внешней политикой, торговлей, с реализацией предписаний международного права во внутригосударственной области, могла черпать знания из изданного этой же кафедрой (правда, еще в рамках существовавшего тогда Всесоюзного юридического заочного института) предыдущего учебника по данной дисциплине.

Однако важность происшедшего события определяется не обстоятельствами юбилейного порядка, не относительно большим объемом новой книги (более 40 печатных листов) или ее полиграфическими достоинствами, а ее содержанием: в этой книге авторскому коллективу удалось убедительно показать, что современное международное право — это право, покоящееся на признании взаимозависимости всех членов международного сообщества, “на признании того факта, что обеспечение каждому народу своего пути развития, его экономической, политической, военной безопасности, уважение самобытности каждой страны, большой или малой, отвечает национальным интересам любого государства, интересам человечества в целом” (док. ООН А/АС.6/41/5).

Такой подход к освещению уже кодифицированных отраслей и институтов международного права дает читателю новой книги возможность во всей полноте, углубленно и, главное, объективно по-

стичь существо регулирования правоотношений, складывающихся между субъектами этой правовой системы, без бесплодных блужданий среди устаревших либо изначально неверных идеологических постулатов и конъюнктурных политических установок. Можно смело говорить о том, что методологическая база нового учебника — реалистический показ процессов, происходящих в межгосударственной сфере, и истинной роли юридических механизмов в управлении этими процессами — способна обеспечить подготовку специалистов высококвалифицированных, информированных о тонкостях самых неожиданных поворотов международных отношений, ориентирующихся в колоссальном множестве нормативных актов, применимых к таким отношениям.

К числу несомненных достоинств нового учебника должна быть отнесена новизна рассмотрения многих узловых проблем международно-правовой науки, остающихся и сегодня дискуссионными, причем эта новизна является результатом многолетнего позитивного опыта преподавания международного права с учетом интеллектуального потенциала и прикладных запросов нынешней вузовской аудитории. В качестве примеров здесь можно указать на обновленную трактовку вопросов периодизации истории развития международного права, классификации его основных принципов, взаимовлияния международной и внутригосударственной правовых систем; в принципе по-новому освещены проблемы международной правосубъектности индивидов, объектной составляющей международного экономического права, некоторые аспекты правового положения отдельных пространств и сфер. В главе “Международное экологическое право” изложены новые принципы этой отрасли права. Появилась новая глава, ранее не встречавшаяся в учебниках по международному публичному праву, — “Международное процессуальное право”. Не приходится уже и говорить о существенно обновленном массиве нормативного материала, лежащего в основе правового регулирования в рассматриваемых отраслях международных отношений, причем особо следует отметить, что авторами использованы не только новейшие международные, но и многочисленные внутригосударственные нормативные акты, принятые в самое последнее время (на момент выхода учебника из печати) в России и за рубежом.

Достоверный, четко прокомментированный нормативный и фактологический материал, непредвзято освещаемые спорные моменты доктрины международного права да и весь учебник в целом — бесспорная удача авторского коллектива кафедры, с которой его следует поздравить.

К сожалению, книга не лишена отдельных досадных недостатков:

— не получила развернутого освещения проблема вспомогательных источников международного права, к которым современная

доктрина с полным основанием относит не только перечисляемые в ст. 38 Статуса Международного Суда ООН, но также резолюции международных организаций, национальное законодательство и решения национальных судебных инстанций;

— оставлена без внимания проявившаяся в международном праве тенденция придания международным организациям многоцелевой направленности и негосударственных функций, как это имеет место на примере Европейского Союза и отчасти СНГ;

— в главе “Международное экономическое право” желательно было бы прочитать о правовых проблемах, встающих перед Россией в связи с возможностью вступления ее во Всемирную торговую организацию.

Несмотря на эти пробелы, думается, что юридическая общественность нашей страны с большим удовлетворением воспримет и высоко оценит очередной солидный вклад Московской юридической академии в науку международного права.

А.А. Ковалев,
доктор юридических наук,
профессор Дипломатической академии МИД РФ
(подробнее об авторе см. № 4 нашего журнала за 1994 г.)

Рецензия поступила в редакцию в октябре 1998 года.

УНИКАЛЬНЫЙ СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Международное частное право. Сборник документов. — М., 1997. — 973 с.

Международное частное право как комплексная отрасль права включает в себя большое число международно-правовых актов. Долгое время они были мало известны широкому кругу общественности. И лишь в последние годы появилось несколько сборников документов по международному частному праву. Безусловно, пальму первенства следует отдать рецензируемому сборнику. По широте охвата институтов международного частного права, наличию сведений справочного характера, качеству исполнения данный сборник не имеет аналогов.

Составили сборник доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московской государственной юридической академии, заслуженный юрист Российской Федерации, член Постоянной палаты Третейского суда ООН, арбитр Международного арбитража ООН по морскому праву К.А. Бекашев и директор Правового департамента МИД России А.Г. Ходаков.

Авторы сборника документов написали к нему вступительную статью, в которой затронули ряд дискуссионных вопросов относительно правовой природы, предмета, названия и сущности международного частного права. На этом следует остановиться более подробно.

Во-первых, авторы полагают, что международное частное право является прежде всего международным. Предметом его регулирования являются общественные отношения, которые выходят за пределы одного государства. Поэтому международное частное право наиболее тесно взаимодействует с международным публичным правом. Почти все нормы международного частного права создаются государствами или межгосударственными организациями и закрепляются в договорах или унифицированных кодексах, правилах, руководствах, наставлениях и т.п. Как правило, эти нормы имплементируются путем применения основных положений таких отраслей внутреннего государственного права, как гражданское, семейное, трудовое, предпринимательское, процессуальное и др.

Мнения российских и зарубежных авторов относительно отождествления международного частного права с гражданским или коллизионным правом К.А. Бекяшев и А.Г. Ходаков не разделяют, так как это лишает международное частное право качества международного права. Нельзя сводить международное частное право к конгломерату учебной дисциплины "Гражданское и торговое право зарубежных стран".

На взгляд авторов рецензируемого сборника, правовая природа международного частного права четко определена в п. 1 ст. 7 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года. Там говорится, что при толковании Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле. И только при невозможности решить вопрос на основе содержащихся в самой Конвенции предписаний и принципов следует руководствоваться правом, применимым в силу норм международного частного права. Под такими же нормами, как полагают специалисты, понимаются соответствующие коллизионные нормы, отсылающие к применимому материальному праву. Во-вторых, составители сборника полагают, что недостаточно включать в международное частное право только нормы, регламентирующие гражданские, трудовые, предпринимательские, семейные, транспортные и иные отношения с иностранным элементом. Они считают, что предметом правового регулирования международного частного права являются также отношения в валютной, финансовой, налоговой и таможенной сферах.

Следует обратить внимание на определение, которое дают К.А. Бекяшев и А.Г. Ходаков международному частному праву. Это

совокупность принципов и норм, регулирующих отношения частного-правового характера между физическими и юридическими лицами и/или государствами, в которых присутствует международный или иностранный элемент.

По-новому звучит мысль составителей сборника о едином для всех стран (по аналогии с международным публичным правом) международном частном праве. Сторонники концепции коллизионного характера международного частного права отождествляют его с внутригосударственным международным частным правом, наличие которого признается во многих странах, в том числе в России.

Документы международного частного права, представленные в сборнике, разбиты на девять глав. Первая глава посвящена понятию, принципам и источникам международного частного права. Здесь собраны такие уникальные международные договоры, как Устав Гаагской конференции по международному частному праву 1955 года, Кодекс Бустаманте 1928 года, Европейские конвенции об иммунитете государств 1972 года и об устройстве и предпринимательстве 1995 года. Представлены учредительные акты Международного морского комитета 1897 года, Международного института унификации частного права 1940 года, Международного банка реконструкции и развития, Международной финансовой корпорации, Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). В этой главе помещены также пять договоров и соглашений стран — членов СНГ и два законодательных акта Российской Федерации.

Во второй главе — “Международное торговое право” — читатель найдет девять источников. Среди них: Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 года, Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 года, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, Принципы международных коммерческих договоров (принципы ЮНИДРУА) 1994 года, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о закупках товаров (работ) и услуг 1994 г., три соглашения, заключенные в рамках СНГ, Федеральный закон Российской Федерации “О государственном регулировании внешнеторговой деятельности” 1995 года.

Третья глава посвящена международному транспортному праву, кстати впервые представленному в международном частном праве. Здесь помещены 13 источников, в том числе девять универсальных договоров, один региональный договор — Европейское соглашение, касающееся работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки (ЕСТР), 1970 года с двумя поправками к нему, один договор, заключенный в рамках СНГ, два нормативных правовых акта Российской Федерации.

В четвертую главу — “Международное интеллектуальное право” — составители включили: Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 года, Конвенцию, учреждающую Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 года, Конвенцию ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 года, Евразийскую патентную конвенцию 1994 года, Закон Российской Федерации “О вывозе и ввозе культурных ценностей” 1993 года.

В пятой главе речь идет о международном авторском праве. Здесь мы найдем Всемирную конвенцию об авторском праве 1952 года, Конвенцию о международном праве опровержения 1953 года, Венскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений 1971 года, Соглашение о сотрудничестве государств — членов СНГ в области охраны авторского права и смежных прав 1993 года, Закон Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах” 1993 года.

В шестую главу — “Международное инвестиционное право” — включены: Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств 1965 года, Сеульская конвенция об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций 1985 года, Конвенция ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах 1995 года, Соглашение государств — членов СНГ о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности 1993 года, российский закон “Об иностранных инвестициях в РСФСР” 1991 года.

Весьма полно представлены международные договоры и внутреннее законодательство Российской Федерации в седьмой главе — “Международное семейное право” (14 источников). Среди международных договоров находим такие редкие, как Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц 1973 года, Конвенция о гражданских аспектах международного похищения детей 1980 года, Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 года.

В восьмой главе — “Правовая помощь” — напечатаны 13 источников, в том числе два универсальных, четыре европейских, два СНГ, один двусторонний, четыре нормативно-правовых акта Российской Федерации.

В девятой главе — “Международный гражданский процесс” — читатель найдет 19 источников, среди них три универсальных, один региональный, четыре документа международных организаций, три договора, заключенных в рамках СНГ, семь нормативных правовых актов Российской Федерации.

Сборник документов подготовлен на основе учебной программы Московской государственной юридической академии. Он содержит

наиболее используемые на практике и в учебном процессе международные конвенции и рекомендации авторитетных межгосударственных и неправительственных организаций. Многие из них впервые опубликованы на русском языке.

Следует выразить большую благодарность составителям за то, что они вслед за соответствующим сборником в двух томах по международному публичному праву взялись за составление этого сборника и сделали его очень качественным. Жаль только, что выпущен он сравнительно небольшим тиражом — всего 5 тыс. экземпляров.

Е.Г. Моисеев,

доцент кафедры международного права МГЮА,
кандидат юридических наук

(подробнее об авторе см. № 4 нашего журнала за 1998 г.).

Рецензия поступила в редакцию в апреле 1998 года.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Лукашук И.И. **Нормы международного права.** — М., 1997. — 322 с.

Новая работа И.И. Лукашука связана с глубоким исследованием сущности, структуры нормативной системы, ее целей и принципов, характерных признаков и видов норм и их взаимосвязи. Необходимость такого исследования обусловлена современными международными реалиями — сложившейся международной нормативной системой, представляющей собой совершенно новое явление большого исторического значения. Она основана на единстве международного сообщества, предполагающем создание нового мирового порядка со справедливыми и демократическими принципами и интернационального по содержанию. Это предполагает достижение более высокого, по сравнению с ныне существующим, уровня управления мировой системой, что потребует замены баланса сил балансом интересов — внедрения равенства прав и обязанностей государств, их ответственности, более высокого уровня совместимости их национальных систем, гармонизации общих и национальных интересов.

С учетом поставленных задач И.И. Лукашук определяет соотношение нормы и нормативной системы. Если первая является первичным элементом системы права, моделью отдельных отношений, то вторая выступает в качестве модели регулирования международных общественных отношений в целом. При оценке общей системы нормативного регулирования данных отношений важно установить

роль правовых и неправовых норм в этом регулировании. Правовые нормы обязательны для признающих их государств. В монографии И.И. Лукашука в связи с этим показана необоснованность понятия “необязательная правовая норма”. Вместе с тем он подчеркивает, что имеется значительное количество норм, имеющих значение для регулирования международных отношений, но не являющихся правовыми, — моральных, политических, организационных и т.п., которые в общенормативной системе могут являться идеальной типовой моделью поведения при определенных обстоятельствах. Отражая реальные международные отношения, норма может на них активно воздействовать. В свою очередь, развитие международных отношений определяет динамизм и структуру нормативной системы. Логика исследования подводит к необходимости более цельного и специального анализа понятия и содержания моральных, политических и организационных норм. В этом плане особый интерес представляют выделяемые в монографии политические нормы. Определение их характерных особенностей и места в общенормативной системе — несомненно непростая, но настоятельная задача.

Важным является и вопрос об общечеловеческих ценностях. И.И. Лукашук верно указывает, что эти ценности служат базой развития современной международной нормативной системы, особенно ее целей и принципов. Общечеловеческие ценности способствуют сближению политико-правового сознания различных государств и формированию “целостного всемирного сознания” (с. 66). Углубленная характеристика указанных ценностей могла бы более масштабно раскрыть причины согласования государствами целей и принципов названной системы. Проблема определения целей международной нормативной системы чрезвычайно важна: точное установление цели, которая отражается в нормах, есть одно из условий их эффективности. Эффективность нормативной системы зависит и от ее принципов, выражающих сущность этой системы. Как полагает И.И. Лукашук, к ним следует отнести принципы-идеи (гуманизм, демократизм, социальная справедливость и т.п.), политические принципы-нормы (неприменение силы, добросовестное выполнение обязательств по международному праву и т.д.). Последние обладают как политической, моральной, так и юридической силой.

Однако вряд ли является оправданным отождествление их роли с ролью таких норм, как справедливость, добросовестность, неупотребление правом, добрососедство и некоторые другие (с. 90—91). Последние, как правило, выступают либо в качестве составной части содержания основных принципов международного права, либо в качестве его отраслевых принципов. Так, добросовестность является элементом содержания принципа соблюдения международных

договоров, а положения, касающиеся справедливости и добрососедства, можно обнаружить в нормах такой отрасли международного права, как международное экономическое право.

Представляет интерес и анализ характерных особенностей норм международного права. В монографии обосновывается положение, согласно которому норма определяет меру обязательного или дозволенного поведения, единый общеобязательный масштаб при регулировании отношений субъектов. Юридическая функция норм связана с нормативным регулированием отношений между субъектами международного права, которые посредством нормы наделяются соответствующими правами и обязанностями. Норма, таким образом, выражает согласованное единство воли сторон при регулировании конкретного вопроса. Она есть результат соглашения субъектов (с. 115). Особенностью международно-правовых норм является и то, что большинство из них содержат лишь диспозицию, а санкция является для всей международно-правовой системы общей. Это не исключает санкций, которые могут быть предусмотрены отдельными договорами.

Важным является исследование универсальных (общих) норм. Одним из центральных выводов, содержащихся в монографии, является положение о том, что закономерной и основной формой существования этих норм является международно-правовой обычай (с. 144, 256). Согласно И.И. Лукашуку, обычные нормы есть основа общего международного права. В связи с этим следует оценить, по крайней мере, три аспекта данного вопроса. Первый аспект касается особенностей формирования обычая, второй — решающего условия для его создания, а третий — взаимодействия договорных и обычных норм.

Как полагает И.И. Лукашук, немногие общие договоры достигают универсального участия в них государств. Для того чтобы основная масса договоров приобрела качество универсальности, требуется помощь обычая. Посредством обычая договорные положения обретают характер норм общего международного права. В связи с этим для не участвующих в договоре государств нормы обязательны только как обычные, а для других — и как договорные. Обычные нормы после их закрепления в договорах продолжают существовать и в своем первоначальном качестве (с. 281). Однако данное положение больше подходит для случая, когда существующий обычай был затем определенными государствами воплощен в форму международного договора.

Представляется, что при другой ситуации, когда международный договор служит основанием для формирования международно-правового обычая, его положения приобретают обычно-правовое значение для тех государств, которые не участвуют в договоре. Что касается государств — участников договора, то вряд ли они автома-

тически становятся участниками соответствующего обычая, особенно в ситуации, когда договор впоследствии прекращает свое существование. Вероятнее всего, для подтверждения положений договора его бывшими участниками в качестве обычно-правовых норм необходимы соответствующая практика этих государств и признание ими характера юридической нормы (*opinio juris*) за положениями прекратившего свое существование договора.

В противном случае положения такого договора автоматически сохраняли бы для его бывших участников свою силу в форме обычая, что противоречило бы их интересам и их суверенной воле. В принципе, как признает И.И. Лукашук, договорные нормы более пригодны, чем обычные, для перестройки существующих и установления новых отношений (с. 305). Добавим, что далеко не всегда многоплановая, сложная по содержанию и детализированная (и даже) общая договорная норма имеет шансы быть признанной в качестве международно-правового обычая. Более того, история свидетельствует о возможности “вытеснения” определенных обычаев из международного права при помощи договорных норм.

С учетом сказанного представляется, что в определенных случаях международно-правовой обычай позволяет придать договорной норме универсальный характер, играя при этом лишь служебную роль в том смысле, что помогает участвовать в норме тем государствам, которые не являются участниками конкретного международного договора, не предопределяя при этом своего обычно-правового качества для самих его участников. Таким образом, не всегда форма правового обычая будет являться единственной при признании определенного правила в качестве общей нормы международного права.

Другой аспект, связанный с принципиальным условием формирования обычая, требует ответа на вопрос: необходимо ли для возникновения нормы международного права как универсальной (общей) нормы признание ее обязательной силы всеми без исключения государствами?

Ответ на этот вопрос будет отрицательным. Если не все, но подавляющее большинство государств, представляющее основные правовые системы и все континенты, участвует в международном договоре и в круг его участников входят субъекты, для реализации интересов которых положения договора играют особую роль, его можно признать универсальным. Признание нормы абсолютным большинством государств допустимо расценивать как принятие ее международным сообществом в целом. Из этого следует, что формой общих норм международного права помимо обычая может быть и международный договор. Истоки возникновения универсальной нормы и формы ее существования могут быть связаны как с международно-правовым обычаем, так и с международным договором.

Таким образом, источник возникновения общей нормы не связан исключительно с такой формой ее выражения, как обычай. Как отмечает и сам автор монографии, “принятие нормы международным сообществом в целом не означает полного единогласия его членов” (с. 236). Широкое представительное большинство государств, независимо от того, как оно оформлено — договором, обычаем или в результате взаимодействия последних, является решающим условием для создания общей нормы (с. 298).

Анализу еще одного из указанных аспектов — взаимодействия договора и обычая — в монографии И.И. Лукашука уделено значительное внимание. Он убедительно доказывает неразрывность связи договорных и обычных норм, необходимый уровень международно-правового регулирования и взаимодействие которых призваны обеспечить нормальное функционирование международного права (с. 277, 280). Договорные и обычные нормы имеют одинаковую юридическую силу и взаимно влияют друг на друга. Среди них следует выделить особую категорию норм — нормы, имеющие императивный характер (*jus cogens*). Это универсальные правила, принимаемые международным сообществом в целом, отклонение от которых недопустимо. Когда речь идет об императивных нормах как нормах, наделенных особой юридической силой, то для их принятия, признания и изменения требуется общее согласие всех государств.

Но и эти нормы закрепляются как международным договором, так и международно-правовым обычаем. Последний в достижении относительно таких норм общего согласия государств играет особую роль. И.И. Лукашук обстоятельно анализирует и другую разновидность международно-правовых норм общего международного права, и отклонение от них допускается путем создания партикулярной нормы — договорной или обычной (с. 236).

В целом материал, посвященный видам и формам норм международного права, особенно международно-правовым обычаям, привлекает широтой и глубиной анализируемых автором вопросов.

Работа И.И. Лукашука — новый шаг в фундаментальном исследовании норм международного права. Без сомнения, уровень обобщения и оценки исследуемых вопросов позволяет сделать вывод о высокой теоретической ценности монографии и возможности использования содержащихся в ней выводов в практической деятельности.

О.И. Тиунов,
доктор юридических наук, профессор
(подробнее об авторе см. № 4 нашего журнала за 1992 г.).

Рецензия поступила в редакцию в январе 1998 года.

ЯДЕРНЫЕ НАСЛЕДНИКИ СССР

О русском издании доклада “Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный контроль)”, подготовленном Монтеррейским институтом международных исследований (США) и изданном “Фондом Карнеги за международный мир”

“Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный контроль)” является очередным, пятым по счету выпуском доклада, который подготовлен “Фондом Карнеги за международный мир” и Монтеррейским институтом международных исследований (США). Доклад регулярно издается на английском и русском языках и бесплатно распространяется среди специалистов в области контроля над ядерными технологиями, ученых и представителей органов государственной власти России, Белоруссии, Казахстана и Украины.

Глобальные изменения, произошедшие в конце 80-х и начале 90-х годов в международных отношениях и в системе международной безопасности, привели к снятию угрозы военного противостояния между Западом и Востоком и тем самым к резкому снижению вероятности начала ядерного конфликта. Казалось бы, в подобной ситуации на фоне развития на общемировом уровне всех форм политического и экономического сотрудничества, в том числе и в военной сфере, в условиях продолжения процессов сокращения вооружений ведущими ядерными державами вопросы ядерной безопасности должны были бы отойти на второй план. Однако, как показал опыт последних лет, международное сообщество оказалось перед лицом новых угроз. Среди них одной из наиболее существенных и потенциально опасных для всего человечества является проблема нераспространения ядерных вооружений и используемых для их производства ядерных материалов и ядерных технологий. В то же время перед международным сообществом стоит задача создания цивилизованного международного рынка ядерных материалов, используемых в мирных целях, позволяющего соединить в едином целом принципы свободной торговли на недискриминационных условиях с жестким контролем за распределением и использованием ядерных материалов двойного назначения.

Актуальность проблем нераспространения ядерных материалов и оружия связана в том числе и с процессами, происходящими в настоящее время на территории бывшего СССР. Распад Советского Союза и образование на его территории 15 новых независимых государств, получивших ядерное наследство, сложная экономическая и политическая ситуация в них стали одним из факторов, влияющих

на стабильность в области ядерной безопасности и ядерного нераспространения. Именно мониторингу состояния дел в области контроля за ядерным оружием, нераспространением ядерных материалов и ядерных технологий, а также в области экспортного контроля в торговле ядерными материалами в четырех государствах СНГ — России, Белоруссии, Казахстане и Украине — посвящен доклад “Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный контроль)”. Он представляет комплексное и многоплановое исследование, сочетающее в себе различные аспекты проблемы. Доклад фактически является значительного объема структурированным справочником, содержащим информацию по международно-правовым рамкам обеспечения режима нераспространения, по вопросам участия четырех вышеупомянутых государств в международных соглашениях и в деятельности международных организаций в ядерной области. Он охватывает вопросы состояния дел на российско-американских ядерных переговорах, программы сотрудничества и технического содействия, а также проблемы экспортного контроля.

Структурно доклад “Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный контроль)” состоит из двух основных частей: “Ядерный статус”, “Экспортный контроль и чувствительный экспорт”.

Часть первая — “Ядерный статус” — посвящена исследованию следующих актуальных проблем.

Раздел “Объявленный статус четверки” (России, Белоруссии, Казахстана и Украины) рассматривает вопросы членства в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), отношения к договорам СНВ-1 и СНВ-2, сотрудничества с МАГАТЭ (в частности, в том, что касается Соглашения о гарантиях МАГАТЭ), вопросы членства в Группе ядерных поставщиков, Комитете ядерных экспортеров ДНЯО, в Режиме контроля за ядерными технологиями (РКЯТ), в договорах “О частичном запрещении ядерных испытаний” и “О всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний”.

Кроме того, подробно освещено состояние российско-американских переговоров по ядерной проблематике. В настоящее время Россия и США, как известно, ведут более десяти видов важных переговоров и консультаций по различным аспектам будущего ядерных вооружений и ядерных материалов. В ряде случаев предполагаются заключение в перспективе новых соглашений и разработка совместных программ сотрудничества. В докладе предпринята попытка свести в рамках единой таблицы сведения об истории, современном состоянии и перспективах подобных переговоров (в том числе переговоры по развернутым стратегическим наступательным вооруже-

ниям — СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3, переговоры по тактическому ядерному оружию, серию переговоров по расщепляющимся материалам — безопасность, прекращение производства, взаимные инспекции и т.д.).

Раздел “Состояние системы ядерных вооружений, объекты оружейных (расщепляющихся) материалов” содержит информацию о существующих в четверке стран объектах ядерных вооружений и объектах мирного использования ядерной энергии. Приводятся сведения о видах ядерных вооружений, средствах их доставки, дислокации, комментарии по международно-правовому режиму, регулирующему их использование на боевом дежурстве, процессы сокращения и уничтожения. Представлена обширная информация по ядерным объектам, связанным с использованием оружейных ядерных материалов (плутоний и оружейный уран), и по объектам, где предполагается возможность размещения или хранения соответствующих материалов. Даются ссылки на гарантии МАГАТЭ по поводу вышеупомянутых объектов и другие международно-правовые рамки международного контроля.

Раздел “Программы помощи на разоружение и уменьшение угрозы распространения” дает характеристику и содержит сведения по объемам финансирования (в том числе распределение по годам и конкретным проектам) программы, осуществляемой правительством США, по содействию России, Белоруссии, Казахстану и Украине в работах по денуклизации, демилитаризации и обеспечению предотвращения распространения ядерных вооружений и расщепляющихся ядерных материалов (“Программа по совместному уменьшению угрозы (СУУ)”, или “Программа Нанна—Лугара”), а также данные по программе “Инициатива по предотвращению распространения”, направленной на переориентирование деятельности ученых и инженеров в новых независимых государствах, ранее занятых в военном производстве. Приводится сводная таблица по финансовому и техническому содействию, предоставленному новым независимым государствам на цели разоружения и уменьшения угрозы ядерного распространения различными государствами и международными организациями.

Часть вторая доклада — “Экспортный контроль и чувствительный экспорт” — посвящена описанию существующих международно-правовых механизмов экспортного контроля (Договор о нераспространении ядерного оружия, Группа ядерных поставщиков, Режим контроля за ракетными технологиями) и вопросам участия в них четверки новых независимых государств. Приводятся также перечни нормативно-правовых документов России, Белоруссии, Казахстана и Украины по вопросам национального экспортного конт-

роля и даются краткие комментарии к ним. Содержится подробная информация о случаях хищения расщепляющихся материалов на территориях вышеупомянутых государств.

Достоинствами рассматриваемого исследования являются его прикладной характер и избранный авторами емкий способ изложения информации в виде логически сконструированных тематических схем. В то же время именно информационная направленность доклада в ряде случаев ставит вопрос о достоверности приводимых авторами сведений, особенно учитывая, что соответствующие данные часто носят конфиденциальный характер. Авторы и сами во вступительной статье признают, что в докладе могут иметь место определенные неточности и неполнота данных. Ссылки по тексту доклада говорят о том, что в ряде случаев информация черпалась из печати, а также сообщалась неофициально представителями государственных органов управления новых независимых государств, США и др. Представляется, однако, что приводимые данные являются, что называется, “наиболее достоверными из доступных”, учитывая значительное число и разнообразие использованных источников. Что касается сведений о современном состоянии договорно-правовой базы международного сотрудничества в ядерной сфере, то совершенно очевидно, что доклад является редким по практической ценности изданием. В нем описана и структурирована система международно-правовых актов в области контроля за ядерными вооружениями, материалами и технологиями, а также за их экспортом, причем, что особо важно, под углом зрения участия в них России, Белоруссии, Казахстана и Украины.

В целом положительно оценивая ценность подготовленного американскими специалистами доклада, при его использовании, на наш взгляд, необходимо критически подходить к содержащейся в нем информации. Хотелось бы также обратить внимание на то, что проблема ядерного нераспространения и контроля в государствах бывшего СССР является объектом пристального внимания и изучения со стороны Запада. То, что проводятся столь комплексные и дорогостоящие исследования, естественно и легко объяснимо с точки зрения необходимости обеспечения государственной безопасности. Однако тот факт, что соответствующее исследование переводится авторами на русский язык и регулярно издается, свидетельствует о действительно серьезной озабоченности в мире состоянием ядерного контроля на территории бывшего Советского Союза. Остается только сожалеть, что подобного рода исследования о положении дел в соответствующей области в США и других странах, в том числе в России и других новых независимых государствах, не публикуются российской стороной (естественно, в части, которая не является закрытой). Очевидно, что наличие различных источников позволив-

ло бы всем заинтересованным специалистам получить более объективную картину состояния и эффективности функционирования системы ядерного контроля и безопасности не только на территории постсоветского пространства, но и в общемировом масштабе.

В заключение хотелось бы еще раз отметить несомненную ценность представленного доклада и приветствовать его издание на русском языке. Содержащаяся в нем информация по вышеотмеченным направлениям может быть интересна как широкому кругу читателей, интересующихся проблематикой ядерного разоружения и контроля, так и специалистам, профессионально занимающимся данными вопросами, в том числе и в органах государственного управления России.

А.И. Шишаев,
кандидат юридических наук.

Рецензия поступила в редакцию в декабре 1998 года.

РОССИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИН*

Тарья Лангстрём**

Краткий обзор. В данной статье рассматривается развитие российской международно-правовой доктрины в период существования СССР и в годы “новой” России. Анализ предпринимается путем изучения двух учебников по международному праву, один из которых относится к советскому периоду, а второй был написан в постсоветское время. На первый взгляд, можно предположить, что глубокие социальные изменения, подобные тем, которые пережила Россия, отразятся на международно-правовых доктринах. Советская доктрина международного права утверждала, что придерживается марксистского взгляда на право. Однако теории базиса и надстройки, а также исторического материализма едва ли могут быть совме-

* Сравнительный анализ учебников “Международное право” под ред. Г.И. Тункина (М., 1982) и под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова (М., 1995). Наш журнал перепечатывает эту статью (пер. с англ.) из журнала “Нордик джорнал оф интернэшнэл ло” (1997. — № 66), выпускаемого в издательстве “Клювер Ло Интернэшнэл” (Нидерланды).

** Магистр права, докторант Института международного экономического права Университета города Хельсинки (Финляндия).

стимы с международным правом. Поэтому советские авторы занимались абстрактными размышлениями на предмет “сущности” и “природы” международного права. Более того, коммунистические положения вместе с крайним позитивизмом привели к методологической шизофрении в советской науке международного права. В настоящее время марксизм-ленинизм — явление прошлого, и социалистические догмы “мирного сосуществования государств”, принадлежащих к различным социально-экономическим системам”, а также “принципы социалистического интернационализма” потеряли смысл. Целью данной статьи является попытка установления того, в какой степени социальные изменения повлияли на современную российскую международно-правовую доктрину.

1. Введение

В течение последних десяти лет в России происходят глубокие социальные преобразования. Крушение европейских социалистических режимов привело к исчезновению идеологии, контролируемой государством, повлекло за собой создание общества, основанного на принципах плюрализма. Поскольку подобный процесс верно охарактеризован как переход от социалистической к свободной рыночной экономике, он, видимо, должен отразиться и на доктринах международных отношений и международного права. В течение периода существования Советского Союза советские авторы пытались представить международные отношения и международное право с точки зрения марксистской теории. Насколько им удалось обеспечить марксистскую трактовку права, остается предметом спора среди западных марксистов¹.

Целью данной статьи является рассмотрение развития российской международно-правовой доктрины за советский и постсоветский периоды. Попытаюсь установить, произошли ли изменения в доктринах, существует ли преемственность, в каком объеме произошли изменения, затронули ли эти перемены все аспекты международного права или только некоторые из них? Ответы на эти вопросы позволят получить информацию не только о существующей в настоящее время российской доктрине, но и о процессе ее эволюции. И если будет установлено наличие преемственности, это позволит определить, имеются ли в современной российской юридической науке “пережитки советской эпохи” или же взгляды никогда не были действительно марксистскими.

Советское международно-правовое мышление испытало множество изменений еще до начала периода перестройки. Прежде чем родилась риторика по поводу мирного сосуществования, потребова-

лось немало интеллектуальных усилий. Поэтому я кратко изложу эволюцию советской доктрины международного права с момента появления первых революционных идей до разработки догм мирного сосуществования и социалистического международного права². Период до перестройки может быть приблизительно разделен на три этапа³.

1.1. Революция и правовой нигилизм

В течение первых лет после Октябрьской революции Россия (а затем СССР) была изолирована от остального мира и ощущала угрозу с его стороны. Е.А. Коровин (1892—1964) был первым советским международником, который сформулировал новую радикальную позицию. В его книге “Международное право переходного периода” (1924 г.) излагается доктрина, которая отвергает универсальное международное право, признает классовую природу права, призывает к созданию социалистического международного права, по мере возможности избегая ссылок на буржуазное обычное право⁴. Однако Коровин понимал, что неразумно и даже невозможно отрицать все нормы традиционного международного права⁵. Например, для установления границ и защиты дипломатического статуса необходимо опираться на некоторые укоренившиеся международно-правовые нормы. Ранняя советская дипломатическая практика, как говорится у Коровина, способствовала формулированию нового права на краткосрочный переходный период между капитализмом и коммунизмом. Е.Б. Пашуканис (1891—1937) отрицал тезисы Коровина о том, что было создано новое право. В его работе “Очерки по международному праву” (1935 г.) праву присваивается роль инструмента продвижения политических целей как на национальном, так и на международном уровне⁶. Согласно его точке зрения, советское государство только использует формы буржуазного права, изменяя его содержание, в течение ограниченного периода времени, который необходим для достижения бесклассового общества и для отмирания государства и права⁷. Его взгляды были действительно революционными, поскольку ставили право в подчиненное положение по отношению к политике, и право рассматривалось как недостойное тех политических целей, которым служило. Пашуканис пришел к выводу, что, хотя капиталистическое и буржуазное право сходны по форме (например, в отношении таких понятий, как “суверенитет” и “вмешательство”), это внешнее сходство не мешает советской политике отличаться в принципе от политики капиталистических государств⁸. Согласно Кубалковой и Крущанку, такое положение сохранилось на многие годы и стало главной специфической чертой советской доктрины международных отношений⁹.

1.2. Стабилизация и правовой формализм

К началу 30-х годов начался период стабилизации. Произошел отход от марксистских принципов, правовой нигилизм остался позади¹⁰. Советский Союз стал полноправным членом международного сообщества, был принят в 1934 году в Лигу Наций и подписал ряд соглашений с зарубежными странами. В атмосфере возрастающего сотрудничества идеи Пашуканиса стали неприемлемыми. Он был обвинен в саботаже и правовом нигилизме, а в 1937 году внезапно исчез¹¹. Позицию создателя официальной доктрины взял на себя А.Я. Вышинский (1883—1954), который обвинил Пашуканиса в “подчинении права политике, в неспособности доказать приоритет национального над международным правом и, особенно, в непризнании позитивной роли СССР в процессе создания социалистического международного права”¹². Время изоляции прошло, целью доктрины стала защита системы строгого, обязательного права. Право стало классовым инструментом и отличалось от буржуазного права лишь тем, что само себя рекомендовало как инструмент, отражающий реальные интересы правящего класса. Но в то же время право стало именно тем, за что Маркс критиковал право капиталистических стран, то есть инструментом диктатуры¹³. Эти взгляды, однако, стали превалировать после второй мировой войны. Существование СССР рассматривалось как зависящее от сотрудничества с западными странами, вопрос о буржуазном и социалистическом международном праве имел важность лишь чисто академическую¹⁴.

1.3. Мирное сосуществование стран, принадлежащих к различным социально-экономическим системам, и международное право в отношениях между социалистическими государствами

В течение периода холодной войны большие усилия в работах советских юристов-международников были направлены на определение таких понятий, как “суверенитет” и “вмешательство”. Понятие “мирное сосуществование стран, принадлежащих к различным социально-экономическим системам” было сформулировано Г.И. Тункиным (1906—1993)¹⁵. Первое полное изложение советской теории международного права содержалось в книге Г.И. Тункина “Теория международного права” (1970 г.)¹⁶. Несмотря на то что в ранних работах советских юристов предсказывалось, что переход к мировому коммунизму произойдет за короткий период времени, Тункин оказался вынужденным признать, что он займет более длительный срок. Необходимо было создать теорию, согласно которой было бы возможно существование правовой системы государств с

различными социально-экономическими структурами. В то время как создание социалистического международного права стало лишь отдаленной целью, Советский Союз применял те нормы “буржуазного” международного права, которые соответствовали интересам советского государства. Это привело к методологической шизофрении в советской науке международного права: с одной стороны, доктрину пытались представить как революционную, защищающую социалистический интернационализм согласно марксистско-ленинской теории; а с другой — доктринальные позиции были сведены к классическим концепциям, таким как “суверенитет” и “верховенство закона” в том виде, в котором их понимали западные ученые в начале века¹⁷. В этом отношении советская доктрина позднего периода была более консервативной, чем существовавшие на тот момент западные учения.

1.4. Советское международное право 1982 года и российское международное право 1995 года

Я сделаю анализ двух типовых российских учебников по международному праву¹⁸. В разд. 2 данной работы рассматриваются общие теоретические вопросы, а в разд. 3 и 4 детально обсуждаются некоторые более конкретные вопросы¹⁹. Советская доктрина будет проанализирована на основе учебника “Международное право” под редакцией Г.И. Тункина, опубликованного в 1982 году²⁰. Поскольку данный учебник был издан в 1982 году, он не отражает тех изменений, которые принесла политика перестройки, начатая спустя некоторое время после издания учебника. Было бы несправедливо по отношению к авторам, которые опубликовали свои труды в области международного права в постидеологическое время, не отметить, что перестройка явно повлияла на правовое мышление как на практике, так и в доктрине²¹. Я выбрала советский учебник из всех доперестроечных работ в целях показать реальный контраст между двумя сравниваемыми книгами.

Российская доктрина будет рассмотрена на основе учебника с тем же названием — “Международное право” — под редакцией Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова, опубликованного в 1995 году²².

1.5. Рассматриваемые темы

Как советский, так и российский учебники содержат типичные для подобного рода учебников по международному праву темы. Оба отличаются от зарубежных учебников отдельным анализом принципов международного права. Согласно Г.И. Тункину, систематизация советского учебника основывается на марксистско-ленинской тео-

рии международного права, как она была сформулирована в СССР после второй мировой войны²³. Подобной же систематизации придерживается и российский учебник. Однако одно отличие очевидно. Основной идеей советского учебника был принцип мирного сосуществования стран, принадлежащих к различным социально-экономическим системам, а также существование международного права социалистических стран. Подобные положения отсутствуют в российском учебнике.

1.6. Ссылки

Оба учебника представляют собой издания, написанные несколькими авторами. Хотя ни один из авторов советского учебника не принимал участия в написании российского учебника, ссылки на юридическую литературу практически одни и те же. В российском учебнике в большинстве случаев ссылки делаются на научные труды, написанные в советский период российскими авторами.

В советском учебнике постоянно цитируются Маркс, Энгельс, Ленин и Брежнев, а также документы органов коммунистической партии. Только в нескольких местах имеются ссылки на международные юридические источники. В большинстве случаев аргументация приводится сама по себе, сносок не так много. Во многих местах подтверждением аргументации являются лишь марксистско-ленинские принципы. Обсуждение западных доктрин и авторов происходит постольку, поскольку речь идет об империалистическом или отсталом характере буржуазных правовых взглядов.

В российском учебнике не содержится сносок; вместо этого после каждой главы имеются контрольные вопросы и рекомендации по литературе. Причем рекомендуются труды только советских/российских авторов. Устав ООН и Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе являются одними из основных источников рассмотрения. Практика Советского Союза, а также заключенные СССР соглашения также иногда упоминаются. Ни один из учебников не воспринял значительного влияния западных школ. Оба учебника содержат огромное количество ссылок на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

2. Экскурс в некоторые фундаментальные положения

Позвольте мне перейти к определению ряда основных положений советской доктрины и установить, в какой степени, в сравнении с российскими взглядами, правовая позиция пережила социальные изменения.

2.1. История международного права

История, имеющая в марксизме особое значение, является подходящей стартовой точкой для анализа. В то время как в советском учебнике описанию истории развития международного права уделяется около 30 страниц²⁴, в российском учебнике данный вопрос вкратце освещен на стр. 7, 8 и 9²⁵. В советском учебнике история международного права выглядит как серия прогрессивных переходов от одной социально-экономической фазы к другой и начало новой фазы всегда расценивается как результат победы новой социально-экономической системы над старой²⁶. Признается, что западные теории не разделяют эту точку зрения. Этот факт, как указывает автор, является источником идеологической борьбы между социалистическими и капиталистическими государствами.

Российский учебник менее категоричен в своем подходе к истории международного права. Например, при описании его происхождения используется нейтральная аргументация “если, то”. Если, допустим, международное право рассматривать как право между народами, то можно предположить, что нормы международного права возникли до возникновения государств, если же международное право рассматривать как право между правительствами, то следует признать, что право появилось в процессе создания государств²⁷. Доказывается, что международное право не появилось на свет по воле определенных людей, групп или классов, а явилось следствием реальных процессов в обществе. По общему правилу, не производится деление истории международного права в соответствии со стадиями развития социально-экономических отношений. В российском учебнике предпочитают подразделять историю международного права по этапам развития международных отношений.

2.2. Природа международного права

2.2.1. Право как социальная деятельность

В советском учебнике отстаивается та точка зрения, что марксизм-ленинизм, или, иными словами, борьба между угнетаемыми и угнетающими классами, является философской основой современного международного права²⁸. Это является следствием попытки применения теории Маркса к международному праву. Согласно марксизму в основе экономического базиса лежит борьба между социальными классами и, будучи частями общественной надстройки, право и государство определяются экономическим базисом²⁹. Иначе говоря, экономический базис отражается и в праве. Но какой

же экономический базис отражался в международном праве в мире с диаметрально противоположными экономическими системами? Советским объяснением было разделение международного права на особенное и общее³⁰. Тункин начинает с заявления, что современное общее международное право не может быть социалистическим, поскольку на этой основе не может быть согласия между капиталистическими и социалистическими государствами. Социалистическое международное право может существовать только в отношении между социалистическими государствами (особенное международное право). Отношения между всеми государствами (включая страны, принадлежащие к различным социально-экономическим системам) регулируются новым, демократическим международным правом. Аргументируется это тем, что революция 1917 года возвестила новую эру в истории человечества. Была создана новая, прогрессивная форма международного права. В то время как капиталистическое или буржуазное международное право было основано на политике принуждения, новое международное право продвигало вперед такие прогрессивные принципы, как поддержание всеобщего мира, равенство государств и право народов на самоопределение³¹. Эта новая, демократическая отрасль права отражает различные экономические базисы. Однако утверждается, что действительное демократическое качество этих норм определяется степенью влияния прогрессивных или реакционных сил на их создание.

В российском учебнике отрицается классовый характер международного права, а также волюнтаризм советской доктрины³². Поддерживается точка зрения, что право — это надстройка, определяемая базисом. Однако теперь в качестве базиса выступают не внутренняя экономическая государственная структура и не международные экономические отношения, а международные отношения в комплексе. Базис международного права определяется социальной практикой, в которой воля государств — всего лишь один из элементов³³. Общей предпосылкой для права, как доказывается, являются воля не государств, а человечества, отношение людей к их среде обитания, разделение труда, создание новых государств и т.д. Также доказывается, что, как и все формы социального сознания, международное право объективно существует и отражает социальные противоречия (включая классовую борьбу), поскольку происходит взаимодействие точек зрения различных людей, групп и классов на международной арене. Государства, участвуя в международных отношениях, не только действуют согласно международно-правовым нормам, но и вносят в эти нормы необходимые пояснения, дополнения, поправки, а иногда даже создают новые нормы. В российском учебнике говорится о процессе создания “нового” международного

права. Указывается, что агностицизм и скептицизм в отношении международного права уступают место его международному признанию. Признается, что международное право существует независимо от субъективной воли людей³⁴.

2.2.2. Источники обязательств, норм

В советском учебнике доказывалось, что только государственная воля является предпосылкой создания международного права, появление международно-правовой нормы обусловлено совпадением воль государств³⁵. Международно-правовая норма — это конечный продукт согласования воль субъектов международного права. Тункин признает, что буржуазная доктрина содержит правильное положение о том, что только воля государств является определяющим фактором в создании международного права³⁶. Однако далее автор замечает, что буржуазная доктрина неверно представляет сущность “соглашения” и не показывает социального характера международного права. С другой стороны, марксистско-ленинская теория раскрывает сущность воль государств: в капиталистических странах это воля правящего класса, а в Советском Союзе — воля всего народа³⁷.

В российском учебнике утверждается, что только соглашение между субъектами международного права может создать международно-правовую норму, поскольку не существует власти, стоящей выше, чем государство³⁸; международно-правовая норма определяется как обязательное правило поведения, признанное государствами или другими субъектами международного права³⁹. Соглашение может быть явно выражено, когда норма закрепляется в конвенции, или подразумеваться, и тогда практика становится источником права⁴⁰. Международно-правовой обычай определяется как правило поведения, которое было сформулировано в процессе повторяющихся схожих действий и которое было признано обязательным для исполнения участвующими государствами⁴¹.

2.2.3. Источники обязательств, принципы

В советском учебнике одна из глав посвящена принципам международного⁴² права. Обсуждение принципов международного права выглядит несколько противоречивым в свете теории согласования воль, основанной на волюнтаризме. Получается, что принципы международного права существуют независимо от действий государств⁴³. Кроме того, принципы характеризуются как международно-правовые нормы и, по существу, говорится о том, что разница между нормой и принципом “условна”⁴⁴. Основные принципы современного

международного права разделяются на три категории. Во-первых, чем-то вроде верховного принципа является принцип мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Автор заявляет, что, поскольку основной проблемой переходного периода от капитализма к социализму является конфронтация между этими двумя социально-экономическими системами, главной задачей современного международного права является мирное сосуществование государств, принадлежащих к разным общественным системам. Во-вторых, выделяются пять принципов, касающихся поддержания международного мира и безопасности⁴⁵, и, в-третьих, шесть принципов международного сотрудничества⁴⁶. В книге доказывалось, что доктрина международного права, а также практика государств показывают, что принципы отличаются от других международно-правовых норм только тем, что они имеют более общий характер и регулируют основные вопросы международных отношений. Далее говорится, что практически все эти принципы либо включены в Устав ООН, либо подразумеваются в нем.

В российском учебнике международно-правовые принципы также излагаются в отдельной главе⁴⁷. Они вновь подразделяются на две категории: принципы совести и принципы права. К первой категории относятся моральные индивидуальные концепции, тем самым являющиеся субъективными, а ко второй — объективные универсальные нормы. Принципы рассматриваются как нормативное отражение объективных фактов, социальной практики и естественных процессов, определяющих развитие общества. Далее они определяются как основные правила поведения, созданные как следствие общей практики, как следствие согласования основ международного права и являющиеся безусловно обязательными для исполнения всеми государствами. Некоторые международно-правовые нормы называются принципами по историческим причинам⁴⁸. Кроме того, существуют принципы, которые по сравнению с другими международно-правовыми нормами имеют универсальное применение. К тому же существуют принципы, которые называются базовыми. Они являются основополагающими для всей международной системы. Принципы, заложенные в Уставе ООН, как раз являются именно такими, то есть базовыми нормами международного права. Первый и главнейший принцип советской доктрины — принцип мирного сосуществования — не упоминается без каких-либо комментариев. С другой стороны, концепция мирного сосуществования, видимо, распространяется на другие принципы. Теперь основополагающим принципом является принцип суверенного равенства государств⁴⁹. Все принципы, изложенные в советском учебнике, за исключением принципа разоружения⁵⁰, содержатся и в российском учебнике. Ссылки, как правило, здесь делаются на Устав ООН.

2.2.4. Промежуточные заключения о природе международного права, нормах и принципах

Тогда как советский учебник пытается сформулировать правовую доктрину, которая бы соответствовала марксистско-ленинской теории, в российском учебнике признается существование различных позиций и доктрин, и ничто из них не может рассматриваться как единственно верный подход. Судя по всему, доктрина, изложенная в российском учебнике, претендует на объективность и плюрализм. Оба учебника рассматривают право скорее как процесс, а не как правило⁵¹. В советском учебнике под процессом подразумеваются борьба и сотрудничество стран по согласованию воли, а в российском процесс рассматривается как взаимодействие множества субъективных и объективных факторов, которые непрерывно создают и формируют международно-правовые нормы.

В обоих учебниках только согласование воли государств рассматривается как необходимая предпосылка создания международного права. Но может ли воля некоторых государств создать обязательства для других стран? Такого, на первый взгляд, быть не может, поскольку нет власти, стоящей над государствами⁵². Но как же следует понимать “общее международное право” или международно-правовые принципы, постоянно упоминаемые в обоих учебниках? Оба эти учебника, хотя и в различной степени, приравнивают принципы международного права к нормам этого права. В обоих учебниках они рассматриваются как нормативные принципы с существенным содержанием. Ни в одном из учебников не содержится попытки обосновать данные принципы с точки зрения теории естественного права. В обоих учебниках международно-правовые принципы создают сеть универсальных базовых норм, которые по логической необходимости имеют преимущество над другими нормами. Следовательно, оба учебника признают подчиненность новых государств некоторым нормам международного права⁵³. В обоих учебниках ссылаются на Устав ООН как на кодекс международно-правовых принципов⁵⁴. В российском учебнике подразумевается, что “принципы” могут существовать как идеи, но для того, чтобы они стали применимыми, они должны быть конкретизированы в конвенциональной или в обычной норме международного права⁵⁵. В обоих учебниках представлена иерархия принципов. В то время как в советском учебнике принцип мирного сосуществования был основополагающим, в российском учебнике подобным принципом, похоже, является принцип суверенного равенства⁵⁶.

Советская доктрина международного права не преодолела двусмысленности в отношении исторического детерминизма — основной догмы марксизма. Несмотря на то что марксизм-ленинизм вос-

принимал будущее человечества как нечто предопределенное, международное право все же рассматривалось как результат добровольных действий⁵⁷. В российском учебнике, несмотря на то что отрицается теория волюнтаризма, международно-правовые нормы рассматриваются исключительно как результат согласования воль государств. Российская доктрина уделяет больше внимания “социальной практике” при определении права. Но поскольку воля, то есть сознательные действия, есть сама по себе социальный феномен, правовая концепция осталась неизменной⁵⁸.

2.3. Использование источников

В советском учебнике при рассмотрении источников международного права делается ссылка на ст. 38 Статута Международного Суда⁵⁹. Говорится, что, хотя формулировка этой статьи дает почву для разногласий, можно предположить, что все государства рассматривают данную статью как перечень источников международного права⁶⁰. Однако перечень не является исчерпывающим.

Российский учебник придерживается традиционного западного подхода, разделяя источники на формальные и материальные⁶¹. И только первая категория включает правовые нормы. Вновь делается ссылка на ст. 38 Статута Международного Суда.

2.3.1. Международные конвенции

Согласно советскому учебнику, подавляющее большинство международно-правовых норм содержится в договорах, заключенных между государствами⁶². “Договор” определяется как явно выраженное соглашение между двумя или более субъектами международного права⁶³. Устав ООН согласно его ст. 103 имеет преимущественную силу над всеми договорами⁶⁴.

В российском учебнике обсуждение источников также начинается с договоров⁶⁵. В них общие международные конвенции определяются как договоры, в которых участвуют или могут участвовать все государства и которые содержат обязательные для всего международного сообщества нормы, то есть нормы общего международного права.

2.3.2. Обычное международное право

В советском учебнике утверждается, что процесс создания обычной международно-правовой нормы, как и конвенционной нормы, состоит из двух этапов. Во-первых, происходит согласование воль государств в отношении правила поведения — обыкновение и, во-

вторых, согласование воли государств относительно данного обыкновения в целях признания его международно-правовой нормой⁶⁶. Согласно этой позиции завершение данных двух этапов означает подразумеваемое согласие между странами. Будучи подразумеваемым, данное соглашение не оформляется актом в письменном виде, и для установления существования обычая могут потребоваться решения Международного Суда, рекомендательные резолюции международных организаций и доктрины⁶⁷.

В российском учебнике придерживаются стандартной теории, требующей наличия двух элементов для определения обычного международного права: практики и судебного решения⁶⁸. Между тем данная позиция все-таки не лишена двусмысленности, так как двумя страницами раньше в российском учебнике была предпринята попытка также свести обычное право к молчаливому соглашению⁶⁹. Для преодоления сложностей при установлении новых норм обычного международного права используются дополнительные методы, такие как судебные решения, доктрины, резолюции международных организаций и односторонние действия государств. Хотя многие области международного права кодифицируются, подчеркивается, что обычное право сохраняет свое особое положение среди источников права.

2.3.3. Основные правовые принципы

В советском учебнике проводится различие между международно-правовыми принципами и принципами права. Принципы права рассматриваются вкратце, и говорится, что западная доктрина преувеличивает их важность⁷⁰. Акцент делается на неверном представлении западными школами, что право представляет общность идеологии, интересов и т.п.⁷¹ Ссылка на “цивилизованные страны”, содержащаяся в ст. 38 Статута Международного Суда, не признается. Видимо, автор принимает только те принципы права, которые являются логическими постулатами права во многих правовых системах, иными словами, такие правила, как *lex posterior derogat priori* и *nemo plus juris transferre potest quam ipse habet*⁷². Поскольку в мире существуют две социально-экономические системы, общие принципы, на которые ссылается Статут Международного Суда, могут относиться только к тем правовым постулатам, которые являются общими для всех правовых систем.

Несмотря на то что в российском учебнике полностью приводится ст. 38 Статута Международного Суда, “общие принципы права, признанные цивилизованными странами”, глубоко не анализируются. Вместо этого после изложения темы об обычном международном праве речь переходит непосредственно к вспомогательным средствам толкования правовых норм⁷³.

2.3.4. Судебные решения, доктрины

Оба учебника рассматривают судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов в качестве дополнительных средств толкования правовых норм. В дополнение к основным источникам права, перечисленным в Статуте Международного Суда, в советском учебнике обсуждаются юридически обязательные резолюции международных организаций. Однако эти резолюции относятся не к общему международному праву, а только к праву этих международных организаций. Со ссылкой на резолюции рекомендательного характера (в первую очередь Генеральной Ассамблеи ООН) в учебнике говорится, что государства признают их как толкование существующих международно-правовых норм⁷⁴.

В советском учебнике утверждается, что внутреннее законодательство или судебные решения внутренних судов государств не являются источниками международного права. Однако они могут служить вспомогательным средством для толкования норм обычного международного права⁷⁵.

В российском учебнике говорится, что односторонние действия государства, включая его внутреннее законодательство, могут служить доказательством признания данным государством определенных обыкновений в качестве обычного международного права⁷⁶.

2.3.5. Промежуточные выводы относительно источников

Для обоих учебников международное право имеет договорную основу, обязательственная природа права исходит из воли государств. Односторонний подход обоих учебников к общим принципам права приводит к выводу: ни одно правило не может быть обязательным для субъекта международного права без его согласия.

3. Применяемые доктрины существа

Определив теоретические подходы, можно перейти к более детальному изучению методологии учебников. Предпримем анализ того, как ряд основных концепций международного права отражен в учебниках.

3.1. *Pacta sunt servanda u rebus sic stantibus*

Принцип *pacta sunt servanda*, или, иными словами, обязанность добросовестно выполнять обязательства, согласно советскому учебнику является важнейшим в международном праве, поскольку в дан-

ной системе не существует централизованного принуждения⁷⁷. Признание этого старейшего принципа международного права рассматривается как предпосылка существования международного права. В настоящее время данный принцип содержится в преамбуле и ст. 2(2) Устава ООН, а также в ряде международных документов, в частности в Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров. В ст. 26 Венской конвенции говорится, что договоры должны добросовестно соблюдаться, что означает честное, а не формальное выполнение договора. Далее, данная статья обязывает стороны предпринимать все возможное для того, чтобы выполнять положения договора на практике в соответствии с его целями и принципами⁷⁸. Более того, “добросовестное выполнение” требует уважения общепризнанных норм морали. По общему правилу, изменение обстоятельств не рассматривается в качестве основания для одностороннего выхода из договора. Однако в исключительных случаях ссылка на коренное изменение обстоятельств возможна, если наличие таких обстоятельств являлось основанием соглашения и когда изменение обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств по договору. Данная клаузула о неизменности обстоятельств не может применяться в отношении договоров, устанавливающих границы, а также в случаях, когда коренное изменение обстоятельств произошло в результате нарушения своих обязательств государством, которое ссылается на эту клаузулу⁷⁹.

Изложение данного принципа в российском учебнике мало чем отличается от изложения в советском⁸⁰. Требование соблюдения норм морали также присутствует. Реализация принципа “договоры должны соблюдаться” возможна только в том случае, если договор был заключен добровольно и на основе равноправия⁸¹. Однако признается, что понятие “добровольно” в странах с различными правовыми, политическими и социальными системами может отличаться. Эти различия непосредственным образом отражаются на соблюдении государствами принятых обязательств. Положения российского учебника относительно изменения обстоятельств схожи с положениями советского.

3.2. Признание государств и правительств

Согласно советскому учебнику конститутивная теория признания, которой ранее придерживалась буржуазная доктрина, нарушает суверенитет государств, которые были созданы после социалистических или национально-освободительных революций⁸². Затем буржуазная доктрина выработала декларативную теорию признания. Изменение в подходе было прогрессивным для того времени. Однако даже эта теория не смогла дать удовлетворительных ответов на во-

просы того времени. Позиция, изложенная в советском учебнике, определяется следующим образом.

Признание — это не только информационное действие, но и важнейший политический акт, имеющий серьезные юридические последствия. Признание — это не только провозглашение создания нового государства или правительства, оно важно и для стабилизации международного положения нового государства, а также способствует реализации данным государством тех основных прав, которые ему принадлежат независимо от признания⁸³.

Утверждается, что поскольку внешние сношения государства не регулируются международным правом, то правительство, которое эффективно и независимо контролирует территорию государства, рассматривается как правительство, представляющее данное государство⁸⁴. Поэтому практика непризнания некоторыми империалистическими странами новых социалистических стран рассматривается как несовместимая с международным правом. Кроме государств и правительств, признание может применяться к непримиримым и мятежным сторонам, органам национально-освободительных движений, группам сопротивления и правительствам в ссылке⁸⁵. Далее говорится, что создание нового государства и появление нового субъекта международного права — это процессы, которые происходят одновременно. Эффективный контроль над территорией, судя по всему, является критерием государственности и “действенности” правительства. Несмотря на то, что признание не создает государство и не узаконивает правительство, позиция сводится к тому, что если пройден тест эффективности контроля над территорией, то третьи страны должны признать новый субъект или правительство⁸⁶.

В российском учебнике относительно признания государств и правительств высказывается схожая точка зрения, за исключением, пожалуй, того, что в нем прямо указывается, что нет обязанности признания⁸⁷. В то же время, продолжает российский учебник, длительное непризнание, продиктованное откровенно политическими соображениями и игнорирующее реальность международной жизни, может стать фактором, серьезно осложняющим межправительственные отношения. Оба учебника поддерживают тест на эффективность, отрицают конститутивную теорию, но признают важные правовые последствия признания.

3.3. Императивные международно-правовые нормы (jus cogens)

В советском учебнике говорится, что общие принципы международного права, содержащиеся в Уставе ООН, являются императивными нормами, обязательными для исполнения всеми государствами⁸⁸. Новые государства, выходящие на международную арену, также

обязаны выполнять эти нормы⁸⁹. Однако *jus cogens* не является понятием естественного права⁹⁰. Эти основные права не являются и “неотъемлемыми”. Таким образом, *jus cogens* становится понятием позитивного права. Далее говорится, что, хотя нормы *jus cogens* не перечислены в отдельном документе, вся советская наука придерживается той точки зрения, что основные принципы современного международного права носят императивный характер⁹¹.

Согласно российскому учебнику норма *jus cogens* — это норма общего международного права, принимаемая и признаваемая международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо⁹². Каждое новое государство обязано признавать эти нормы⁹³. Международная практика XX столетия привела к появлению норм *jus cogens*. Подчеркивается, что признание существования *jus cogens* государствами свидетельствует о том, что в международном праве существует группа императивных норм, которые составляют основу международного документа, в котором имелся бы перечень норм *jus cogens*. Говорится, однако, что сложилось общее понимание относительно того, что нормами *jus cogens* являются принципы Устава ООН, содержание которых более детально отражено в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества, в соответствии с Уставом ООН 1970 года. Отклонение от таких норм рассматривается как посягательство на общее международное право.

Учебники содержат практически схожий подход относительно *jus cogens*. Для обоих учебников эти нормы являются основополагающими нормами международной правовой системы, включенными в Устав ООН.

3.4. Промежуточные выводы относительно доктрины

Несмотря на то что аргументация, касающаяся наиболее абстрактных теоретических вопросов, претерпела значительные изменения, поражает, что в отношении более конкретных вопросов подход остался практически тем же. Это одновременно дает основания предполагать, что сами концепции школ слишком неопределенны и неоднозначны, то есть приводят к всевозможным толкованиям.

4. Отдельные темы

Сейчас еще более сузим поле зрения и попытаемся детально изучить некоторые международно-правовые концепции, изложенные в обоих учебниках.

4.1. Суверенитет

Согласно советскому учебнику суверенное равенство государств является одним из принципов, которые лежат в основе международно-правовой системы⁹⁴. Говорится, что принцип суверенного равенства был сформулирован в период перехода от феодализма к капитализму. Между тем в течение этого периода данный принцип не имел универсального применения, он применялся только в отношении “цивилизованных” государств. В современном международном праве данный принцип включен в Устав ООН. Этот принцип впоследствии был воспринят многими авторитетными международными документами, в особенности Декларацией о принципах дружественных отношений 1970 года и Заключительным актом Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Принцип состоит из двух компонентов: уважение суверенитета всех государств и равноправие государств в международных отношениях. Оба этих компонента могут рассматриваться как отдельные принципы международного права.

“Суверенитет — это полная власть над определенной территорией и независимость в международных отношениях... Кроме того... государство обязано уважать суверенные права других государств на своей территории...”⁹⁵

В российском учебнике принцип суверенитета рассматривается как общий принцип международного права⁹⁶. Говорится, что до тех пор, пока существуют суверенные государства, данный принцип сохранит свое значение как один из наиболее важных принципов международного права. В российском учебнике также делаются ссылки на ст. 1 (2) Устава ООН, Декларацию 1970 года и Заключительный акт 1975 года. Возрастающее количество международных вопросов глобального значения принимается во внимание, однако это, по мнению авторов, не означает, что государства потеряют свой суверенитет в ходе происходящих интеграционных процессов, а скорее то, что государства используют свои суверенные права при заключении договоров с другими государствами. Суверенитет не подразумевает полной независимости или изоляции государств, поскольку государства существуют во взаимозависимом мире. С другой стороны, тот факт, что государства добровольно передают все увеличивающееся число вопросов для международного урегулирования, не означает, что сфера их внутренней юрисдикции автоматически сокращается. Вывод заключается в том, что не так уж многое изменилось.

4.2. Внутренняя компетенция

Согласно советскому учебнику данный принцип возник наряду с принципом суверенного равенства государств⁹⁷. Однако в буржуазной теории международного права сфера действия данного принципа была ограничена, поскольку вмешательство во внутренние дела было во многих случаях дозволено. Принцип внутренней компетенции был включен в ст. 2 (7) Устава ООН и затем был перенят такими авторитетными международными документами, как Резолюция 1975 года о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, Заключительный акт 1975 года. Далее утверждается, что понятие внутренних дел государства не ограничивается территорией. Например, соглашение между двумя государствами, не затрагивающее права или интересы третьих стран, относится к внутренней компетенции этих двух государств и, соответственно, третьи страны не имеют права на вмешательство. Смысл концепции изменяется вместе с развитием международных отношений. В настоящее время государства передают все больше вопросов внутренней компетенции для международного урегулирования. Несмотря на то что сфера действия международного права тем самым расширяется, это не означает, что теперь допустимо прямое вмешательство в данные вопросы.

Российский учебник разделяет взгляд советского учебника на возникновение и становление принципа невмешательства. В российском учебнике также содержатся ссылки на ст. 2(7) Устава ООН, а также на те же международные документы, что и в советском учебнике. В российском учебнике говорится, что некоторые школы ошибочно ограничивали действие ст. 2(7) только отношениями между государствами-членами и ООН. Это положение обязательно также для выполнения и в межгосударственных отношениях. Это результат того, что, подписываясь под Уставом, государства обязались следовать его положениям⁹⁸. Любые действия государства или международной организации в целях помешать государству самому решать вопросы, входящие в его внутреннюю компетенцию, должны рассматриваться как противоправное вмешательство. В российском учебнике говорится, что пределы внутренней компетенции часто являются спорным вопросом. Пределы внутренней компетенции отражают общие изменения в международных отношениях. По крайней мере, очевидно, что государства не могут произвольно относить к своей внутренней компетенции любые вопросы. Их международные обязательства, особенно обязательства по Уставу ООН, являются критерием ограничения их внутренней компетенции. Понятие внутренней компетенции не может рассматриваться исключительно как территориальная концепция. Например, если Совет Безопасности ООН констатирует, что внутренняя ситуация в стране угрожает миру и без-

опасности, действия Организации не нарушают ст. 2(7) Устава ООН.

В общем, взгляды на проблему внутренней компетенции, изложенные в обоих учебниках, схожи. Концепция международного права социалистических стран оказала влияние на советскую позицию в отношении внутренней компетенции. Отношения между социалистическими странами рассматривались как их внутреннее дело по отношению к другим государствам. Эта позиция исходит из так называемой “доктрины Брежнева” об ограниченном суверенитете, согласно которой вмешательство СССР в события в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году были признаны законными.

4.3. Применение силы

В советском учебнике говорится, что запрещение применения силы появилось в международном праве в период между революцией 1917 года и второй мировой войной⁹⁹. Заявляется, что внешняя политика молодого Советского государства внесла вклад в процесс всеобщего запрета применения силы. Запрет агрессивных войн впервые был закреплён в двусторонних соглашениях, таких как Пакт Бриана—Келлога 1928 года. Затем этот принцип был повторен в уставах Токийского и Нюрнбергского военных трибуналов. В настоящее время этот принцип включен в Устав ООН. Авторитетное толкование данного принципа может быть найдено в Декларации о дружественных отношениях 1970 года, Определении агрессии 1974 года и в Заключительном акте СБСЕ 1975 года. На базе анализа этих документов автор составляет перечень восьми различных форм применения силы, которые запрещены, например вооруженные репрессалии и невооруженная блокада портов другого государства. Запрет пропаганды войны рассматривается как неотъемлемый и в то же время независимый компонент запрета применения вооруженной силы. Запрет, естественно, не распространяется на внутренние дела государства, поскольку они не регулируются международным правом. Далее говорится, что самозащита не является исключением из принципа неприменения силы (первым). Статья 51 Устава наделяет правом на защиту государство, против которого другое государство применило вооруженную силу. Участие в мероприятиях, предпринимаемых Советом Безопасности ООН, может потребовать и разрешить использование вооруженных сил государствами. В дополнение к этим двум ст. 107 Устава, касающаяся военных преступников второй мировой войны, может узаконить применение военной силы. Кроме того, в качестве средства дозволенной обороны народы колониальных стран и зависимых государств имеют право использовать вооруженные силы в борьбе против метрополий, которые лишают эти народы права на самоопределение.

В российском учебнике говорится, что демократизация международных отношений с неизбежностью приводит к ограничению применения силы и угрозы силой¹⁰⁰. Впервые эта объективная закономерность была закреплена в качестве принципа международного права в Уставе ООН. Формулировка ст. 2(4) Устава ООН в дальнейшем была конкретизирована в Декларации 1970 года, в Определении агрессии 1974 года и в Заключительном акте 1975 года. Обязательство не применять силу распространяется не только на государства—члены ООН, но и на другие страны. Данным положением запрещается использование не только вооруженной силы, но и других форм насилия. Однако следует отметить, что главная цель данной статьи — именно запрещение применения вооруженной силы. Существуют только два исключения, а именно применение силы в целях самообороны (ст. 51) и по решению Совета Безопасности ООН (ст. 39 и 42). Использование вооруженной силы для самообороны возможно, только если был нанесен вооруженный удар. Санкции Совета Безопасности не перечислены в Уставе. Следовательно, Совет Безопасности может предпринимать действия, не упоминаемые в Уставе.

Существуют некоторые отличия в подходе к данной проблеме в сравниваемых учебниках. Понимание данного принципа в советском учебнике связано с особым советским подходом к праву колониальных стран применять силу в целях борьбы за независимость. В таких обстоятельствах даже применение вооруженной силы рассматривается как законное. Российский учебник включает в понятие запрещения применения силы запрет и на применение других видов силы, не только вооруженной.

4.4. Урегулирование споров

В советском учебнике перечисляются следующие методы разрешения споров: прямые переговоры, примирение (включая добрые услуги, посредничество, совместные комиссии), международный арбитраж, судебное разбирательство и разрешение споров в рамках международных организаций¹⁰¹. Урегулировать спор мирным путем — обязательство, предусмотренное правом ООН. Стороны спора свободны выбирать любой метод разрешения спора. Прямые переговоры — это наиболее эффективный метод. Положительная сторона переговоров заключается в том, что стороны находятся в непосредственном контакте без вмешательства других стран. Стороны должны добросовестно проводить переговоры, то есть честно и уважая права и интересы всех участвующих сторон. Утверждается, что роль судебного разбирательства не столь значительна в правовой системе, где нет вышестоящей власти над ее субъектами. Деятель-

ность Международного Суда не столь эффективна частично по причине его состава (судьи из стран буржуазной и иных систем права).

Согласно российскому учебнику обязательство мирно разрешать международный спор является общепризнанным императивным принципом международного права¹⁰². В учебнике содержится дополнительный по сравнению с советским учебником метод разрешения споров — консультации, которые отличаются от переговоров тем, что стороны могут, например, согласиться о временном графике и создавать консультативные комиссии. Это позволяет гарантировать то, что стороны находятся между собой в непрерывном контакте, и помогает в достижении компромиссного решения проблемы. В принципе можно сказать, что консультации — это разновидность переговоров. В заключение отмечается, что эффективность средств мирного разрешения споров может быть достигнута только при прогрессивном развитии необходимых норм, принимая во внимание специфику современных международных отношений, которые требуют нового политико-правового подхода к вопросу международного мира и безопасности.

4.5. Самоопределение

Право народов на самоопределение было центральным постулатом советской доктрины социального освобождения и мировой революции¹⁰³. Согласно советскому учебнику принцип самоопределения народов и наций появился в период буржуазных революций¹⁰⁴. В буржуазном международном праве данный принцип не получил широкого применения. Существование колониальной системы, а также многонациональных европейских империй серьезно противоречило данному принципу. Великая Октябрьская революция придала этому принципу новое, более глубокое значение. После второй мировой войны началась жестокая борьба за реализацию данного принципа. Как результат колониальные народы Африки и Азии получили независимость. Некоторые западные авторы отмечали, что данный принцип лишен юридического смысла, то есть он имеет только моральную ценность. Между тем в настоящее время этот принцип закреплён в Уставе ООН и отражен в ряде международных документов, которые были приняты в рамках Организации. В современном международном праве принцип включает следующие элементы:

1. Все народы имеют право свободно определить свой политический статус и следовать по пути экономического, социального и культурного развития.

2. Все государства должны уважать это право.

3. Все государства обязаны способствовать совместно и по отдельности народам в реализации их права на самоопределение.

4. Колониальные народы имеют право использовать все необходимые средства в борьбе за независимость.

5. Запрещаются иностранное господство и эксплуатация людей.

Право на самоопределение не означает, что нация обязана создать независимое государство. Из этого следует, что данный принцип не определяет международно-правового статуса определенных народов и наций.

В российском учебнике истоки данного принципа также относят к периоду буржуазных революций¹⁰⁵. В нем утверждается, что данный принцип относится к основе международной правовой системы, имеющей нормативную базу в Уставе ООН. В российском учебнике данный принцип также явно рассматривается как правовой. Имеются ссылки на те же международные документы, что и в советском учебнике, то есть на резолюции Генеральной Ассамблеи, а также Конвенцию ООН по правам человека 1966 года. Изложение этого принципа содержит те же самые элементы, что и в советском учебнике, только отсутствует специальный подход к колониальным народам. Действие данного принципа не приостанавливается созданием независимого государства, наоборот, он распространяется на нации и народы, которые получили суверенный статус. Говорится, что право на самоопределение — это право, а не обязанность народа или нации. Более того, право может быть осуществлено различными способами. Самоопределение не должно осуществляться с сепаратистских позиций в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств.

4.6. Соотношение между внутренним и международным правом

В советском учебнике данному вопросу посвящена одна глава¹⁰⁶. Говорится, что по причине формализма и недостаточного понимания сущности социальных классов буржуазная теория не смогла разрешить проблему соотношения внутреннего и международного права. Советская позиция заключается в том, что каждая из двух правовых систем имеет различные сферы регулирования, то есть не может быть никакого правового подчинения между ними. Между тем данные системы постоянно взаимодействуют. Например, с одной стороны, внутренняя правовая система играет важную роль в имплементации норм международного права, а с другой — международное право обеспечивает метод для достижения целей и принципов внутренней политики.

В российском учебнике содержится лишь краткое изложение данного вопроса¹⁰⁷. Основное положение заключается в том, что, несмотря на то что внутренняя и правовая системы являются независимыми, они не существуют изолированно друг от друга. Хотя в советском учебнике данная тема изложена более детально, никаких особых изменений не наблюдается.

4.7. Дипломатия

В советском учебнике дипломатическому и консульскому праву отведено почти 50 страниц¹⁰⁸. Доказывается, что советская дипломатия представляет новую коммунистическую социально-экономическую формацию, то есть социалистическая дипломатия имеет классовый характер. Принцип социалистического интернационализма является руководящим принципом дипломатических отношений между социалистическими странами, а дипломатия между социалистическими и буржуазными странами основывается на принципе мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. После этих теоретических замечаний в советском учебнике рассматриваются дипломатическое и консульское право, иммунитеты и привилегии международных организаций. Дипломатическое и консульское право определяется как “часть международного публичного права, состоящая из принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права”¹⁰⁹. Чаще всего ссылки делаются на многосторонние или двусторонние соглашения, в которых участвует Советский Союз. Далее говорится, что статус советских торговых представительств в советской дипломатии был неоднократно предметом споров. Все торговые миссии Советского Союза рассматриваются как части администрации МИД и таким образом подпадают под определение дипломатических миссий. Утверждается, что для социалистических стран это необходимо в целях сохранения государственной монополии внешней торговли. В западных странах неохотно воспринимали этот подход, но они были вынуждены примириться с этой новой социально-экономической реальностью.

Дипломатия в российском учебнике обсуждается менее аргументированно¹¹⁰. Дипломатическое право определяется как “отрасль международного права, представляющая собой совокупность норм, регламентирующих статус и функции государственных органов внешних сношений”¹¹¹. Дипломатическое и консульское право, а также права и привилегии международных организаций рассматриваются со ссылками на соответствующие международные договоры. Нет ни одного упоминания о социалистической дипломатии, а торговые представительства не рассматриваются как административные органы МИД.

4.8. Экономические отношения

Г.И. Тункин сформулировал марксистско-ленинский подход к международным экономическим отношениям¹¹². Глава советского

учебника, посвященная международным экономическим отношениям, начинается с констатации сложности состава и существенного содержания международных экономических отношений¹¹³. Сложность обосновывается существованием двух различных социально-экономических систем стран, участвующих в международной торговле. Между тем международное публичное право, частью которого является международное экономическое право, регулирует отношения только между субъектами международного права. Иногда государства участвуют в международных гражданско-правовых договорах в качестве особых субъектов гражданского права. Этот особый статус предусматривает иммунитет от юрисдикции другого государства. Поскольку международное экономическое право является частью общего международного права, к нему применяются основные принципы международного права. В дополнение к ним международное экономическое право само по себе имеет цели и принципы. Один из них — полный суверенитет государства над природными ресурсами — часто нарушается империалистическими странами. Международное экономическое право должно способствовать социальному прогрессу и благосостоянию всех наций. Оно должно запретить эксплуатацию менее развитых стран. Особенно важным для развития международного экономического права является принцип международного сотрудничества. Этот принцип исходит из Устава ООН, где он представлен как обязательство. Из принципа суверенитета над природными ресурсами вытекает принцип права на национализацию или экспроприацию зарубежной собственности. Возникающие споры о компенсации следует разрешать в соответствии с правом страны, производящей национализацию или экспроприацию зарубежной собственности.

В российском учебнике содержится следующее определение международного экономического права: "...отрасль международного публичного права, которая представляет собой совокупность принципов и норм, регулирующих экономические отношения между государствами и другими субъектами международного права"¹¹⁴. В российском учебнике содержатся некоторые западные подходы к концепции международного экономического права. Согласно одному западному подходу международное экономическое право является частью общего международного права. Согласно другому приводимому подходу, международное экономическое право применимо помимо традиционных субъектов права и к физическим лицам и транснациональным корпорациям. Автор рассматривает первую концепцию как более логичную, а также соответствующую внутренней политике. Особенностью норм международного экономического права, как отмечается, является то, что по своей сути они имеют диспозитивный характер. Причиной является то, что международ-

ное право находится в процессе развития. Признается позитивный вклад СССР в развитие “нового” международного экономического права. В российском учебнике говорится, что стороны по (международным) гражданским договорам обладают иммунитетом от зарубежной юрисдикции. Национализация зарубежной собственности не обсуждается на страницах российского учебника.

4.9. Права человека

Глава советского учебника “Права человека и международное право” начинается с обсуждения регулирования национальности, статуса иностранцев и права на убежище¹¹⁵. Вопросам защиты прав человека в современном международном праве посвящены последние страницы главы. Автор, во-первых, заявляет, что Советский Союз внес неоценимый вклад в процесс включения понятия прав человека в Устав ООН. Во-вторых, принцип уважения прав человека и основных свобод был включен в Конституцию СССР в качестве основного принципа, на котором строятся отношения с другими странами. Далее говорится о том, что империалистические страны, в особенности США, претендуют на “защиту” прав человека, а сами незаконно вмешиваются во внутренние дела СССР и других социалистических стран. Вопросы прав человека относятся к внутренней юрисдикции государств. Продолжительному анализу подвергаются Пакты ООН о правах человека 1966 года. Нежелание капиталистических стран принять социальные и экономические права в качестве дополнения ко Всеобщей декларации прав человека задержало принятие двух Пактов ООН по правам человека, и их приняли только в 1966 году. СССР стал участником обоих Пактов в 1973 году, а США не ратифицировали ни одного. Разъясняется система отчетов по Пакту о гражданских и политических правах и отмечается, что СССР, а также другие социалистические страны получили высочайшие оценки за свой вклад. Методами усиления международной защиты прав человека являются: принятие всеобщих рекомендаций, заключение международных договоров и система добровольных отчетов.

В российском учебнике регулирование вопросов национальности и права на убежище отнесено к главе “Население”¹¹⁶. Права человека рассматриваются в главе “Гуманитарное право”¹¹⁷. Здесь права человека рассматриваются более детально. Отмечается, что в мире существуют различные концепции прав человека, например религиозные, позитивистские и натуралистские. Множество точек зрения существует по причине различных взглядов людей во всем мире на эту проблему. Межправительственное сотрудничество в области прав человека должно быть свободно от идеологических и

политических ограничений. Автор, похоже, приходит к выводу, что в современном международном праве существуют универсальные нормы, обязывающие государства уважать основополагающие права человека. Однако регулирование индивидуальных прав по-прежнему остается во внутренней юрисдикции государств. Различные страны имеют различные социальные возможности в области имплементации прав человека. Национальные, религиозные и другие особенности также оказывают влияние на имплементацию. Принцип уважения прав человека рассматривается как один из важнейших принципов международного права. Хотя он и равен другим основным принципам, нельзя допускать никакого нарушения принципа защиты прав человека (скажем, под предлогом уважения принципа невмешательства).

Оба учебника признают всеобъемлющий характер прав человека, однако все же считают правом каждого государства решать вопросы об имплементации обязательств по правам человека. Однако в российском учебнике признается тот факт, что некоторые случаи нарушения прав человека могут быть рассмотрены на международном уровне даже без согласия вовлеченного государства.

4.10. Правопреемство государств

Правопреемство — интересная тема для анализа, тем более что и СССР, и Россия на практике столкнулись с этим вопросом. Для определения правопреемства в советском учебнике используется положение Венской конвенции 1978 года: "...смена одного государства другим в осуществлении ответственности за международные отношения соответствующей территории"¹¹⁸. Основанием для правопреемства является появление нового государства на международной арене¹¹⁹. Новое государство возникает путем:

- 1) создания нового исторического типа государства в результате социальной революции;
- 2) создания нового государства в результате национально-освободительной борьбы и в результате ликвидации колониального режима;
- 3) объединения двух или более государств;
- 4) отделения от государства, которое после этого продолжает свое существование;
- 5) разделения государства¹²⁰.

Основанием для правопреемства является также передача части территории одного государства другому. В отношении собственного правопреемства советская Россия ссылалась на принципы Французской буржуазной революции для отказа от обязательств по отдельным царским договорам. Кроме того, советская Россия не рассмат-

ривала себя автоматически обязанной по договорам, однако аннулировала все российские договоры, которые не соответствовали советской внешней политике.

В российском учебнике содержится более обстоятельный анализ вопроса правопреемства¹²¹. Это стало результатом недавних перемен в Европе, включая развал СССР. Россия рассматривается как продолжатель СССР, и эта позиция подтверждается правовыми, политическими и практическими аргументами. В российском учебнике также рассматриваются определения правопреемства Венских конвенций 1978 и 1983 годов. Говорится, что, несмотря на то что конвенции еще не вступили в силу, в них содержатся положения, которые соответствуют практике государств и, значит, являются полезными. Например, конвенции исходят из принципа международного права, согласно которому вопросы правопреемства государств могут быть разрешены путем заключения соглашения между заинтересованными государствами, и положения конвенций будут применяться только в случае отсутствия подобного соглашения. Основаниями правопреемства, перечисленными в российском учебнике, являются: объединение государств; разделение государства; отделение от государства части территории; передача части территории одного государства другому. Далее отмечается, что концепция правопреемства государства была использована в отношении реорганизации социально-политической структуры (например, России в 1917 г. или Китая в 1949 г.).

Советская доктрина имеет очевидные причины для аргументации того, что социальная революция являлась случаем правопреемства, отрицающего некоторые международно-правовые обязательства. В российском учебнике содержится новое толкование ст. 34 Венской конвенции 1978 года, согласно которому соглашение между государствами имеет преимущественную силу, а статья о правопреемстве применяется только в случае отсутствия соглашения.

5. Заключительные положения

Осталось сделать несколько заключительных положений, основываясь на сделанном анализе. Что же на самом деле представляла собой советская доктрина? Что представляет собой российская? Много ли преемственности, в чем изменения?

В советском учебнике представлена доктрина, наследием которой было более демократическое международное право в соответствии с принципами марксизма. Она отображала политический и временами агрессивный подход. На самом деле право должно было служить целям государственной политики. Но политикой скорее

являлись уже не мировая революция и уничтожение государственной системы, а длительная идеологическая борьба в рамках системы государств. “Марксизм” советской доктрины международного права и международных отношений был поставлен под вопрос по очевидным причинам. Доктрина основывалась на традиционных концепциях международного права и развивалась в соответствии с теорией согласования волей. Этот волюнтаризм явно противоречил марксистскому детерминизму. Для Маркса такие понятия, как “право наций на самоопределение”, “мирное сосуществование”, и само по себе “международное право” были бы, очевидно, несовместимы с международным коммунистическим движением¹²².

Авторы российского учебника не могут, естественно, полностью отвергать советское наследие и интеллектуальные традиции. Во многих местах чувствуется очевидное желание вернуться в прошлое, и, чем полностью отвергать предшествовавшие положения, читателю представляются различные точки зрения. Недавний российский социологический проект “Иное” показал, что переход от застойных двусторонних противостояний (коммунизм — антикоммунизм, атеизм — христианство) к многосторонней системе является сложной проблемой, с которой приходится сталкиваться российской культуре¹²³. В основном российскому учебнику удалось преодолеть эту проблему. В нем признается множество альтернатив и относительных истин. Учебник отражает ценность социального, нравственного и идеологического плюрализма. Право должно быть беспристрастным и отделяться от политики. Хотя международное право основывается на воле, множество объективных факторов влияют на его содержание.

Я установила, что изменения в российском самосознании и жизненной философии отразились на представлении доктрины международного права. Однако правовая суть доктрины испытала меньшие изменения. На самом деле вывод в том, что существует очень много общего между доктринами. Является ли это причиной незаконченности процесса социальных изменений, покажут будущие исследования.

¹ См. Кубалкова В., Крущанк А. Марксизм и международные отношения. — Оксфорд, 1985. — С. 160. См. также Коллинз Х. Марксизм и право. — Оксфорд, 1982. — С. 2.

² Разделение на периоды было сделано Е. Менцелем для предисловия к немецкому изданию советского учебника по международному праву. Кожевников Ф.И. Международное право. — М., 1957; Гамбург, 1960.

³ Менцель отмечает, что существуют различные мнения относительно того, каким образом доктрина должна быть разделена на периоды. (Там же. —

- С. XII—XIII); *Майснер Б.* Советский Союз и публичное право с 1917 до 1962 г. — Кёльн, 1963.
- ⁴ *Коровин Е.А.* Международное право переходного времени. — Изд. 2-е. — М., 1924, а также см. сноску 2 (с. XIII).
- ⁵ См. предисловие Хазарда к *Пьерс Б., Роберт С.* Пашуканис: избранные произведения по марксизму и праву. — Л., 1980. — С. 7.
- ⁶ *Пашуканис Е.Б.* Очерки по международному праву. — М., 1935, а также см. сноску 5 (с. 7).
- ⁷ *Майснер Б.* Указ. соч. — С. 41.
- ⁸ См. *Кубалкова В., Крущанк А.* Указ. соч. — С. 168.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. — С. 164.
- ¹¹ См. *Батлер В.Е.* Советское право. — Лондон, 1983. — С. 31. В 1956 году Пашуканис был посмертно реабилитирован (см. *Хазард*. Пашуканис не предатель//Американский журнал международного права. — 1957. — № 51. — С. 383).
- ¹² *Кубалкова В., Крущанк А.* Указ. соч. — С. 170.
- ¹³ См. там же, с. 171.
- ¹⁴ См. сноску 2 (с. 24).
- ¹⁵ См. *Майснер Б.* Указ. соч. — С. 57—73.
- ¹⁶ Перевод на немецком языке опубликован в 1972 году. *Швайсфурт Т.* Теория публичного права. — Берлин, 1972. Перевод на английском языке в 1974 году. Теория международного права/Введение В.Е. Батлера. — Лондон, 1974.
- ¹⁷ См. сноску 2 (с. 15).
- ¹⁸ Оба учебника используются/использовались в университетах для студентов, специализирующихся в области международного права, международных отношений и международного экономического права.
- ¹⁹ Данное подразделение соответствует делению обоих учебников на две части (первая, вторая части советского учебника и Общая, Особенная — российский).
- ²⁰ Международное право (учебник)/Под ред. Г.И. Тункина. — М., 1982 (далее: *Тункин Г.И.* Указ. соч.).
- ²¹ О новом мышлении см. *Карти А., Даниленко Г.* Перестройка и международное право. — Эдинбург, 1990, а также Российский ежегодник международного права. 1992. — СПб, 1994.
- ²² Международное право (учебник)/Под ред. Ю.М. Колосова, В.И. Кузнецова. — М., 1995 (далее: *Колосов Ю.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч.).
- ²³ См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 64.
- ²⁴ Там же. — С. 10, 12—40.
- ²⁵ См. *Колосов Ю.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч.
- ²⁶ См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 10, 12—40.
- ²⁷ *Колосов Ю.М.* Указ. соч. — С. 7.
- ²⁸ См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 26—27. См. *Швайсфурт Т.* Наука публичного права в Советском Союзе//Журнал зарубежного публичного права. — 1974. — № 1. — С. 1—51.
- ²⁹ См. *Батлер В.Е.* Указ. соч. — С. 28. См. также *Кубалкова В., Крущанк А.* Указ. соч. — С. 158.
- ³⁰ См. *Майснер Б.* Наука публичного права. — Кёльн, 1964 — С. 38—41.

³¹ См. Тункин Г. И. Указ. соч. — С. 27—33.

³² Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 7—11.

³³ Там же. — С. 8.

³⁴ Там же. — С. 10—11.

³⁵ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 45—48.

³⁶ Тункин ссылается на понятие Г. Трипелса “единая воля”. См. Трипелс Г. Публичное и государственное право. — Лейпциг, 1899, с также Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 208—209; Швайсфурт Т. Указ. соч. — С. 22.

³⁷ Основные положения относительно согласования воли в советской доктрине: государство — это классовая формация, то есть воля государства имеет классовый характер. Более того, воля определяется производственными отношениями внутри страны. Создание нормы проходит два этапа. Во-первых, должна быть согласована воля участвующих стран относительно определенного правила поведения. Это представляет собой процесс борьбы и сотрудничества, который, например, имеет место, когда государства должны признать норму обязательной для исполнения. Признание — это такое же индивидуальное действие государства, как ратификация, подписание и т.д. Если норма не прошла вторую стадию, она не имеет императивного характера. См. Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 207—208.

³⁸ Саваськов П.В. Международное право. — 1995. — С. 19.

³⁹ Там же. — С. 18.

⁴⁰ Там же. — С. 19.

⁴¹ Там же. — С. 22.

⁴² Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 101—127.

⁴³ Например, принцип мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Этот принцип, согласно советскому учебнику, является основополагающим в современном международном праве. Это так, несмотря на то что все капиталистические государства отрицают существование подобного принципа.

⁴⁴ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 101.

⁴⁵ Ими являются: принцип неприменения силы, принцип территориальной целостности, принцип неприкосновенности границ, принцип мирного разрешения международных споров и принцип разоружения.

⁴⁶ Ими являются: принцип суверенного равенства государств, принцип невмешательства во внутренние дела, принцип равенства и права народов на самоопределение, принцип сотрудничества, принцип признания прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

⁴⁷ Клименко Б.М., Кузнецов В.И. Международное право. — 1995. — С. 27—56.

⁴⁸ Саваськов П.В. Указ. соч. — С. 18.

⁴⁹ См. Клименко Б.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 32.

⁵⁰ В советском учебнике данный принцип раскрывается следующим образом: “Принцип не содержит обязательства государств уменьшать количество оружия, однако рекомендует странам сократить темпы гонки вооружений и попытаться сократить количество оружия путем заключения международных соглашений”. См. Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 532.

⁵¹ См. Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 45; Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 10.

⁵² Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 45; Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 19.

⁵³ Игнатенко Г.В. Международное право. — М., 1982. — С. 98; Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 8.

⁵⁴ В советском учебнике говорится, что основные права и обязанности государств определяются основными принципами, содержащимися в Уставе ООН. Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 103. В российском учебнике содержится положение, что все принципы Устава имеют императивный характер. Клименко Б.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 28.

⁵⁵ См. Черниченко С.В. Указ. соч. — С. 302.

⁵⁶ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 101; Клименко Б.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 32.

⁵⁷ Определение советской доктрины международного права Б. Майснера: "Советская доктрина публичного права представляет собой позитивистскую концепцию права, основа которой строится на идеологически обусловленном фундаменте псевдоестественного права, детерминизм которого в причинно-следственной связи обусловлен экономической необходимостью, а в конечном итоге — верой в утопическую цель". См. Майснер Б. Советский Союз и публичное право. — С. 89.

⁵⁸ Здесь я ссылаюсь на "социальную концепцию права", как это используется у М. Коскениemi в книге "Нормативная сила привычки: международный обычай и социальная теория" (Финский ежегодник международного права. — 1990. — С. 77—153). См. также Швайсфурт Т. Указ. соч. — С. 4—10.

⁵⁹ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 45—58.

⁶⁰ Там же. — С. 49.

⁶¹ Саваськов П.В. Указ. соч. — С. 17—26.

⁶² Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 49—50.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Советская доктрина рассматривает международный договор как главный источник международного права. См. Батлер В.Е. Указ. соч. — С. 342—345.

⁶⁵ Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 22.

⁶⁶ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 50—51.

⁶⁷ Там же. — С. 55—57.

⁶⁸ Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 22—23.

⁶⁹ Там же. — С. 49.

⁷⁰ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 53—54.

⁷¹ Там же. — С. 53.

⁷² Там же. — С. 53—54.

⁷³ Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 23.

⁷⁴ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 55—56.

⁷⁵ Там же. — С. 57.

⁷⁶ Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Указ. соч. — С. 24.

⁷⁷ Тункин Г.И. Указ. соч. — С. 126—127.

⁷⁸ Лукашук И.И. Международное право. — М., 1997. — С. 142.

⁷⁹ Там же. — С. 150—151.

⁸⁰ Конечно, политический антагонизм остался позади. О данном принципе см. Клименко Б.М. Указ. соч. — С. 52—55, 81; Саваськов П.В. Указ.

соч. — С. 138; *Романов В.А.* Международное право. — М., 1995. — С. 158.

⁸¹ *Клименко Б.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 54.

⁸² *Игнатенко Г.В.* Указ. соч. — С. 90—94.

⁸³ Там же. — С. 90—91 (перевод автора).

⁸⁴ Там же. — С. 91.

⁸⁵ Там же. — С. 90—93.

⁸⁶ Там же. — С. 91—92.

⁸⁷ *Черниченко С.В.* Указ. соч. — С. 66—70.

⁸⁸ См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 60—61, 101—128, 149 и 152. О советской концепции императивных норм см. *Швайсфурт Т.* Указ. соч. — С. 42—45.

⁸⁹ *Игнатенко Г.В.* Указ. соч. — С. 98.

⁹⁰ См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 103.

⁹¹ Там же. — С. 61.

⁹² *Саваськов П.В.* Указ. соч. — С. 20—21.

⁹³ *Колосов Ю.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 8.

⁹⁴ *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 116—118. См. также *Майснер Б.* Советский Союз и публичное право. — С. 80—87.

⁹⁵ Там же. — С. 116 (перевод автора).

⁹⁶ *Клименко Б.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 28—33.

⁹⁷ *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 118—121.

⁹⁸ *Клименко Б.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 44.

⁹⁹ *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 106—112.

¹⁰⁰ *Клименко Б.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 33—36.

¹⁰¹ *Лукашук И.И.* Указ. соч. — С. 495—508.

¹⁰² *Шавров В.Ф.* — С. 273—296.

¹⁰³ См. *Фельдман Д.И.* — С. 26. О советской концепции самоопределения см. *Брахт Х.В.* Право народов на самоопределение в советской науке публичного права.; *Майснер Б.* Право народов на самоопределение в Китае и Восточной Европе. — Кёльн, 1968. — С. 9—20.

¹⁰⁴ *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 121—123.

¹⁰⁵ *Клименко Б.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 48—51.

¹⁰⁶ *Лукашук И.И.* Указ. соч. — С. 70—80.

¹⁰⁷ *Колосов Ю.М., Кузнецов В.И.* Указ. соч. — С. 12—13.

¹⁰⁸ *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 256—300.

¹⁰⁹ Там же. — С. 257—258 (перевод автора).

¹¹⁰ *Черниченко С.В.* Указ. соч. — С. 162—188.

¹¹¹ Там же. — С. 162 (перевод автора).

¹¹² На вершине иерархии стоит внутренняя экономическая система отдельного государства. Производственные отношения внутри страны являются первостепенными экономическими отношениями. Международные экономические отношения вторичны. Будучи вторичными, их влияние на внутренние экономические отношения с точки зрения базиса вторично. Основа — это внутренние экономические отношения отдельного государства. Внутренняя экономическая система воздействует на международную политику данного государства и таким образом влияет на мировые экономические отношения между странами. Международные экономические отношения могут служить базой для развития других международных отноше-

ний, например в области политики или культуры. См. *Тункин Г.И.* Указ. соч. — С. 46; *он же.* Теория международного права. — М., 1970. — С. 308—311.

¹¹³ *Юзенко Е.Т.* Указ. соч. — С. 367—396.

¹¹⁴ *Вельяминов Г.М.* Указ. соч. — С. 410—436 (перевод автора).

¹¹⁵ *Мовчан А.П.* Указ. соч. — С. 329—351.

¹¹⁶ *Черниченко С.В.* Указ. соч. — С. 90—119.

¹¹⁷ Термин “гуманитарное право” объясняется как международное сотрудничество в области прав человека (Там же. — С. 297—333).

¹¹⁸ Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года// Международные правовые документы, 1978. — М.

¹¹⁹ *Игнатенко Г.В.* Указ. соч. — С. 95.

¹²⁰ Там же. — С. 85.

¹²¹ Двадцать страниц по сравнению с четырьмя в советском учебнике. См. *Романов В.А.* Указ. соч. — С. 141—161.

¹²² *Кубалкова В., Крущанк А.* Указ. соч. — С. 4.

¹²³ См. *Чернычев С.В.* “Иное”. Хрестоматия нового российского самознания. — М., 1995.

Документы

ВИЗИТ Б. КЛИНТОНА В РОССИЮ

1—3 сентября в Москве по приглашению Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина с официальным визитом находился Президент Соединенных Штатов Америки Б. Клинтон. Президенты России и США провели интенсивные переговоры по широкому кругу вопросов, охватывающих весь спектр российско-американского взаимодействия, подтвердили приверженность обоих государств принципиальному выбору в пользу строительства между Россией и США отношений равноправного сотрудничества, которые продолжают играть важную стабилизирующую роль в мировой политике, особенно в условиях нынешней сложной международной обстановки.

Проведен продуктивный обмен мнениями по ключевым международным проблемам, общим знаменателем которого была заинтересованность России и США в наращивании взаимодействия в деле обеспечения международной стабильности, в том числе в урегулировании региональных конфликтов.

Б.Н. Ельцин и Б. Клинтон подписали крупный, обращенный в будущее политический документ — Совместное заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI века. В нем подчеркивается, что Россия и США будут продолжать играть лидирующую роль как в двустороннем, так и в многостороннем плане перед лицом новых угроз международной безопасности. Это прежде всего распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), региональная нестабильность, экономические, экологические и другие транснациональные угрозы.

Под этим углом зрения были рассмотрены вопросы взаимодействия России и США в рамках ООН, “восьмерки”, других международных форумов, ситуация в области нераспространения, ход мирного урегулирования на Балканах, включая Косово. В отношении последнего принято Совместное заявление, в котором нашли отражение общие подходы России и США к политическому урегулированию косовской проблемы при строгом уважении территориальной целостности СРЮ, а также понимание необходимости срочных мер по предотвращению гуманитарного кризиса в крае. Значительное место на переговорах заняла проблематика согласованных усилий международного сообщества по борьбе с терроризмом.

Обе стороны подтвердили важность Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), его фундаментальный вклад в стабильность, предсказуемость и сотрудничество в регионе, высказались за то, чтобы до конца года обеспечить прорыв на переговорах по адаптации ДОВСЕ. Президент России подтвердил принципиальную позицию неприятия Россией расширения НАТО, а также натоцентризма в формировании новой архитектуры

европейской безопасности, высказался за укрепление роли ОБСЕ в европейских делах, в том числе в сфере безопасности. Обеими сторонами придано большое значение дальнейшей реализации потенциала для совместной работы, связанной с деятельностью Совместного постоянного совета Россия — НАТО.

В разоруженческой части обсуждений Б.Н. Ельцин и Б. Клинтон констатировали приверженность дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений, нераспространению ОМУ и средств его доставки, а также соблюдению обязательств по договорам о СНВ и по ПРО. Российская сторона предложила договориться в рамках Договора СНВ-3 о более низких уровнях по сравнению с ранее достигнутыми пониманиями на этот счет.

Президенты России и США подписали совместные заявления о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны, и об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении. В частности, договорились наладить непрерывный обмен информацией о пусках баллистических ракет (БР) и космических ракет-носителей (КРН), получаемой от систем предупреждения о ракетном нападении. Достигнута договоренность изучить вопрос о создании специального российско-американского центра обмена данными о пусках ракет, а также многостороннего режима уведомлений о готовящихся пусках БР и КРН, в котором могли бы участвовать на добровольной основе и другие государства. Принято также Совместное заявление о Протоколе к Конвенции о запрещении биологического оружия.

Существенное место на переговорах высших руководителей России и США заняла тема российско-американского экономического сотрудничества. Б.Н. Ельцин подчеркнул важность улучшения взаимного доступа на рынки, стимулирования инвестиционного сотрудничества. В ходе обмена мнениями по ситуации в российской экономике Президент России подтвердил приверженность курсу на строительство рыночной экономики. Была дана высокая оценка политической поддержке российских реформ со стороны США. По итогам проведенного обсуждения президенты приняли Совместное заявление о торговом, инвестиционном и технологическом сотрудничестве и контактах по линии неправительственных организаций, в котором определены приоритетные направления и сферы интенсификации двустороннего делового взаимодействия. В частности, зафиксирована договоренность о начале практической работы по пересмотру нерыночного статуса экономики России для целей антидемпингового регулирования.

Во время переговоров были рассмотрены некоторые практические вопросы двусторонних отношений. В присутствии президентов подписаны Соглашение о повышении безопасности полетов, Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области расследования и предотвращения авиационных происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами, Меморандум о взаимопонимании о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации. Последний возвращает российско-американские контакты в соответствующих областях на твердую договорно-правовую основу. Особое значение имеет Соглашение о повышении без-

опасности полетов, работа над которым велась более шести лет. В нем зафиксирована договоренность о признании США российской системы сертификации авиационной техники.

В целом российско-американские переговоры на высшем уровне в Москве стали крупным и необходимым этапом в деле закрепления конструктивных элементов в отношениях между Россией и США, их разворота в будущее. Как показала очередная российско-американская встреча в верхах, согласованные усилия России и США продолжают играть важную роль в поиске ответов на непростые вызовы современной международной ситуации.

Подписанные и принятые во время визита Президента США Б. Клинтона в Россию документы публикуются ниже.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЩИХ ВЫЗОВАХ БЕЗОПАСНОСТИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

Мы, президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, заявляем, что сотрудничество между Россией и США будет иметь в XXI веке чрезвычайно важное значение для содействия процветанию и укрепления безопасности во всем мире. В этой связи мы подтверждаем, что Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются естественными партнерами в обеспечении международного мира и стабильности. Мы уделили особое внимание наращиванию совместных усилий в деле ликвидации угроз, унаследованных от времен холодной войны, а также отражения общих вызовов безопасности на рубеже XXI века.

Мы считаем, что самую серьезную и насущную опасность представляет распространение ядерного, биологического, химического и других видов оружия массового уничтожения, технологий его производства и средств доставки. В условиях возрастающей взаимозависимости современного мира эти угрозы обретают транснациональный и глобальный характер, затрагивая не только национальную безопасность Российской Федерации и Соединенных Штатов, но и международную стабильность в целом. Вновь подтверждаем решимость России и США активно и тесно сотрудничать друг с другом, а также со всеми другими заинтересованными государствами с целью предотвращения и уменьшения такой угрозы посредством осуществления новых шагов, поиска новых форм взаимодействия и укрепления общепризнанных международных норм.

Мы признаем, что должно быть сделано больше, и сегодня мы предприняли ряд шагов по укреплению не только нашей безопасности, но и глобальной безопасности. Мы заявляем о своей твердой приверженности активизации переговоров по скорейшему завершению работы над Протоколом к Конвенции о запрещении биологического оружия. Мы приступаем к сотрудничеству на новом и важном направлении, каковым является дальней-

шее уменьшение риска ложных предупреждений о ракетном нападении. И мы договорились о принципах, которые будут регулировать наше сотрудничество по обращению и утилизации плутония, изъятого из ядерных оружейных программ, с тем чтобы его никогда нельзя было вновь использовать в ядерном оружии.

Общие обязательства сделали Россию и США партнерами в разработке основ международного режима нераспространения, включая Договор о нераспространении ядерного оружия, гарантии МАГАТЭ, Конвенцию о запрещении биологического и токсинного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Россия и США подтверждают свою приверженность цели присоединения всех стран к Договору о нераспространении ядерного оружия в его нынешнем виде, без изменений. Они также привержены более строгим правилам Группы ядерных поставщиков. Участвуя в Конференции по разоружению, наши государства вместе добились успеха в переговорах по выработке Конвенции о запрещении химического оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и призывают все страны присоединиться к данным договорам. Руководствуясь этими обязательствами, они предприняли существенные практические шаги по уменьшению глобальной ядерной угрозы и обеспечению контроля за передачей чувствительной технологии. Россия и США продолжают испытывать глубокую озабоченность по поводу ядерных испытаний в Южной Азии и подтверждают свою приверженность тесной координации в деле поддержки всех шагов, изложенных в Совместном коммюнике "пятерки", как они одобрены "восьмеркой" и Советом Безопасности ООН.

Договор о СНВ и инициативы президентов в области сокращения ядерных вооружений, принятые в 1991—1992 годах, помогут России и США обеспечить достижение их конечной цели ядерного разоружения и укрепление международной безопасности. Мы вместе ликвидировали более 1700 тяжелых бомбардировщиков и пусковых установок ракет, включая более чем 700 шахтных установок, 45 подводных лодок, способных нести ядерные ракеты, деактивировали или ликвидировали более 18 000 стратегических и тактических ядерных боеголовок. Подтверждая приверженность строгому соблюдению своих обязательств по договорам о СНВ и по ПРО, мы заявляем о решимости сотрудничать в деле ускорения вступления в силу Договора СНВ-2. Россия и США приступят к переговорам по более низким уровням в рамках Договора СНВ-3 сразу же после ратификации Россией Договора СНВ-2.

Россия и Соединенные Штаты в результате значительных сокращений в их ядерных силах располагают обширными запасами ядерных материалов, которые более не являются необходимыми для целей обороны. Они остаются приверженными тому, чтобы этим и другим запасам оружейных расщепляющихся материалов была обеспечена максимальная степень безопасности и учета, и подтверждают важность осуществления Соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных военных программ, заключенного в июле 1998 года Председателем Правительства Российской Федерации и Вице-президентом США.

Мы подтверждаем нашу приверженность дальнейшему развитию сотрудничества по экспортному контролю как существенно важной части обеспечения нераспространения. Наши правительства недавно создали дополнительный механизм сотрудничества в области экспорта чувствительной технологии. С этой целью на нашей сегодняшней встрече мы договорились учредить экспертные группы по ядерным вопросам, ракетной и космической технологии, всеобъемлющему и внутрифирменному контролю, контролю за передачей обычных вооружений, равно как и по правоприменению, таможенным вопросам и лицензированию, с тем чтобы укреплять сотрудничество и осуществлять конкретные проекты двустороннего взаимодействия и взаимной помощи. Эти группы будут сформированы в течение ближайшего месяца и безотлагательно начнут свою практическую деятельность. Установлен также защищенный канал связи между старшими должностными лицами обеих стран, что обеспечит быстрый и конфиденциальный обмен информацией по вопросам нераспространения.

Мы вновь подтвердили важность Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и его фундаментальный вклад в стабильность, предсказуемость и сотрудничество в Европе. В нашей совместной работе, направленной на создание более интегрированной и безопасной Европы, мы привержены ускорению переговоров, целью которых является адаптация Договора с учетом меняющихся обстоятельств. Мы полагаем необходимым завершить работу по адаптации в самое ближайшее время. Мы подтверждаем свою приверженность соблюдению положений Договора в процессе его адаптации.

Россия и США сохраняют приверженность совместному строительству прочного мира, основанного на принципах демократии и неделимости безопасности. Они подтверждают общую цель укрепления безопасности и стабильности в интересах всех стран, а также борьбы с агрессивным национализмом и предотвращения нарушения прав человека. Они будут консультироваться и стремиться к сотрудничеству в деле предупреждения и урегулирования конфликтов, а также управления кризисами. В этой связи мы придаем важное значение оперативному сотрудничеству между вооруженными силами России и США как в двустороннем, так и многостороннем контексте. Мы с удовлетворением отмечаем, что достигнут определенный прогресс в области оборонного сотрудничества и в особенности по укреплению ядерной безопасности и осуществлению Программы совместного уменьшения угроз.

Мы признаем, что прочность мировой финансовой и экономической системы, которая все более становится взаимозависимой, затрагивает благосостояние людей во всех странах. Мы согласны в том, что успех экономических и структурных реформ в России имеет важное значение для международного сообщества.

Императивом защиты природных систем, от которых зависит человечество, является усиление охраны окружающей среды в XXI веке. Россия и США будут совместно работать в целях решения глобальной климатической проблемы, сохранения озонового слоя, сохранения биоразнообразия и обеспечения устойчивого использования лесов и других природных ресур-

сов. Мы подчеркнули необходимость углубления широкого международного и двустороннего взаимодействия в этой области.

Мы заявляем о категорической неприемлемости терроризма во всех его формах и проявлениях, независимо от мотивов. Россия и США решительно осуждают недавние террористические взрывы в Кении и Танзании. На нашей встрече сегодня мы согласовали ряд шагов, которые являются ответом на растущую угрозу терроризма.

Мы согласились активизировать совместные усилия по противодействию транснациональным угрозам экономике и безопасности наших стран, включая те из них, которые являют собой организованная преступность, незаконный оборот наркотических средств, незаконный оборот оружия, преступление с использованием компьютерной техники и других высоких технологий, легализация доходов от преступной деятельности. Мы договорились о создании двусторонней рабочей группы по правоохранительной проблематике, которая будет встречаться на регулярной основе, а также об усилении мер по исполнению законов и улучшению системы информирования общественности по вопросам ликвидации торговли женщинами и детьми. Мы согласились, что Россия и США примут активное участие в выработке эффективного конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Мы приветствуем проведение в 1999 году в Москве встречи "восьмерки" на министерском уровне по борьбе с транснациональной преступностью.

Мы признаем важность содействия положительным сторонам и ослабления действия отрицательных сторон происходящей сейчас информационно-технологической революции, что является серьезной задачей в деле обеспечения стратегических интересов безопасности наших двух стран в будущем. В рамках усилий по решению этих проблем Россией и США уже проведены продуктивные обсуждения по разрешению потенциальной компьютерной проблемы в 2000 году по линии Консультативной группы по оборонным вопросам. Россия и США привержены продолжению консультаций и изучению более широких последствий данной компьютерной проблемы в целях решения вопросов, представляющих взаимный интерес и озабоченность.

Мы заявляем, что общие вызовы безопасности на рубеже XXI века могут быть отражены только посредством последовательной мобилизации усилий всего международного сообщества. Для этого должны быть использованы все имеющиеся ресурсы. В случае необходимости мировое сообщество должно своевременно принимать эффективные меры по противодействию таким угрозам. Россия и США будут продолжать играть лидирующую роль как в двустороннем, так и многостороннем плане в деле достижения общих целей в сфере безопасности.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б. ЕЛЬЦИН**

**ПРЕЗИДЕНТ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
Б. КЛИНТОН**

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О СИТУАЦИИ В КОСОВО

Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки с озабоченностью отметили, что ситуация в Косово продолжает ухудшаться, вызывая растущую тревогу международной общественности в связи с возможными негативными последствиями для региональной стабильности. Несмотря на интенсивные усилия Контактной группы, ОБСЕ, других международных институтов, пока не удастся добиться прекращения вооруженных столкновений, бессмысленного кровопролития, начать серьезные и содержательные переговоры между властями в Белграде и лидерами косовских албанцев, которые позволили бы в кратчайшие сроки выйти на согласованные меры укрепления доверия и безопасности в крае — как промежуточный шаг на пути к окончательному урегулированию косовской проблемы, включая определение статуса расширенного самоуправления Косово при строгом уважении территориальной целостности СРЮ.

Эскалация напряженности в Косово оборачивается тяжелыми страданиями для мирных жителей. В результате вооруженных столкновений свыше двухсот тысяч людей оказались вынуждены покинуть свои очаги. Ситуация усугубляется массовыми разрушениями домов, нехваткой продовольствия, риском эпидемий. Угроза гуманитарной катастрофы становится все более реальной.

С. Милошевич как Президент СРЮ должен дать приказ о прекращении всех репрессивных акций против гражданского населения в Косово. Должно быть незамедлительно прекращено любое насилие со стороны всех вооруженных групп косовских албанцев. Президент С. Милошевич и руководство косовских албанцев должны интенсифицировать переговорный процесс.

Необходимы неотложные меры по предотвращению гуманитарной катастрофы в Косово. Должны быть незамедлительно созданы условия, чтобы еще до зимы беженцы и перемещенные лица имели возможность беспрепятственно вернуться в места постоянного проживания. Масштабы и острота проблемы требуют активных совместных действий властей в Белграде, косовских албанцев и международных гуманитарных организаций. Постоянный международный мониторинг на местах, сопровождаемый и поэтапным отводом сербских сил безопасности в места постоянной дислокации, и прекращением вооруженных действий со стороны косовских албанцев, необходим, чтобы вселить в людей уверенность в личную безопасность и перспективу восстановления нормальной жизни. Незамедлительно должен быть запущен механизм — своего рода “пилотные проекты” — создания благоприятных условий в наиболее пострадавших населенных пунктах края. Сербские власти должны на практике обеспечить беспрепятственный доступ гуманитарных организаций и дипломатических наблюдателей во все районы края.

Прекращение насилия и снятие остроты гуманитарной ситуации способствовало бы и созданию благоприятного фона для продвижения вперед переговорного процесса по всем аспектам проблемы. Президент С. Милошевич и все лидеры косовских албанцев должны активно включиться в

переговорный процесс с целью достижения политического решения кризиса и создания основы прочного мира в Косово.

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИНЦИПАХ ОБРАЩЕНИЯ И УТИЛИЗАЦИИ ПЛУТОНИЯ, ЗАЯВЛЕННОГО КАК НЕ ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ БОЛЕЕ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБОРОНЫ

Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов подтверждают намерение каждой страны поэтапно изъять из своих ядерных оружейных программ около 50 метрических тонн плутония и переработать его так, чтобы никогда нельзя было использовать этот плутоний в ядерном оружии. Признавая, что по мере дальнейшего сокращения вооружений количество такого плутония будет увеличиваться, меры по обращению с ним и уменьшению его запасов становятся важнейшим элементом усилий по обеспечению необратимости процесса сокращения вооружений и являются необходимыми для недопущения риска распространения.

В качестве важнейшего шага по достижению этой цели Россия и США заключили в июле 1998 года в ходе работы совместной Комиссии Соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятых из ядерных военных программ. Мы договорились о принципах, которыми будут руководствоваться наши правительства в сотрудничестве для достижения целей, содержащихся в этом заявлении. Наша работа сегодня основана на договоренностях Московской встречи на высшем уровне по ядерной безопасности 1996 года, а также саммитов "восьмерки" в 1997 и 1998 годах.

Мы согласились о следующих принципах:

— Россия и США будут перерабатывать, каждая, около 50 тонн плутония, поэтапно изымаемого из ядерных военных программ, в формы, не пригодные для использования в ядерном оружии. Мы признаем, что потребуются промежуточное хранение этого материала.

— Оба правительства будут сотрудничать в достижении этой цели путем использования этого плутония в качестве топлива для существующих ядерных реакторов (или для тех реакторов, которые могут войти в эксплуатацию в период нашего сотрудничества) или путем иммобилизации плутония остекловыванием или спеканием с высокоактивными радиоактивными отходами.

— Россия и США надеются, что всеобъемлющие усилия по обращению и утилизации этого плутония будут носить широкий многосторонний характер, и приветствуют тесное сотрудничество и координацию действий с другими странами, включая государства "восьмерки". Мы намерены также поощрять сотрудничество с частным сектором.

— В сотрудничестве с другими странами Россия и США по мере практической возможности и в соответствии с временными рамками, подлежа-

щими согласованию между двумя правительствами, разработают и введут в строй первоначальный ряд производственных установок по переработке плутония в топливо для вышеназванных существующих реакторов.

— Условия осуществления совместных проектов по обращению и утилизации плутония будут определены по взаимному согласию сторон, участвующих в этих проектах.

— В усилиях по обращению и утилизации плутония Россия и США будут стремиться разработать приемлемые методы и технологии для мер транспарентности, включая соответствующие международные меры по проверке и строгие стандарты физической защиты, контроля и учета при обращении с таким плутонием.

— Мы также признаем, что для осуществления этих усилий будет необходимо согласовать соответствующие финансовые договоренности.

— Обе стороны будут развивать стратегию обращения и утилизации плутония с учетом Соглашения от июля 1998 года, а также с учетом основанного на принципах, содержащихся в настоящем Заявлении, межправительственного соглашения. Они незамедлительно начнут переговоры по этому двустороннему соглашению с намерением заключить его до конца текущего года.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б. ЕЛЬЦИН

ПРЕЗИДЕНТ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
Б. КЛИНТОН

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБМЕНЕ ИНФОРМАЦИЕЙ О ПУСКАХ РАКЕТ И РАННЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ

Принимая во внимание продолжающееся распространение в мире баллистических ракет и ракетных технологий, необходимость и далее сводить к минимуму последствия ложного предупреждения о ракетном нападении и прежде всего предотвращать возможность пуска ракет по причине такого ложного предупреждения, Президент Российской Федерации и Президент Соединенных Штатов достигли согласия относительно инициативы по сотрудничеству между Россией и США в области обмена информацией о пусках ракет и раннего предупреждения.

Целью этой инициативы является осуществление непрерывного обмена информацией о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей, получаемой каждой стороной от своей системы предупреждения о ракетном нападении, включая возможное создание центра обмена данными о пусках ракет, эксплуатируемого Россией и США, отдельного от их соответствующих национальных центров. В рамках этой инициативы Россия и Соединенные Штаты также изучат возможность создания многостороннего режима уведомления о готовящихся пусках баллистических ракет и косми-

ческих ракет-носителей, в котором могли бы участвовать на добровольной основе и другие государства.

Президенты поручили своим экспертам в возможно короткие сроки разработать для одобрения в своих странах план продвижения этой инициативы к скорейшему осуществлению.

Россия, исходя из имеющихся у нее международных обязательств в отношении информации, получаемой от средств предупреждения о ракетном нападении, согласует необходимые вопросы, связанные с осуществлением этой инициативы.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б. ЕЛЬЦИН

ПРЕЗИДЕНТ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
Б. КЛИНТОН

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРОТОКОЛЕ К КОНВЕНЦИИ О ЗАПРЕЩЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов, признавая угрозу, которую представляет собой биологическое оружие, выражают решительную поддержку целям и задачам Специальной группы государств-участников по созданию режима повышения эффективности осуществления Конвенции 1972 года о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Мы призываем к дальнейшей интенсификации и успешному завершению этих переговоров в целях укрепления Конвенции путем принятия юридически обязательного Протокола в возможно короткие сроки.

Мы согласились способствовать выполнению этих задач. В связи с этим Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки предпримут дополнительные усилия в Спецгруппе для того, чтобы добиться решающего прогресса на переговорах по Протоколу к Конвенции, обеспечить его универсальность и позволить Группе выполнить свой мандат.

Мы согласны в том, что Протокол к Конвенции должен осуществляться экономным образом, адекватно гарантировать защиту информации, относящейся к вопросам национальной безопасности, и обеспечивать конфиденциальность чувствительной коммерческой информации. Мы также считаем исключительно важным создание механизма осуществления, который будет согласовываться с объемом мер, предусмотренных в Протоколе.

Мы признаем необходимость включения в Протокол мер, которые бы максимально способствовали укреплению Конвенции.

Мы выражаем нашу твердую приверженность глобальному запрещению биологического оружия, а также полному и эффективному соблюдению всеми государствами-участниками Конвенции о запрещении биологического оружия.

Мы поддерживаем формулировку Заключительной декларации IV Конференции государств-участников по рассмотрению действия Конвенции (1996 г.), согласно которой Конвенция запрещает применение бактериологического (биологического) и токсинного оружия при любых обстоятельствах.

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ТОРГОВОМ, ИНВЕСТИЦИОННОМ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И КОНТАКТАХ ПО ЛИНИИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Мы, президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, определили приоритетные направления углубления нашего торгового, инвестиционного и технологического сотрудничества и контактов по линии неправительственных организаций. Мы рассмотрели ключевую роль Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству в деле укрепления двусторонних отношений между нашими странами. Мы договорились предпринять следующие действия, содействующие укреплению доверия инвесторов и потребителей, и поручили сопредседателям Комиссии осуществлять контроль за их исполнением:

— содействовать в рамках Российско-Американского Комитета по развитию делового сотрудничества дальнейшему укреплению двусторонних торговых и инвестиционных потоков путем совместной работы по поддержке совместных проектов между российскими и американскими предпринимателями, сокращению остающихся барьеров, препятствующих доступу на рынки, укреплению верховенства закона в сфере предпринимательства, интенсификации диалога по вопросам налогообложения коммерческой деятельности, стандартов, а также по таможенным вопросам;

— расширить технические обмены между Банком России и Федеральной резервной системой США и наладить их с Контролером денежного обращения и Федеральной корпорацией по страхованию депозитов;

— расширить сотрудничество между Федеральной комиссией по рынкам ценных бумаг Российской Федерации и Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям США с целью развития и применения на практике действенной и сбалансированной политики регулирования;

— интенсифицировать техническое сотрудничество между Министерством финансов Российской Федерации, Банком России и Министерством финансов США по вопросам укрепления финансового сектора;

— содействовать развитию малого и среднего предпринимательства, в том числе путем развития с помощью российских и американских экспертов, работающих на региональном и местном уровне, управленческих навыков предпринимательства, расширения доступа малых и средних предприятий к финансированию и поддержки обменов между предпринимателями России и США.

Мы обсудили текущие приоритеты России в области торговли и инвестиций. В этой связи мы рассмотрели стремление России получить признание своей экономики в качестве рыночной в соответствии с положениями торгового законодательства США. Для запуска процедуры пересмотра статуса Российская Сторона представит в Министерство торговли США меморандум с надлежащим обоснованием.

Отрасли космического комплекса в обеих странах имеют все предпосылки к быстрому росту и могут содействовать революционным прорывам в области систем связи и высокотехнологичных отраслей промышленности во всем мире. Российско-американские коммерческие космические проекты уже способствуют созданию в России и США тысяч рабочих мест в сфере высоких технологий с предполагаемыми доходами в миллиарды долларов. Мы подтвердили необходимость выполнения наших соответствующих обязательств по Международной космической станции с целью продолжения освоения космического пространства, которое принесет пользу нашим народам. Мы признали важность обеспечения защиты российских и американских чувствительных технологий при осуществлении совместных коммерческих и правительственных космических программ и поручили нашим экспертам продолжить совместную работу на этом направлении.

Сотрудничество в области энергетики имеет беспрецедентные возможности для привлечения инвестиций, создания рабочих мест и обеспечения устойчивого роста в России. Его развитию будут способствовать использование в полной мере на практике законодательства о соглашениях о разделе продукции, гармонизация последнего с налоговым кодексом, а также его применение в отношении развития новых нефтяных и газовых месторождений. Мы признаем важность коммерчески обоснованной и экологически надежной многовариантной системы трубопроводов по доставке энергетических ресурсов бассейна Каспия на международные рынки. Мы призываем российские и американские компании к развитию совместного сотрудничества по этим и другим энергетическим проектам.

Российско-американское сотрудничество в области гражданской авиации может привести к изменению облика глобального транспорта в XXI веке. Мы отмечаем прогресс, который был достигнут по двустороннему соглашению о дальнейшем развитии воздушного сообщения между нашими двумя странами, и подчеркиваем необходимость дополнительных усилий по завершению переговоров. Мы признаем большую значимость новых двусторонних соглашений по повышению безопасности полетов, подписанных сегодня. Мы приветствуем сотрудничество между Россией, США и ИКАО, направленное на обеспечение безопасного, эффективного и рентабельного доступа к услугам в области контроля за воздушным сообщением, и признаем важность этого начинания для мировой авиации.

Наши страны осознают свою важную роль в деле содействия защите окружающей среды в мире. Мы договорились о продолжении сотрудничества по проблеме выбросов парниковых газов. Россия и США подтверждают свою приверженность достижению согласованных в Киото целей в области эмиссии газов. Мы будем сотрудничать в деле создания широкой, свободной от ограничений и эффективной в экологическом и экономическом отношении системы торговли квотами на выброс газов. Россия и Со-

единенные Штаты намерены воспользоваться предусмотренными Киотским протоколом гибкими, основанными на рыночных принципах механизмами, особенно в области торговли квотами на выброс.

Мы с удовлетворением отмечаем прогресс, достигнутый в области интеграции России в международные экономические и финансовые структуры, прежде всего в отношении “восьмерки”, Парижского клуба и АТЭС. Мы поручили нашим экспертам интенсифицировать работу по присоединению России к Всемирной торговой организации и Организации экономического сотрудничества и развития.

Мы поддерживаем прочные неправительственные связи, которые сложились между нашими гражданами. Сотрудничество между российскими и американскими больницами, университетами и общественными, правозащитными и другими организациями развивается быстрыми темпами. В эти контакты в настоящее время вовлечены тысячи российских и американских граждан и городов. Они охватывают все 89 российских регионов и 50 американских штатов. Мы привержены делу сохранения, расширения и развития этих контактов во всем их многообразии — от науки и бизнеса до искусства и религии. В этом контексте мы объявили о новой совместной программе стажировок для молодых русских и американцев, посвятивших себя службе обществу, которая обеспечит возможность будущим лидерам наших двух стран узнать о наших обществах в ходе получения университетского образования и прохождения профессиональной практики. Эти новые неправительственные, прямые отношения между людьми являются основой для укрепления процветания и лучшего понимания между нашими странами, которые приведут нас в следующий век.

Москва, 2 сентября 1998 г.

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ О ПОВЫШЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ

Правительство Российской Федерации и Правительство Соединенных Штатов Америки, именуемые далее Договаривающимися Сторонами, желая повысить безопасность полетов гражданских воздушных судов и качество окружающей среды,

отмечая общую заинтересованность в безопасной эксплуатации гражданских воздушных судов,

признавая тенденцию к международной кооперации в области проектирования, производства и взаимного обмена гражданской авиационной техникой,

желая развивать сотрудничество и повышать эффективность мероприятий, связанных с обеспечением безопасности полетов гражданских воздушных судов,

принимая во внимание возможное уменьшение экономической нагрузки на авиационную промышленность и эксплуатантов, связанной с дублированием технических проверок, оценок и испытаний,

признавая взаимную выгоду от усовершенствования процедур взаимного признания одобрений летной годности, испытаний на воздействие на окружающую среду и от разработки процедур взаимного признания в части одобрения и надзора за летными тренажерами, предприятиями по техническому обслуживанию воздушных судов, персоналом по техническому обслуживанию, летным составом и летной эксплуатацией,

согласились о нижеследующем:

Статья I

а) упростить признание каждой Договаривающейся Стороной (а) одобрений летной годности и испытаний гражданской авиационной техники и ее одобрения в части воздействия на окружающую среду и (б) квалификационной оценки летных тренажеров другой Договаривающейся Стороны;

б) упростить принятие каждой Договаривающейся Стороной одобрений и надзора за предприятиями по техническому обслуживанию и предприятиями по изменению или модификации, персоналом по техническому обслуживанию, летным составом, учебно-тренировочными центрами и летной эксплуатацией другой Договаривающейся Стороны;

в) сотрудничать с целью поддержания эквивалентного уровня безопасности и качества окружающей среды в отношении безопасности авиации;

г) каждая Договаривающаяся Сторона определяет соответствующие полномочные органы в качестве своего(их) исполнительного(ых) представителя(ей) для выполнения настоящего Соглашения.

От Правительства Российской Федерации такими исполнительными представителями являются Межгосударственный авиационный комитет (МАК) в области одобрения типовой конструкции, первоначального одобрения летной годности, одобрения гражданской авиационной техники в части защиты окружающей среды и ее испытаний на воздействие на окружающую среду; и Федеральная авиационная служба России (ФАС России) в области одобрения предприятий по техническому обслуживанию, персонала по техническому обслуживанию и летного состава, одобрения летной эксплуатации, квалификационной оценки летных тренажеров, одобрения учебно-тренировочных центров и поддержания летной годности гражданской авиационной техники в эксплуатации. В целях выполнения положений настоящего Соглашения МАК действует от имени Правительства Российской Федерации как уполномоченный им орган.

От Правительства Соединенных Штатов Америки исполнительным представителем является Федеральная авиационная администрация (ФАА) Департамента транспорта.

Статья II

Для целей настоящего Соглашения нижеследующие термины означают:

а) "одобрение летной годности" — вывод о том, что типовая конструкция или изменение типовой конструкции изделия гражданской авиатехники

соответствует стандартам, согласованным Договаривающимися Сторонами, или что экземпляр авиатехники соответствует типовой конструкции, отвечающей этим стандартам, и находится в состоянии, обеспечивающем безопасную эксплуатацию;

б) “изменение или модификация” — внесение изменений в конструкцию, конфигурацию, характеристики изделия гражданской авиатехники, в том числе в части воздействия на окружающую среду, или эксплуатационные ограничения этого изделия;

в) “одобрение летной эксплуатации” — процесс технических осмотров и оценок организаций, выполняющих коммерческие пассажирские или грузовые авиаперевозки, проводимых Договаривающейся Стороной с применением стандартов, согласованных Договаривающимися Сторонами, или вывод о том, что данная организация соответствует этим стандартам;

г) “изделие гражданской авиатехники” — любое гражданское воздушное судно, авиационный двигатель, воздушный винт или устанавливаемые на них узлы, оборудование, материал, деталь или компонент;

д) “одобрение в части защиты окружающей среды” — вывод о том, что изделие гражданской авиатехники соответствует стандартам по шуму и/или эмиссии выхлопных газов, согласованным Договаривающимися Сторонами. “Испытания по воздействию на окружающую среду” — это процесс с использованием процедур, согласованных Договаривающимися Сторонами, по которому оценивается соответствие изделия гражданской авиатехники этим стандартам;

е) “квалификационная оценка летного тренажера” — процесс сравнения летного тренажера с воздушным судном, которое он имитирует, проводимый в соответствии со стандартами, согласованными Договаривающимися Сторонами, или вывод о его соответствии этим стандартам;

ж) “техническое обслуживание” — выполнение осмотров, ремонта, восстановления, хранения и замены частей, материалов, оборудования или компонентов изделия для поддержания летной годности этого изделия, включая изменения или модификации;

з) “надзор” — периодическое наблюдение соответствующими исполнительными представителями Договаривающихся Сторон за соблюдением соответствующих стандартов.

Статья III

А. Соответствующие исполнительные представители Договаривающихся Сторон проводят технические оценки и совместно работают для достижения понимания стандартов и систем друг друга в следующих областях:

- 1) одобрение летной годности изделий гражданской авиатехники;
- 2) одобрение и испытания в части защиты окружающей среды;
- 3) одобрение предприятий по техническому обслуживанию, предприятий по изменению или модификации, персонала по техническому обслуживанию и летного состава;
- 4) одобрение летной эксплуатации;
- 5) квалификационная оценка летных тренажеров;
- 6) одобрение учебно-тренировочных центров.

Б. По достижении соответствующими исполнительными представителями Договаривающихся Сторон договоренности о том, что стандарты, правила, практика, процедуры и системы обеих Договаривающихся Сторон в одной из перечисленных выше технических областей в достаточной степени эквивалентны или сопоставимы, чтобы позволить принимать выводы о соответствии, сделанные одной Договаривающейся Стороной для другой Договаривающейся Стороны в отношении согласованных стандартов, ее соответствующие исполнительные представители подписывают документ о Процедурах реализации, описывающий методы, по которым будет осуществляться такое взаимное признание в отношении данной конкретной области.

В. Процедуры реализации должны включать как минимум:

- 1) определения;
- 2) описание конкретной области гражданской авиации, на которую будут распространяться такие Процедуры;
- 3) условия взаимного признания таких действий соответствующего исполнительного представителя, как наблюдение за проведением испытаний, инспекции, квалификация, одобрение и сертификация;
- 4) ответственность исполнительных представителей;
- 5) положения о сотрудничестве и взаимной технической помощи;
- 6) положения о периодических оценках;
- 7) положения о внесении изменений в Процедуры реализации или прекращении их действия.

Статья IV

Любые разногласия относительно толкования или применения настоящего Соглашения или Процедур его реализации должны разрешаться путем проведения консультаций между Договаривающимися Сторонами или их исполнительными представителями, соответственно.

Статья V

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты его подписания и будет оставаться в силе до тех пор, пока его действие не будет прекращено одной из Договаривающихся Сторон путем письменного уведомления за шестьдесят (60) дней другой Договаривающейся Стороны. Прекращение действия Соглашения повлечет за собой аннулирование всех имеющихся Процедур реализации по настоящему Соглашению.

Настоящее Соглашение может быть изменено письменным соглашением между Договаривающимися Сторонами. Отдельные Процедуры реализации могут аннулировать или меняться соответствующими исполнительными представителями.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими Правительствами, подписали настоящее Соглашение.

Совершено в Москве 2 сентября 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Е. ПРИМАКОВ

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
М. ОЛБРАЙТ

МЕМОРАНДУМ
о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации
и Правительством Соединенных Штатов Америки
по сотрудничеству в области расследования и предотвращения
авиационных происшествий и инцидентов,
связанных с гражданскими воздушными судами

Правительство Российской Федерации и Правительство Соединенных Штатов Америки, далее именуемые Сторонами,

желая повысить безопасность полетов гражданской авиации и эффективность предотвращения авиационных происшествий,

признавая взаимную выгоду от совершенствования процедур расследования и представления данных о фактах, условиях и об обстоятельствах авиационных происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами,

признавая многие взаимные выгоды для безопасности полетов, которые были реализованы посредством сотрудничества в расследовании и предотвращении происшествий и инцидентов в рамках Рабочей группы по расследованию происшествий, осуществляемого в соответствии с соглашениями между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки,

учитывая совместное заявление Российско-Американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству от 5 февраля 1997 г. о том, что Стороны намерены развивать двустороннее сотрудничество в области гражданской авиации,

согласились о нижеследующем:

1. Стороны предпринимают меры для углубления сотрудничества в области расследования и предотвращения авиационных происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами. Такое сотрудничество может включать в себя следующие направления, но не ограничивается ими:

а) помощь и обмен методологиями расследования и предотвращения происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами;

б) обмен информацией о расследовании и предотвращении происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами;

в) помощь и обмен информацией, связанной с расследованием и предотвращением происшествий и инцидентов, находящимися в ведении Международной организации гражданской авиации.

2. Компетентными органами, ответственными за выполнение положений настоящего Меморандума, являются:

От Правительства Российской Федерации:

— Межгосударственный авиационный комитет (МАК) — специально уполномоченный орган по расследованию авиационных происшествий, который действует от имени и по поручению Правительства Российской Федерации;

— Федеральная авиационная служба России (ФАС) — специально уполномоченный орган по предотвращению авиационных происшествий и рас-

следованию инцидентов с гражданскими воздушными судами, который будет действовать от имени и по поручению Правительства Российской Федерации.

От Правительства Соединенных Штатов Америки — Национальный комитет по безопасности на транспорте (НТСБ) при поддержке и с участием Федеральной авиационной администрации (ФАА).

3. Расследование авиационных происшествий и инцидентов проводится в соответствии с Чикагской конвенцией о международной гражданской авиации и Приложением 13 к этой Конвенции. В соответствии с Приложением 13 следующие уполномоченные органы являются ответственными за организацию и проведение расследования происшествий или инцидентов в следующих обстоятельствах:

МАК несет главную ответственность за проведение расследования любого авиационного происшествия, имевшего место на территории Российской Федерации с воздушным судном, зарегистрированным в США или эксплуатируемым США, или происшествия, имевшего место в Российской Федерации с воздушным судном или двигателями воздушного судна, разработанными или изготовленными в США. МАК также отвечает за выделение уполномоченного представителя от Российской Федерации для участия в расследовании происшествий, имевших место в США с воздушными судами, зарегистрированными в Российской Федерации или эксплуатируемыми Российской Федерацией, или для участия в расследовании авиационных происшествий и инцидентов, имевших место в США с воздушными судами или двигателями, разработанными или изготовленными в Российской Федерации.

ФАС России несет главную ответственность за проведение расследования любого инцидента, имевшего место на территории Российской Федерации с воздушным судном, зарегистрированным в США или эксплуатируемым США, или инцидента, имевшего место в Российской Федерации с воздушным судном или с двигателями воздушного судна, разработанными или изготовленными в США. ФАС России также отвечает за выделение уполномоченного представителя Российской Федерации для участия в расследовании инцидентов, имевших место в США с воздушными судами, зарегистрированными в Российской Федерации или эксплуатируемыми Российской Федерацией.

НТСБ несет главную ответственность за проведение расследования любого авиационного происшествия и инцидента, имевшего место на территории США с воздушным судном, зарегистрированным в Российской Федерации или эксплуатируемым Российской Федерацией, или происшествия и инцидента, имевшего место в США с воздушным судном или с двигателями воздушного судна, разработанными или изготовленными в Российской Федерации. FAA принимает участие в расследованиях, проводимых НТСБ. НТСБ также отвечает за выделение уполномоченного представителя США для участия в расследовании происшествий и инцидентов, имевших место на территории Российской Федерации с воздушными судами, зарегистрированными в США или эксплуатируемыми США, или происшествий и инцидентов, имевших место в Российской Федерации с воздушными судами или двигателями, разработанными или изготовленными в США. FAA принимает участие как советник уполномоченного представителя НТСБ.

4. Стороны предпринимают шаги по достижению взаимного доверия в отношении применяемых ими систем расследования и предотвращения авиационных происшествий и инцидентов, связанных с гражданскими воздушными судами, а также сотрудничают в совершенствовании этих систем.

5. Стороны реализуют настоящий Меморандум в соответствии с их соответствующими национальными законодательствами и в соответствии с нормами и принципами международного права. Сохранность и конфиденциальность информации, особенно документов, составляющих собственность Сторон, регулируются соответствующими национальными законодательствами Сторон.

6. Компетентные органы Сторон продолжают осуществлять участие в Рабочей группе по расследованию происшествий и готовят рекомендации по установлению оптимальных деловых отношений между компетентными органами Сторон.

7. Настоящий Меморандум вступает в силу с даты его подписания и остается в силе до тех пор, пока его действие не будет прекращено одной из Сторон путем письменного уведомления за шесть (6) месяцев другой Стороны.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими Правительствами, подписали настоящий Меморандум о взаимопонимании.

Совершено в Москве 2 сентября 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Е. ПРИМАКОВ

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
М. ОЛБРАЙТ

МЕМОРАНДУМ

**о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации
и Правительством Соединенных Штатов Америки
о принципах сотрудничества в области культуры,
гуманитарных и общественных наук,
образования и средств массовой информации**

Правительство Российской Федерации и Правительство Соединенных Штатов Америки, далее именуемые Участниками,

стремясь к углублению взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между народами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки,

полагая, что дальнейшее развитие сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды будет способствовать достижению этих целей,

подтверждая незыблемость принципа соблюдения международных норм, регулирующих права на интеллектуальную собственность,

руководствуясь положениями Хартии российско-американского партнерства и дружбы, подписанной в Вашингтоне 17 июня 1992 г.,

заявляя о намерении поощрять прямые связи между гражданами и соответствующими учреждениями Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, а также российскими и американскими неправительственными организациями в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации,

пришли к взаимопониманию, что:

1. Участники намерены содействовать упрочению взаимного сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования, архивного дела и средств массовой информации.

2. Участники намерены поощрять развитие культурных обменов в целях содействия лучшему пониманию культуры друг друга, в частности путем: организации театральных постановок и художественных выставок; распространения учебных материалов, книг, периодических изданий, научных публикаций, радио- и телепрограмм, фильмов и других аудиовизуальных материалов;

организации лекций, семинаров и совместных научных исследований; участия в других мероприятиях в области культуры и искусства, проводимых в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки.

3. Участники намерены содействовать установлению контактов между заинтересованными правительственными и неправительственными организациями в целях разработки программ и совместных проектов в областях, представляющих взаимный интерес, способствующих укреплению двусторонних связей.

4. Участники планируют поощрять научные исследования в области культуры, гуманитарных наук и образования, проводимые соответствующими учебными заведениями обеих стран.

5. Участники намерены оказывать содействие в изучении английского и русского языков в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, соответственно.

6. Участники намерены способствовать взаимному направлению учащихся, студентов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава и ученых для обучения и научно-исследовательской работы, а также преподавателей средних школ для стажировки и чтения лекций.

7. Участники намерены поощрять развитие контактов между библиотеками и архивами в целях обеспечения более широкого доступа к имеющейся в них информации.

8. Участники намерены содействовать обменам и контактам между журналистами, издателями и ассоциациями средств массовой информации.

9. Участники намерены поощрять контакты и сотрудничество между молодежными, женскими и другими неправительственными организациями двух стран.

10. Мероприятия, перечисленные в настоящем Меморандуме, могут осуществляться в виде совместных проектов или отдельных программ соответствующих правительственных или неправительственных организаций Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

11. Участники планируют, что их представители собираются по мере необходимости или по просьбе одного из Участников для обмена мнениями, а также выработки рекомендаций по отдельным аспектам развития куль-

турного сотрудничества. Связанные с этим вопросы будут согласовываться по дипломатическим каналам.

12. По вопросам сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации Участники намерены руководствоваться настоящим Меморандумом в соответствии с нормами и правилами законодательства Российской Федерации и законодательства Соединенных Штатов Америки, а также положений и принципов международного права начиная со дня его подписания и впредь до тех пор, пока один из Участников не сообщит в письменной форме другому Участнику о противоположном решении.

Положения настоящего Меморандума не затрагивают другие действующие проекты или программы.

Подписано в Москве 2 сентября 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Е. ПРИМАКОВ

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
М. ОЛБРАЙТ

АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯДЕРНОГО ПРАВА (АМЯП)

Современная международная жизнь богата множеством международных форм сотрудничества и публичной, и частноправовой природы, объединяющих представителей различных профессий, специальностей и даже отдельных специализаций. Не составляют в этом отношении исключения и юристы, специализирующиеся в области ядерного права. Более чем четверть века назад праведы и экономисты-ядерники из различных стран собрались вместе и образовали свой международный альянс — Международную ассоциацию права и экономики ядерной энергии. Однако скоро оказалось, что стать действительными членами Ассоциации изъявили желание в основном юристы. Поэтому она была переименована в Ассоциацию международного ядерного права (International Nuclear Law Association — INLA). Под этим названием она осуществляет свою деятельность и в настоящее время.

Штаб-квартирой альянса юристов-ядерников был избран Брюссель. Там он и зарегистрирован как субъект бельгийского права.

В соответствии со Статутом, принятым 8 июля 1972 г., Ассоциация преследует цель расширить и продлить на международной основе исследования и навыки юридических проблем, связанных с мирным использованием ядерной энергии, с тем чтобы защитить человека и окружающую среду от вредного воздействия ядерных факторов. К числу преследуемых целей Ассоциации относятся также обмен между ее членами информацией и осуществление научного сотрудничества с другими ассоциациями или организациями, преследующими подобные цели. Воплощая эти цели в жизнь, Ассоциация постоянно организует общие собрания своих членов, международные конгрессы, дебаты, встречи специалистов, конференции, семинары, а также издает или содействует изданию публикаций в области ядерного права.

Ассоциация состоит из действительных и почетных членов. Действительным членом Ассоциации может быть любое физическое лицо, деятельность которого в какой-то степени связана с целями, преследуемыми данной Ассоциацией. При желании стать ее членом необходимо сообщить об этом Административному совету Ассоциации, направив соответствующее заявление по адресу: AIDN — INLA, c/o Maison de l'Assurance, Square de Meeus 29, B-1040 Bruxelles. Следует иметь в виду: членский взнос в настоящее время составляет 1 тыс. бельгийских франков, или 27 долл. США.

Членами Ассоциации являются в настоящее время несколько сот юристов из более чем 35 стран. В ней представлены почти все страны, в которых ядерная энергия используется в энергетике и других мирных целях. К сожалению, ее членами пока что не стали юристы России, Украины и некоторых других стран СНГ.

Свою основную деятельность Ассоциация осуществляет путем обсуждения проблем ядерного права на общих собраниях своих членов, созываемых каждые два года в различных странах мира.

Всемирная конференция Ассоциации международного ядерного права кратко называется “Ядерное право — 99”.

Серия этих конференций проходит с 1973 года. Вот их перечень:

- 1-я — 1973 год, Карлсруэ (Германия);
- 2-я — 1975 год, Экс-ан-Прованс (Франция);
- 3-я — 1977 год, Флоренция (Италия);
- 4-я — 1979 год, Буэнос-Айрес (Аргентина);
- 5-я — 1981 год, Пальма-де-Майорка (Испания);
- 6-я — 1983 год, Сан-Франциско (США);
- 7-я — 1985 год, Констанца (Румыния);
- 8-я — 1987 год, Антверпен (Голландия);
- 9-я — 1989 год, Токио (Япония);
- 10-я — 1991 год, Бат (Индонезия);
- 11-я — 1993 год, Рио-де-Жанейро (Бразилия);
- 12-я — 1995 год, Хельсинки (Финляндия);
- 13-я — 1997 год, Тур (Франция).

Вне всякого сомнения, это самая крупная в мире всеобщая встреча специалистов в области ядерного права. В программы этих встреч входит обсуждение самых последних достижений в области ядерного права и взглядов в будущее — в XXI век.

Очередная — 14-я — Всемирная конференция Ассоциации международного ядерного права состоится 24—29 октября 1999 г. в Вашингтоне. Организаторы приглашают участников в “Виллард отель”, расположенный в столице Соединенных Штатов рядом с Белым домом.

В течение четырех дней на конференции будут обсуждаться следующие проблемы:

- лицензирование и безопасность;
- радиологическая защита;
- снятие с эксплуатации энергоблоков;
- удаление радиоактивных отходов;
- международная торговля ядерными материалами;
- ответственность, страхование и правила эксплуатации;
- радионуклиды.

По этим проблемам образуются рабочие группы, а подготовленные в таких рабочих группах доклады являются обычно предметом обсуждения на общих собраниях Ассоциации.

Юозас Ю. Шатас,

доктор права,

член Российской ассоциации международного права,

член Ассоциации международного ядерного права

г. Вильнюс, Литва

Статья поступила в редакцию в октябре 1998 года.

УСТАВ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯДЕРНОГО ПРАВА (АМЯП)

(принят 8 июля 1972 г., изменения внесены Генеральной ассамблеей АМЯП 5 октября 1977 г., 25 октября 1979 г. и 24 сентября 1987 г.)

Глава I

Правовая форма, название, юридический адрес, цели, период действия

Статья 1

Название Ассоциация международного ядерного права и экономики изменено в Ассоциацию международного ядерного права (АМЯП).

Ассоциация создана в соответствии с Бельгийским актом от 25 октября 1919 г.

Статья 2

Юридическим адресом Ассоциации будет: Брюссель, площадь де Меус, 29. Он может быть изменен, и организация переедет в любой иной район Брюсселя по решению Совета управляющих.

Совет управляющих может учреждать административные комитеты в любой стране или группе стран для сбора членских взносов и для осуществления таких административных обязанностей, которые могут быть определены Советом.

Статья 3

Ассоциация имеет целью на международном уровне организацию и популяризацию изучения и научных разработок в области правовых проблем, связанных с мирным использованием ядерной энергии при специальных средствах защиты человека и окружающей среды, помощь в развитии обмена информацией среди своих членов и сотрудничество на научном уровне с соответствующими организациями и учреждениями.

В частности, Ассоциация организует конгрессы, дискуссии, лекции, конференции и семинары, а также поддерживает издание публикаций.

Статья 4

Ассоциация создана на неограниченный период времени.

Глава II

Члены

Статья 5

Действительными членами Ассоциации могут быть физические лица, специализирующиеся в области, к которой относится деятельность Ассоциации.

Статья 6

§ 1. Действительные члены

1. Действительные члены принимаются Советом управляющих Ассоциации и подчиняются положениям настоящего Устава.

Каждый кандидат имеет право обратиться с апелляцией к очередной Генеральной ассамблее в случае, если он получил отказ на предыдущей.

2. Действительные члены платят ежегодные членские взносы, размер которых определяется Советом управляющих. Такой взнос не будет превышать 1 тыс. бельгийских франков, если иное не решит Генеральная ассамблея по предложению Совета управляющих. Сумма, о которой идет речь в этом параграфе, может быть Советом управляющих конвертируема в эквивалент в национальных валютах округленно на начало каждого года.

Членские взносы должны уплачиваться ежегодно до 30 апреля.

§ 2. Почетные члены

Звание "почетный член" может быть присвоено Советом управляющих заслуженным экспертам в той области, которая охватывается деятельностью и целями Ассоциации.

Статья 7

Любой действительный член может в любое время выйти из состава Ассоциации, написав письменное заявление Совету управляющих, если он выполнил все свои финансовые обязательства как ее действительный член.

Статья 8

Действительные члены, которые не уплатили свои членские взносы за последние два года, теряют свое членство по решению Совета управляющих.

Действительные члены, которые действовали вопреки целям или интересам Ассоциации, могут быть исключены по решению Генеральной ассамблеи, которое принимается большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, как это предусмотрено в статье 19 настоящего Устава.

Действительные члены, вышедшие из Ассоциации или прекратившие свое членство в ней по любой другой причине, не могут требовать возвращения уплаченных ими взносов и не могут претендовать ни на какие льготы или звания, полученные в Ассоциации.

Глава III

Руководство, контрольный механизм

Статья 9

Ассоциация управляется Советом управляющих, состоящим из не более 15 членов, которые являются рядовыми действительными членами Ассоциации, избранными в Совет Генеральной ассамблеей, которая сама также может назначить новые выборы. По меньшей мере, один из членов Совета управляющих должен быть бельгийцем по национальности.

Срок пребывания их в должности должен составить два года: отсчет начинается с 1 января года, следующего за датой выборов, и может быть обновлен, причем членство в Совете не предусматривает какого-либо вознаграждения.

Бывший президент Ассоциации будет, если его не изберут в Совет, почетным членом Совета управляющих без права голоса.

Статья 10

Члены Совета управляющих избирают из своего состава Президента, Первого вице-президента и Второго вице-президента.

Совет избирает Генерального секретаря Ассоциации.

Генеральный секретарь не является членом Совета и не должен быть контролером, но может приглашаться на заседания Совета без права голоса и должен быть информирован о любом важном решении Совета.

Он должен обеспечивать связи со вновь избранным Президентом и должен обеспечивать связи с действительными членами Ассоциации, возложив на себя все административные обязанности, чтобы обеспечивать сбор членских взносов, и организаторские функции, чтобы поддерживать постоянный интерес к Ассоциации в период между двумя конгрессами.

Срок его полномочий не обязательно совпадает со сроком полномочий Совета, с тем чтобы обеспечить преемственность в работе организации.

Его должность не оплачивается.

Статья 11

После того как Совет управляющих созван на заседание Президентом или, если это для него невозможно, одним из вице-президентов, это заседание проводится под председательством Президента или, если это для него невозможно, одного из вице-президентов в случае, если это необходимо в интересах Ассоциации или если оно созывается по требованию не менее $\frac{1}{4}$ членов Совета управляющих.

Заседания Совета управляющих проводятся в месте, указанном в приглашении. Приглашение включает повестку дня и рассылается в письменном виде членам Совета управляющих не ранее чем за семь дней до предполагаемой даты заседания.

Решение Совета управляющих принимается простым большинством голосов присутствующих членов.

Решения Совета управляющих заносятся в протокол, который подписывается большинством присутствующих членов Совета управляющих.

Выписки из протокола или его копии удостоверяются Президентом Совета управляющих или одним из вице-президентов Совета управляющих.

Статья 12

Совет управляющих имеет полную власть над всеми делами и принимает все меры, касающиеся Ассоциации. Таким образом, он уполномочен предпринимать все действия, которые не подпадают под полномочия Генеральной ассамблеи по закону или в соответствии с настоящим Уставом.

Совет управляющих регулирует внутренние административные порядки Ассоциации в соответствии с Внутренним регламентом, который представляется Генеральной ассамблее на утверждение.

Совет управляющих имеет право делегировать выполнение каких-либо специальных задач третьим сторонам.

Статья 13

Заявления, связывающие Ассоциацию, будут действительны, если они подписаны Президентом или одним из вице-президентов Совета управляющих без требования привести предыдущее решение Совета управляющих.

В правовых отношениях Ассоциация представляется Советом управляющих как в роли истца, так и в роли ответчика. А Совет управляющих представляет либо его Президент, либо один из вице-президентов, либо любой из членов Совета управляющих, специально уполномоченный Советом управляющих.

Статья 14

Генеральная ассамблея избирает из числа своих действительных членов одного или более аудиторов, которые отвечают за соответствующую аудиторскую проверку финансовой деятельности Ассоциации и пишут отчет о доходах и расходах, а также о проверке ежегодного бюджета.

Глава IV

Генеральная ассамблея

Статья 15

Генеральная ассамблея состоит из действительных членов Ассоциации, которые регулярно платят свои членские взносы.

Почетные члены также имеют право участвовать в заседаниях Генеральной ассамблеи.

Генеральная ассамблея имеет все права предписывать Совету управляющих соответствующие указания и предпринимать действия или уполномочивать на действия от имени Ассоциации.

В частности:

- а) одобрять Устав Ассоциации или его изменения;
- б) избирать членов Совета управляющих и, если необходимо, отменять такое избрание;
- в) избирать одного или более аудиторов для проведения аудиторской проверки, который будет отвечать за соответствующую аудиторскую проверку и представит отчет о ежегодных доходах и расходах;
- г) решать на основе доклада Совета управляющих, относящегося к определенному периоду, вопросы научно-исследовательской деятельности и административно-организационные проблемы Ассоциации;
- д) одобрять смету расходов Ассоциации.

Статья 16

Обычно Генеральная ассамблея будет созываться один раз в два года Советом управляющих.

Чрезвычайная сессия Генеральной ассамблеи может быть созвана, когда Совет управляющих сочтет это необходимым и возможным или не менее чем $\frac{1}{10}$ состава всех членов потребует этого в письменном виде и пришлет свои требования.

Статья 17

Письма о созыве Генеральной ассамблеи посылаются всем действительным членам не позднее чем за три месяца до указанной даты заседания. В письме о созыве указывается повестка дня.

Статья 18

Генеральная ассамблея проходит под председательством Президента или, в его отсутствие, одного из вице-президентов Совета управляющих. Если и они отсутствуют, Ассамблея избирает председателя из числа своих членов.

Председатель Ассамблеи назначает секретаря, и Генеральная ассамблея определяет двух счетчиков для подсчета голосов во время голосования присутствующих членов. Эта четверка (Председатель, секретарь и два счетчика) и образует Секретариат Ассамблей.

Статья 19

Генеральная ассамблея может принимать полноценное решение, если в зале присутствует или представлена $\frac{1}{4}$ членов.

Если на Генеральной ассамблее нет кворума, то должно быть в кратчайший срок созвано новое заседание Генеральной ассамблеи. Это второе заседание Генеральной ассамблеи может принять полноценное решение независимо от числа членов, присутствующих или представленных.

Каждый действительный член имеет один голос. Число лиц, участвующих в заседании по доверенности действительных членов, может быть ограничено Внутренним регламентом.

Решения принимаются простым большинством голосов.

Поправки к Уставу, решения об исключении действительного члена в соответствии со ст. 8 и о роспуске Ассоциации принимаются большинством в $\frac{2}{3}$ голосов действительных членов, присутствующих или представленных.

Решения Генеральной ассамблеи заносятся в протокол, который подписывается членами Секретариата.

Выписки из протокола или его копии удостоверяются Президентом или одним из вице-президентов.

Глава V

Бюджет и отчетность

Статья 20

Совет управляющих составляет отчет за прошедший фискальный период и планирует бюджет на предстоящий фискальный период.

Фискальный период Ассоциации совпадает с календарным годом.

Глава VI

Доходы Ассоциации

Статья 21

Доходы Ассоциации состоят из членских взносов, пожертвований, принятие которых будет определяться решением Совета управляющих, и оборотных средств Ассоциации.

Глава VII

Ликвидация

Статья 22

Ликвидация Ассоциации может быть проведена решением Генеральной ассамблеи в любое время в соответствии с положениями Устава с учетом поправок к Уставу.

В этом случае Генеральная ассамблея назначает ликвидаторов, определяет их полномочия и решает по результатам ликвидации, что из имущества и активов будет передано другой ассоциации, преследующей те же самые или похожие цели.

ОДНА МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ДВА СОБРАНИЯ ОДНОВРЕМЕННО

2—6 ноября 1998 г. в Москве состоялась международная конференция “Международно-правовые проблемы Мирового океана”, посвященная Международному году океана, которым по решению Ассамблеи ООН был объявлен 1998 год. Конференция стала первоочередным мероприятием Федеральной целевой программы “Мировой океан”, разработанной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 января 1997 г. и постановлением Правительства Российской Федерации от 10 августа 1998 г. В подготовке и проведении конференции приняли участие Министерство транспорта Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук, Государственный научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт морского транспорта — “Союзморниипроект”, Международное объединение “Союз юристов”, Дипломатическая академия МИД РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Московская государственная юридическая академия, Международный комитет “Мир океанам” и другие организации.

В работе конференции приняли участие чрезвычайные и полномочные послы Туниса, Испании и Норвегии, судьи Международного морского трибунала, дипломаты и ученые из Великобритании, США, Германии, Франции, Бельгии, Греции, Турции, Болгарии, Монголии, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии, Грузии, Туркменистана, Казахстана, Азербайджана. Приехали теоретики и практики из Санкт-Петербурга, Красноярска, Тюмени и многих других городов Российской Федерации.

Международная конференция по проблемам Мирового океана проводилась одновременно с 41-м собранием Российской ассоциации международного права и 30-м (юбилейным) собранием Российской ассоциации морского права.

Работа конференции была разделена на два блока: 2 и 3 ноября обсуждались вопросы, связанные с международно-правовым регулированием деятельности государств в Мировом океане, российское законодательство в области морского права, экологические, научно-исследовательские и другие аспекты морского права; 4 и 5 ноября обсуждения были посвящены общим вопросам международного права, а также 50-летию Всеобщей декларации прав человека.

Председателем конференции являлся президент Российской ассоциации международного права и председатель Национального комитета Российской Федерации по десятилетию международного права ООН, профессор А.Л. Колодкин, который и провел заседания открытия и закрытия конференции.

Вступительное слово было предоставлено заместителю министра иностранных дел Российской Федерации Ю.В. Ушакову. С приветствиями также выступили заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.Н. Чилингаров, министр транспорта Российской Федерации С.О. Франк и др.

Одной из главных проблем, обсуждавшихся на конференции, стало правовое регулирование деятельности Российской Федерации в Мировом океане. Поэтому особый интерес вызвал доклад о проекте нового Кодекса торгового мореплавания, который был представлен одним из разработчиков проекта, заместителем начальника департамента судоходства Министерства транспорта РФ Л.И. Бариновой. Как известно, до сих пор в России действует Кодекс торгового мореплавания 1968 года. По мнению авторов нового проекта, старый кодекс не отвечает нынешним российским условиям. Поэтому главной задачей проекта является создание современного кодекса, ориентированного на новые нормы и принципы международного права. Проект успешно прошел два чтения в Государственной Думе РФ.

В новом документе некоторые статьи были исключены: положение о государственном приоритете, о планировании, глава об ответственности операторов ядерных судов и т.д. Правила, регулирующие деятельность морских портов, были значительно сокращены, потому что имеется специальный закон о морских портах. Новый кодекс также отказывается от регулирования отношений между круизными компаниями и потребителями.

Доктор юридических наук, профессор Г.Г. Иванов, выступая с докладом "Роль Конвенции ООН по морскому праву 1982 года в деятельности Международной морской организации (ИМО)" особенно подчеркнул, что "многие положения Конвенции 1982 года могут быть воплощены в жизнь только посредством специальных норм, содержащихся в других международных соглашениях. В согласии с Конвенцией об ИМО и соответствующими положениями Конвенции 1982 года в рамках организации разработаны и приняты различные международные инструменты, содержащие международные нормы и стандарты, направленные на обеспечение безопасности торгового мореплавания и предотвращения загрязнения моря с судов и борьбы с ними". Профессор Г.Г. Иванов также выделил "особую группу", которую составляют разработанные в ИМО правила и стандарты, направленные на защиту и сохранение морской среды (этой проблеме посвящена ч. XII Конвенции 1982 г.). С мая 1994 года, подчеркнул Г.Г. Иванов, "ИМО признается единственной международной организацией по разработке руководств, критериев и правил для системы судовых сообщений на международном уровне".

Профессор С.Н. Лебедев представил доклад о деятельности Морской арбитражной комиссии (МАК), которая является старейшей среди арбитражей по морским делам в мире. В России компетенция МАК определяется новым законом РФ 1993 года "О международном коммерческом арбитраже". МАК охватывает споры любого характера в сфере торгового мореплавания. В последнее время выявилась тенденция к уменьшению количества споров, однако в условиях рыночной экономики их сложность повысилась. Появились совершенно новые категории споров, связанные с продажей и ремонтом судов, с фрахтом и страхованием грузов и т.д. МАК в последнее время также решает споры не только между отечественными, но и между отечественными и иностранными субъектами, в связи с чем возникает проблема законодательства: применяется и отечественное, и иностранное, и международное законодательство.

По проблемам, связанным с дном Мирового океана, космосом и Антарктикой, выступил заместитель директора Правового департамента МИД

РФ П.Г. Дзюбенко. В век свободы научных исследований причиняется огромный ущерб окружающей среде, который очень сложно оценить. Ущерб надо возмещать, в связи с чем встает необходимость создания специальных фондов, в которые бы отчислялись средства и штрафы. Правовой режим Антарктики находится сейчас на новом витке развития. В 1991 году был подписан Мадридский протокол об охране окружающей среды Антарктики и наложен мораторий на использование ее полезных ископаемых. Был также создан комитет по охране окружающей среды и материальной ответственности физических и юридических лиц и государств за различные нарушения. Решение данного вопроса в отношении Антарктики идет все активнее и быстрее. Ведется подготовка по созданию новых правовых норм, касающихся космоса и морского дна.

По экологическим вопросам, связанным с Мировым океаном, выступили преподаватель Симферопольского государственного университета В.М. Масаев (Украина) и преподаватель Белорусского коммерческого университета управления Б.И. Жерлицин. Украинский преподаватель назвал свой доклад “Международное право, охрана окружающей среды и безопасность мореплавания”, а белорусский — “Экологические проблемы международного морского права”. Оба докладчика подчеркнули чрезвычайную важность решения экологических проблем, связанных с утилитарным использованием Мирового океана, то есть с интенсивным судоходством, добычей полезных ископаемых на континентальном шельфе и морском дне, использованием морей в качестве места для сброса и захоронения промышленных и бытовых отходов. По мнению авторов докладов, экологическое право на сегодняшний день имеет огромное количество белых пятен и проблематика международно-правового регулирования всех этих проблем должна решаться не только в конвенциях и общих межгосударственных договорах и соглашениях, но и в таких специфических актах локального значения, как уставы речного флота, лесных кодексах и других подобного рода документах.

На этом трехстороннем собрании был представлен весомый блок территориальных вопросов. По проблеме черноморских проливов выступили заинтересованные стороны: российская — в лице В.С. Коляра с докладом “Режим черноморских проливов и современные тенденции его развития”; грузинская — в лице члена Парламента Грузии Н.А. Бурджанадзе с докладом “Конвенция ООН по морскому праву 1982 года и новое законодательство Грузии”, в котором она рассмотрела новшества грузинского законодательства с точки зрения использования черноморских проливов; турецкая — в лице профессора из Стамбула с докладом “Правовой режим турецких проливов”.

Свое мнение по проблеме правового статуса Каспийского моря высказал советник Президента Азербайджана Р.Ф. Мамедов. Он предположил, что наиболее логичным решением этого вопроса было бы объявление Каспия пограничным озером. Однако такая постановка вопроса вызвала серьезные возражения в зале.

В день, посвященный общим вопросам международного права, широко обсуждались проблемы применения норм и принципов международного права судебными инстанциями Российской Федерации. Конституция Российской Федерации 1993 года признает международные договоры как со-

ставную часть правовой системы нашей страны. По мнению В.С. Водовозова, не только международные договоры, но и общепризнанные нормы и принципы международного права должны применяться в России. Однако, как показывает практика, у нас в стране нет такого документа, который систематизировал бы эти нормы и принципы.

Отсутствие четкого перечня порождает разногласия и различные точки зрения на то, являются ли те или иные нормы общепризнанными или нет. Такое положение дел плохо сказывается на судебной практике, особенно при трудноразрешимых спорах. Член Высшего арбитражного суда Российской Федерации Т.Н. Нешатаева, говоря о проблеме применения международного права, выделила несколько крупных вопросов, которые еще предстоит решать юристам-международникам. Во-первых, отметила она, по вопросу применения норм международного права российскими судами написано слишком мало работ, и тему эту можно считать неисследованной. Второй вопрос: можно ли использовать нератифицированный договор и считать его нормой международного права? И третий: можно ли считать норму международного права общепринятой, если она неписана, но используется во всем мире. Эти вопросы РАМП придется еще обсуждать на своих следующих собраниях.

Заместитель директора Правового департамента МИД РФ К.Г. Геворгян представил доклад об основных положениях статута Международного Суда. Статут был принят недавно, и по нему Суд призван судить в соответствии с общими принципами международного права. Юрисдикция Суда распространяется на преступления геноцида и против человечества, военные преступления и преступления агрессии.

Два чрезвычайно важных вопроса подняла профессор Л.Н. Галенская, главный редактор петербургского журнала "Международное частное право". Первый вопрос касался публикации международных договоров, то есть возможности использования их заинтересованными лицами. Известно о существовании закона "О международных договорах", который подразумевает публикацию международных договоров. В законе названы источники: "Российская газета", "Бюллетень международных договоров", сборники законов. На практике же, как утверждает Людмила Никифорова Галенская, публикуется только меньшая часть договоров. Эта проблема вызвала бурную дискуссию. Основным аргументом "против" было заявление о том, что публиковаться должны только ратифицированные договоры, которых, как известно, пока не так много.

В своем повторном выступлении она сказала о необходимости разделения международного частного и гражданского права на две различные отрасли права и заявила, что в современной жизни эти отрасли совмещать уже невозможно. Эту точку зрения горячо поддержала заведующая кафедрой международного права Ростовского-на-Дону университета, доктор юридических наук Л.И. Волова.

Как известно, 1998 год — юбилейный. Это год 50-летия Всеобщей декларации прав человека. С докладом на эту тему выступил профессор С.В. Черниченко. Он затронул ряд важных проблем и тревожных тенденций, связанных с выполнением положений этой декларации. Первая про-

блема касается индивидуальных случаев нарушений этих положений: отсутствуют критерии рассмотрения таких случаев и вмешательство со стороны международного сообщества в их решение не воспринимается как вмешательство во внутренние дела государства. Это позволяет политизировать отношения государств в области международного сотрудничества. Докладчик с сожалением отметил, что в разрешении споров в области прав человека используются “клише”, не учитывающие особенностей социально-экономического и социально-культурного фона рассматриваемой страны. Конечно, нельзя пытаться искать индивидуальный подход в каждом отдельном случае, однако необходимо найти общие ориентиры в решении такого рода вопросов. Особняком в докладе стал вопрос о массовом, повсеместном и грубом нарушении прав человека в России.

Это мнение поддержал профессор Дипломатической академии О.Н. Хлестов, выступивший с докладом “Гуманитарная интервенция”, в котором был поставлен вопрос о правомерности применения вооруженной силы в целях защиты прав человека и подчеркнуто, что такое применение силы размывает основы международного права.

О заинтересованности России в применении норм международного права говорил доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права МГИМО, профессор Ю.М. Колосов. Он подчеркнул, что Россия может претендовать на важную роль в мировых делах и рассчитывать на стабильность в международных отношениях только при соответствии внутренней политики международным стандартам в области прав человека и демократии. Поэтому одной из главных задач остается превращение России в правовое государство.

Последний день работы конференции и собраний двух ассоциаций (6 ноября) был посвящен принятию документов (все они приводятся ниже) и организационным вопросам.

Были внесены изменения в уставы Российской ассоциации международного права и Российской ассоциации морского права. В уставе Российской ассоциации международного права было снято ограничение на количество членов Исполкома, которое составляло ранее 21 человек, по примеру устава Российской ассоциации морского права. Ранее выборы Президента Ассоциации, Исполкома, Ревизионной комиссии, главного редактора “Российского ежегодника международного права” производились тайным голосованием. В новых вариантах уставов записано, что эти выборы производятся открытым или тайным голосованием по решению собрания. Срок исполнения обязанностей Президентом и Исполкомом был увеличен с трех лет до пяти.

Затем открытым голосованием прошли выборы в составы исполкомов обеих ассоциаций (списочный состав этих исполкомов приводится ниже).

Примечателен тот факт, что в качестве членов в составы исполкомов обеих ассоциаций вошли представители стран СНГ.

Подводя итоги прошедшей конференции, Президент обеих ассоциаций А.Л. Колодкин сказал, что п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в котором говорится о приоритетной роли международного права, совершил революцию в правовой жизни страны. Он подчеркнул, что такое положение в российской Конституции введено впервые. В заключение А.Л. Колодкин

отметил, что "Россия вступает в совершенно новую эпоху развития международного права".

С.А. Ключева (руководитель бригады),
Р.А. Богдашкин, С.М. Гаджинская, Е.Б. Соколова, Д.Ю. Швец,
Д.В. Юрченко (наши корреспонденты)

Статья поступила в редакцию в ноябре 1998 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (общее)

**Принято на 41-м общем собрании Российской ассоциации
международного права и Международной конференции
по правовым проблемам Мирового океана**

Москва, 6 ноября 1998 г.

Современное международное право — прогрессивное и демократическое — создает правовую базу для развития нормальных отношений между всеми государствами, для мирного разрешения международных споров, исходит из монополярности мира. Десятилетие международного права, провозглашенное ООН в 1989 году, способствует дальнейшему повышению его роли.

Соблюдение принципов и норм международного права, его развитие и совершенствование отвечают национальным интересам России, ее внешнеполитическим целям. Опора России на международное право дает ей дополнительные возможности для создания более благоприятных условий, содействующих демократизации общественно-политической жизни страны и осуществлению экономических реформ.

Отсюда — необходимость резкого усиления внимания России к международному праву как в области ее внешней политики, так и во внутренней жизни. Россия может и должна быть лидером в борьбе за повышение роли международного права в интересах всего мирового сообщества. В соответствии с Конституцией Российской Федерации все органы власти страны должны более глубоко заниматься международно-правовыми аспектами тех проблем, которые входят в их компетенцию. Целесообразно разработать специальную долгосрочную программу мероприятий в области международного публичного и международного частного права (на 5—10 лет), с которой Россия могла бы выступать на международных форумах.

Ассоциация обращается к министру иностранных дел России и к руководителям других заинтересованных министерств и ведомств, научных организаций и к ученым с предложением принять участие в разработке такой программы. Необходимо также шире практиковать выступления и заявления по вопросам международного права со стороны руководящих органов

России — Президента, Правительства, Федерального Собрания, в том числе и в связи с Десятилетием международного права ООН.

Перед Ассоциацией также стоят те важнейшие цели, которые определены ООН в рамках Десятилетия: расширение исследований международного права, его преподавания и распространения международно-правовых знаний, уважение к принципам и нормам международного права, решениям международных организаций и Международному Суду ООН.

Ближайшей важнейшей задачей Ассоциации является активное участие совместно с Национальным комитетом Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН в организации и проведении Международной конференции мира, посвященной 100-летию Первой Конференции мира и созываемой, согласно Распоряжению Президента Российской Федерации, 22—25 июня 1999 г. в Санкт-Петербурге, откуда исходила инициатива по созыву Первой Конференции мира в 1899 году.

Повышение внимания к международному праву требует проведения ряда организационных мер: создания в МИД России Межведомственной комиссии по международному праву, создания Экспертных советов по международному праву в Совете безопасности Российской Федерации, в министерствах обороны, внутренних дел и юстиции, в Генеральной прокуратуре и в других ведомствах, занимающихся международными отношениями и применением международно-правовых норм в свете Конституции.

Ассоциация призывает всех ее членов больше уделять внимания разработке международно-правовых проблем, имеющих важное практическое значение для внешней политики России и применения международного права во внутренней жизни страны, и обращается к средствам массовой информации с призывом к тесному совместному сотрудничеству.

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

(против произвольного применения вооруженной силы)

**Принято на 41-м общем собрании Российской ассоциации
международного права и Международной конференции
по правовым проблемам Мирового океана**

Москва, 6 ноября 1998 г.

Величайшим достижением человечества в XX веке явилось запрещение применения вооруженной силы или угрозы ее применения в международных отношениях. Война, использовавшаяся на протяжении всей истории человечества как средство осуществления внешней политики и разрешения международных споров, ныне юридически запрещена. Этот принцип международного права является фундаментом всего современного международного правопорядка. Задача состоит в том, чтобы добиться полного соблюдения на практике этой правовой нормы.

Заявление НАТО о возможности нанесения военного удара по Югославии без разрешения Совета Безопасности ООН вызывает серьезную озабо-

ченность. Утверждение, что НАТО намерена применить военную силу с тем, чтобы Югославия выполнила требования Совета Безопасности, не обосновано: согласно Уставу ООН осуществление подобных действий допустимо лишь на основании полномочий Совета Безопасности ООН, а ООН таких полномочий НАТО не давал. Подобная линия НАТО означает подрыв всей правовой системы, на которой зиждутся отношения между членами мирового сообщества. Ее осуществление отбросило бы человечество на столетия назад, когда господствовало “кулачное право”, право сильного.

Вставая на такой путь, страны НАТО открывают широкую дорогу для произвольного применения вооруженной силы. Если сегодня НАТО присваивает себе право применять вооруженную силу в нарушение Устава ООН, основных принципов международного права, то завтра и другие организации или отдельные государства, обладающие мощными вооруженными силами, будут претендовать на присвоение себе такого права. Подобные попытки незаконного, неправомерного использования вооруженной силы на международной арене должны быть незамедлительно пресечены.

В свете выполнения провозглашенного ООН в 1989 году Десятилетия международного права Российская ассоциация международного права обращается к 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ко всем государствам, неправительственным организациям, включая ассоциации международного права многих стран, средствам массовой информации с призывом решительно выступить против попыток разрушить фундаментальные основы международного правопорядка, поднять свой голос в защиту общепризнанных принципов и норм международного права и интересов мирового сообщества.

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМ ПРОБЛЕМАМ МИРОВОГО ОКЕАНА

Москва, 6 ноября 1998 г.

Международная конференция по международно-правовым проблемам Мирового океана, проведенная 2—6 ноября 1998 г. в Москве Министерством иностранных дел России совместно с Национальным комитетом Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН и Ассоциацией международного морского права в соответствии с Федеральной целевой программой “Мировой океан” и посвященная Международному году океана, которым, согласно решению ООН, объявлен 1998 год, с удовлетворением отмечает, что международно-правовое регулирование деятельности в Мировом океане в целом обеспечивает сохранение мира и безопасности народов. Это регулирование отвечает интересам всех государств в области использования и изучения морей и океанов и освоения их ресурсов. Основная роль в регламентации международно-правового режима Мирового океана принадлежит Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которая вступила в силу в 1994 году и в настоящее время имеет 127 участников. Положения Конвенции также регулируют различные виды морской

деятельности — судоходство, рыболовство, разработку глубоководного морского дна, научные исследования, защиту и сохранение морской среды.

Участники Конференции подчеркивают, что российское морское законодательство вполне соответствует положениям Конвенции и отвечает жизненно важным интересам нашей страны, которая была и остается великой морской державой, обладающей крупным транспортным, рыбопромысловым, научно-исследовательским и военно-морским флотом. Участники Конференции призывают Федеральное Собрание в самом срочном порядке принять Закон “Об исключительной экономической зоне Российской Федерации”, проект которого отражает требования Конституции, интересы России как федеративного государства, а также интересы субъектов Федерации. Конференция подчеркивает настоятельную необходимость принятия других законодательных актов — Кодекса торгового мореплавания, Закона о рыболовстве и других, а также доведения до конца переговоров России с зарубежными странами по различным вопросам морского права.

Одними из важнейших проблем Мирового океана остаются упорчение мира, обеспечение безопасности мореплавания, решительная борьба против терроризма и пиратства на морских путях, поддержание наиболее благоприятных условий для всестороннего плодотворного использования морей и океанов в интересах всех государств.

Члены Исполкома Российской ассоциации международного права (РАМП), избранные на 41-м общем собрании Российской ассоциации международного права

6 ноября 1998 г.

1. **КОЛОДКИН Анатолий Лазаревич** — Президент (Москва)
2. **ЛУКАШУК Игорь Иванович** — Вице-президент (Москва)
3. **ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич** — Вице-президент (Москва)
4. **ХЛЕСТОВ Олег Николаевич** — Вице-президент (Москва)
5. **ЧЕРНИЧЕНКО Станислав Валентинович** — Вице-президент (Москва)
6. **МАЛИНИН Сергей Александрович** — Вице-президент, председатель Санкт-Петербургского отделения РАМП
7. **ИГНАТЕНКО Геннадий Владимирович** — Вице-президент, председатель Уральского отделения РАМП (Екатеринбург)
8. **КУРДЮКОВ Геннадий Иринархович** — Вице-президент, председатель Казанского отделения РАМП (Казань)
9. **ГАЛЕНСКАЯ Людмила Никифоровна** — главный редактор “Российского ежегодника международного права” (Санкт-Петербург)
10. **КОРБУТ Людмила Васильевна** — ученый секретарь (Москва)
11. **БАХИН Сергей Владимирович** — доцент кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета
12. **БЕКЯШЕВ Камил Абдулович** — заведующий кафедрой международного права Московской государственной юридической академии (МГЮА)

13. **БОГУСЛАВСКИЙ Марк Моисеевич** — главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (РАН)
14. **ВОЛОВА Лариса Ивановна** — заведующая кафедрой международного права Ростовского-на-Дону государственного университета
15. **ГАВРИКОВ Вячеслав Вячеславович** — заведующий кафедрой международного права Юридического института Дальневосточного государственного университета (Владивосток)
16. **ДАНИЛЕНКО Геннадий Михайлович** — ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
17. **ЖДАНОВ Юрий Николаевич** — начальник Московского юридического института МВД Российской Федерации, генерал-майор
18. **ЗВЕКОВ Виктор Петрович** — начальник отдела правового управления Аппарата Правительства Российской Федерации
19. **КАРТАШКИН Владимир Алексеевич** — председатель Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации
20. **КОВРИЖЕНКО Григорий Максимович** — первый заместитель Председателя Российской ассоциации содействия ООН
21. **КОЛОСОВ Юрий Михайлович** — заведующий кафедрой международного права МГИМО(У) МИД Российской Федерации
22. **КУЗНЕЦОВ Валерий Иванович** — заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД Российской Федерации
23. **ЛАЗАРЕВ Марклен Иванович** — старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН
24. **ЛАПТЕВ Павел Александрович** — начальник отдела международного права Правового управления Аппарата Государственной Думы
25. **ЛЯХОВ Евгений Григорьевич** — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского юридического института МВД Российской Федерации
26. **МАКОВСКИЙ Александр Львович** — заместитель председателя Совета Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации
27. **МАРОЧКИН Сергей Юрьевич** — заведующий кафедрой международного права Тюменского государственного университета
28. **НЕШАТАЕВА Татьяна Николаевна** — член Высшего арбитражного суда Российской Федерации
29. **ОГАНЕСЯН Владимир Амбарцумович** — заместитель председателя Конституционного суда Республики Армения (Ереван)
30. **ОСМИНИН Борис Иванович** — начальник отдела Главного государственно-правового управления при Президенте Российской Федерации
31. **ПАРХИТЬКО Всеволод Петрович** — главный редактор “Московского журнала международного права” и журнала “Международное право — International Law”
32. **САРСЕМБАЕВ Марат Алдангорович** — заведующий кафедрой международного права Алма-Атинского государственного университета им. Абая (Республика Казахстан)
33. **СКОТНИКОВ Леонид Алексеевич** — директор Правового департамента МИД Российской Федерации
34. **ТИУНОВ Олег Иванович** — член Конституционного Суда Российской Федерации

35. **ТОПОРИН Борис Николаевич** — директор Института государства и права РАН
36. **ТРЕБКОВ Андрей Адамович** — председатель Международного неправительственного объединения “Союз юристов” (Москва)
37. **ТУЗМУХАМЕДОВ Бахтияр Раисович** — советник Управления международного права Конституционного Суда Российской Федерации (Москва)
38. **УСЕНКО Евгений Трофимович** — главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва)
39. **УШАКОВ Николай Александрович** — главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва)
40. **ХАЙТОВ Мурад Овезгельдыевич** — заведующий кафедрой международного права Ашхабадского государственного университета (Республика Туркменистан)
41. **ШАТУНОВСКИЙ-БЮРНО Сергей Валерьевич** — советник президента Российской ассоциации международного права
42. **ШЕСТАКОВ Лев Никитич** — заведующий кафедрой международного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
43. **ЩЕРБИНИНА Ольга Евдокимовна** — заведующая кафедрой международного права Красноярского государственного университета

**Члены Исполкома Ассоциации международного
морского права, избранные на 30-м общем собрании
Ассоциации международного морского права (АММП)**

6 ноября 1998 г. в Москве

1. **КОЛОДКИН Анатолий Лазаревич** — Президент (заместитель директора Государственного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института морского транспорта Минтранса России — “Союзморниипроект”)
2. **БАРАБОЛЯ Петр Демидович** — Вице-президент (Председатель Международного комитета “Мир океанам”)
3. **БАРИНОВА Ида Ивановна** — Вице-президент (заместитель начальника Департамента Минтранса России)
4. **БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович** — Вице-президент (заведующий кафедрой международного права МГЮА)
5. **ДЗЮБЕНКО Павел Григорьевич** — Вице-президент (заместитель директора Правового департамента МИД Российской Федерации)
6. **ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич** — Вице-президент (Председатель Морской арбитражной комиссии при Торгово-Промышленной палате Российской Федерации)
7. **КУЛИСТИКОВА Ольга Васильевна** — Главный секретарь (заведующая отделом института “Союзморниипроект”)
8. **МОХОВА Елена Михайловна** — ученый секретарь (заведующая отделом института “Союзморниипроект”)

9. **АНДРИАНОВ Валерий Иванович** — советник аппарата Конституционного Суда Российской Федерации
10. **АРАКЕЛОВ Феликс Гургенович** — директор института “Союзмор-инипроект”
11. **БАГЛАЙ Ольга Маратовна** — сотрудница юридической фирмы “Ватсон-Фарлей-Вильямс”
12. **БАРСЕГОВ Юрий Георгиевич** — научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН
13. **БЕРГХОЛЬЦАС Ионас Йокубович** — профессор Балтийского русского института (Рига, Латвия)
14. **БОГДАНОВ Валерий Анатольевич** — Генеральный директор Государственного предприятия “Морсвязьспутник”
15. **БОНДАРУК Нина Ивановна** — сотрудница морской администрации порта г. Санкт-Петербург
16. **БУРДЖАНАДЗЕ Нино Анзорьевна** — Председатель Комитета Парламента Грузии, Тбилисский государственный университет
17. **ВЕСЕЛОВСКИЙ Олег Владимирович** — офицер Главного штаба ВМФ
18. **ВЫЛЕГЖАНИН Александр Николаевич** — директор юридического центра
19. **ВЫСОЦКИЙ Александр Федорович** — представитель Института государства и права Академии наук Украины
20. **ГОЛДОБЕНКО Анатолий Витальевич** — Вице-президент Союза российских судовладельцев (СОРОС)
21. **ГУЦУЛЯК Василий Николаевич** — начальник Новороссийской государственной морской академии
22. **ДЕКАНОЗОВ Реджинальд Владимирович** — научный сотрудник Института государства и права Академии наук Грузии
23. **ДРАГУНОВ Андрей Генрихович** — офицер Главного штаба ВМФ
24. **ЕГИЯН Геннадий Сергеевич** — советник юридической фирмы
25. **ЖИВАГО Василий Никитович** — начальник отдела Миннауки
26. **ИВАНОВ Георгий Георгиевич** — советник СОРОС
27. **ИЗМАЙЛОВ Тагир Кадырович** — заместитель Генерального директора “Совкомфлота”
28. **ИМНАДЗЕ Леван Борисович** — научный сотрудник ИМЭМО РАН
29. **КОЛОСОВ Юрий Михайлович** — заведующий кафедрой международного права МГИМО(У) МИД Российской Федерации
30. **КОЛОСОВА Юлия Михайловна** — сотрудница агентства Би-Инфо (Таллин)
31. **КОЛОСОВСКИЙ Игорь Константинович** — Чрезвычайный и Полномочный Посол
32. **КОРНИЛОВ Владимир Дмитриевич** — Генеральный директор “Совкомфлот”
33. **КОТЛЯР Владимир Семенович** — эксперт МИД Российской Федерации
34. **ЛАЗАРЕВ Марклен Иванович** — научный сотрудник Института Латинской Америки РАН
35. **ЛИПКА Николай Васильевич** — начальник Юротдела “Совком-флота”

36. **МЕДНИКОВ Владимир Александрович** — юридическая консультация ЮРИНФЛОТ
37. **МЕЛКОВ Геннадий Михайлович** — профессор МГЮА
38. **МИХИНА Ирина Николаевна** — заведующая отделом института “Союзморниипроект”
39. **РЕЙВАРТ Павел Карлович** — начальник отдела морского права Минтранса Российской Федерации
40. **СЕРКОВ Валентин Алексеевич** — эксперт АММП
41. **СИДОРЧЕНКО Виктор Федорович** — заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета
42. **ТАРХАНОВ Иван Ефимович** — профессор Военно-морской академии (Санкт-Петербург)
43. **ТОРМОСИНА Галина Георгиевна** — начальник юридического отдела Новороссийского морского пароходства
44. **ЦАРЕВ Виктор Федорович** — сотрудник аппарата Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
45. **ЧИЧАЕВ Александр Викторович** — сотрудник Миннауки Российской Федерации
46. **ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна** — руководитель группы Института государства и права РАН
47. **ЮРЬЕВ Виктор Геннадьевич** — заместитель начальника Департамента Минтранса Российской Федерации

РОССИЯ ОТМЕТИЛА ЮБИЛЕЙ

Вся страна широко отметила 50-летие Всеобщей декларации прав человека. По России прокатилась волна конференций, семинаров, собраний, встреч, симпозиумов, связанных со знаменательной датой.

Однако, как сказал великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин, "строгость законов в России смягчается необязательностью их выполнения". Об этом вспоминалось на главном событии, связанном с юбилеем, — Всероссийской научно-практической конференции "Всеобщая декларация прав человека и Россия", состоявшейся 23—24 ноября 1998 г. в Москве.

Конференция проводилась при поддержке Администрации Президента РФ и Программы TACIS Европейской комиссии при участии многих известных деятелей и высших должностных лиц ООН, ОБСЕ и Совета Европы. На встрече заслушивались доклады, посвященные различным интересным и актуальным темам с упором на принципы Декларации. А приветствовали ее в своих посланиях Президент Российской Федерации, правительство Москвы, ООН, Совет Европы, ОБСЕ, другие международные организации.

Открытие конференции ознаменовалось докладом председателя Комиссии по правам человека при Президенте РФ, председателя Национального комитета по проведению Года прав человека в России, профессора В.А. Карташкина.

Декларация прав человека и гражданина, сказал он, имеет важное значение как для всех стран, так и непосредственно для России. Процесс имплементации принципов Всеобщей декларации во внутреннее право государств продолжается. Сейчас сделан существенный шаг вперед, новая Конституция Российской Федерации отрицает классовый подход, признавая частную собственность, и опирается на достижения стран с рыночной экономикой.

Налицо следование общечеловеческим ценностям и стремление к защите прав и свобод человека. Но, конечно, этот процесс протекает с большими трудностями. В России он связан еще и со всесторонним кризисом. Только в течение одного года появились новые опасные тенденции в разных сферах:

- в области социально-экономической (что привело к ухудшению благосостояния граждан);

- в области политики (появились политический экстремизм, национальная вражда, раздувается антисемитизм, распространяются идеи фашизма).

Главная причина нарушения прав человека — отсутствие строгой системы механизма и процедур их защиты. Под защитой здесь понимается как судебная работа государственных органов, так и несудебная деятельность неправительственных организаций. Нужна многоканальная система защиты. Несудебную защиту также обеспечивают Комиссия по правам человека при Президенте РФ, а также комиссии по правам человека в регионах при главах администраций. Эти комиссии уделяют внимание массовым наруше-

ниям: проблемам беженцев, детей, пенсионеров, заключенных, военнослужащих, трудового народа. Они призваны рассматривать частные жалобы.

Очень часто наблюдаются разногласия между федеральными законами и законодательствами субъектов Федерации.

Нам нужно принять все меры, чтобы соблюдение прав человека было обязательным, сказал В.А. Карташкин. Это должно быть основной целью. Социальная защищенность должна стать своего рода национальной идеей. Многие наши ведущие государственные деятели не понимают роли и значения прав человека во внутренней и внешней политике страны. А реальные результаты будут достигнуты, когда они это поймут.

На конференции были заслушаны и другие доклады. В частности, первый заместитель Генерального прокурора России рассмотрел тему "Всеобщая декларация и роль прокуратуры в защите прав человека".

В конце 1995 года впервые была обозначена определенная роль и место прокуратуры в системе государственных органов, сказал он. Раньше прокуратуру воспринимали только как орган, противостоящий интересам граждан. Естественно, что мы признаем ведущую роль суда во всех судебных процессах, но необходимо и применение прокурорами специальных полномочий, в частности опротестование незаконных актов, возбуждение уголовных дел и т.д. Роль прокуратуры в правозащитной деятельности возрастает.

Был заслушан доклад, посвященный положению судов в России. "Жалобы граждан на деятельность судов все же поступают. Это происходит прежде всего потому, что судебная система сегодня не в состоянии разрешить вовремя все судебные дела".

Дело в том, что в Декларации нет специальной статьи, которая была бы полностью посвящена судам и правосудию.

В 1991 году законодательство России было приведено в соответствие с основополагающими принципами Декларации. Декларация имеет целью не только защиту прав и свобод, но и совершенствование этой защиты. В последнее время пределы Декларации значительно расширены.

Что касается деятельности судов, то в 1997 году судами было рассмотрено более 68 тыс. жалоб на арест. Из них каждая пятая была удовлетворена. Таким образом, было реализовано право человека на восстановление связи с компетентным судом. Судами рассматривалось также около 64 тыс. жалоб на неправомерные действия должностных лиц. Такие результаты в какой-то степени оправдывают свою деятельность по ст. 8 Декларации "Право каждого на эффективное восстановление в правах".

Следует отметить, что жалобы граждан на деятельность судов все же поступают. Это происходит прежде всего потому, что судебная система сегодня не в состоянии разрешить вовремя все судебные дела. Причин несколько, и среди них — большая судебная нагрузка по рассмотрению дел и материалов.

Уполномоченный по правам человека Российской Федерации О.О. Миронов сделал доклад на тему "Всеобщая декларация и деятельность Уполномоченного по правам человека".

Член Комиссии по правам человека при Президенте России, руководитель Комитета солдатских матерей страны В.Д. Мельникова сказала, что ее организация предпочитает гражданский контроль, так как именно такой вид контроля наиболее эффективен в нашем обществе.

Два доклада были посвящены проблеме беженцев. Глава российского представительства Международной организации по миграции Эдвин Маклейн, представитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев Кристофер Карпентер показали, что количество беженцев в России, впрочем как и в других странах, достигло невероятных масштабов. Это стало уже не только национальной, но и международной проблемой.

В настоящее время более 125 млн. людей во всем мире переместились через национальные границы в поисках безопасного существования. Около 25 млн. беженцев перемещаются внутри отдельных стран. Они бежали от этнических и вооруженных конфликтов, а также от природных катаклизмов, голода и нищеты. Все они стремятся к тому, чтобы их человеческие права не были попорчены, но все же нарушение прав этих мигрантов наблюдается во всем мире.

“Организация по миграции предана принципам упорядочения потока мигрантов. Наша деятельность направлена на то, чтобы обеспечить соблюдение их прав. Мы стремимся достичь того, чтобы с ними обращались достойно и по-человечески”, — говорилось в докладе К. Карпентера.

Существует Московский комитет по вопросам миграции (МКМ). Особое внимание в его деятельности уделяется поддержанию партнерских отношений со странами, откуда направляются потоки беженцев.

Определены некоторые промежуточные цели этого комитета:

— внести вклад в разработку политики миграции;

— достичь расширения сотрудничества по управлению мигрантами, по разработке законодательных актов на благо мигрантов.

Конечно, это далеко не все проблемы, которые предстоит решить. В то же время докладчики с удовлетворением отмечали рост активности ООН в вопросах организации миграции. Они приветствовали все усилия ООН в этом направлении, а также и те, которые осуществляют неправительственные объединения.

Крупная проблема МКМ — нерегулируемая миграция. Здесь прежде всего имеется в виду такая крупная проблема, как торговля людьми. Естественно, этот преступный бизнес ведет к нарушению прав человека. Эти права нарушаются самым серьезным образом. Именно для таких людей тяжелее всего дается доступ к нормальным условиям существования. Нарушение прав человека может послужить толчком к миграции в таких ситуациях. Причем принципиально важно то, что нарушение этих прав продолжается и тогда, когда эти беженцы прибывают на новое место жительства. В качестве примера можно привести тот факт, что эти нарушения заметны прежде всего в тех условиях труда, которые напоминают рабские, прежде всего речь идет о промышленности секса.

Сотрудничество по вопросам миграции должно объединять все страны. Для того чтобы это осуществлялось, в начале 1998 года было создано несколько международных консультативных рабочих групп по этим вопросам. В частности, в Киеве речь шла о вопросах защиты прав женщин, в Вильнюсе — о вопросах незаконной миграции в соседние республики.

В феврале 1996 года в России были приняты два закона, которые определили две категории мигрантов: закон о беженцах и закон о вынужденных мигрантах. Было установлено, что закон о беженцах по отношению к Рос-

сии применим к тем лицам, которые вынуждены скрываться, но при этом не имеют российского гражданства. Поправки от июля 1997 года предусматривали введение детальных процедур в вопросах предоставления убежища. В частности, была внесена поправка по поводу того, кто имеет право на политическое убежище.

В результате того что в России постоянно не хватает денег, Комитет по миграции столкнулся с рядом трудностей по проведению этого закона в жизнь, особенно в вопросах, касающихся положения афганцев и предоставления им права на политическое убежище.

Представители Верховного комиссара ООН по делам беженцев тесно сотрудничают с федеральными и региональными властями.

К. Карпентер заверил собравшихся, что его организация готова помогать российским властям.

О роли Министерства юстиции в защите прав и свобод человека говорил заместитель министра юстиции Российской Федерации С.И. Иванов.

Задачи Министерства юстиции в связи с обсуждаемой темой:

— наделить органы юстиции правом обращения в суд в случае несогласия с приговором;

— обеспечить законность ведомственных нормативных актов;

— обеспечить реализацию права на объединение;

— обеспечить нормальную деятельность нотариата и адвокатуры.

Важными сферами деятельности Министерства юстиции в связи с правами человека представляются:

— деятельность министерства по реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

— международно-правовая деятельность министерства.

Отмечено более 9 тыс. фактов несоответствия законодательства субъектов Федерации федеральным законам.

Начальник Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ Т.О. Рамишвили сделал доклад на тему "Всеобщая декларация прав человека и внешняя политика России".

Декларация сейчас — это общий документ с минимальными стандартами, сказал он, которые были предложены после войны. Примерно 20 международных пактов и других документов были разработаны на основе Декларации. Вопрос: есть ли международное сотрудничество в области прав человека? Безусловно, есть.

Новые элементы международно-правового характера в международных правах человека:

— права человека стали третьим (после мира и безопасности) важным элементом основных вопросов деятельности международного сообщества. Это постоянный фактор, влияющий на деятельность как политических, так и экономических и финансовых кругов;

— проблема прав человека связана с защитой беженцев, мигрантов и т.д. Эта проблема остро ставит вопрос о необходимости деятельности по поддержанию мер безопасности не только в конфликтный период, но и в области прогнозирования, планирования.

Существует тесная зависимость происходящих конфликтов от нарушения прав человека, потому что именно несоблюдение прав человека явля-

ется причиной многих конфликтов. Предусматривается совместная борьба с национальными нарушениями прав человека. Это борьба с терроризмом, с оборотом наркотиков, с торговлей женщинами и детьми.

Также есть вопрос, который особенно важен для правительственных учреждений. Это — формирование культуры прав человека в обществе. Россия готовится на государственном уровне приступить к реализации общенационального проекта об образовании в области прав человека, который в 1995 году был одобрен ООН. Большую роль в этом проекте будет играть и ЮНЕСКО.

На конференции выступил Верховный комиссар ОБСЕ по делам меньшинств Макс Ван дер Стул. Наша задача, подчеркнул он, состоит в том, чтобы держать в поле зрения то, как соблюдаются права в интересах мира и стабильности.

Представитель Московской хельсинкской группы Л.М. Алексеева говорила: “Весь мир должен защищать права личности, хотя следует признать, что ни в одном государстве, даже в самом демократическом, Декларация не выполняется сполна”.

На конференции с докладом “Всеобщая декларация прав человека и культура мира” выступил также ректор МГИМО(У) МИД РФ, доктор политических наук, профессор А.В. Торкунов. Доклад его в виде статьи публикуется в этом номере журнала под рубрикой “50-летие Всеобщей декларации прав человека”.

Было заслушано еще много интересных докладов по не менее интересным и достойным внимания темам.

В принятом на конференции итоговом документе, который приводится ниже, отражено плачевное состояние дел с правами человека, которое существует в России.

Ирина Баженова, Наталия Лелюх, Юлия Подolina
(наши кор.)

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 года.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА”

Собравшиеся в 50-ю годовщину провозглашения Всеобщей декларации прав человека и в Год прав человека в Российской Федерации участники конференции отмечают, что провозглашенные Конституцией РФ и международными документами права и свободы человека и гражданина нарушаются в значительных масштабах в большинстве регионов страны.

Особенно нетерпимый и опасный характер приобрели нарушения социально-экономических и имущественных прав миллионов граждан России: несоблюдение сроков выдачи заработной платы, условий найма и увольнения работников, несвоевременная выплата социальных пособий, отсутствие контроля за охраной труда, непомерность налогов, введение неправомерных льгот за счет налогоплательщиков и т.п.

Нетерпимое положение сохраняется в пенитенциарной системе. Условия содержания во многих следственных изоляторах и тюрьмах являются бесчеловечными. Сама же пенитенциарная система становится все более закрытой для общественного контроля. Имеет место применение истязаний и пыток к задержанным и арестованным со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Продолжают грубо попираются права сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев. Известны случаи выдачи Россией политических эмигрантов из СНГ без гарантий беспристрастного судебного разбирательства со стороны преследующих их властей.

До сих пор практически не выявлены виновники преступлений обеих сторон вооруженного конфликта в Чечне против мирного населения. Федеральные власти недостаточно реагируют на введение в этой республике средневековых норм наказаний и на массовую практику похищения людей с целью выкупа.

Власти ряда субъектов Федерации поощряют и даже прямо осуществляют дискриминацию по этническому признаку. В стране растет опасность экстремизма и фашизма, беспрепятственно действуют неонацистские организации.

Систематически нарушаются права человека в Вооруженных Силах и других воинских формированиях Российской Федерации.

По-прежнему, несмотря на решение Конституционного Суда РФ, в ряде регионов, прежде всего в Москве и Краснодарском крае, демонстративно нарушается конституционное право граждан на свободный выбор места жительства и пребывания.

Права детей, инвалидов, бездомных и других уязвимых групп зачастую игнорируются.

Деятельность спецслужб приобретает все более бесконтрольный характер, примером чего является дело Александра Никитина.

Важнейшее достижение прошедших лет — свобода слова и свобода совести — находится под прямой угрозой. Постоянно нарушается консти-

туционное право граждан на доступ к информации. И это далеко не исчерпывающий список нарушений прав и свобод человека в нашей стране.

Такое положение вызвано прежде всего тем, что в России так и не сложилось правовое государство и с трудом формируется гражданское общество. Нередко федеральные региональные и местные власти не только не выполняют своих обязанностей по защите наших прав и свобод, но и грубо нарушают их сами, в том числе путем принятия законов и других нормативных актов, ограничивающих эти права и свободы.

Судебная реформа в России практически остановлена. До сих пор не приняты новый Уголовно-процессуальный и Административно-процессуальный кодексы. Требуется значительных изменений и Уголовный кодекс РФ. В недостаточной мере выполняют свои обязанности по защите прав личности суды, прокуратуры и иные правоохранительные органы. В последнее время участились случаи преследования участников правозащитного движения, неправомерного привлечения их к административной и уголовной ответственности. На этом фоне особую тревогу вызывают недавние убийства правозащитника Лыкова (Саратов) и журналистки Юдиной (Калмыкия).

Обсудив доклады и выступления участников, конференция рекомендует:

1. Добиваться координации позиций правозащитного сообщества по принципиальным вопросам прав и свобод человека и гражданина, обратив особое внимание на защиту:

- социально-экономических прав;
- прав человека в уголовно-исполнительной системе;
- беженцев и вынужденных переселенцев;
- наиболее уязвимых слоев населения (детей, инвалидов, пенсионеров);
- прав военнослужащих и призывников;
- свободы слова и информации, свободы совести.

2. Считать одним из приоритетных направлений деятельности правозащитных организаций, комиссий и уполномоченных по правам человека требование приведения нормативных актов субъектов Федерации в соответствие с Конституцией РФ, федеральным законодательством, Европейскими конвенциями в области прав человека и международными обязательствами России.

3. Создать механизмы и законодательную базу общественного контроля с участием правозащитных организаций за соблюдением прав и свобод человека во всех сферах жизни общества и государства. Для этого инициировать введение института общественных инспекций по правам детей, военнослужащих, заключенных и других наиболее уязвимых групп населения.

4. Принять нормативные акты, обеспечивающие доступ общественных инспекций с участием представителей правозащитных организаций и СМИ на "закрытые" объекты и территории (воинские части, места заключения, дома-интернаты для детей и престарелых и пр.).

5. Поддержать разработанный Государственной Думой РФ блок законопроектов, направленных на реализацию Федерального закона "О возмещении ущерба гражданам РФ".

6. Рекомендовать Государственной Думе принять закон о возмещении ущерба пострадавшим в результате вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

7. Призвать Государственную Думу принять федеральный закон "О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни" и ратифицировать до февраля 1999 года Протокол 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

8. Принять закон о распространении суда присяжных на все регионы России.

9. Обратиться к Государственной Думе РФ с призывом ускорить принятие закона "Об альтернативной гражданской службе" в редакции, которая исключает ее прохождение в Вооруженных Силах РФ. Привести в соответствие с международными стандартами закон "О воинской обязанности и военной службе".

10. Предложить Президенту и Правительству РФ, Уполномоченному по правам человека в РФ обратиться в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке конституционности ряда положений федеральных законов "О свободе совести и религиозных объединений", "О наркотических средствах и психотропных веществах", "Об основных гарантиях избирательных прав граждан".

11. Разработать механизм взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Уполномоченного по правам человека в РФ, в том числе посредством заключения соглашений об их взаимодействии, создании общественного экспертного совета и института специальных докладчиков при Уполномоченном.

12. Предложить региональным комиссиям и уполномоченным по правам человека, правозащитным организациям готовить и публиковать ежегодные доклады о соблюдении прав человека в РФ и ее регионах.

13. Считать крайне важным для правозащитного сообщества участие в разработке федеральной Концепции прав человека в России на пороге XXI века.

Информация

В ИСПОЛКОМЕ РАМП

15 января 1999 г. состоялось очередное заседание Исполкома Российской ассоциации международного права (РАМП). Вел его президент РАМП А.Л. Колодкин.

Члены Исполкома почтили память недавно скончавшегося видного ученого, много лет проработавшего в МИД СССР и в Институте государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), Анатолия Петровича Мовчана.

Затем Исполком перешел к обсуждению повестки дня. Сначала обсуждались те проблемы международного права, которые, с точки зрения наших ученых, могли бы привлечь внимание Научного совета при министре иностранных дел Российской Федерации и которыми предстоит заниматься на перспективу, то есть в будущем веке. Этот пункт был внесен в повестку дня Исполкома по предложению директора ИГП РАН, академика Б.Н. Топорнина и президента А.Л. Колодкина.

Проект тематики таких проблем подготовил для обсуждения на Исполкоме член Комиссии международного права ООН, профессор И.И. Лукашук.

В эту тематику включены предложения об участии российских ученых в разработке доклада Генеральной Ассамблеи ООН "Международный правопорядок XXI века", концепции устойчивого развития мира, доклада Генеральной Ассамблеи ООН "О принципе неприменения силы или угрозы силой", комплекса мер по расширению общественной поддержки внешней политики России, программы изучения международного права и распространения международно-правовых знаний.

В обсуждении этого пункта приняли участие С.В. Черниченко, Н.А. Ушаков, К.А. Бекашев, С.В. Шатуновский, О.Н. Хлестов, М.И. Лазарев, В.П. Пархитко, А.Л. Колодкин.

Вторым пунктом повестки дня был вопрос о подготовке к очередному, 42-му ежегодному собранию Российской ассоциации международного права, которое будет проходить в пресс-центре МИД РФ одновременно с заседанием Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права со 2 по 5 февраля 1999 г. Были уточнены детали предстоящего собрания и докладчики по отдельным темам.

На заседании Исполкома были также оглашены приглашения, которые поступили в адрес российских юристов-международников от Американского общества международного права, которое 23—27 марта с.г. проводит свое 93-е ежегодное собрание, и от Ассоциации международного права (со штаб-квартирой в Лондоне), авторитетной международной организации, которая проводит в английской столице свое очередное собрание 25—

29 июля с.г. Желающие откликнуться на это приглашение могут обращаться к ответственному секретарю Исполкома РАМП Г.В. Корбут (Москва, Знаменка, 10).

Исполком РАМП официально поддержал рекомендацию Ученого совета Санкт-Петербургского государственного университета о присвоении звания "Заслуженный деятель науки Российской Федерации" профессору С.А. Малинину.

В состав РАМП был принят кандидат юридических наук В.Н. Гуцуляк (г. Новороссийск).

* * *

19 февраля 1999 г. состоялось очередное заседание Исполкома Российской ассоциации международного права (РАМП).

Основным вопросом, который был вынесен на обсуждение членов Исполкома, стал перечень тем международно-правовой проблематики для Научного совета при Министре иностранных дел Российской Федерации.

В предварительном плане эта проблематика уже была обсуждена 15 января 1999 г., а теперь в доработанном виде ее представил президент РАМП А.Л. Колодкин. Перечень состоял из следующих тем:

— проблема применения силы в свете современного международного права. Принятие Декларации Генеральной Ассамблеи ООН, которая подтвердила бы принципы неприменения силы, мирного разрешения споров и невмешательства;

— повышение роли ООН как одного из решающих средств обеспечения мира в современных условиях. Проблема реформирования ООН и интересы России. Вопросы укрепления Совета Безопасности. Порядок применения санкций ООН;

— соотношение принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств;

— международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и преступностью;

— международный правопорядок XXI века.

Во время представления этой проблематики президент РАМП сказал, что наша ассоциация была создана в 1957 году при Академии наук СССР, поэтому мы должны работать с учетом этого обстоятельства. Сам президент Российской Академии наук проявляет интерес к этой проблематике, и это тоже немаловажное обстоятельство. Наконец, чтобы подготовить доклад по всем этим и другим вопросам, о которых мы договоримся, следует, вероятно, создать рабочую группу, которая могла бы подготовить доклад по всем этим вопросам. А в докладе изложить концепцию, как РАМП понимает международное право в развитии современных международных отношений.

На заседании Исполкома присутствовал академик Б.Н. Топорнин (директор Института государства и права Российской Академии наук), который, перед тем как он начал выступать по предложению профессора Ю.М. Колосова, был введен в состав членов Исполкома РАМП.

Главное, сказал Б.Н. Топорнин, почему мы собрались, состоит в том, что Российская Академия наук сейчас проводит реструктуризацию. Ее смысл состоит в том, чтобы в структурах Академии оставить наиболее важные ее

подразделения, используя реальные финансовые и кадровые возможности, а все наносное, второстепенное, не дающее научной отдачи, устранить. Главный довод в этих условиях состоит в том, чтобы оставить те организации, которые что-то дают для развития страны, у которых есть в этом отношении какие-то результаты.

РАМП — одна из тех организаций, на которые возлагаются определенные надежды. Она призвана в том числе давать определенные научные рекомендации. Такие, как одна из геологических организаций, что предсказывала опасное развитие различных болезней в Московском регионе.

РАМП должна вносить предложения, которые давали бы отдачу. Может ли она помочь в этом направлении? Думаю, да, сам себе ответил Б.Н. Топорнин.

Потом слушатели узнали, что он, оказывается, входит в научный совет уже при третьем министре. При Козыреве это была показуха, тот что-то говорил вначале, а затем исчезал из зала. При Примакове совет был узким по составу, но, хотя он и заседал по несколько часов, министр никогда не уходил, не выслушав всех мнений. Сейчас вот снова возобновляются такие заседания, однако в несколько расширенном составе.

Но заседания проходят без должного включения правовой составляющей в обсуждаемые вопросы. Хотел бы предложить тему: «О должном использовании права при проведении внешней политики».

Вчера, т.е. 18 февраля, мне довелось встретиться и переговорить с Евгением Максимовичем Примаковым. Хочу передать вам его важное заявление: «Все серьезные работы я читаю и буду читать».

В этих условиях наша задача состоит в том, чтобы подготовить заседание научного совета по вопросам права: надо преодолеть остатки невежества. Стоит подготовить доклад и для председателя правительства на эту же тему. Подумать о том, что мы можем сказать о евросистеме, России и многополюсном мире.

К сожалению, в настоящее время мы все чаще слышим одни и те же заявления о том, что нет молодых специалистов, некого выдвигать на освобождающиеся должности в международно-правовых делах, да и не только в них. Это, к сожалению, общая беда России.

Профессор Ю.М. Колосов высказал суждение о том, что не стоит обсуждать на научном совете при министре международно-правовые вопросы. Состав совета таков, что его члены, не будучи юристами, не знают юридических проблем. Нужно ставить какую-то мировую проблему, а юристы-международники должны сказать, как ее можно решить или улучшить с точки зрения права.

Профессор С.В. Черниченко высказал удивление тем, что юристы не вносят свой вклад. У нас есть, сказал он, и «Ежегодник международного права» и «Московский журнал международного права». Там много интересных и свежих мыслей юристов. Надо только их читать.

Профессор Е.Т. Усенко предложил в тематике третий пункт изложить так: «Соотношение принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов». С его точки зрения, так будет более правильно.

Профессор И. И. Лукашук сказал, что после выступления Б.Н. Топорнина он понял, чего от нас хотят и кто хочет. С его точки зрения, стоит подготовить проект международно-правовой концепции России и при этом делать акцент на повышение роли ООН.

Сейчас многие в мире бьются над проблемой, каким должен быть новый миропорядок, как защитить в нем национальные интересы, как их преподнести в контексте международных интересов. Вспомните, призвал он собравшихся, какой импульс дал развитию международных событий Декрет о мире в дни Октябрьской революции в России. Или, например, принципы «Панча шила», провозглашенные Перу.

Сейчас таким призывом может стать концепция устойчивого развития. Она может объединить мир. Она может еще раз показать богатым державам, что на них лежит особая ответственность за развитие всего мира.

Профессор В.И. Кузнецов призвал показать предложенные проблемы сначала в Правовом департаменте МИД: нужны ли они ему. А РАМП должна заниматься несколько иным делом. У Научного совета должна быть тематика, а юристы-международники из РАМП должны готовить по этой тематике международно-правовую точку зрения, если это понадобится.

Дискуссия была бурной и интересной. Выступали члены Исполкома Т.Н. Нашатаева, О.Н. Хлестов, С.Н. Лебедев, Б.И. Осминин и другие.

В итоге было решено, что группу по подготовке доклада возглавит И. И. Лукашук, а в нее войдут Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов, П.А. Лаптев, Б.И. Осминин и С.В. Черниченко.

Были обсуждены также итоги 42-го общего ежегодного собрания РАМП. Отмечен высокий научный уровень докладов Г. В. Игнатенко, Б.Р. Тузмухамедова, С.В. Черниченко, К.А. Бекашева и других.

Отмечено, что теперь РАМП вошла в свой обычный ритм проведения ежегодных собраний и следующее 43-е ежегодное собрание состоится, как это было и ранее, в конце января — феврале 2000 года. Надо думать, сказал президент А.Л. Колодкин, чем мы можем помочь практике. Сейчас для тех, кто варится в котле международно-правовых проблем, важны такие: ответственность государств, юрисдикционные иммунитеты, оговорки к договорам. Было предложено также в последний (четвертый) день будущего ежегодного собрания обсудить такую проблему, как «Новое в международном праве».

Правда, раздавались и предложения о том, чтобы один из дней, предпочтительнее четвертый, был целиком и полностью посвящен обсуждению вопросов международного частного права.

Но обо всем этом решения будут приниматься на последующих заседаниях Исполкома РАМП. Ведь до очередного собрания еще почти год.

* * *

29 марта 1999 г. состоялось заседание Исполкома РАМП, которое обсудило ситуацию вокруг Союзной Республики Югославии. Председательствовал на заседании президент РАМП А.Л. Колодкин. Выступали известные юристы М.М. Богуславский, С.В. Игнатенко, Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов, П.А. Лаптев, Т.Н. Нешатаева, Е.Т. Усенко, О.Н. Хлестов и другие. Было принято заявление, которое публикуется ниже.

В.П. Пархитко

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Российская Ассоциация международного права, напоминая о положениях Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций,

исходя из обязательства всех государств в соответствии с Уставом ООН воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения,

напоминая также, что 1989—1999 гг. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/23 объявлены Десятилетием международного права Организации Объединенных Наций,

1. репешительно осуждает совершенное НАТО вооруженное нападение на Союзную Республику Югославию как угрожающее международному миру и безопасности грубейшее нарушение общепризнанных принципов международного права и Устава Организации Объединенных Наций;

2. считает действия НАТО против Союзной Республики Югославии нарушением принципа неприменения силы, закрепленного в пункте 4 статьи 2 Устава ООН;

3. считает также, что ракетно-бомбовые удары НАТО по территории Югославии могут быть квалифицированы как акт вооруженной агрессии на основании статьи 2 и пунктов “а” и “б” статьи 3 Определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года, как “применение вооруженной силы государством или группой государств против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН”, и “бомбардировка вооруженными силами государства или группы государств территории другого государства”;

4. подчеркивает, что применение вооруженной силы в качестве превентивной или принудительной меры против любого государства допустимо лишь на основании решения Совета Безопасности ООН, принятого им в соответствии с Главой VII Устава ООН, если он установил существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии;

5. осуждает осуществленные в нарушение положений Главы VII Устава ООН военные операции НАТО против Союзной Республики Югославии, а также позицию постоянных членов Совета Безопасности, являющихся членами НАТО, воспрепятствовавшую принятию Советом надлежащего решения по сложившейся ситуации;

6. считает, что аргументы, основанные на том, что возможность применения вооруженной силы против СРЮ подразумевается резолюциями Совета Безопасности по Косово, неприемлемы, поскольку ни в одной из них не предусматривается применение против Югославии вооруженной силы; произвольная трактовка резолюций Совета Безопасности явно несовместима с положениями Главы VII Устава ООН;

7. указывает, что в соответствии со статьей 1 Североатлантического пакта от 4 апреля 1949 года государства—члены НАТО обязуются “воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН”, а согласно статьям 5 и 6 Пакта применение вооруженной силы возможно только в случае вооруженного нападения на одно или несколько государств НАТО в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН;

8. напоминает, что применение вооруженной силы НАТО ограничивается сферой действия Североатлантического пакта, а именно территориями государств—участников Пакта в Европе или Северной Америке, территорией Турции и островами, находящимися под юрисдикцией любого государства—участника Пакта в Северо-Атлантическом регионе к северу от тропика Рака (параллель 23°07' северной широты);

9. напоминает также, что в статье 7 Североатлантического договора зафиксировано, что он “ни в коем случае не затрагивает и не подлежит толкованию как затрагивающий каким-либо образом преимущественную ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности”;

10. считает, что в результате действий НАТО против Союзной Республики Югославии сложилась ситуация, в которой к Югославии полностью применимо положение статьи 51 Устава ООН о неотъемлемом праве каждого государства, подвергшегося вооруженному нападению, на индивидуальную и коллективную самооборону “до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности”;

11. считает также, что начатые под предлогом “предотвращения гуманитарной катастрофы” действия НАТО, которые влекут за собой массовую гибель людей и приводят к жертвам среди гражданского населения Союзной Республики Югославии, могут рассматриваться как нарушение принципа уважения прав человека, а также как нарушение Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года;

12. призывает международную общественность и национальные ассоциации международного права всех государств осудить агрессию против Союзной Республики Югославии и требовать ее прекращения и восстановления нарушенного международного правопорядка и поиска политического решения возникших проблем.

**Исполком
Российской Ассоциации
международного права**

29 марта 1999 года
г. Москва

Некрологи



Жудро Андрей Константинович
(1924 — 1999)

31 января 1999 г. после продолжительной тяжелой болезни в возрасте 75 лет скончался бывший заместитель директора Государственного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института морского транспорта "Союзморниипроект", кандидат юридических наук Жудро Андрей Константинович.

После окончания Московского государственного института международных отношений и аспирантуры Всесоюзного института юридических наук А.К. Жудро с 1952 года работал в системе Минморфлота СССР.

Работая сначала заместителем, а затем начальником Юридического отдела и Арбитража Минморфлота СССР, А.К. Жудро проявил себя как способный и высококвалифицированный юрист-практик.

После образования в "Союзморниипроекте" Отделения морского права был назначен его руководителем и заместителем директора института. За это время проявил себя крупным организатором научной работы, обеспечивая успешное проведение исследований в области морского права. Трудно переоценить вклад А.К. Жудро в создание и развитие научных подразделений института, занимающихся правовыми вопросами. Его перу принадлежит ряд монографий, учебников и статей. Его имя как видного ученого и крупного специалиста широко известно в нашей стране и за ее пределами.

До настоящего времени он являлся почетным членом Международного морского комитета.

А.К. Жудро принимал активное участие во многих международных конференциях по разработке многих весьма важных морских конвенций.

Он был первым Председателем Ассоциации международного морского права, успешно работавшей в течение ряда лет под его руководством и продолжающей свою деятельность в настоящее время.

В 1981 году А.К. Жудро был направлен на работу заместителем юридического советника Международной организации морской спутниковой связи — ИНМАРСАТ, в которой последовательно отстаивал интересы нашего государства и его морского флота.

Заслуги А.К. Жудро были высоко оценены руководством страны — он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями.

Память об Андрее Константиновиче Жудро, прекрасном товарище, чутком руководителе и друге, навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей



**Мовчан Анатолий Петрович
(1928—1998)**

В Институте государства и права Российской академии наук шло обычное заседание ученого совета. И вдруг председательствующий на заседании скорбно произнес:

— Только что по пути на заседание скончался член нашего ученого совета Анатолий Петрович Мовчан.

Ученые встали со своих мест...

Он уже дошел по подъезда института. Осталось только подняться в зал.

Но он преодолел только пять первых ступенек у входа. Здесь оказался Георгий Михайлович Вельяминов. По внешнему виду сразу определил:

— Анатолий Петрович, вам плохо. Давайте пройдем сюда.

В соседней комнате усадил на диван.

— Я побегу, вызову “скорую”.

— Не надо, — через силу ответил Анатолий Петрович. — У меня бывает. Пройдет...

Но Вельяминов быстро поднялся в приемную директора и вызвал “скорую”. Она пришла минут через пятнадцать. Однако было уже поздно...

Скончался один из крупных специалистов в области международного права, дипломат и ученый, доброй души человек.

Родился он в 1928 году в Харьковской области Украины. Московский юридический институт окончил в 1949 году, а аспирантуру — в 1952 году. В том же году защитил кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам международной защиты прав человека.

Прошло еще 23 года, и в 1975 году он защитил докторскую диссертацию на тему “Проблемы кодификации и прогрессивного развития международного права”. В 1980 году ему было присвоено звание профессора.

Всю свою жизнь он посвятил дипломатии и науке. И то и другое — активное творчество.

После защиты кандидатской он стал заниматься преподавательской работой: в Московском юридическом институте в течение пяти лет читал курс лекций по международному праву.

В 1957 году перспективного научного работника пригласили на работу в МИД СССР, где в центральном аппарате он трудился в течение десяти лет. Затем его направляют в Нью-Йорк, где в течение пяти лет он возглавляет Отдел кодификации международного права Юридического департамента Секретариата ООН. После возвращения из длительной заграничной командировки он становится экспертом-консультантом Договорно-правового управления МИД СССР и работает там в 1972—1974 годах.

С 1974 года он работает в Институте государства и права Академии наук СССР, которая ныне стала Российской академией наук: в течение шести лет — заместитель директора этого института, затем — руководитель сектора морского, воздушного и космического права, а в последние годы — главный научный сотрудник.

Он участвовал во многих двусторонних и многосторонних международных переговорах, во многих международных конференциях по выработке важных конвенций, в которых участвовал Советский Союз, а ныне на основе правопреемства — Российская Федерация. Вот только некоторые из них: Конференция по Антарктике (1959 г.), Венская конференция по дипломатическим сношениям (1961 г.), Комитет по подготовке Третьей Конференции ООН по морскому праву, а затем сессии самой этой Конференции (1973—1976 гг. и 1978 г.).

Он принимал участие в 15, 17, 18 и 20—26-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Выполнял функции представителя Генерального секретаря ООН и Секретаря в Комиссии международного права ООН (1967—1971 гг.), в Специальном комитете ООН, который осуществил разработку

Декларации о принципах международного права 1970 года, в Комитете ООН по определению агрессии. Являлся Исполнительным секретарем Венской конференции по праву международных договоров (1968—1969 гг.). В течение 20 лет был членом Комитета по правам человека, который создан и действует на основе Международного пакта о политических и гражданских правах.

Анатолий Петрович — автор многих работ по острым современным вопросам международного права. Среди них: “ООН и мирное сосуществование” (1957 г.), “Мирные средства разрешения споров” (1957 г.), “Международная защита прав человека” (1958 г.), “Кодификация и прогрессивное развитие международного права” (1972 г.), “Права человека и международные отношения” (1982 г.). Он — ответственный редактор и соавтор первой книги “Международное воздушное право” (1980 г.), руководитель коллектива отечественных и зарубежных юристов-международников, создавших серию из пяти книг “Мировой океан и международное право” (1986—1991 гг.). Участвовал в подготовке академического “Курса международного права” (в семи томах), в котором являлся автором ряда разделов в разных томах (1989—1992 гг.). У него большое количество научных публикаций в советской, российской и зарубежной печати. Касаются они самых разных, порой неожиданных, проблем международного права, его дальнейшего развития, укрепления правопорядка в современных международных отношениях. Неоднократно он выступал со статьями и в нашем “Московском журнале международного права”. Особенно памятна специалистам его статья “Международное право и мировой порядок” (1993, № 2). Много раз коллеги Анатолия Петровича и зарубежные гости слушали его научные доклады на ежегодных собраниях Советской (Российской) ассоциации международного права. Можно вспомнить некоторые: в 1963 году — “Кодификация международно-правовых принципов мирного сосуществования”; в 1974 году — “ООН и актуальные вопросы кодификации международного права”; в 1983 году — “СССР и новая Конвенция по морскому праву”; в 1985 году — “ООН и международный правопорядок”. Он также читал лекции за рубежом: в Гаагской академии международного права и в Институте прав человека ЮНЕСКО.

Его избрали вице-президентом Советской ассоциации международного права, в течение многих лет он был членом ее Исполкома. Был он также членом Исполкома и Ассоциации морского права.

Он удостоен правительственных наград, ряда почетных дипломов.

А теперь его с нами нет. Прощайте, Анатолий Петрович!

Редакция журнала



Моджорян Лидия Артемьевна
(1911—1998)

Ушла из жизни широко известная среди юристов-международников, а также в дипломатических кругах незаурядная женщина — ученый, профессор, исследователь Лидия Артемьевна Моджорян (девичья фамилия — Хапекова).

Родилась она в 1911 году в г. Армавире.

Окончила Московский юридический институт (МЮИ) в 1938 году, аспирантуру в этом же институте — в 1941 году. Многие десятилетия она совмещала научно-исследовательскую и преподавательскую работу, читала лекции и вела семинарские занятия в Институте внешней торговли, МГИМО, Дипломатической академии.

Ее кандидатская диссертация на тему “Военная контрабанда в ее историческом развитии” была защищена еще до войны (в 1941 г.) на заседании ученого совета МЮИ, а докторская диссертация на тему “Партизанская война на оккупированных во время войны территориях и правовое положение ее участников” — уже после Великой Отечественной войны (в 1953 г.) на заседании ученого совета МГИМО.

Ее перу принадлежит свыше 150 самых разных научных работ: здесь и монографии, и учебники, и брошюры, и множество журнальных и газетных статей. У ее книги “Терроризм: правда и вымысел” (М., 1983) счастливая судьба. Она широко разошлась на русском языке по всей территории Советского Союза, а затем была переведена в Киеве — на украинский, в Тбилиси — на грузинский, в Дамаске — на арабский языки, а книга “Субъекты международного права” (М., 1958) была переведена на немецкий язык и издана Гёттингенским университетом (ФРГ).

Хорошо известны и такие ее книги, как “Основные права и обязанности государств” (М., 1965), “Колониализм вчера и сегодня” (М., 1967), “Терроризм на море” (М., 1991).

Она участвовала в качестве юриста-консультанта в составе советских делегаций на зарубежных переговорах, привлекалась к разработке дипломатических документов, создавала проекты договоров и соглашений, в ко-

торых предстояло участвовать Советскому Союзу. Ее высоко ценили в МИД СССР и в Правительстве Советского Союза.

Она была награждена рядом орденов и медалей, среди которых наиболее ценным для себя считала орден Трудового Красного Знамени. Кроме того, в копилке наград числились и Почетная грамота Верховного Совета РСФСР, и грамоты Организации советских обществ дружбы, Президиума Академии наук СССР. Ее имя занесено в Книгу почета Дипломатической академии МИД СССР. Она вошла в состав членов Ассоциации работников советской (затем — российской) дипломатической службы, а также Советской (затем — Российской) ассоциации международного права.

Она всегда выступала пламенно, страстно. Умела горячо отстаивать свою точку зрения. Такой ее видели на трибуне проходившей в Москве в 1997 году международной конференции “50 лет ООН и международное право”. Такой она осталась в памяти участников 40-го, юбилейного ежегодного собрания Российской ассоциации международного права, которое проходило при большом числе зарубежных гостей в осенние дни 1997 года в МИД Российской Федерации.

Редакция



Шатров Вячеслав Павлович
(1930—1999)

В начале 1999 года скончался известный юрист-международник, доктор юридических наук, профессор, член редколлегии нового журнала “Международное право — International Law” Вячеслав Павлович Шатров. В течение многих лет он был одним из ведущих преподавателей кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), а в последние годы еще и Института международного права, созданного академиком И.П. Блищенко при РУДН.

В.П. Шатров родился в 1930 году в Москве. Выпускник МГИМО МИД СССР, он сразу же в 1954 году окупнулся в гущу международной жизни. Его направляли в ГДР, где он работал в отделе информации советско-германского акционерного общества "Висмут". Через два года он возвратился в Москву и стал сотрудником иностранного отдела Президиума Академии наук СССР, а вскоре и ученым секретарем — секретарем по делам международных научных связей Института государства и права.

С 1963 по 1971 год он — начальник отдела внешних сношений всей Академии наук СССР. Это через его руки проходило формирование и оформление всех делегаций ученых из Академии, которые выезжали в зарубежные страны. Он всячески помогал расширению и укреплению этих связей.

В 1970 году он защитил кандидатскую диссертацию в Институте государства и права. Ее тема была связана с международно-правовыми проблемами создания Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

С 1971 по 1975 год В.П. Шатров заведовал кафедрой изобретательского и патентного права Института повышения квалификации при Госкомизобретений СМ СССР.

В 1975 году его снова направили за рубеж. И до 1981 года он работал в Берлине как представитель Всесоюзного агентства по авторским правам (ВИАП) в ГДР и Западном Берлине. В Берлине в 1979 году он защитил докторскую диссертацию по проблемам межгосударственного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности. Защита проходила в Университете им. Александра Гумбольдта — высшем учебном заведении, пользующемся мировой славой. В 1982 году ему была присуждена ученая степень доктора юридических наук.

С 1983 года он — профессор кафедры международного права РУДН. Вместе с тем он являлся председателем ученого совета Российского института изобретательства и стандартизации Госпатента России, членом специализированных ученых советов юрфака РУДН и Института Африки РАН.

Перу Вячеслава Павловича принадлежат более 120 научных работ и статей, в том числе две монографии, две главы в семитомном курсе международного права, подготовленном в Институте государства и права.

Свою научную деятельность он совмещал с оперативной журналистской работой. Во время пребывания в Берлине был собственным корреспондентом газеты "Советская культура", в которой в тот период появилось свыше 70 его корреспонденций. Его научные труды публиковались в Германии, США, Чехословакии, Польше, Болгарии.

Многочратно он выезжал и в служебные заграникомандировки. Дважды участвовал в дипломатических конференциях: в Швеции (1970 г.) и в Австрии (1986 г.).

Аспиранты, которыми он руководил, отмечают его чуткость и внимание, заботу и отеческое отношение во всем, что касалось их учебы и жизни.

Отечественная наука международного права понесла значительную утрату.

Похоронили его и скромно, и почетно в семейной могиле на центральном Ваганьковском кладбище в Москве, где нашли покой представители не одного поколения славной фамилии Шатровых.

*Сотрудники кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО “МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ”

Готовит к выпуску:

**Корельский В.Ф., Гаврилов Р.В.
БИРЖЕВОЙ СЛОВАРЬ**

Предлагаемое читателю издание содержит около 8000 понятий, категорий, слов. Разъясняющие их статьи дополнены англоязычными эквивалентами. Такой словарь представляет особый интерес для современной России, дополняя и расширяя знания ученых и практиков в биржевом деле.

Кроме собственно биржевых понятий, приведены валютные, финансовые, банковские, юридические, социологические, демографические, статистические, торговые, посреднические, сбытовые понятия. Все это имеет прямое отношение к рыночной экономике вообще и к предпринимательству в частности, а также к менеджменту и маркетингу, рекламе, налогам, экономическим измерениям, а также политике, нравственности, этикету. Знания в этой области полезны и необходимы не только для биржевиков и биржевых объединений, но и для руководителей работников государственных, коллективных, смешанных и частных предприятий и, конечно же, для тех, кто по роду своей профессии или эпизодически занимается преподаванием дисциплин, связанных с рыночной экономикой.

Предназначен не только для работников биржи и предпринимателей, но также для ученых, аспирантов, студентов экономических и юридических вузов, переводчиков и широкого круга читателей, интересующихся проблемами экономики и права.

Телефон отдела рекламы: 975-30-09

Готовит к выпуску:

**ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.
XV — начало XX века. В 5-ти томах/Отв. ред. чл.-кор. РАН
А.Н. Сахаров**

История внешней политики России. XV — XVII века.

Эта книга завершает издание фундаментального труда по истории российской внешней политики, охватывающего период с древнейших времен до 1917 года. Исследование базируется на первоисточниках — архивах и документах, во многом впервые вводимых в научный оборот. Для авторов — профессиональных историков характерен объективный подход, свободный от идеологической предвзятости. Критическое обобщение работ предшественников сочетается здесь с самостоятельным исследованием и концептуальными обобщениями внешнеполитической истории России. Работа была отмечена как одна из лучших России в 1998 году.

Вышли из печати следующие тома:

История внешней политики России. XVIII в.	<i>1998 г.</i>
История внешней политики России. Первая половина XIX в.	<i>1995 г.</i>
История внешней политики России. Вторая половина XIX в.	<i>1997 г.</i>
История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в.	<i>1997 г.</i>

Телефон отдела рекламы: 975-30-09

Готовит к выпуску:

СЛОВАРЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
/ Отв. ред. проф. В.И. Кузнецов

В словаре дается толкование основным терминам, понятиям, которые используются в сфере прав человека. Словарь подготовлен коллективом авторов, в состав которого входят ведущие ученые и практики, специалисты в области государственного и международного права. В нем содержится целостная информация о правах человека и существующих международных стандартах по разрешению проблем, связанных с правами индивида. Проводится анализ международных конвенций и иных актов, имеющих отношение к международно-правовому регулированию в этой области, а также приводятся данные о международных организациях, занимающихся правами человека.

Словарь является универсальным справочником для юристов-международников, преподавателей и аспирантов, сотрудников международных организаций, а также широкого круга читателей.

Телефон отдела рекламы: 975-30-09

Готовит к выпуску:

Борунков А.Ф.
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ В РОССИИ

Международный протокольный опыт и практика показывают, что в общении государств и их представителей действуют определенные традиции и условности, правила и нормы, которые необходимо соблюдать, чтобы не нанести ущерб государству или личным отношениям.

Автор в увлекательной форме рассказывает об истории и современном протоколе России.

Многие из его норм полезно знать не только дипломатам, но и работникам других учреждений, в том числе деловым людям, стремящимся к положительным результатам своих контактов с иностранцами. Например, о порядке нанесения визитов и этикете бесед, организации и проведении приемов, принципах рассадки за столом на официальных завтраках, обедах и нормах приема официальных делегаций различного уровня. Да и иностранцам, приезжающим в Россию с официальными и неофициальными визитами, небесполезно получить информацию о том, как принимают гостей в России.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на массового читателя. Ведь в настоящее время дипломатия как специальность перестала быть делом только профессионалов. В международных делах все большую роль начинают играть "народные дипломаты": ученые и писатели, врачи и журналисты, художники и бизнесмены, спортсмены и даже дети.

Актуальность темы особенно возрастает в настоящее время в связи с появлением Содружества Независимых Государств, выходом их представителей на международную арену.

Читатель, как надеется издательство, найдет в книге много нового, интересного и полезного.

Телефон отдела рекламы: 975-30-09

Готовит к выпуску:

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО:

Учебник/Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов

В подготовке настоящего учебника принимали участие ведущие ученые и преподаватели в области международного космического права, сотрудники международных организаций и Министерства иностранных дел Российской Федерации. Учебник предназначен для студентов и преподавателей высшей школы, готовящих специалистов по международному праву, международным экономическим отношениям. Книга может найти широкое применение и в организациях, осуществляющих коммерческую деятельность с использованием космической технологии. Поскольку Россия остается крупной космической державой, учебник представит интерес и для более широкого круга читателей, занимающихся вопросами внешней политики, включая законодателей и представителей исполнительной власти.

В связи с тем, что по Конституции РФ 1993 года международное право является частью ее национальной системы, знания в области международного космического права необходимы для работников судебных органов, адвокатских служб и т.п.

В приложении публикуются основные документы международного космического права.

Телефон отдела рекламы: 975-30-09

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство "Международные отношения" информирует читателей о том, что оно выходит из числа учредителей "Московского журнала международного права" и начиная со второго номера 1999 г. не принимает участия в его выпуске.

Выпуск журнала будет осуществляться Редакционно-издательским отделом Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации и редакционной коллегией журнала.

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Главный редактор *В.П. Пархитко*

Соучредители:

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Международное неправительственное объединение «Союз юристов»

Издательство «Международные отношения»

Коммерческий банк «Фаворит»

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.
выдано Госкомпечатью РФ

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон/телефакс 434-94-52

Подписано в печать 28.04.99. Формат 60×88¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,62. Уч.-изд. л. 19,85.

Тираж 1100 экз. Изд. № 1-МЖМП/99. Заказ № 111. Цена договорная.

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.
выдана Госкомпечатью РФ

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с оригинал-макета издательства
«Международные отношения»
в типографии ГФ «Полиграфресурсы»
101429, Москва, ул. Петровка, 26

ВНИМАНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ!

В издательстве “Международные отношения”

в 1999 году выходит новый учебник
“МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО” под редакцией
Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой.

Предлагаемая книга — базовый учебник Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ. Он подготовлен профессорско-преподавательским составом кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ, а также практическими работниками МИД РФ. Учебник переиздан в связи с тем, что его предыдущие издания давно и быстро были раскуплены.

Международное публичное право — основная профилирующая дисциплина для студентов, обучающихся по специальности “правоведение (международное право)”. В юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах настоящий курс также включен в учебные планы. Преподается он и студентам, специализирующимся в области международных отношений и внешнеэкономических связей.

Международные отношения — подверженная изменениям сфера общественных отношений, содержание которых составляют деятельность государств, их институтов, международных организаций. Новое издание учебника отражает современное (включая 1998 г.) состояние действующего международного права. Существенным отличием от изданий подобного рода является Особенная часть учебника, в которой среди прочих рассматриваются такие отрасли международного права, как гуманитарное и морское, воздушное и космическое, ядерное и информационное, обеспечение международной безопасности и международная борьба с преступностью.

По вопросам приобретения учебника обращаться по адресу:
107078, Москва, ул. Садовая-Спасская, 20.
Издательство “Международные отношения”.
Тел. 975-30-09
Факс 200-22-09

Московский журнал международного права

Подписаться на «Московский журнал международного права» на первое полугодие 1999 года можно в любом отделении связи.

Индекс издания — 70893. Стоимость подписки по каталогу (без доставки):

на № 1 и 2 — два номера — 48 000 руб.

Наценка за доставку определяется отделениями Минсвязи.

На «Московский журнал международного права» («Moscow Journal of International Law») на английском языке можно подписаться:

Россия — 121019, г. Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 737-89-61; телефакс 737-89-62

E-mail: nestpub @ dol.ru

США и Канада — 1318, 15th Street, Oregon City
Ore., 97045 USA
Tel./Fax: 503 650 0559

или через каталоги таких подписных агентств, как «Книга Сервис» (Россия); EBSCO (1998-99 Periodicals for Law Libraries); Dawson UK Ltd.

Цена одного номера на английском языке — 30 \$ США.

подписка на полгода — 60 \$ США; на год — 120 \$ США.

Moscow Journal of International Law

ISSN 0869-0049



9 770869 004006

